Шкафъ 1
Полка 4
№ 593

Проверено 1964 г.

- - МАЙ 2008

№ 7 и 8 Годъ XXII

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАНІЕ

Московскаго Юридическаго Общества

ІЮЛЬ-АВГУСТЪ

1890

ТОМЪ V

МОСКВА

Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5

1890

Содержаніе іюльско-августовской книги.

Стран.

I. ЮРИСПРУДЕНЦІЯ И ТЕОРІЯ ИСТОРИЧЕСКАГО ПРОЦЕССА. **Н. И. Карѣева** 259

II. О ПРІОБРѢТЕНІИ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ДВИЖИМЫЯ ИМУЩЕСТВА ПОСРЕДСТВОМЪ ПЕРЕДАЧИ. **А. Загоровскаго**. 278

III. УГОЛОВНО-ЧАСТНЫЙ ПОРЯДОКЪ ПРЕСЛѢДОВАНІЯ ПО СУДЕБНЫМЪ УСТАВАМЪ. Вторая замѣтка. **И. Г. Щегловитова** . 294

IV. ГРАМОТНОСТЬ СЕЛЬСКАГО НАСЕЛЕНІЯ (по даннымъ земской статистики). **Н. Бычкова** 309

V. ПРОМЫСЛОВЫЯ АРТЕЛИ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ. I. Рыболовныя артели (*окончаніе*). **С. Марусина**. 333

VI. ХРОНИКА УГОЛОВНАГО СУДА. Истязаніе, какъ преступленіе sui generis. **И. М. Тютрюмова** 360

XII. КРЕСТЬЯНСКІЙ ПОЗЕМЕЛЬНЫЙ БАНКЪ ВЪ 1888 ГОДУ. **В. Гурвича.** 373

VIII. ПРАВО НЕЗАКОННЫХЪ ДѢТЕЙ НА СОДЕРЖАНІЕ ОТЪ РОДИТЕЛЕЙ. Право незаконныхъ дѣтей вообще, и происшедшихъ отъ прелюбодѣянія въ особенности, требовать содержанія отъ родителя, состоящаго въ бракѣ. **Н. Зачинскаго** 385

IX. МОСКОВСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЪ 1887—89 гг. (изъ протоколовъ засѣданій Общества). Годъ двадцать пятый и двадцать шестой 391

X. БИБЛІОГРАФІЯ. Русскія юридическія древности, томъ I. Территорія и населеніе. Спб. 1890 г. **В. Н. Сторожева.** — Сборникъ оцѣночныхъ свѣдѣній по крестьянскому землевладѣнію въ Земляномъ, Задонскомъ, Коротоякскомъ и Нижнедѣвицкомъ уѣздахъ Воронежской губ. (Изданіе Губернскаго Земства. 1889). **Н. А.** — *P. Lafargue.* Die Kriminalität in Frankreich von 1840 — 1886. Untersuchungen über ihre Entwicklung und ihre Ursachen. **Г—ной.** 477

XI. РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ. Противозаконное сожитіе (изъ практики новыхъ судебныхъ установленій въ Прибалтійскихъ губерніяхъ). **В. Харламова.** — Стачки рабочихъ въ Англіи. **В. Горбунова.** 490

XII. ОГЛАВЛЕНІЕ ПЯТАГО ТОМА (третьяго за 1890 годъ)

ЮРИДИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИЗДАНІЕ

Московскаго Юридическаго Общества

1890

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ

ТРЕТЬЯГО ДЕСЯТИЛѢТІЯ

Томъ V

КНИГА ТРЕТЬЯ И ЧЕТВЕРТАЯ

(Іюль—Августъ)

МОСКВА
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5
1890

ЮРИСПРУДЕНЦІЯ И ТЕОРІЯ ИСТОРИЧЕСКАГО ПРОЦЕССА.

Рефератъ, читанный въ Московскомъ Юридическомъ Обществѣ 9 апрѣля 1890 г.

Московское Юридическое Общество никогда не сторонилось отъ общихъ вопросовъ знанія, не имѣющихъ непосредственнаго отношенія къ практической юриспруденціи, но весьма важныхъ для философскаго и историческаго пониманія права, и одинъ разъ я уже имѣлъ честь читать въ его собраніи рефератъ такого характера (именно въ 1879 г. о субъективизмѣ въ соціологіи). Весьма охотно и органъ общества, «Юридическій Вѣстникъ», открываетъ свои страницы для помѣщенія статей, лишенныхъ спеціально юридическаго (вѣрнѣе узко практическаго или чисто техническаго) интереса, но имѣющихъ за то интересъ для юриспруденціи, какъ науки, которая пользуется результатами философскаго мышленія и историческаго изслѣдованія и сама способна дѣлать цѣнные вклады въ философію и исторію. Вотъ почему я написалъ настоящую статью, прямо имѣя въ виду помѣстить ее въ «Юридическомъ Вѣстникѣ», и по той же причинѣ позволяю себѣ предварительно прочесть ее въ сегодняшнемъ собраніи Юридическаго Общества. Цѣлью моею является, однако, не только ознакомленіе теперешнихъ слушателей и будущихъ читателей съ нѣкоторыми изъ своихъ мыслей о взаимныхъ отношеніяхъ юриспруденціи и теоріи историческаго процесса, но и вызовъ съ ихъ стороны возраженій, замѣчаній и дополненій, коими я могъ бы воспользоваться въ своихъ дальнѣйшихъ занятіяхъ. Въ качествѣ историка, я, конечно, придаю важное значеніе юридическимъ знаніямъ, такъ какъ право играетъ видную роль въ народной жизни, развитіе коей составляетъ предметъ исторической науки, но лично, кромѣ того, для меня юриспруденція представляетъ и особый интересъ. Съ давнихъ поръ занимаясь разработкой теоріи историческаго процесса и предполагая продолжать это дѣло

и въ будущемъ, я нуждаюсь въ весьма обширномъ матеріалѣ по литературѣ разныхъ научныхъ спеціальностей; поэтому указанія, какія въ этомъ отношеніи могли бы быть мнѣ сдѣланы компетентными лицами, были бы для меня какъ нельзя болѣе желательны. Между прочимъ, въ своихъ занятіяхъ теоріей историческаго процесса я все болѣе и болѣе прихожу къ убѣжденію въ важности для нея даже такихъ юридическихъ доктринъ, которыя, на первый взглядъ, не имѣютъ съ нею ничего общаго. Напримѣръ, въ сегодняшнемъ рефератѣ я познакомлю васъ съ мотивами, заставившими меня въ интересахъ занимающей меня теоріи прочесть нѣкоторыя сочиненія по уголовному праву, т. е. по предмету, къ которому, сколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ никто не обращался по поводу теоретическихъ вопросовъ исторической науки. Являясь съ настоящей статьей въ сегодняшнее засѣданіе, я желалъ бы именно услышать отъ собравшихся здѣсь представителей юриспруденціи что нибудь такое, чѣмъ я могъ бы воспользоваться въ дальнѣйшихъ своихъ занятіяхъ теоріей историческаго процесса. Совершенно съ такою же цѣлью я читалъ рефератъ въ Историческомъ Обществѣ при Петербургскомъ университетѣ «О разработкѣ теоретическихъ вопросовъ исторической науки» [1]) и одновременно съ настоящей статьей приготовилъ рефератъ «О свободѣ воли съ точки зрѣнія теоріи историческаго процесса»—для прочтенія въ Московскомъ Психологическомъ Обществѣ и для помѣщенія въ издаваемыхъ при участіи его членовъ «Вопросахъ философіи и психологіи» [2]).

Начну съ опредѣленія того, что я называю теоріей историческаго процесса. «Міръ явленій, изучаемый разными научными спеціальностями, есть не что иное, какъ великое множество непрерывно совершающихся процессовъ весьма различныхъ категорій, изъ коихъ каждая имѣетъ свою сферу для изученія и свои отличительныя черты. Задача этихъ спеціальностей состоитъ въ томъ, чтобы либо извѣстнымъ образомъ описывать тѣ или другіе конкретные процессы, совершающіеся въ мірѣ, либо изслѣдовать сущность отдѣльныхъ категорій этихъ процессовъ, иными словами—изслѣдовать тотъ или другой процессъ, взятый отвлеченно, т. е. внѣ опредѣленныхъ мѣстъ и временъ и внѣ всякой связи съ побочными и случайными обстоятельствами. Давно уже стала общимъ мѣстомъ та мысль, что если существуютъ научныя теоріи процессовъ механическихъ, физическихъ, химическихъ, біологическихъ и психическихъ, то и процессъ жизни человѣческихъ обществъ, или процессъ историческій, происходившій въ разныя времена въ разныхъ мѣстахъ земнаго шара, также долженъ имѣть свою

теорію» [3]). Что дали до сихъ поръ попытки найти такую теорію и въ чемъ должна заключаться работа надъ нею въ будущемъ, это— другой вопросъ, но несомнѣнно, что рядомъ съ обыкновенной исторической литературой давнымъ-давно существуетъ особая литература, для которой употребляются весьма различныя названія — философія исторіи, исторіософія, исторіологія, соціальная динамика, динамическая соціологія, теорія исторіи, теорія исторической или общественной эволюціи и т. п. Этому различенію въ области юриспруденціи соотвѣтствуетъ разница между исторіей права и тѣмъ, что можно назвать теоріей правообразованія: исторія права показываетъ, какъ развивалось право, наприм., у римлянъ, у германцевъ, у славянъ, или во Франціи, въ Англіи, въ Россіи, или же вообще у всѣхъ народовъ, тогда какъ задача теоріи правообразованія—выяснить, какія соціальныя силы создаютъ право вообще, какъ оно вообще возникаетъ, упрочивается, развивается, измѣняется, разлагается и какіе законы управляютъ какъ отношеніемъ его къ другимъ областямъ соціальной жизни и къ потребностямъ человѣка, такъ и его собственной эволюціей. Съ этой точки зрѣнія исторія права является частью исторической науки вообще, а теорія правообразованія входитъ въ составъ теоріи историческаго процесса, какъ совокупности цѣлаго ряда культурно-соціальныхъ эволюцій, каковы эволюціи религіозная, философская, научная, политическая, юридическая, экономическая [4]). Уже этимъ однимъ опредѣляется значеніе историко-философской юриспруденціи для теоріи историческаго процесса: историко-философская юриспруденція можетъ быть не чѣмъ инымъ, какъ общей теоріей правообразованія, безъ научныхъ результатовъ которой въ теоріи историческаго процесса были бы весьма важные пробѣлы, т. е., во-первыхъ, потому, что въ составъ этого процесса входитъ и юридическая эволюція общества, а во-вторыхъ, и потому, что отвлеченное изслѣдованіе этой эволюціи можетъ освѣтить вообще историческій процессъ съ такихъ сторонъ, которыя могли бы остаться совсѣмъ незатронутыми, если бы мы ихъ разсматривали только съ точекъ зрѣнія другихъ спеціальностей. И, наоборотъ, думаю я, лишь при помощи общей теоріи историческаго процесса, какъ синтеза теорій, вырабатываемыхъ историко-философскимъ изученіемъ религій, общественныхъ организацій, литературъ, экономическихъ формъ и т. п., можетъ надлежащимъ образомъ ставить и, какъ слѣдуетъ, рѣшать свои научные вопросы и теорія правообразованія. Другими словами, теорія правообразованія и теорія историческаго процесса должны находиться въ постоянномъ взаимодѣйствіи. Вотъ съ какой точки зрѣнія, занимаясь разработкой теоре-

тическихъ вопросовъ исторической науки, я долженъ былъ заинтересоваться нѣкоторою частью юридической литературы.

Въ современной юриспруденціи,—беря это слово въ самомъ широкомъ смыслѣ,—можно указать нѣсколько направленій, важность коихъ для теоріи историческаго процесса не подлежитъ, мнѣ кажется, ни малѣйшему сомнѣнію. Опредѣляя въ упомянутомъ рефератѣ «О разработкѣ теоретическихъ вопросовъ исторической науки» то значеніе, какое вообще могутъ имѣть для этой теоріи отдѣльныя науки, дѣлающія своимъ предметомъ духовную культуру и соціальныя формы, я позволилъ себѣ выставить тотъ общій тезисъ, что для теоріи историческаго процесса особенно важными нужно признать тѣ историческія работы по быту и нравамъ, по религіи, философіи, литературѣ и художеству, по политикѣ, праву и общественному хозяйству, которыя дѣлаются съ эволюціонной точки зрѣнія, сравнительнымъ методомъ, и при помощи не одного историческаго, но и этнографическаго матеріала. Эволюціонная точка зрѣнія есть, въ самомъ дѣлѣ, по существу своему, точка зрѣнія теоріи историческаго процесса: послѣдовательность измѣненій въ духовномъ и общественномъ быту народовъ и есть культурно-соціальная эволюція, открытіе законовъ которой и ставитъ себѣ задачей соціальная динамика, а юриспруденція вступила на этотъ путь еще въ такъ называемой «исторической школѣ» права, выставившей идею его органическаго развитія. Для открытія общихъ началъ въ развитіи отдѣльныхъ элементовъ культуры и отдѣльныхъ сторонъ общественнаго быта лучшее средство—сравнивать дѣйствительную исторію этихъ элементовъ и этихъ сторонъ въ жизни разныхъ народовъ: съ этой точки зрѣнія сравнительный методъ служитъ важную службу теоріи историческаго процесса, давая готовыя обобщенія, какъ матеріалъ для дальнѣйшихъ теоретическихъ операцій,—а кому не извѣстно, что сравнительное правовѣдѣніе не отстаетъ отъ другихъ аналогичныхъ изученій? Наконецъ, примѣненіе сравнительнаго метода къ историческимъ явленіямъ расширило область послѣднихъ, какъ предмета науки, внесши и въ лабораторію теоретиковъ историческаго процесса массу матеріала въ видѣ обобщеній, касающихся такихъ сторонъ быта и такихъ эпохъ, которыми историки не занимались: изученіе первобытнаго права, юридическихъ отношеній дикарей, обычнаго права новыхъ народовъ и т. д. играетъ въ этомъ дѣлѣ не послѣднюю роль. Къ сожалѣнію, при возникновеніи современной соціологіи, какъ юридическія явленія, такъ и юридическія знанія были оставлены въ сторонѣ основателями новой науки. Когда критикуютъ соціологію Конта, обыкновенно указы-

ваютъ на болѣе нежели странное отношеніе его къ политической экономіи, отъ коей онъ сторонился, какъ отъ доктрины метафизической, но таково же было,—на что обыкновенно не обращается достаточнаго вниманія,—и его отношеніе къ юриспруденціи [5]). Контъ даже прямо выкидывалъ изъ науки объ обществѣ самую идею права, говоря, что la notion du droit doit disparaître du domaine public. Юридическій элементъ, какъ извѣстно, отсутствуетъ и въ ученіи современнаго корифея соціологической литературы, Герберта Спенсера. То же самое можно сказать о многочисленныхъ послѣдователяхъ позитивизма, дѣлавшихъ предметомъ своихъ изслѣдованій соціальныя явленія, но не считавшихъ нужнымъ ни давать праву подобающаго ему мѣста въ жизни общества, ни обращаться къ юридической литературѣ. Съ другой стороны, и среди юристовъ идея соціологіи, какъ положительной науки объ обществѣ, нашла не очень большое количество адептовъ. Между тѣмъ только черезъ соціологію, какъ общую науку объ обществѣ, можетъ юриспруденція пріобщиться ко всѣмъ другимъ гуманнымъ и соціальнымъ наукамъ въ позитивномъ смыслѣ этого слова, и только въ ней могутъ найти центръ своего тяготѣнія всѣ изслѣдованія въ области права, которыя производятся съ эволюціонной точки зрѣнія, при помощи сравнительнаго метода и на основаніи не только историческаго, но и этнографическаго матеріала.

Нѣтъ, разумѣется, правила безъ исключенія, и среди юристовъ можно указать на лицъ, воспринявшихъ—въ томъ или другомъ объемѣ—мысль о необходимости изученія соціальныхъ явленій по типу положительныхъ наукъ. Благодаря такимъ ученымъ, съ одной стороны, въ область юриспруденціи проникаютъ новыя для нея идеи и данныя современной соціологіи, а съ другой—и область соціологіи расширяется изученіемъ цѣлаго ряда общественныхъ явленій, коими пренебрегали и Контъ, и Спенсеръ и вся соціологическая литература, къ нимъ непосредственно примыкающая. Съ этой точки зрѣнія большую цѣну имѣютъ, напримѣръ, «Лекціи по общей теоріи права» петербургскаго профессора г. Коркунова, усвоившаго и примѣнившаго къ праву понятіе закона въ научномъ смыслѣ [6]) и вдвинувшаго изученіе права въ рамки современной соціологіи [7]). Конечно, я говорю такъ объ этомъ сочиненіи главнымъ образомъ имѣя въ виду спеціальный интересъ теоріи историческаго процесса: самому мнѣ пришлось читать его какъ разъ въ то время, когда обрабатывалась для печати моя книга о «Сущности историческаго процесса и роли личности въ исторіи», и я весьма естественно искалъ въ немъ фактовъ

и мыслей, имѣющихъ отношеніе къ занимавшему меня тогда предмету. Бывши и ранѣе убѣжденъ въ необходимости юридическихъ знаній для соціологическихъ занятій, я только еще болѣе убѣдился въ необходимости—ради обоюдной пользы—сближенія между соціологами и юристами. Лично я кое-чѣмъ и воспользовался изъ книги проф. Коркунова, хотя основная точка зрѣнія, проходящая черезъ всѣ его «лекціи», не есть точка зрѣнія историческая, такъ какъ и курсъ его въ сущности представляетъ изъ себя курсъ по такъ называемой энциклопедіи права, а не по его исторіи: авторъ «Лекцій по общей теоріи права» является въ нихъ юристомъ, продолжающимъ, на новыхъ только началахъ, традицію стараго философскаго правовѣдѣнія, и хотя далеко не отрицаю его важности послѣдняго для теоріи историческаго процесса, все-таки большее значеніе приписываю чисто исторической юриспруденціи, проникшейся новыми философскими стремленіями. Къ сожалѣнію, въ послѣднемъ направленіи до сихъ поръ сдѣлано очень мало, и тѣмъ болѣе, разумѣется, слѣдуетъ цѣнить то, что̀ сдѣлано.

Какъ на историка права, вполнѣ примкнувшаго къ основнымъ воззрѣніямъ позитивной соціологіи, можно указать у насъ на С. А. Муромцева. «Мы, говоритъ онъ самъ, напримѣръ, въ началѣ своей брошюры *Что такое догма права?*—мы исходимъ изъ того воззрѣнія на задачи правовѣдѣнія, которое сложилось подъ вліяніемъ позитивизма. Съ точки зрѣнія этого воззрѣнія, продолжаетъ онъ, задача правовѣдѣнія, какъ *науки*, состоитъ въ томъ, чтобы изучать *законы* опредѣленной группы соціальныхъ явленій, которые своею совокупностью образуютъ право». Поэтому весьма естественно, что юриспруденція разсматривается имъ, какъ отдѣлъ соціологіи, причемъ и законы правовѣдѣнія онъ раздѣляетъ, подобно законамъ соціологіи, на законы сосуществованія (статическіе) и законы преемственности (динамическіе) явленій [8]), разумѣя подъ законами «постоянства, которыя существуютъ *въ силу природы вещей* въ отношеніяхъ между явленіями, или явленіями и ихъ условіями и послѣдствіями» [9]). Въ другомъ своемъ сочиненіи *(Образованіе права по ученіямъ нѣмецкой юриспруденціи)* онъ не только является сторонникомъ идеи закономѣрнаго развитія права, которая была выставлена еще исторической школою, но распространяетъ понятіе закона на всю совокупность явленій, играющихъ роль въ исторіи права. «Дѣятельность общества въ процессѣ образованія права, говоритъ онъ, слѣдуетъ извѣстному порядку, какъ внутри себя, такъ и относительно дѣятельности, касающейся другихъ сферъ, — отдѣльные акты дѣятельности

общества подчинены извѣстнымъ постояннымъ отношеніямъ, законамъ» [10]).

Свои общія историко-теоретическія воззрѣнія С. А. Муромцевъ излагалъ нѣсколько разъ въ разныхъ сочиненіяхъ, исправляя въ позднѣйшихъ изъ нихъ то, что было, по собственному его сознанію, выражено менѣе удовлетворительно въ сочиненіяхъ болѣе раннихъ. Исторіологическія понятія и положенія, дѣйствительно, нуждаются въ постоянномъ пересмотрѣ, и въ цѣляхъ послѣдняго я позволю себѣ занять на нѣкоторое время ваше вниманіе анализомъ исторіологическихъ воззрѣній С. А., какъ историка права, ставшаго на точку зрѣнія позитивной соціологіи.

Въ одной изъ своихъ книгъ С. А. Муромцевъ указываетъ на то, что вслѣдствіе взаимнаго сближенія отдѣльныхъ отраслей историческаго знанія «пріемы изслѣдованія и идеи, возникшіе въ одной его отрасли, перестаютъ составлять исключительную принадлежность одной такой науки, но, становясь достояніемъ другихъ отраслей, руководятъ ихъ разработкой». Съ этой точки зрѣнія онъ и считаетъ нужнымъ, чтобы гражданское правовѣдѣніе, коимъ онъ самъ занимается, отказалось отъ прежней изолированности и приняло дѣятельное участіе въ общемъ научномъ движеніи, заимствовавъ изъ другихъ отраслей историческаго знанія уже практиковавшіеся въ нихъ способы изслѣдованія и добытыя ими идеи [11]). Не безъ достаточнаго и притомъ весьма достаточнаго основанія укоряетъ онъ юристовъ въ томъ, что для объясненія изучаемыхъ ими явленій «они далеко не вполнѣ воспользовались успѣхами другихъ наукъ, близкихъ къ юриспруденціи», и притомъ не только «частными, болѣе или менѣе спеціальными ихъ пріобрѣтеніями», но также и «общими идеями, которыя, волнуя эти науки, не всегда находятъ быстрый и свободный доступъ въ область гражданскаго правовѣдѣнія» [12]). Вполнѣ справедливое исключеніе дѣлаетъ онъ по отношенію къ такъ называемымъ историко-философскимъ трудамъ, посвященнымъ гражданскому праву, приписывая имъ большое научное значеніе. «Сущность историко-философскихъ трудовъ, говоритъ онъ, заключается въ анализѣ фактовъ, произведеннымъ чрезъ введеніе въ изслѣдованіе какого-либо даннаго, относящагося къ природѣ человѣка или къ существу общества. Историко-философское изслѣдованіе раскрываетъ связь, существующую между историческими явленіями и природою человѣка или общества. Оно не потеряетъ своихъ существенныхъ качествъ, когда его предметомъ послужитъ какой-нибудь отдѣльный институтъ или небольшая группа фактовъ, если только къ нимъ приложится помянутый анализъ; и, наоборотъ, какъ

скоро онъ будетъ исключенъ изъ изслѣдованія, оно потеряетъ свойства историко-философскаго, хотя бы обнимало огромную область фактовъ» [13]). Въ особой главѣ своихъ *Очерковъ общей теоріи гражданскаго права* о «значеніи историко-философскаго изученія гражданскаго права» С. А. Муромцевъ разсматриваетъ между прочимъ и взаимное отношеніе философскаго и сравнительно-историческаго изученія гражданскаго права. Такъ какъ первое не можетъ обойтись безъ нѣкоторыхъ общихъ предположеній, то «лучшій путь къ ихъ формулированію» (въ томъ случаѣ, если это допускается ихъ содержаніемъ) «слѣдуетъ искать по большей части на почвѣ сравнительной исторіи», ибо «только тамъ возможно найти вполнѣ солидный матеріалъ о внѣшнихъ и внутреннихъ соотношеніяхъ, правящихъ областью права, и о порядкѣ развитія правовыхъ институтовъ» [14]). Все, что было сейчасъ приведено изъ воззрѣній почтеннаго автора, вызываетъ во мнѣ полнѣйшее сочувствіе, такъ какъ тутъ мы стоимъ на общей почвѣ, и мнѣ, какъ человѣку, занимающемуся теоріей историческаго процесса, особенно пріятно читать страницы, посвященныя доказательству важности сближенія между теоріями разныхъ историческихъ наукъ, которое, по моему мнѣнію, мыслимо только на почвѣ общей теоріи историческаго процесса. Въ самомъ дѣлѣ, по вѣрному замѣчанію С. А. Муромцева, теорія образованія права въ нѣмецкой юридической литературѣ текущаго вѣка составляла результатъ дѣйствія двухъ факторовъ. Стимулъ къ ея формулированію и къ дальнѣйшей разработкѣ онъ весьма правильно указываетъ въ особыхъ условіяхъ гражданской жизни, содержаніемъ же своимъ теорія выражала лишь общее философское воззрѣніе на историческое развитіе человѣчества: «основаніе теоріи составилось изъ совокупности идей, которыя были выработаны философіей исторіи и лишь повторялись въ юриспруденціи» [15]). Этимъ теорія образованія права вполнѣ основательно ставится въ тѣсную связь съ общимъ историко-философскимъ міросозерцаніемъ: «она, говоритъ названный авторъ, отчасти прямо заимствовала изъ него тѣ или другія положенія, отчасти же самостоятельнымъ путемъ приходила къ выводамъ, которые соотвѣтствовали духу науки, господствовавшему въ данное время» [16]). И впредь, конечно, иначе быть не можетъ, т. е. и въ будущемъ теорія правообразованія будетъ, съ одной стороны, заимствовать свои ученія изъ общей исторической философіи вѣка, а съ другой—и самостоятельно вырабатывать новые взгляды, коими будетъ обогащаться научная теорія историческаго процесса.

Другая мысль почтеннаго автора, которой мы сочувствуемъ, ка-

сается отдѣленія теоріи правообразованія отъ исторіи права. Въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ я старался доказать, что одной изъ печальныхъ ошибокъ Конта было превращеніе соціальной динамики, которая, по его мысли, должна была быть абстрактной теоріей исторической эволюціи, въ философское обозрѣніе конкретной исторіи. Здѣсь не мѣсто распространяться, почему я придаю этому обстоятельству такое значеніе [17]); но смѣшеніе задачъ соціологіи и исторіи казалось мнѣ всегда пагубнымъ при опредѣленіи того, чѣмъ должна быть въ отдѣльности каждая изъ этихъ наукъ. Въ брошюрѣ *Что такое догма права?* С. А. Муромцевъ какъ разъ и возстаетъ противъ довольно обыкновеннаго смѣшенія соціологіи съ исторіей и на этомъ основаніи предостерегаетъ и противъ смѣшенія «соціологическаго изученія гражданскаго права съ исторіей этого послѣдняго». «Исторія, совершенно вѣрно говоритъ онъ, не то же самое, что̀ — динамика. Отношеніе исторіи къ обѣимъ частямъ соціологіи—и къ динамикѣ, и къ статикѣ, одинаковое: исторія даетъ тотъ матеріалъ, изъ дальнѣйшей переработки котораго получаются и динамическіе, и статическіе законы (хотя не на одной только исторіи они основываются)». С. А. Муромцевъ возражаетъ здѣсь и противъ того мнѣнія, что задача исторіи заключается въ открытіи законовъ развитія человѣчества: «этотъ, не совсѣмъ точный оборотъ рѣчи, говоритъ онъ, не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что исторія поглощаетъ собою соціальную динамику» [18]). Правда, дальнѣйшее развитіе этого взгляда насъ совсѣмъ не удовлетворяетъ [19]), но важно то, что прямое пониманіе словъ автора не допускаетъ отождествленія исторіи и соціальной динамики.

Къ сожалѣнію, это различеніе не вездѣ имъ проводится съ достаточною опредѣленностью и ясностью. Повидимому, раньше онъ смѣшивалъ обѣ задачи, или вѣрнѣе требовалъ отъ исторіи права того, что должно составлять задачу общей теоріи правообразованія. Напримѣръ, въ *Очеркахъ общей теоріи права* авторъ полагаетъ задачу исторіи права въ «опредѣленіи условій образованія, существованія и измѣненія правовыхъ институтовъ». По нашему мнѣнію, это умѣстнѣе было бы сказать объ общей теоріи юридической эволюціи. При этомъ онъ смотритъ на сравнительное изученіе исторіи права не какъ на особую науку, а какъ на «важный элементъ исторіи права» [20]); ограниченіе же изслѣдователя правовою почвою одного народа допускаетъ лишь подъ тѣмъ условіемъ, что «изслѣдованіе принадлежащаго сюда матеріала будетъ совершено въ возможно тѣсной связи съ общими задачами науки. Въ такомъ случаѣ, поясняетъ онъ свою мысль,

изслѣдованіе имѣетъ своею цѣлью *эксплоатировать опредѣленный фактическій матеріалъ въ интересахъ разрѣшенія основныхъ и общихъ вопросовъ юридической науки*». Это уже прямо должно быть отнесено къ теоріи праворазвитія, интересамъ которой здѣсь подчинено историческое изученіе всякаго конкретнаго права, могущее однако преслѣдовать и иныя цѣли. Весьма естественно, что при такомъ взглядѣ на дѣло С. А. Муромцевъ считаетъ несостоятельнымъ разъединеніе историческаго правовѣдѣнія и философіи права: «цѣли исторіи права, говоритъ онъ, одинаковы или должны быть одинаковы съ цѣлями его философіи», различіе же между ними основывается у него «не на различіи задачъ, а на различіи прилагаемыхъ къ ихъ разрѣшенію методовъ» (въ первомъ случаѣ индуктивнаго, во второмъ—дедуктивнаго), хотя, по его мнѣнію, «было бы полезнѣе слить оба пріема изслѣдованія вмѣстѣ», ибо, думаетъ онъ, «образованная такимъ образомъ наука представила бы исторію, какъ результатъ свойствъ и силъ человѣческой природы, и апріорное построеніе основаній права провѣрила бы на положительномъ матеріалѣ исторіи» [21]). Я вполнѣ согласился бы со всѣмъ этимъ, если бы вмѣсто словъ «исторія права» поставить здѣсь слова «теорія правообразованія» или «соціальная динамика права», но съ тѣмъ опредѣленіемъ задачи исторіи права, какое дѣлаетъ почтенный авторъ, не согласятся многіе историки права, нѣсколько иначе и притомъ совсѣмъ *не* научно понимающіе задачу своей работы.

Не могу еще не указать на одно недоумѣніе, которое возбуждаетъ во мнѣ примѣненіе С. А. Муромцевымъ научнаго понятія «законъ» къ юридическимъ явленіямъ. Въ четвертомъ параграфѣ брошюры *Что такое догма права?* онъ перепечатываетъ въ исправленномъ видѣ пятый параграфъ изъ своей книги *Опредѣленіе и основное раздѣленіе права*, въ коемъ рѣчь идетъ о законѣ въ научномъ смыслѣ въ отличіе отъ юридическаго принципа. «Въ области человѣческаго міра, говорится здѣсь, каждое дѣйствіе человѣка образуетъ явленіе; установленное дѣйствіемъ либо инымъ событіемъ конкретное отношеніе человѣка (напр., власть его надъ вещью, лицомъ) есть также явленіе. Точно также имѣютъ значеніе явленій правило, которое руководитъ въ данное время и въ данномъ мѣстѣ поступками людей, и порядокъ, въ который слагаются ихъ отношенія. Принципъ же есть только обобщенное выраженіе совокупности общихъ свойствъ («общаго смысла») существовавшаго или существующаго порядка, существовавшихъ или существующихъ правилъ, отношеній, дѣйствій».

Развивъ нѣсколько еще мысль о феноменологическомъ значеніи юри-

дическихъ принциповъ, авторъ указываетъ на то, что законъ въ научномъ смыслѣ имѣетъ цѣлью выражать «отношенія правовыхъ отношеній и соотвѣтствующихъ имъ правовыхъ постановленій, какъ историческихъ фактовъ, между собою или къ другимъ историческимъ фактамъ» [22]). Со всѣмъ этимъ я, конечно, вполнѣ соглашаюсь, но вотъ что остается неразъясненнымъ. По моему мнѣнію, нужно различать вообще два рода законовъ: законы причиненія, или каузальные, и законы развитія, или эволюціонные [23]): напримѣръ, по закону первой категоріи нагрѣваніе тѣла сопровождается его расширеніемъ (а не другимъ какимъ-либо явленіемъ), а по закону второй категоріи птичій организмъ измѣняется въ опредѣленномъ порядкѣ, проходя стадіи зародыша, вылупившагося изъ яйца птенца и т. д. (а не какія-либо другія формы). С. А. Муромцевъ не опредѣляетъ точно, о какихъ законахъ онъ вообще говоритъ. Въ одномъ мѣстѣ у него какъ бы общая «формула закона гласитъ: при такихъ-то условіяхъ происходитъ то-то» [24]), но это есть только формула закона каузальнаго. Въ другомъ мѣстѣ, наоборотъ, онъ называетъ закономъ и такую «формулу, которая утверждаетъ, что въ жизни каждаго народа періоду свободнаго развитія юридическихъ идей предшествуетъ періодъ формализма» [25]), а это относится уже къ числу законовъ эволюціонныхъ. Впрочемъ, различеніе каузальныхъ и эволюціонныхъ законовъ сдѣлано мною самимъ очень недавно, и я указываю на это, желая узнать отъ юристовъ, какъ относятся они къ мысли о существованіи эволюціонныхъ законовъ въ области права, такъ какъ теорія этихъ законовъ не отличается еще тою степенью выработанности, какую имѣетъ теорія законовъ каузальныхъ [26]).

Отъ этихъ общихъ соображеній перехожу къ частнымъ вопросамъ. Меня давно занимаетъ теоретическій вопросъ о роли личности въ исторіи, и я рѣшился разработать его въ подробности. Между прочимъ, мнѣ пришлось встрѣтиться у философовъ и историковъ съ двумя противоположными воззрѣніями, съ концепціей личнаго творчества и съ концепціей безличной эволюціи. Подъ это послѣднее понятіе я подвелъ и то органическое саморазвитіе права, ту его Naturwüchsigkeit, о которыхъ учила историческая школа Савиньи-Пухты. По этому частному вопросу, рѣшеніе коего должно производиться въ связи съ общимъ пониманіемъ роли личности въ исторіи, высказывались весьма многіе юристы, вслѣдствіе чего я и долженъ былъ обратиться къ ихъ сочиненіямъ. Въ статьѣ своей, напечатанной въ ноябрьской книжкѣ «Юридическаго Вѣстника» за прошлый годъ, подъ заглавіемъ *Два взгляда на процессъ правообразованія*, я уже сопоставилъ взгляды на

этотъ предметъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ ученыхъ юристовъ, проф. Муромцева, Сергѣевича и Коркунова, причемъ отмѣтилъ нѣкоторыя особенности этихъ взглядовъ, родящіе ихъ съ моимъ собственнымъ пониманіемъ роли личности въ историческомъ процессѣ [27]). Я указалъ именно на то, что означенные писатели приписываютъ въ процессѣ правообразованія весьма важное значеніе личной иниціативѣ, подхватываемой подражаніемъ, хотя бы она проявлялась въ мелкихъ индивидуальныхъ инновацiяхъ, видоизмѣняющихъ въ отдѣльныхъ случаяхъ дѣйствующее право. Съ этой точки зрѣнія юридическія нормы зарождаются въ личномъ сознаніи (иниціатива), но къ нему присоединяется инертная сила обыкновенія (подражанія), которая и ложится въ основу объективнаго юридическаго порядка. Послѣдній устанавливается въ силу подражательности и развивается самъ собою (безличная эволюція), но съ такимъ саморазвитіемъ права, на которое только и обращала все свое вниманіе историческая школа, находится въ постоянной борьбѣ сознательная его выработка отдѣльными личностями (личное творчество), требующая съ ихъ стороны, какъ выражается С. А. Муромцевъ, «психическаго труда», или того, что Іерингъ обозначаетъ, какъ напряженіе и борьбу. Такова въ самыхъ общихъ чертахъ та идея, видоизмѣненія которой мы находимъ въ теоретическихъ воззрѣніяхъ на правообразованіе названныхъ трехъ писателей. Отсылая интересующагося предметомъ къ упомянутой статьѣ своей или къ книгѣ *О сущности историческаго процесса и роли личности въ исторіи*, я не могу не указать на то, что заключающаяся въ этихъ взглядахъ идея о возникновеніи правовыхъ явленій путемъ личной иниціативы и распространенія ихъ, равно какъ и ихъ сохраненія путемъ подражательнаго повторенія, составляетъ только основной принципъ новѣйшей теоріи правообразованія, но не самую его теорію. Послѣдняя для того, чтобы имѣть право на такое названіе, нуждается еще въ дальнѣйшей разработкѣ. Лично я былъ бы очень благодаренъ, если бы мнѣ было указано на то, въ какихъ книгахъ и статьяхъ юридическаго содержанія я бы могъ найти общія рѣшенія частныхъ теоретическихъ вопросовъ, возникающихъ на почвѣ такого пониманія генезиса и эволюціи права, и весьма большую услугу теоріи историческаго процесса оказалъ бы тотъ юристъ, который самъ взялся бы отвѣтить на эти вопросы. Я вовсе не хочу этимъ сказать, чтобы проф. Муромцевъ, Сергѣевичъ и Коркуновъ, съ идеями коихъ по этому предмету я справлялся, не освѣтили его и въ нѣкоторыхъ деталяхъ. Напротивъ того, первый изъ названныхъ юристовъ обращаетъ большое вниманіе на роль единичныхъ сдѣлокъ и судебныхъ

рѣшеній въ выработкѣ и измѣненіи юридическихъ нормъ и отмѣчаетъ неравенство дѣйствія личностей въ исторіи, въ силу котораго (равно какъ въ силу расчлененія общества на классы) не всѣ члены общества играютъ одинаковую роль въ творчествѣ права. Проф. Сергѣевичъ особеннымъ образомъ распространяетъ свое воззрѣніе относительно индивидуальнаго происхожденія права на область права обычнаго, болѣе всего служившаго аргументомъ въ пользу понятія безличной эволюціи, развивавшагося въ ученіи исторической школы. Наконецъ, у проф. Коркунова весьма замѣтно подчеркнуто большее совпаденіе между собою личныхъ инціативъ въ первобытномъ обществѣ при его однородномъ составѣ и та борьба, какую ведетъ право, сознательно вырабатываемое отдѣльными личностями, съ правомъ, безсознательно установившимся. Все это такъ, но я думаю, что и никто изъ почтенныхъ авторовъ, къ идеямъ коихъ я отношусь съ величайшимъ сочувствіемъ, не считаетъ своего взгляда вполнѣ разработанной теоріей. Ни ихъ, ни вообще кого бы то ни было изъ юристовъ я и не виню по этому поводу. Давно ли въ теоретическихъ воззрѣніяхъ на право господствовала основная концепція исторической школы, результатомъ коей было если не отрицаніе, то игнорированіе роли личнаго начала въ юридической эволюціи? Съ другой стороны, и вообще роль личности въ исторіи принадлежитъ къ числу наименѣе разработанныхъ историологическихъ вопросовъ, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что юристы, задававшіеся теоріей правообразованія, не опередили общихъ историковъ или философовъ, вообще мало работавшихъ надъ разрѣшеніемъ этого вопроса. Скажу даже болѣе: роясь въ разныхъ спеціальныхъ литературахъ въ поискахъ за отвѣтами, какіе давались на вопросъ о роли личнаго творчества въ отдѣльныхъ культурныхъ и соціальныхъ эволюціяхъ, я только въ области юриспруденціи и теоріи литературы и находилъ сколько нибудь подробныя, хотя иногда и очень поверхностныя только разсужденія объ этомъ предметѣ. Такимъ образомъ для юристовъ можно даже сдѣлать почетное исключеніе, подающее надежду на то, что дальнѣйшее развитіе правильной теоріи правообразованія въ скоромъ времени приведетъ ихъ къ необходимости поставить и рѣшить цѣлую массу частныхъ вопросовъ, которые вытекаютъ изъ общаго вопроса о значеніи инноваторской инціативы и подражательнаго повторенія въ возникновеніи, распространеніи, сохраненіи, измѣненіи и изчезновеніи правовыхъ отношеній и постановленій. Если теорія историческаго процесса, дѣлающая свои выводы и на основаніи общихъ соображеній, и изъ данныхъ спеціальнаго изученія отдѣльныхъ элементовъ обще-

ственной культуры, можетъ во многихъ отношеніяхъ освѣтить путь юриста, работающаго въ историко-философскомъ направленіи, то и сама теорія эта ждетъ отъ его работы важныхъ результатовъ. С. А. Муромцевъ ставитъ исторіи права,—мы поставили бы теоріи правообразованія,—задачу «изслѣдовать условія, при которыхъ проявляется психическая дѣятельность», участвующая въ правообразованіи, «ея формы и послѣдствія» [28]), и мы позволили бы себѣ намѣтить рядъ вопросовъ, относящихся къ этой задачѣ. Въ чемъ заключается, какъ происходитъ и въ какихъ формахъ проявляется личная иниціатива въ правовыхъ отношеніяхъ и правовыхъ постановленіяхъ? При какихъ условіяхъ возможно ея возникновеніе и какія слѣдствія она можетъ имѣть? Какъ другъ къ другу могутъ относиться въ личной иниціативѣ личный мотивъ и сознаніе назрѣвшей общественной потребности? Какими путями въ области права личная иниціатива дѣлается общественнымъ достояніемъ? Въ чемъ заключаются условія распространенія новизны путемъ подражанія, повиновенія приказанію и т. п.? Каковы общія причины консерватизма въ области права? Въ чемъ заключается борьба новизны съ установленнымъ порядкомъ? Къ чему можно свести общія условія побѣды и пораженія инноваціи, вводимыхъ въ право личною дѣятельностью и т. п.? Въ этихъ вопросахъ я вовсе не думаю дать цѣлую программу изслѣдованія: это, такъ сказать, примѣрные вопросы, установленіе же программы я считаю возможнымъ лишь на основаніи нѣкотораго общаго изслѣдованія. Одно время оно даже было у меня въ мысляхъ, но я его оставилъ, такъ какъ это отвлекло бы меня въ сторону отъ моихъ главныхъ занятій и потребовало бы цѣлаго ряда спеціальныхъ изысканій. Думалъ я объ этомъ именно, когда сдѣлалъ подобную работу по вопросу о роли личности въ исторіи литературы и изложилъ общіе свои взгляды на послѣдній вопросъ въ книгѣ о *Литературной эволюціи на западѣ*.

Итакъ, теоріи правообразованія предстоитъ изучать законы, условія и формы дѣятельности личностей въ юридической эволюціи общества. При той точкѣ зрѣнія, на которой стоятъ проф. Муромцевъ, Сергѣевичъ и Коркуновъ, при точкѣ зрѣнія, совпадающей по существу съ моимъ собственнымъ взглядомъ на роль личности въ культурномъ процессѣ исторіи, я позволю себѣ опредѣлить эту дѣятельность словами—творчество и усвоеніе, иниціатива и подражаніе, а за этимъ скрывается другой, болѣе общій вопросъ: разъ именно мы допускаемъ, что правовыя отношенія и установленія, такъ сказать, изобрѣтаются одними людьми и отъ нихъ переходятъ къ другимъ, мы ставимъ вопросъ объ условіяхъ, формахъ и законахъ дѣйствія однихъ

личностей на другія. По поводу этого послѣдняго вопроса я позволю себѣ указать еще на одинъ случай, гдѣ теорія историческаго процесса можетъ пользоваться выводами юриспруденціи.

Исторія событій есть исторія дѣятельности людей, причемъ въ общемъ ходѣ событій дѣйствія однихъ людей вызываются дѣйствіями другихъ, какъ слѣдствія своими причинами, а это предполагаетъ, что одни люди оказываютъ вліяніе на другихъ, или вмѣстѣ съ ними участвуютъ въ одномъ и томъ же дѣлѣ. Теорія историческаго процесса по отношенію къ явленіямъ этого рода совсѣмъ до сихъ поръ не разработана: мы не имѣемъ ни сколько нибудь выработаннаго ученія о причинности историческихъ фактовъ, ни сколько нибудь выработаннаго ученія о дѣйствіи человѣка на человѣка и о содѣйствіи однихъ людей другимъ въ генезисѣ историческаго прагматизма. Въ обоихъ этихъ отношеніяхъ историковъ опередили криминалисты, разрабатывавшіе и вопросъ о причинной связи въ уголовномъ правѣ, и вопросъ о стеченіи многихъ лицъ въ одномъ преступленіи,—два вопроса, имѣющихъ отношеніе къ каузальному сцѣпленію человѣческихъ дѣйствій и къ вызову поступками одного человѣка поступковъ другаго. Я не хочу сказать, чтобы наука уголовнаго права создала по обоимъ этимъ вопросамъ ученія, совсѣмъ пригодныя для того, чтобы быть включенными въ теорію историческаго процесса: юристы и въ дѣлѣ причинной связи въ уголовномъ правѣ, и въ дѣлѣ стеченія многихъ лицъ въ одномъ преступленіи (или такъ называемаго соучастія) преслѣдовали свои спеціальныя цѣли, которыя по необходимости съуживали постановку вопроса и вносили въ ихъ рѣшеніе нѣкоторую условность, но съ такою оговоркою я готовъ защищать право криминалистическихъ ученій о причинности и содѣйствіи на большое вниманіе со стороны лицъ, болѣе или менѣе серьезно интересующихся теоріей историческаго процесса, ибо криминалисты даютъ намъ и нѣкоторыя идеи, которыя стоитъ только обобщить въ цѣляхъ этой теоріи, для приданія имъ историологическаго значенія, и примѣры того анализа человѣческихъ дѣйствій и ихъ сцѣпленія, безъ коего невозможно создать теорію прагматической причинности въ историческомъ процессѣ.

Руководясь такою мыслью, я воспользовался отчасти криминалистическими ученіями о причинной связи и о соучастіи при разработкѣ теоріи историческаго процесса въ новомъ своемъ трудѣ, на который уже ссылался. Я не буду теперь повторять того, къ чему я пришелъ по интересовавшимъ меня историологическимъ вопросамъ, заглянувши въ кое-какія сочиненія по уголовному праву [29]), тѣмъ болѣе, что это была первая и уже по одному тому несовершенная попытка при-

мѣненія ученій криминалистики къ теоріи историческаго процесса: то, что я имѣю сказать дальше, будетъ относиться къ тому праву, какое—думается мнѣ—я имѣлъ, обращаясь къ спеціальной литературѣ по уголовному праву и ища въ ней отвѣтовъ на общіе теоретическіе вопросы исторической науки.

Связываніе историческихъ событій однихъ съ другими причинною связью и, слѣдовательно, связываніе между собою этою связью и человѣческихъ поступковъ, входящихъ въ составъ событій, давнымъ-давно ставится, какъ одна изъ задачъ исторической науки, а между тѣмъ для исторіи не существуетъ особой теоріи причинности, хотя свои ученія объ этомъ предметѣ имѣютъ и философія, и логика, и психологія, и — наконецъ — уголовное право. Обративъ вниманіе на такое обстоятельство, я весьма естественно долженъ былъ заинтересоваться постановкою этого вопроса во всѣхъ названныхъ наукахъ, не исключая и науки уголовнаго права. Въ частности его постановка въ послѣдней показалась мнѣ довольно интересной. Дѣло въ томъ, что криминалисты стараются опредѣлить, когда вообще дѣйствія человѣка могутъ считаться причиною явленія, дабы послѣднее можно было вмѣнить ему въ вину, но та же самая задача ставится и теоріи историческаго процесса, когда въ ней возникаетъ вопросъ о роли личности въ ходѣ событій: когда, спрашивается тутъ, дѣйствія человѣка могутъ считаться причинами событій, дабы послѣдняя могли считаться произведенными этимъ человѣкомъ? Правда, если уголовное право и беретъ поступокъ, какъ причину, то какъ причину такого слѣдствія, которое есть явленіе, запрещенное положительнымъ законодательствомъ; но для теоріи исторіи весьма легко освободить общій вопросъ отъ такого ограниченія и затѣмъ воспользоваться для своихъ цѣлей результатами работы мысли цѣлаго ряда юристовъ, занимавшихся причинною связью въ уголовномъ правѣ. Вѣрно и то, что юристъ подъ явленіемъ, причину коего онъ ищетъ въ человѣческомъ поведеніи, разумѣетъ извѣстное запрещенное закономъ явленіе, тогда какъ съ точки зрѣнія теоріи прагматическаго процесса такимъ явленіемъ долженъ былъ бы быть другой поступокъ, вызванный первымъ, какъ своей причиной, но и такой точки зрѣнія не чужда наука уголовнаго права—именно, напримѣръ, въ ученіи о подстрекательствѣ къ преступленію. Уже оставляя въ сторонѣ то обстоятельство, что, рѣшая вопросъ о причинности съ спеціальной точки зрѣнія, криминалисты не могли обойти многихъ его сторонъ, имѣющихъ и общій интересъ, важнымъ мнѣ кажется, что и криминалистика, и теорія историческаго процесса интересуются вопросомъ

о причинности по отношенію къ одному и тому же предмету, т. е. по отношенію къ тому, какое значеніе имѣютъ отдѣльные человѣческіе поступки въ мірѣ событій. Знакомясь съ однимъ юридическимъ сочиненіемъ, подводящимъ итоги подъ весьма обширною литературой по этому предмету, я не разъ имѣлъ основаніе сожалѣть, что историки не шли въ этомъ отношеніи по стопамъ юристовъ, какъ ни схоластичны бывали подчасъ возникавшія между послѣдними контроверсы. Далѣе, изъ логическаго ученія о причинности вообще вытекаетъ, какъ извѣстно, требованіе видѣть въ каждой причинѣ нѣчто сложное, и въ связи съ этимъ въ логикахъ встрѣчаются главы о составленіи причинъ, причемъ авторы логикъ, говоря объ этомъ предметѣ, имѣютъ въ виду почти исключительно явленія міра матеріальнаго. Въ исторіи мы имѣемъ дѣло также съ совокупнымъ дѣйствіемъ людей, и съ теоретической точки зрѣнія интересно было бы опредѣлить и дѣйствіе каждаго человѣка въ отдѣльности, и способъ соединенія дѣйствія многихъ людей, но ни коллективная психологія, ни теорія историческаго процесса еще не приступали сколько нибудь серьезнымъ образомъ къ разработкѣ этой научной темы, такъ что по отношенію къ человѣческимъ дѣйствіямъ вопросомъ о составленіи причинъ занималась пока опять-таки одна лишь наука уголовнаго права, конечно, преслѣдовавшая при этомъ свои спеціальныя цѣли. Послѣдними-то опредѣляется, что криминалисты изучаютъ не всѣ случаи стеченія преступниковъ въ одномъ и томъ же преступленіи, а только соучастіе, какъ опредѣленную его форму, а всѣ случаи содѣйствія безъ соглашенія оставлены были ими внѣ изслѣдованія. Но и въ той преднамѣренно съуженной области, которая сдѣлалась предметомъ подробной разработки, наука уголовнаго права подняла массу вопросовъ, могущихъ представить общій интересъ при рѣшеніи вопроса о роли личности въ исторіи. Такъ какъ роли отдѣльныхъ дѣятелей неодинаковы, то теоріи историческаго процесса надлежало бы создать своего рода классификацію историческихъ дѣятелей по значенію ихъ участія въ событіи или ходѣ исторіи вообще, а образецъ такой классификаціи даетъ, мнѣ кажется, именно криминалистическое ученіе о соучастіи въ преступленіи. Я попробовалъ, напримѣръ, разсмотрѣть всѣ тѣ мѣста въ извѣстной книгѣ проф. Таганцева объ этомъ предметѣ, въ которыхъ идетъ рѣчь о классификаціи соучастниковъ, и сравнить потомъ полученные изъ этого разсмотрѣнія выводы съ тѣми попытками классификаціи историческихъ дѣятелей, какія можно найти у теоретиковъ исторіи, и сдѣлавъ это, не могу сказать, чтобы такая работа была безплодна.

Особенно важно для меня было то, что безъ всякой натяжки въ юридической классификаціи соучастниковъ я нашелъ два понятія, которыя играютъ видную роль и въ моемъ собственномъ воззрѣніи на роль личности въ исторіи, и въ родственныхъ ему взглядахъ проф. Муромцева, Сергѣевича и Коркунова на роль личнаго начала въ правообразованіи: и тутъ есть иниціаторы дѣйствія, интеллектуальные виновники и пособники, съ одной стороны, и лица, воспринимающія мысль о дѣйствіи отъ первыхъ, т. е. исполнители, и физическіе пособники, съ другой стороны. Кромѣ того, при крайней неразработанности вопроса о дѣйствіи человѣка на человѣка какъ съ точки зрѣнія психологической, такъ и съ историко-теоретической точки зрѣнія, криминалистическій анализъ средствъ воздѣйствій одного лица на другое получаетъ также немалое значеніе для теоріи историческаго процесса въ томъ отношеніи, что даетъ кое-какой идейный матеріалъ, особенно же въ томъ, что до извѣстной степени можетъ служить образцомъ исторіологическаго анализа.

Я не думаю, чтобы этими примѣрами исчерпывались всѣ случаи, когда спеціальныя юридическія ученія могли бы оказывать ту или другую помощь при занятіи теоретическими вопросами исторической науки: въ составъ юриспруденціи входятъ и философія права, и исторія права, и теорія юридической эволюціи, и вся юриспруденція, взятая въ цѣломъ, въ концѣ концовъ, изучаетъ въ отношеніяхъ къ другимъ людямъ, и въ личной дѣятельности все того же человѣка, которымъ занимается и историческая наука, и теорія историческаго процесса. Отъ спеціалистовъ прововѣдѣнія и можно было бы ожидать указаній на то, какія ученія отдѣльныхъ юридическихъ доктринъ могли бы быть съ пользою эксплуатируемы въ цѣляхъ созданія такой теоріи историческаго процесса, важность которой была бы сознаваема представителями всѣхъ вообще научныхъ дисциплинъ, составляющихъ предметъ изученія историко-филологическаго и юридическаго факультетовъ въ нашихъ университетахъ.

---

1) Напечатанъ въ март. кн. «Русской Мысли» за 1890 г.

2) Прочитанъ за засѣданіи Московскаго Психологическаго Общества 11 апрѣля 1890 г.

3) Заимствую это мѣсто изъ своей новой книги «Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи» (стр. 1).

4) Ср. наше дѣленіе наукъ на феноменологическія и номологическія въ I томѣ *Основныхъ вопросовъ философіи исторіи*.

5) Ср. *Fouillée*. L'idée moderne du droit. P. 1878. Стр. 194.

6) *Н. Коркуновъ.* Лекціи по общей теоріи права. Спб. 1887. I, 44 и слѣд.

7) См. главнымъ образомъ первую главу третьей книги, разсматривающей «общественныя условія развитія права».

8) *С. Муромцевъ.* Что такое догма права? М. 1885. Стр. 7.

9) *Ibid.*, 24.

10) *С. Муромцевъ.* Образованіе права по ученіямъ нѣмецкой юриспруденціи. М. 1886. Стр. 27. Ср. стр. 33

11) *С. Муромцевъ.* Очерки общей теоріи гражданскаго права. М. 1877. I, 1.

12) *Ibid.*, 3.

13) *Ibid.*, 4 - 5.

14) *Ibid.*, 181.

15) *С. Муромцевъ.* Образованіе права по ученіямъ нѣмецкой юриспруденціи. М. 1886. Стр. 1.

16) *Ibid.*, 2.

17) См. въ март. кн. «Русской Мысли» за 1890. Стр. 174 и слѣд.

18) *С. Муромцевъ.* Что такое догма права? Стр. 7.

19) Проф. Муромцевъ высказываетъ здѣсь ту мысль, что исторія отдѣльнаго народа «вообще неспособна привести къ открытію законовъ», и что къ этому приводитъ «исторія, взятая въ ея цѣломъ и, въ частности, историко-сравнительное изслѣдованіе», стр. 7. Но это будутъ, продолжаетъ онъ, все-таки лишь «тѣ историческіе законы, которые основаны на методѣ простаго перечисленія», и ихъ требуется еще «свести на высшія обобщенія психологіи и соціологіи или, другими словами, соединить ихъ въ одно цѣлое при помощи дедукціи изъ психологическихъ и соціологическихъ законовъ». Исполнить эту задачу онъ призываетъ соціальную динамику и соціальную статику, стр. 8. Отсылаемъ по этому поводу къ стр. 28—29 перваго тома нашихъ «Основныхъ вопросовъ философіи исторіи», по второму изданію.

20) *С. Муромцевъ.* Очерки, 182.

21) *Ibid.*, 183.

22) Что такое догма? 25.

23) Подробно смотри въ «*Сущности историческаго процесса*».

24) Что такое догма? 24.

25) *Ibid.*, 25—26.

26) См. объ этомъ «Сущность историческаго процесса», кн. II, гл. II.

27) Статья эта съ нѣкоторыми измѣненіями вошла въ составъ второй книги «*Сущности историческаго процесса*».

28) Происхожденіе права, 29.

29) Объ этомъ см. *Сущность историческаго процесса*, стр. 206—209, 217—223, 322—331, 343—344.

Н. Карѣевъ.

О ПРІОБРѢТЕНІИ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ДВИЖИМЫЯ ИМУЩЕСТВА ПОСРЕДСТВОМЪ ПЕРЕДАЧИ.

Для перехода права собственности по волѣ сторонъ, повидимому, совершенно достаточно взаимнаго соглашенія ихъ. Но въ дѣйствительности, юридическое сознаніе народовъ не всегда удовлетворяется однимъ этимъ согласіемъ, а требуетъ еще извѣстнаго выработаннаго этимъ же сознаніемъ внѣшняго обнаруженія воли согласившихся сторонъ, опредѣленной формы, въ которую вмѣщается желаніе одного отказаться отъ своей собственности и желаніе другаго пріобрѣсть ее. Кромѣ того, такъ какъ переходъ собственности изъ однихъ рукъ въ другія имѣетъ не только личное (для сторонъ), но и общественное (для постороннихъ лицъ) значеніе, то къ заботѣ объ оформленіи воли участниковъ сдѣлки присоединяется и забота объ оповѣщеніи, оглашеніи перехода права собственности. Эта забота въ особенности сказывается относительно недвижимой собственности, какъ имѣющей большое общественное значеніе. На первыхъ ступеняхъ юридическаго развитія это стремленіе къ публичности связано съ торжественными и символическими формами передачи права собственности. Римское право въ началѣ своей исторіи тоже заплатило дань этому символизму въ извѣстныхъ mancipatio и in jure cessio. Но уже въ древнее время для такъ называемыхъ вещей nec mancipi мы встрѣчаемъ простой естественный, какъ называли его римскіе юристы, способъ пріобрѣтенія права собственности посредствомъ перенесенія владѣнія вещью съ одного лица на другое посредствомъ передачи (traditio). Традиція постепенно вытѣснила и замѣнила старые символическіе способы пріобрѣтенія права собственности. Законодательства новыхъ народовъ усвоили и себѣ этотъ оправдываемый «естественнымъ разумомъ» способъ перенесенія права собственности, и у нихъ онъ получилъ ши-

рокое право гражданства. Но право новыхъ народовъ внесло въ понятія римскаго права нѣкоторое раздвоеніе: римское право не дѣлало различія въ «передачѣ» собственности на недвижимыя и движимыя имущества; право новыхъ народовъ, придавая особое значеніе недвижимости, какъ имуществу большой общественной и государственной важности, создало для пріобрѣтенія послѣдняго особые проникнутые публичностью способы «передачи», оставивъ только движимость при римской традиціи. Мы остановимся въ настоящей статьѣ на вопросѣ о перенесеніи права собственности на недвижимость.

Мы сказали сейчасъ, что новыя законодательства послѣдовали за позднѣйшимъ римскимъ правомъ и «традицію» признали непремѣннымъ условіемъ пріобрѣтенія права собственности по сдѣлкѣ. Но нужно тутъ же оговориться, что въ этомъ случаѣ за Римомъ послѣдовали далеко не всѣ европейскія законодательства. Группа законодательствъ романскихъ съ французскимъ во главѣ, право англійское и сѣверо-американское держатся въ этомъ вопросѣ другаго воззрѣнія. Надо впрочемъ сказать, что еще древне-французское право стояло на римской точкѣ зрѣнія, требуя для перенесенія собственности передачи; одинъ договоръ безъ передачи производилъ только обязательство; кредиторъ по этому договору получалъ только личный искъ противъ должника, а не вещный. Но уже послѣдователи школы естественнаго права не одобряли этой доктрины, находя, что для перенесенія собственности вполнѣ достаточно одного соглашенія сторонъ и что требованіе еще и передачи совершенно лишнее. Зачѣмъ, говоритъ Гуго Гроцій, кромѣ этого соглашенія требуется еще матеріальный фактъ передачи? развѣ этотъ фактъ въ силѣ перенести право? Одна воля сторонъ, обнаруженная этимъ фактомъ, можетъ возымѣть такое дѣйствіе. Поэтому и одной воли вполнѣ достаточно для данной цѣли.

Эта теорія нашла себѣ осуществленіе въ слѣдующихъ статьяхъ Code Civil: 711 (la propriété des biens s'acquiert et se transmet... par l'effet des obligations) и 1138 («L'obligation de livrer la chose est parfaite par le seul consentement des parties contractantes. Elle rend le créancier propriétaire et met la chose à ses risques dès l'instant où elle a dû être livrée; encore que la tradition n'ent ait point été faite, à moins que le débiteur ne soit en demeure de la livrer; auquel cas la chose reste aux risques de ce dernier»). Относительно этой, какъ и предыдущей статьи, нужно отмѣтить неудачную редакцію: въ нихъ на мѣсто договора (contrat) поставлено обязательство (obligation), которое, даже съ точки зрѣнія французскаго кодекса, не можетъ имѣть

силы, переносящей право собственности съ одного лица на другое. Сюда же относится и ст. 1583 («Elle (la vente) est parfaite entre les parties, et la propriété est acquise de droit à l'acheteur à l'egard du vendeur, dès qu'on est convenu de la chose et du prix, quoique la chose n'ait pas encore été livrée ni le prix payé»), развивающая ту же самую теорію въ примѣненіи къ договору продажи.

Итакъ, одно соглашеніе, одна воля сторонъ способна произвести перемѣну въ лицѣ собственниковъ, и при томъ не только, что касается участниковъ соглашенія, но и постороннихъ лицъ (Laurent, Cours élémentaire de droit civil, II, 923). Отсюда само собою опредѣляется моментъ этой перемѣны, моментъ перенесенія права, моментъ закрѣпленія собственности за новымъ обладателемъ.—Это моментъ покончennаго соглашенія, моментъ состоявшагося договора (ст. 1138).

Италіанскій кодексъ усвоилъ эту же теорію: La proprietà e gli altri diritti sulle cose si acquistano et si transmettano per successione, per donazione *e per effetto di convenzioni*. (Ст. 710). Nei contratti che hanno per oggetto la traslazione della proprietà o di altro diritto, *la proprietà* o il diritto *si trasmette* e si acquista *per effetto del consenso* legitimamente manifestato, e la cosa rimane a rischio e pericolo dell'acquirente, quantunque non ne sia seguita la tradizione (1125). Теорія эта существуетъ и предполагается къ сохраненію въ бельгійскомъ законодательствѣ (Laurent, Avant-projet de revision du code civil, т. IV, ст. 1088). Она же, какъ было замѣчено, усвоена правомъ англійскимъ и сѣверо-американскимъ; но въ остальной части Европы уцѣлѣла теорія римскаго права.

Приводятся обыкновенно слѣдующія соображенія въ пользу преимуществъ передачи предъ принципомъ одного только соглашенія сторонъ, какъ способовъ пріобрѣтенія правъ собственности:

1) Передача указываетъ на зрѣлую, опредѣлившуюся рѣшимость одного отчудить вещь, а другаго—пріобрѣсть ее.

2) Она выражаетъ точно и несомнѣнно содержаніе воли сторонъ: передать вещное право, а не обязаться только, какъ при одномъ соглашеніи.

3) Она удовлетворяетъ практической цѣли, преслѣдуемой при пріобрѣтеніи собственности, перенося дѣйствительную, фактическую власть надъ вещью—владѣніе.

4) Она является средствомъ огласить передъ посторонними лицами переходъ права собственности изъ рукъ въ руки (конечно, это оглашеніе не равняется тому, которое наблюдается при переносѣ права собственности на недвижимость; нельзя упускать изъ виду, что съ

перемѣной собственника недвижимости связывается обыкновенно гораздо болѣе интересовъ разныхъ лицъ, чѣмъ съ отчужденіемъ движимости).

5) Она даетъ извѣстное ручательство прочности оборота, для котораго требуется ясный, твердый признакъ перенесенія права собственности съ одного лица на другое, а такимъ признакомъ является передача владѣнія вещью.

6) За передачу говоритъ опытъ римскаго права, практика большинства дѣйствующихъ законодательствъ, и, вѣроятно, всѣмъ этимъ вмѣстѣ объясняется тенденція и наростающихъ законодательствъ къ этому же способу пріобрѣтенія права собственности, что мы наблюдаемъ не только въ проектахъ обще-германскаго уложенія (§ 874), но даже и въ проектѣ бельгійскаго кодекса, который сдѣлалъ поправку во французскомъ кодексѣ въ смыслѣ приближенія къ принципу римскаго права, поставивши передачу непремѣннымъ и ясно, категорически выраженнымъ условіемъ перехода права собственности, что касается третьихъ лицъ (Laurent, Avant-projet, l. c.). Достойно вниманія, что и новый голландскій кодексъ, въ другихъ отношеніяхъ слѣдующій французскому, въ вопросѣ о передачѣ остался вѣренъ принципамъ права римскаго (ст. 639).

«Традиція», по внутреннему своему содержанію, по сущности своей, есть договоръ о передачѣ права собственности однимъ лицомъ другому, по формѣ—это уступка и пріобрѣтеніе владѣнія вещью.

Кто передаетъ, отчуждаетъ свою вещь другому, долженъ быть способенъ къ такому отчужденію: долженъ быть самъ собственникомъ отчуждаемаго. Далѣе, онъ не долженъ быть еще связанъ въ распоряженіи своею собственностью ни непосредственнымъ предписаніемъ закона, ни договоромъ. Тотъ же, который пріобрѣтаетъ собственность, долженъ быть способенъ къ этому пріобрѣтенію.

Кромѣ того говорятъ еще, что для передачи требуется извѣстное основаніе, извѣстное оправданіе ея, законная причина (causa). Всякая сдѣлка, вообще говоря, вытекаетъ изъ извѣстнаго основанія, имѣетъ свой мотивъ, свою побудительную причину. Такой мотивъ составляетъ психологическій элементъ въ сдѣлкѣ и по характеру своему можетъ быть не только юридическимъ, но экономическимъ, этическимъ, религіознымъ и т. п. При передачѣ собственности, передатчикъ можетъ имѣть въ виду подобные же мотивы. Но сверхъ этого передачѣ обыкновенно предшествуетъ извѣстный юридическій актъ (сдѣлка), который служитъ ближайшимъ юридическимъ оправданіемъ ея: соглашеніе о продажѣ, займѣ, о дарѣ и т. п. Это юридическое

основаніе, этотъ путь, который привелъ къ передачѣ, эта объективная causa называется титуломъ. Можетъ, однако, передача идти непосредственно за рѣшимостью передать, такъ что это юридическое расчлененіе въ передачѣ собственности какъ бы исчезаетъ (подачка нищему). Самая сущность передачи, строго говоря, не требуетъ выясненія этой объективной причины: важно, что стороны согласились одинъ передать вещь въ собственность, а другой—пріобрѣсть ее, а изъ какого мотива вышло это соглашеніе—для дѣйствія передачи безразлично. Таково было воззрѣніе римскаго права, видѣвшаго въ causa traditionis лишь средство узнать согласную волю сторонъ. Поэтому совпаденіе воль въ намѣреніи передать и пріобрѣсть собственность имѣло рѣшающее значеніе, хотя бы существовало разногласіе въ мотивахъ: пріобрѣтатель дѣлался собственникомъ пріобрѣтаемой вещи, не взирая на то, что эта вещь была дана ему въ уплату долга, а онъ думалъ, что она ему подарена,—дѣлался собственникомъ, потому что въ обоихъ случаяхъ имѣлось въ виду передать вещь въ собственность; но если одинъ контрагентъ имѣлъ въ виду уступить вещь въ пользованіе другому, а другой полагалъ, что ее ему дарятъ—переходъ права собственности не состоится, потому что нѣтъ согласной воли сторонъ на отчужденіе и пріобрѣтеніе вещи въ собственность.

Пріобрѣтеніе права собственности посредствомъ передачи совершается въ формѣ перенесенія владѣнія съ отчуждателя на пріобрѣтателя. Обыкновенно это перенесеніе сопряжено съ фактической передачей самой вещи. Но такъ какъ суть въ правѣ на вещь, а не въ фактѣ, то передача можетъ совершиться и тогда, когда ея на дѣлѣ не было—лицо пользовалось вещью по договору, потомъ оно купило ее. Тутъ передачи въ смыслѣ врученія вещи не было, но переходъ владѣнія, и притомъ съ сознаніемъ, что пріобрѣтатель сталъ владѣть вещью, какъ своею, состоялся. Вообще для перехода права на вещь достаточно, чтобы пріобрѣтатель вещи располагалъ средствомъ подчинить вещь своему фактическому господству (Прусское земское улож. 1. 7. §§ 58, 59. Австр. гражд. кодексъ, §§ 423—430. Сакс. улож., ст. 253, 199, 200; Швейцарское обязат. право, ст. 199—204).

Какъ мы видѣли выше, только тотъ можетъ передавать право собственности на свою вещь, который самъ его имѣетъ, что̀ согласно не только съ правомъ, но и съ логикой: нельзя передать больше правъ, чѣмъ сколько самъ ихъ имѣешь. Таково было правило и римскаго законодательства, дозволявшаго собственнику требовать обратно, виндицировать свою вещь у всякаго другаго, пріобрѣвшаго ее помимо воли собственника. Но интересы оборота и промышленности

постепенно создали цѣлый рядъ отклоненій отъ этого правила. Такъ, еще въ средневѣковыхъ законныхъ книгахъ нѣмцевъ выработалось положеніе, что только собственникъ похищенныхъ или иначе помимо его воли изъ его рукъ выбывшихъ вещей (утерянныхъ) можетъ требовать ихъ обратно отъ всякаго третьяго лица, не взирая даже на добросовѣстность пріобрѣтенія ихъ послѣднимъ. Напротивъ, при добровольномъ выходѣ вещей изъ рукъ собственника онъ можетъ требовать ихъ (или вознагражденія за нихъ) только отъ того, кому онъ ихъ передалъ, но не отъ послѣдующихъ пріобрѣтателей. Съ рецепціей римскаго права нѣмецкое воззрѣніе отступило на задній планъ, но не исчезло совсѣмъ, заявляя о себѣ то въ томъ, то въ другомъ нѣмецкомъ законодательствѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ юридическое сознаніе проникаетъ мысль, что при вопросахъ объ отчужденіи чужой вещи и о поворотѣ ея къ ея собственнику, надо обращать вниманіе не столько на способъ потери владѣнія вещью, сколько на способъ пріобрѣтенія владѣнія новымъ владѣльцемъ, а именно—было ли это пріобрѣтеніе правомѣрнымъ и честнымъ, или нѣтъ, такъ что, съ одной стороны, стали, при извѣстныхъ условіяхъ, подвергать ограниченію въ пользу честныхъ и «титулованныхъ» владѣльцевъ даже виндикацію вещей, вышедшихъ изъ владѣнія собственника противъ его воли, и съ другой стороны допускать виндикацію и добровольно довѣренныхъ другому вещей, если правомѣрность и добросовѣстность пріобрѣтенія отсутствовали.

Вообще въ вопросѣ о крѣпости сдѣлокъ по отчужденію движимыхъ вещей несобственниками замѣчается явственная тенденція поддержать честный оборотъ движимости. Въ отдѣльности въ законодательствѣ вопросъ этотъ представляется въ такомъ видѣ.

Ближе всего къ римскому праву—*саксонское законодательство*. По этому законодательству собственникъ имѣетъ право требовать свою вещь отъ всякаго держателя ея (§ 295). Но имѣть права собственности на деньги металлическія или бумажныя, публичныя бумаги на предъявителя онъ можетъ только у недобросовѣстнаго пріобрѣтателя ихъ (296).

Предъявляя искъ о правѣ собственности, истецъ долженъ доказать способъ пріобрѣтенія ея, а если онъ производитъ свое право отъ своего предшественника, то и право собственности этого послѣдняго (298, 301).

Австрійское право, какъ и саксонское, принципіально стоитъ на римской точкѣ зрѣнія, требуя отъ отчуждателя права собственности на вещь, но допускаетъ однако изъ этого правила много весьма серь-

езныхъ исключеній, согласно которымъ право собственности пріобрѣтатель получаетъ, хотя его и не имѣлъ передатчикъ, а именно такія пріобрѣтенія имѣютъ мѣсто: 1) для честныхъ пріобрѣтателей вещей (хотя бы украденныхъ или потерянныхъ) съ публичнаго торга, у торговцевъ по профессіи вещами подобнаго рода (за вознагражденіе), у лицъ, которымъ собственникъ довѣрилъ вещи для употребленія, сохраненія или для другой цѣли (§ 367), вообще въ тѣхъ случаяхъ, когда вещь вышла изъ владѣнія по волѣ собственника и перешла въ другія руки; послѣднее исключеніе имѣетъ корень въ старомъ нѣмецкомъ юридическомъ правилѣ: Hand muss Hand wahren, «кто кому что довѣрилъ—съ того и спрашивай».

Но это исключеніе не имѣетъ силы при выходѣ вещей изъ владѣнія собственника помимо его воли (въ случаѣ грабежа, кражи—ср. § 373 и Randa, Das Eigenthumsrecht nach österreichischem Rechte, стр. 310). Равно при неправомѣрномъ отчужденіи хозяйскихъ вещей прислугой, такъ какъ хозяинъ не теряетъ владѣнія вещами, къ которымъ имѣетъ доступъ его прислуга (Randa, ib.).

2) Честные пріобрѣтатели вещей не распознаваемыхъ (денегъ, бумагъ на предъявителя или по приказу) пріобрѣтаютъ право собственности во всякомъ случаѣ. Сюда же причисляются и пріобрѣтатели товаровъ по варрантнымъ свидѣтельствамъ и коносаментамъ (§ 371 и Randa, 3, 2 и сл.).

Нечестнымъ пріобрѣтателемъ (владѣльцемъ) считается тотъ, который знаетъ или по обстоятельствамъ долженъ знать, что находящаяся въ его владѣніи вещь принадлежитъ другому (§ 326).

Прусское право не дѣлаетъ различія между добровольной и невольной потерей владѣнія вещью, а обращаетъ вниманіе на то, какимъ путемъ отвѣтчикъ пріобрѣлъ владѣніе. Кто нечестно пріобрѣлъ вещь или у лица подозрительнаго, тотъ долженъ возвратить ее безмездно имѣющему на нее право. Подозрительными считаются тѣ лица, которыя вещами подобнаго рода не торгуютъ или по состоянію своему и образу жизни обыкновенно такими вещами не владѣютъ (1, 15, § 17, 18, 19). У добросовѣстнаго же пріобрѣтателя и за деньги купившаго вещь и у лицъ не подозрительныхъ она можетъ быть потребована лишь за вознагражденіе и никоимъ образомъ при покупкѣ у казны, съ публичнаго торга, въ лавкѣ, на ярмаркахъ и базарахъ (§§ 36, 42, 43).

Напротивъ швейцарскій законъ объ обязательствахъ дѣлаетъ различіе не только между добросовѣстностью и недобросовѣстностью пріобрѣтенія, но и между способомъ выхода вещи изъ рукъ собственника.

Добросовѣстный пріобрѣтатель вещи становится собственникомъ ея, хотя бы его предшественникъ и не имѣлъ на нее права собственности. Но если эта вещь была краденая или утерянная, то собственникъ ея можетъ въ теченіе 5 лѣтъ требовать ее у всякаго держателя ея. Но всякая вещь, добросовѣстно пріобрѣтенная съ публичнаго торга, на рынкѣ или у торговца, который занимается торговлей подобными вещами, можетъ быть возвращена собственнику только по внесеніи имъ заплаченной за нее цѣны. Недобросовѣстный пріобрѣтатель долженъ вещь возвратить собственнику, а если она имъ отчуждена—возвратить цѣну ея (205—207).

Но самое крайнее развитіе древне-германскаго принципа—Hand wahre Hand представляетъ французское законодательство въ ст. 2279, гласящей: en fait de meubles la possession vaut titre—для движимостей владѣніе замѣняетъ титулъ, т. е. владѣніе составляетъ для движимости то, что̀ купля, мѣна, дареніе, завѣщаніе—для недвижимости; само владѣніе является титуломъ. Это не одно предположеніе только права собственности, такъ какъ оно не допускаетъ доказательства противнаго. Разъ владѣніе доказано,—этотъ титулъ неопровержимъ. Отсюда правило: виндикація движимости не имѣетъ мѣста. Но каково же должно быть владѣніе, чтобы получить таковую силу?

1) Оно должно быть съ титуломъ собственника, въ видѣ собственности; временный, приказный держатель этой привиллегіи не имѣетъ. Но если онъ передалъ вещь третьему, то этотъ третій становится собственникомъ.

2) Нужно владѣніе дѣйствительное, нужна настоящая реальная передача, а не символическая только.

3) Владѣніе должно быть добросовѣтнымъ. Правило 2279 создано для торговли, торговля же должна быть основана на добросовѣстности (bonne foi). Отсюда воръ, грабитель не пользуется защитой статьи. И тотъ, кто пріобрѣлъ вещь у вора или кто купилъ вещь утерянную, долженъ возвратить ее собственнику, если послѣдній предъявитъ искъ въ теченіе 3-хъ лѣтъ со дня пріобрѣтенія вещи незаконнымъ владѣльцемъ. Но, какъ и въ германскихъ законодательствахъ, вещи, хотя и ворованныя или утерянныя, должны быть возвращаемы только за деньги, если они куплены съ публичнаго торга, на рынкѣ или у торговца, занимающагося продажей подобныхъ (ст. 2280, Laurent, Cours II, 369 и сл. I, 463. Stabel, Institutionen des französischen Civilrechts, 120 и слѣд.). Итальянскій кодексъ слѣдуетъ французскому. Проектируемый для Германіи кодексъ, подобно существующимъ германскимъ кодексамъ, считаетъ возможнымъ признать дѣйствительнымъ пріобрѣ-

ніе вещей и не у собственника, подъ условіемъ извинительнаго (т. е. безъ грубой неосторожности) незнанья объ этомъ. Но на вещи краденныя и утерянныя это исключеніе не распространяется (§§ 877, 879).

Въ русскомъ законодательствѣ постановленія о пріобрѣтеніи права собственности на движимость путемъ перенесенія владѣнія далеко не отличаются той простотой и ясностью, какъ въ западно-европейскихъ законодательствахъ. Здѣсь вполнѣ обнаружились особенности нашего сборнаго законодательства, нароставшаго разновременно по разнымъ обстоятельствамъ, преслѣдуя разнообразныя цѣли. Касаясь вопроса (съ той или другой стороны) въ разныхъ частяхъ законной книги, законодатель нигдѣ не отнесся къ нему съ подобающимъ и достаточнымъ вниманіемъ, давая лишь отдѣльные, случайно требовавшіеся практикой, отвѣты, не заботясь о соединеніи ихъ общимъ принципомъ. Отсюда крайняя трудность, при отысканіи руководящихъ ихъ правилъ, отсюда понятное въ сужденіи по этому вопросу разнорѣчіе въ юридической литературѣ, сбивчивость и неустойчивость въ судебной практикѣ.

Неполнота и слабость законныхъ нормъ по разсматриваемоиу вопросу приводитъ къ необходимости, прежде детальнаго его разсмотрѣнія, поставить вопросъ предварительный, признаетъ ли, дѣйствительно, законъ нашъ способомъ пріобрѣтенія права собственности передачу?

За отсутствіемъ общаго отвѣта на этотъ вопросъ, надо разсмотрѣть тѣ отдѣльныя постановленія закона, въ которыхъ идетъ рѣчь о значеніи передачи, какъ способа пріобрѣтенія правъ. Ст. 420 говоритъ: о пріобрѣтеніи права собственности «чрезъ законныя *передачи* и укрѣпленія».

Въ ст. 707 сказано: «Укрѣпленіе правъ на имущество производится... 2) передачей самого имущества».

Въ ст. 1380 читаемъ: «Мѣна двухъ имуществъ можетъ быть производима и безъ письменнаго укрѣпленія одною взаимною *передачею*».

По ст. 993: «*Передача* подареннаго движимаго имущества совершается врученіемъ даримой вещи тому, кому она назначается и поступаетъ въ его распоряженіе».

По ст. 1510, «*передача* отъ продавца покупщику проданнаго движимаго имущества совершается дѣйствительнымъ покупщику врученіемъ сего имущества или поступленіемъ онаго въ его распоряженіе». Ст. 1297 гласитъ: «*Передача* движимыхъ имуществъ совершается врученіемъ оныхъ наслѣдникамъ по описи». Въ ст. 1511 говорится: «*Покупщикъ*, въ случаѣ неизвѣстности или неблагонадежности про-

давца, можетъ *при передачѣ* потребовать отъ него поручительства въ томъ, что продаваемое имущество ему принадлежитъ».

Изъ всѣхъ этихъ статей съ несомнѣнностью слѣдуетъ, что законъ нашъ придаетъ существенное значеніе передачѣ при переходѣ права собственности на движимость. Онъ не забываетъ о ней упомянуть при всѣхъ главнѣйшихъ основаніяхъ перехода права собственности: при мѣнѣ, куплѣ, дареніи и наслѣдованіи. Онъ предостерегаетъ пріобрѣтателя вещи у лица сомнительнаго охранить себя поручительствомъ именно при *передачѣ*, потому что переданная вещь выбываетъ не только изъ его рукъ, но и изъ его юридическаго обладанія, поступая въ обладаніе другаго и открывая слѣдовательно для этого послѣдняго возможность дальнѣйшаго отчужденія. Правда, что законъ не говоритъ категорически, что безъ передачи нѣтъ собственности, но рѣчь о передачѣ ведется въ законѣ какъ о чемъ-то настолько же необходимомъ, насколько и извѣстномъ: законъ не столько заботится объ указаніи, быть ли передачѣ или нѣтъ, сколько о томъ, какъ быть, какъ она должна быть совершаема (врученіемъ, поступленіемъ въ распоряженіе пріобрѣтателя вещи).

Едва ли можно сомнѣваться также, что ст. 794, говорящая, что «даръ, *принятый* тѣмъ, кому онъ назначенъ, къ дарителю не возвращается», разумѣть подъ принятіемъ переходъ во владѣніе, т. е. передачу, ибо до передачи можетъ быть рѣчь о назначеніи дара, а не о принятіи. Съ этой точки зрѣнія не лишена значенія и общая статья (707), говорящая объ укрѣпленіи правъ путемъ передачи. Послѣ сказаннаго можетъ имѣть, хотя и косвенное, значеніе ст. 534, говорящая, что «движимыя вещи почитаются собственностью того, кто ими владѣетъ, доколѣ противное не будетъ доказано», ибо владѣніе требуетъ или *передачи* или поступленія вещи въ распоряженіе владѣльца.

(Въ уставѣ судопроизводства торговаго, въ раздѣлѣ о производствѣ дѣлъ о торговой несостоятельности, ст. 563—576 опредѣляется, при какихъ условіяхъ имущество, дошедшее къ несостоятельнаму, должно быть сочтено принадлежностью конкурса, какъ правопреемника несостоятельнаго, а въ какихъ—нѣтъ; но статьи эти имѣютъ спеціальную цѣль и исключительный характеръ и въ виду этого для установленія точки зрѣнія общаго законодательства пользоваться ими, по нашему мнѣнію, не слѣдуетъ).

Достойно вниманія, что и графъ Сперанскій считалъ *передачу* способомъ пріобрѣтенія права собственности на движимость. «Второй видъ пользованія относится къ движимымъ имуществамъ (первый касается недвижимаго), когда пользованіе соединено съ предшествующимъ укрѣ-

пленіемъ, съ правомъ собственности. Въ семъ видѣ оно, также какъ и владѣніе, не составляетъ особаго права, но есть послѣдствіе самаго укрѣпленія. Сіе послѣдствіе *совершается передачею* (traditio) и значитъ то же, что и укрѣпленіе. (Объяснительная записка содержанія и расположенія свода законовъ гражданскихъ. Архивъ, изд. Калачовымъ, кн. II, стр. 13).

Не лишнее замѣтить, что, сколько извѣстно, и наше народное, неоффиціальное правосознаніе считаетъ тоже передачу рѣшительнымъ моментомъ въ переходѣ права собственности (Пахманъ, Обычное гражданское право въ Россіи, II, 130 и слѣд.).

Но существованіе въ I ч. X т. статей, буквальный смыслъ которыхъ расходится со статьями вышеприведенными, породило мнѣніе, что передача не имѣетъ рѣшающаго значенія при пріобрѣтеніи права собственности на движимое имущество, что собственность пріобрѣтается путемъ одного договорнаго и вообще обоюднаго соглашенія—стороны отчуждающей и пріобрѣтающей вещь (*Умовъ*, Дареніе, Москва, 1876 г., стр. 150 и слѣд.).

Мнѣніе это ищетъ для себя опоры, во 1-хъ, въ примѣчаніи къ ст. 699. Въ примѣчаніи этомъ, въ числѣ способовъ пріобрѣтенія правъ на имущества, въ пунктѣ 4 названы договоры и обязательства (послѣ пожалованія, выдѣла, дара, духовнаго завѣщанія, наслѣдованія, мѣны и купли). Но примѣчаніе это, какъ показываетъ заглавіе главы 2 (О способахъ пріобрѣтенія права на имущество) и статья (699), предшествующая примѣчанію («права на имущества пріобрѣтаются не иначе какъ способами въ законахъ опредѣленными»), ведетъ рѣчь не исключительно о пріобрѣтеніи права собственности, а вообще о пріобрѣтеиіи правъ имущественныхъ. Съ этой точки зрѣнія, конечно, и договоры служатъ источникомъ имущественныхъ правъ. Во 2-хъ, примѣчаніе это имѣетъ черезъ чуръ общій характеръ, чтобы служить опорой для общаго вывода о пріобрѣтеніи права собственности путемъ договора. Въ 3-хъ, сами составители свода законовъ не придавали правиламъ, указаннымъ въ *примѣчаніяхъ*, значенія обязательной законодательной нормы. «Сверхъ указаній на статьи, находятся въ Сводѣ по мѣстамъ *примѣчанія*. Сила ихъ состоитъ въ слѣдующемъ: каждая статья закона заключаетъ въ себѣ или повелѣніе или запрещеніе. Изъясненія, кои не содержатъ ни того ни другаго, не суть законъ, и слѣдовательно не могутъ имѣть мѣста въ статьяхъ Свода; между тѣмъ они могутъ быть полезны къ лучшему уразумѣнію закона, и въ семъ уваженіи они вмѣщены въ примѣчаніяхъ. Изъ нихъ одни охраняютъ планъ Свода.

указуя краткими ссылками связь и отношеніе разныхъ частей его; другія излагаютъ въ краткихъ словахъ исторію закона, когда она нужна къ лучшему его уразумѣнію, ссылаясь также на источники, изъ коихъ она почерпнута» (Обозрѣніе историческихъ свѣдѣній о сводѣ законовъ, стр. 166, 167).

Въ 4-хъ указываютъ на ст. 1513, 1514, 1519. Въ первой говорится: «если продавецъ взялъ съ покупщика задатокъ или всѣ деньги, а потомъ проданныхъ вещей не будетъ отдавать, видя въ цѣнѣ возвышеніе, то къ таковой отдачѣ принуждается судомъ и при томъ по условленной цѣнѣ, а не по возвысившейся».

Во второй сказано: «если покупщикъ не будетъ принимать купленныхъ имъ вещей, имѣющихъ условленное по договору достоинство, то принуждается къ сему судомъ».

Въ третьей читаемъ: «если проданное движимое имущество окажется сходнымъ съ условіемъ или образцомъ, то покупщикъ обязанъ принять оное безотговорочно и удовлетворить продавца платежемъ цѣны».

Очевидно, что въ статьяхъ этихъ идетъ рѣчь не о вещной, а объ обязательственной сторонѣ договора продажи. Здѣсь указывается, къ какимъ средствамъ имѣетъ право прибѣгнуть одна сторона, въ случаѣ нарушенія договора другою, и только. Вопросъ о переходѣ правъ собственности эти статьи оставляютъ открытымъ, и онъ имѣетъ разрѣшеніе, какъ мы видѣли, въ другихъ статьяхъ I ч. X тома. Можетъ быть указана еще въ опроверженіе защищаемаго нами мнѣнія (не приводимая противниками) ст. 711, говорящая: «движимыя имущества могутъ быть пріобрѣтаемы законными способами, безъ всякихъ письменныхъ актовъ, по однимъ словеснымъ договорамъ и соглашеніямъ». Но упоминаніе въ этой статьѣ о договорахъ, какъ способѣ пріобрѣтенія движимостей, не имѣетъ, однако, смысла, что договоръ переноситъ собственность: неудачная редакція статьи говоритъ не то, что хотѣлъ сказать законодатель, а хотѣлъ онъ сказать, что пріобрѣтеніе собственности на движимость можетъ быть оформлено *словесно*, безъ письменнаго акта. Такимъ образомъ, удареніе здѣсь не на договорахъ, а на *словесныхъ* договорахъ и соглашеніяхъ. Разбираемое мнѣніе, повидимому, присуще и нашей кассаціонной практикѣ, насколько можно уловить его при всемъ разнообразіи ея разъясненій. См. касс. рѣш. $^{67}/_{72}$, $^{69}/_{462}$, $^{72}/_{689}$; 897. Мнѣніе, что передача должна быть признана рѣшительнымъ моментомъ при пріобрѣтеніи права собственности на движимость, раздѣляется проф. Мейеромъ (Русское гражданское право, стр. 294 и слѣд.), проф. Цитовичемъ (Основныя

понятія торговаго права, стр. 154), К. П. Побѣдоносцевымъ; впрочемъ, у послѣдняго автора — колебаніе: то онъ считаетъ передачу существеннымъ моментомъ, однако, въ связи съ обмѣномъ эквивалентовъ, то даже считаетъ достаточнымъ одного соглашенія для перехода собственности—что касается самихъ участниковъ, требуя передачи для закрѣпленія собственности въ виду постороннихъ (Курсъ гражданскаго права, т. I, стр. 343 и 345). За передачу и г. Шершеневичъ (Курсъ торговаго права т. I, стр. 24 и сл.). Корифей русской исторической цивилистики, Неволинъ, высказывается съ нерѣшительностью относительно необходимости передачи: «требовалось ли и требуется ли при этомъ (т. е. при договорѣ) необходимо еще и передача пріобрѣтаемыхъ вещей пріобрѣтателю—это въ русскомъ законодательствѣ съ точностью не опредѣлялось и не опредѣляется» (Полное собраніе сочиненій, IV, 437).

Если передачу надо считать и по нашему закону способомъ пріобрѣтенія права собственности, то и у насъ, какъ и въ западно-европейскихъ законахъ, передача вовсе не означаетъ непремѣнно перенесенія фактическаго владѣнія, обладанія въ натурѣ; достаточно одной возможности фактическаго воздѣйствія, а не имѣнія непремѣнно вещи въ рукахъ. Эта мысль видна изъ словъ закона: онъ говоритъ, что передача вещи совершается не только врученіемъ вещи тому, кому она назначается, но и поступленіемъ ея въ его распоряженіе (ст. 993 и 510).

Итакъ, передачу надо считать способомъ пріобрѣтенія правъ собственности на движимость и по русскому праву. Теперь ставится вопросъ, какія же она должна совмѣщать въ себѣ условія, чтобы выполнить такую роль.

1) Конечно, прежде всего должна быть согласная воля сторонъ: одной передать, а другой принять вещь, какъ собственность. На эту же волю и указываетъ предшествующая передачѣ сдѣлка, которая имѣетъ конечнымъ своимъ результатомъ самую передачу, самое владѣніе вещью. Затѣмъ должна быть на лицо годность сторонъ къ перенесенію отчуждаемаго и къ полученію пріобрѣтаемаго права; отсюда—

2) передавать право собственности на вещь можетъ только тотъ, кто самъ состоитъ собственникомъ ея, кому она принадлежитъ на правѣ собственности. Требованіе это законъ нашъ считаетъ общимъ правиломъ и говоритъ о немъ по поводу разныхъ основаній перехода правъ собственности: мѣны (ст. 1379, 1380), продажи (1384, 1385—здѣсь слово «владѣлецъ» несомнѣнно означаетъ собственника. Ср. примѣчаніе къ ст. 420, 1389, 1511, 1512), пожалованія (934; ср.

406, 408, 409 и 496), даренія (967), выдѣла (994, 996—998: связь выдѣла съ наслѣдованіемъ, которое можетъ идти только отъ собственника, указываетъ на то, что и выдѣлить можетъ только собственникъ); назначенія приданаго (1001—1004; относительно этихъ статей надо тоже замѣтить, что и относительно статей о выдѣлѣ), завѣщанія (1010, 1011, 1018, 1019 п. 2, 1066[2]), наслѣдованія по закону (ст. 1104. — Статья эта ставитъ, слѣдовательно, законнаго наслѣдодателя съ завѣщателемъ въ одинаковое положеніе; см. еще ст. 1222).

Такимъ образомъ нашему закону чуждо правило французскаго кодекса en fait de meubles la possession vaut titre, согласно которому въ вопросѣ о пріобрѣтеніи движимости владѣніе уравнивается съ правомъ собственности. Наша статья 534, по которой «движимыя вещи почитаются собственностью того, кто ими владѣетъ, доколѣ противное не будетъ доказано», вовсе не аналогична ст. 2279 французскаго кодекса, ибо наше «противное» дѣлаетъ уравненіе собственности съ владѣніемъ лишь временнымъ, создавая такую презумпцію, которая, будучи разрушена, разрушаетъ и самое правило. Равно нашему закону, какъ далѣе увидимъ, чуждо правило нѣмецкое Hand muss Hand wahren, а равно и прочія вышеприведенныя исключенія нѣмецкихъ законодательствъ.

Но нашъ законъ знаетъ исключеніе другаго рода изъ правила о необходимости права собственности на сторонѣ передатчика. Исключеніе это касается незаконнаго владѣнія вещами, составляющими доходъ, орудія обработки, хозяйственный инвентарь и вообще предметами, принадлежащими къ составу имѣнія, находящагося въ добросовѣстномъ или недобросовѣстномъ владѣніи лица (слѣдовательно знавшаго или незнавшаго о правѣ другаго на владѣемое имѣніе).

Такъ, законъ говоритъ о дѣйствительности продажи, сдѣланной добросовѣстнымъ владѣльцемъ слѣдующихъ предметовъ: приплода отъ животныхъ, шерсти, снятой съ овецъ, молока, масла и т. п. матеріаловъ, выдѣланныхъ въ заведеніи сельскаго хозяйства и промышленности (626), и вообще всѣхъ произведеній земли или же фабрикъ, и другихъ какого либо рода заведеній (620), равно и такихъ предметовъ, которые не могутъ быть причислены къ доходнымъ статьямъ,—напримѣръ, лѣсъ въ такихъ размѣрахъ и при такихъ условіяхъ, что продажа его не можетъ быть признана обыкновеннымъ съ имѣнія доходомъ (634),—и вообще предметовъ, состоявшихъ во временномъ его владѣніи (643).

Равно признается дѣйствительной и продажа, сдѣланная *недобросо-*

вѣстнымъ владѣльцемъ: земледѣльческихъ орудій и другихъ принадлежащихъ къ имѣнію предметовъ, машинъ, хозяйственной утвари и т. п., а равно рабочаго и всякаго инаго скота (613), лѣса (615), хлѣба, сѣна и другихъ произведеній земли, или же фабрикъ и другихъ какого либо рода заведеній, приплода отъ подлежащихъ возврату лошадей, рабочаго и всякаго домашняго скота и т. п., рыбы, шерсти, молока, масла и т. п. (620, 621).

Такимъ образомъ законъ въ вышеприведенныхъ статьяхъ ставитъ въ одинаковое положеніе добросовѣстнаго и недобросовѣстнаго владѣльца, буквально повторяя постановленія, сдѣланныя относительно одного, и для другаго.

Въ этомъ случаѣ, т. е. допуская возможность отчужденія и не отъ лица собственника, нашъ законъ удаляется отъ римскаго права и приближается къ законамъ западно-европейскихъ народовъ.

Но можно ли на основаніи этого сходства сдѣлать заключеніе, какъ нѣкоторые дѣлаютъ, что и вообще нашъ законъ въ вопросѣ о пріобрѣтеніи права собственности на движимость не различаетъ между собственникомъ и владѣльцемъ-отчуждателемъ, считая отчужденіе и того и другаго равно закономѣрнымъ? Не говоря о томъ, что такой выводъ находится въ полномъ противорѣчіи съ цѣлымъ рядомъ вышеприведенныхъ статей, требующихъ права собственности у передатчика вещи другому въ собственность, нельзя также не имѣть въ виду, что и статьи о добросовѣстномъ и недобросовѣстномъ владѣніи, отклоняющіяся отъ этого общаго правила, касаются только опредѣленной категоріи движимостей, вѣрнѣе—движимостей, находящихся въ особомъ экономическомъ положеніи въ составѣ владѣнія недвижимостью. Наконецъ, при такомъ обобщеніи вышеприведенныхъ статей трудно было бы объяснить себѣ это полное безразличіе между добросовѣстностью и недобросовѣстностью пріобрѣтенія—фактъ, на который, какъ мы видѣли, другія государства обращаютъ большое вниманіе.

Нельзя также видѣть подтвержденія опровергаемаго нами мнѣнія въ томъ, что законъ уголовный (уложеніе о наказаніяхъ, ст. 1664, 1675, 1680, 1681, 1701, 1702; уставъ уголовнаго судопроизводства ст. 126, 777, 375) признаетъ недѣйствительнымъ отчужденіе и пріобрѣтеніе вещей, добытыхъ путемъ преступленія; усматривая въ этомъ постановленіи закона только единственное исключеніе изъ якобы твердаго правила о томъ, что владѣлецъ и собственникъ одинаково правомочны въ отчужденіи движимыхъ вещей, нельзя видѣть такого подтвержденія въ виду вышеприведенныхъ статей о необходимости права

собственности у всякаго передатчика и въ виду ст. 609, говорящей: «всякій, владѣвшій незаконно чужимъ имуществомъ, не смотря на то, добросовѣстное или недобросовѣстное было владѣніе, обязанъ по окончательному рѣшенію суда немедля возвратить имущество настоящему хозяину онаго».

Такимъ образомъ едва ли можно усвоить правило о закономѣрности отчужденія вещей, полученныхъ отчуждателемъ отъ кого либо по довѣрію. Такое отчужденіе будетъ присвоеніемъ чужаго имущества, что наши уголовные законы караютъ какъ преступленіе (уложеніе о наказаніяхъ, ст. 1681; уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, ст. 177); все же добытое путемъ преступленія не можетъ быть закрѣплено за кѣмъ бы то ни было (см. вышеприведенныя статьи уложенія и устава уголовнаго судопроизводства). Въ одномъ только случаѣ нашъ законъ, и то процессуальный, приближается къ вышеприведеннымъ исключеніямъ законовъ иностранныхъ—это въ статьѣ 1061 устава уголовнаго судопроизводства, по которой признается безповоротность продажи съ публичныхъ торговъ движимаго имущества. Слѣдовательно, эта статья допускаетъ переходъ права собственности и не отъ собственника.

3) Третье условіе передачи—это способность пріобрѣтателя къ принятію передаваемыхъ ему вещей. Это требованіе законъ нашъ высказываетъ какъ вообще, говоря о пріобрѣтеніи правъ, такъ и въ отдѣльности, ведя рѣчь о разныхъ «способахъ» пріобрѣтенія права собственности (ст. 698 и примѣчаніе, 1 и 2, 967, 970, 996, 997, 1002 и сл., 1028, 1025 примѣчаніе, 1066^2, 1067 и 2, 5, 6; 1105, 1106, 1107, 1109, 1304, 1402, 1403. См. еще уст. суд. торг. 553—554).

4) Четвертое условіе — основаніе передачи (causa) — тоже необходимо. Нашему закону чужда мысль римскаго права объ отрѣшенности передачи отъ внутренняго основанія и вообще мы далеки отъ строгаго разграниченія договорнаго и вещнаго элемента въ *передачѣ*. При передачѣ недвижимости (купчая) договорная сторона поглощаетъ вещную; но и относительно движимости договоръ (вообще сдѣлка)— необходимая основа передачи и только въ связи съ этой основой должна быть толкуема и воля передать и пріобрѣсть. Возможное здѣсь несогласіе воль должно быть разрѣшаемо по правиламъ объ ошибкѣ или заблужденіи въ природѣ сдѣлки.

А. Загоровскій.

УГОЛОВНО-ЧАСТНЫЙ ПОРЯДОКЪ ПРЕСЛѢДОВАНІЯ ПО СУДЕБНЫМЪ УСТАВАМЪ.

ВТОРАЯ ЗАМѢТКА *).

I.

Кромѣ уголовно-частнаго обвиненія, оффиціально признаннаго въ нашемъ законѣ, у насъ существуетъ еще, такъ сказать, *временное скрытое уголовно-частное обвиненіе* по многимъ дѣламъ, преслѣдуемымъ по закону въ публичномъ порядкѣ. Мы говоримъ о нашей злополучной гражданской предсудимости въ уголовномъ судѣ, о 27 статьѣ устава уголовнаго судопроизводства, загроможденной дремучимъ лѣсомъ сенатскихъ разъясненій.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь существующая у насъ для извѣстныхъ уголовныхъ дѣлъ гражданская предсудимость практически выражается въ томъ, что уголовное дѣло, хотя и возникшее въ публичномъ порядкѣ, прекращается до разрѣшенія гражданскимъ судомъ тѣхъ или другихъ вопросовъ гражданскаго права. Потерпѣвшій отъ преступленія временно выталкивается изъ залы уголовнаго суда и *предоставляется своимъ силамъ для борьбы съ противникомъ въ гражданскомъ судѣ.* Одержитъ онъ побѣду, уголовное правосудіе торжествуетъ; не одолѣетъ онъ противника, уголовная немезида закрываетъ глаза и преклоняется передъ авторитетомъ гражданскаго суда, хотя бы рѣшеніе его было только формально справедливо и хотя бы оно было вызвано лишь неумѣлостью и невѣжественностью истца — потерпѣвшаго отъ преступленія. Наконецъ, если не рѣшившійся вступить въ борьбу съ ловкимъ противникомъ потерпѣвшій или откажется отъ своего иска,

*) См. «Юридическій Вѣстникъ» 1889 г., книга 5.

или, чувствуя безпомощность своего положенія, помирится съ лицемъ, совершившимъ надъ нимъ преступленіе, то уголовное дѣло никогда уже не возникнетъ, а прекращенное никогда не возобновится. Развѣ это не скрытое уголовно-частное обвиненіе?

Такимъ образомъ, общее начало, выраженное въ 4 и 5 статьяхъ уст. угол. суд. о томъ, что прокурорская власть выступаетъ органомъ преслѣдованія по всѣмъ уголовнымъ дѣламъ, за исключеніемъ преступленій уголовно-частныхъ, есть начало, далеко не выражающее истиннаго положенія вещей. На самомъ дѣлѣ оно несравненно у́же. Разсужденія составителей судебныхъ уставовъ о томъ, что «*обвинители во имя закона—прокуроры—обязаны возбуждать и преслѣдовать тѣ дѣла, въ которыхъ истцемъ представляется обвинительная власть*» [1]), на практикѣ не касаются тѣхъ уголовныхъ дѣлъ, по которымъ возникаютъ преюдиціальные вопросы.

Дѣла эти, несмотря на то, что они будутъ заключать въ себѣ «посягательства на безопасность общества», временно зачисляются въ многострадальную категорію дѣлъ, «касающихся, по словамъ составителей уставовъ, главнымъ образомъ, интересовъ одного частнаго лица и имѣющихъ въ этомъ лицѣ самаго надежнаго цѣнителя своего дѣла».

Наблюденія наши надъ уголовными дѣлами, временно превращаемыми въ дѣла гражданскія, указываютъ, что дѣла эти въ *очень рѣдкихъ случаяхъ* возвращаются въ уголовный судъ. Почти же всегда они совершенно исчезаютъ съ судебнаго горизонта.

Не думаемъ, чтобы этотъ знаменательный фактъ объяснялся повальною неосновательностью и недобросовѣстностью потерпѣвшихъ при возбужденіи подобныхъ дѣлъ. Нѣтъ, намъ, напротивъ того, кажется, что въ основаніи этого явленія кроется болѣе глубокая причина, *указывающая на полную непригодность и неудовлетворительность самой организаціи нашего преюдиціальнаго разбирательства по уголовнымъ дѣламъ.*

Каково бы ни было различіе между гражданской и уголовной неправдой, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что принципіальнаго различія между ними не существуетъ. Значительное число преступныхъ дѣяній, даже, можно сказать, большинство изъ нихъ, нарушая существенныя условія общежитія, въ то же время причиняютъ вредъ отдѣльнымъ лицамъ. Вредъ этотъ, понимаемый въ самомъ широкомъ

---

[1]) Объяснительная записка къ проекту устава уголовнаго судопроизводства, стр. 9.

смыслѣ, обнимаетъ собою не только имущественный ущербъ (damnum emergens и lucrum cessans), но и послѣдствія для пострадавшаго чисто нравственнаго свойства, которыя иногда вовсе не подлежатъ какой либо матеріальной оцѣнкѣ.

Съ этой точки зрѣнія въ теоріи уголовнаго права существуетъ совершенно справедливый взглядъ, главнымъ представителемъ котораго является Биндингъ [2]), что всякая неправда заключаетъ въ себѣ *уголовный моментъ*, *т. е.*, *виновное посягательство на охраняемый правомъ интересъ*, при чемъ для наказуемости ея уголовнымъ закономъ необходимо извѣстное наростаніе вреда и опасности, извѣстное значеніе неправды для общественнаго порядка и спокойствія.

«Она можетъ не затрогивать, говоритъ профессоръ Н. Таганцевъ [3]), ничьихъ матеріальныхъ, имущественныхъ интересовъ, можетъ сопровождаться вредомъ идеальнымъ, или хотя и реальнымъ, но не имѣющимъ имущественнаго характера, или же такое посягательство сопровождается прямо или косвенно разрушеніемъ или поврежденіемъ имущества или имущественнаго интереса, сопровождается ущербомъ или убыткомъ. Этотъ дополнительный моментъ посягательства и составляетъ неправду гражданскую, и подобно тому, какъ уголовный моментъ требуетъ устраненія и возмѣщенія ущерба—наказаніемъ, такъ гражданскій требуетъ или возстановленія нарушеннаго права, или уплаты вреда и убытковъ. Съ этой точки зрѣнія неправда гражданская не есть видъ неправды, а только ея моментъ, она или конкурируетъ съ наказуемою неправдою, obligationes ex delicto, или конкурируетъ съ неправдою уголовною, но не наказуемою, obligationes quasi ex delicto».

Если не существуетъ принципіальнаго различія между неправдой уголовной и гражданской и если первая является уголовной лишь вслѣдствіе того, что за нее кромѣ гражданской отвѣтственности законъ налагаетъ уголовное наказаніе, то спрашивается, почему же гражданскій судъ можетъ быть компетентенъ въ разрѣшеніи преюдиціальныхъ вопросовъ для уголовнаго суда, если этотъ послѣдній призванъ къ разрѣшенію большаго, чѣмъ судъ гражданскій? Въ томъ, что вопросы о виновности, о фактѣ преступленія должны рѣшаться уголовнымъ судомъ и разъ рѣшенные этимъ судомъ они являются преюдиціальными для суда гражданскаго, нѣтъ ничего удивительнаго (30 ст. устава уголовнаго судопроизводства). Гражданскій судъ не можетъ

---

2) Binding, Die Normen und ihre Übertretung.

3) Н. Таганцевъ. Лекціи по русскому уголовному праву. Вып. I. 1887 г.

идти далѣе разрѣшенія гражданской неправды (le criminel tient le civil en état, le criminel emporte le civil). Но за то обратно этого нельзя сказать о рѣшеніяхъ гражданскихъ для суда уголовнаго. Извѣстное юридическое положеніе, гласящее: in eo quod plus est inest et minus, служитъ достаточнымъ логическимъ основаніемъ, чтобы признать за уголовнымъ судомъ право разрѣшать тѣ или другіе вопросы гражданскаго права, если изъ нихъ вытекаетъ уголовная неправда.

Система расширенія власти суда, призваннаго постановить окончательное рѣшеніе, говоритъ профессоръ И. Я. Фойницкій [4]), по принципу: кто уполномоченъ дать отвѣтъ на главный вопросъ, тотъ тѣмъ самымъ уполномоченъ отвѣтить и на всѣ частные вопросы, въ него входящіе и рѣшеніе его условливающіе—имѣетъ высокія преимущества. «*Знаменуя собою довѣріе государственной власти къ судебнымъ мѣстамъ и судебныхъ мѣстъ другъ къ другу, она обезпечиваетъ быстроту производства, сообщаетъ ему бо́льшую простоту и не представляетъ никакой опасности для правосудія, ибо для всѣхъ судей обязательно знаніе всѣхъ частей законодательства и примѣненіе ихъ*».

Отстаиваемое нами положеніе крѣпнетъ еще болѣе, если припомнить, какими способами изслѣдованія обставлено обнаруженіе истины на судѣ гражданскомъ. Если уголовный судъ ни подъ какимъ видомъ не долженъ жертвовать матеріальной истиной истинѣ формальной, то развѣ можно то же сказать о судѣ гражданскомъ? Въ этомъ судѣ отношеніе къ доказательствамъ складывается нѣсколько иначе, чѣмъ въ судѣ уголовномъ.

Законъ въ области гражданскаго права прибѣгаетъ нерѣдко къ такъ называемымъ preuves préconstituées, т. е.. къ формальнымъ доказательствамъ, типичнымъ выраженіемъ чему служитъ хорошо извѣстная цивилистамъ формула: quod non est in actis non est in mundo. Въ нашемъ правѣ, напримѣръ, 409 статья устава гражданскаго судопроизводства устраняетъ свидѣтельскія показанія для подтвержденія тѣхъ событій, которыя по закону требуютъ письменнаго доказательства. Личная автономія, всецѣло господствующая въ области частнаго права, является отчасти подспорьемъ тому, что гражданскій процессъ не можетъ иной разъ идти далѣе формальной истины. Возбужденіе гражданскаго дѣла производится по иниціативѣ заинтересованнаго лица, причемъ частный интересъ опредѣляетъ собою и дальнѣйшую дѣятельность судьи.

[4]) И. Фойницкій. Курсъ уголовнаго судопроизводства, т. I, изд. 1884 года, стр. 480.

Bonnier въ своемъ классическомъ трудѣ о доказательствахъ [5]) дѣлаетъ совершенно вѣрное замѣчаніе, что бо́льшее стѣсненіе формальностями суда гражданскаго, чѣмъ суда уголовнаго, объясняется между прочимъ тѣмъ, что первый имѣетъ преимущественно дѣло съ договорными правоотношеніями, тогда какъ послѣдній съ facta illicita, съ преступленіями. Въ договорѣ сторонамъ не трудно обставить заключаемую сдѣлку тѣми формами, которыя требуетъ законъ, тогда какъ по отношенію къ преступленію такое требованіе вполнѣ немыслимо. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ гражданскій судъ болѣе замкнутъ предѣлами формальной истины, хотя въ то же время достиженіе матеріальной истины есть его идеалъ.

Какимъ же образомъ можно дѣлать обязательнымъ для суда уголовнаго рѣшеніе гражданскаго суда? Вѣдь это значитъ, говоря словами Н. Неклюдова [6]), ввести «подъ маскою права въ уголовный процессъ отмѣненную систему формальныхъ доказательствъ». Эту же сторону прекрасно сознавали составители проекта общегерманскаго устава уголовнаго судопроизводства; отвергнувъ въ принципѣ гражданскую предсудимость по уголовнымъ дѣламъ (§ 221 проекта, § 261 дѣйствующаго германскаго устава уголовнаго судопроизводства), они между прочимъ указывали слѣдующее [7]): «вслѣдствіе задачи уголовнаго процесса по возможности изслѣдовать матеріальную истину, уголовный судья обязанъ класть въ основаніе своего рѣшенія только такія событія, которыя дѣйствительно совершились, тогда какъ рѣшеніе гражданскаго судьи складывается подъ вліяніемъ началъ гражданскаго процесса и зависитъ весьма часто отъ законныхъ презумпцій и *во всякомъ случаѣ отъ того, какъ стороны воспользуются своими процессуальными правами и въ особенности своими доказательствами*».

При системѣ предсудимости или преюдиціальнаго разбора, говоритъ профессоръ И. Фойницкій [8]), вполнѣ обезпечивается неприкосновенность вѣдомства каждаго судебнаго мѣста. Но за то эта система, увеличивая число инстанцій, неправильна по существу, такъ какъ власть государственная не есть агломератъ разныхъ властей, дипломатически оберегающихъ свою неприкосновенность. «*Система предсудимости*, замѣчаетъ почтенный авторъ, *остатокъ прежняго недовѣрія къ судебнымъ мѣстамъ*».

---

5) Bonnier, Traité des preuves.

6) Н. Неклюдовъ. Руководство для мировыхъ судей, т. I, стр. 69.

7) Hahn, Die gesammte Materialien zur Strafprozessordnung, 1880 г. III, ч. 1, стр. 201.

8) И. Фойницкій, указ. сочиненіе, стр. 479 и 480.

II.

Допущеніе преюдиціальнаго разбора гражданскимъ судомъ вопросовъ по уголовнымъ дѣламъ противорѣчитъ, по удостовѣренію Гофмана [9]), тому коренному положенію, что *судья иска есть въ то же время судья возраженія* (le juge de l'action est en même temps le juge de l'exception). Имъ нарушается цѣльность изслѣдованія. Эта сторона вопроса прекрасно формулирована въ старой французской литературѣ Манженомъ [10]).

«Необходимо, говоритъ онъ, чтобъ было такъ: судья, призванный рѣшить существованіе преступленія, характера его преступности, виновности того, кому его приписываютъ, долженъ обязательно имѣть право изслѣдовать, оцѣнить всѣ факты, всѣ элементарные акты этого преступленія и *право высказаться по всѣмъ вопросамъ, которые съ нимъ связаны*. Если бы было иначе, если слѣдствіе и судъ по поводу преступленія должны были бы дробиться на столько частей, сколько имѣется возникшихъ вопросовъ; если эти вопросы должны бы были послѣдовательно быть подвергнуты сужденію тѣхъ судовъ, которые компетентны ихъ рѣшать, когда они существуютъ отдѣльно отъ преступленія, то возникли бы большія недоразумѣнія. Не только ежеминутно сталкивались бы подсудности, не только ходъ правосудія замедлялся бы нескончаемыми задержками, но даже, вслѣдствіе того, что единство изслѣдованія было бы порвано и самостоятельность судьи въ оцѣнкѣ доказательствъ была связана рѣшеніями другаго трибунала,— заключительный приговоръ не былъ бы продиктованъ результатомъ преній по совокупности процесса, и понятно, что интересы общества, права невиновнаго могли бы отъ этого часто весьма серьезно пострадать». Къ этому мнѣнію прибавлять нечего, къ нему можно только присоединиться.

Въ защиту допущенія преюдиціальнаго разбирательства quand même приводится обыкновенно то соображеніе, что, въ виду различія правилъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства о доказательствахъ и важности извѣстныхъ правоотношеній гражданскаго свойства, невозможно допустить даже въ интересахъ матеріальной истины отступленія отъ системы доказательствъ и порядка ихъ удостовѣренія, уста-

---

[9]) Hoffmann, Traité théorique et pratique des questions préjudicielles, т. I, § 203 и слѣд., стр. 332.

[10]) Mangin, Traité de l'action publique et de l'action civile en matière criminelle, 1839 г., I т. § 168; также у Фойницкаго, указ. соч., стр. 538.

новленнаго въ законѣ. Въ нашей литературѣ аргументы эти развиты съ большою обстоятельностью Н. Буцковскимъ [11]), который былъ горячимъ приверженцемъ преюдиціальнаго разбирательства.

Вотъ, напримѣръ, его сужденія по этому поводу: «говорятъ, какъ можно отвергать наличность условій для уголовнаго обвиненія, зависящаго отъ гражданскаго вопроса, когда по уголовному изслѣдованію, существенный для обвиненія фактъ гражданскаго права признанъ судомъ. Но развѣ могутъ почитаться достовѣрными такіе факты, которые обнаружены не установленными для нихъ способами доказыванія? Внутреннее убѣжденіе судей не составляетъ критерія истины въ тѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ законодатель, въ виду настоящаго состоянія общественной нравственности и культуры, признаетъ достовѣрными лишь предустановленныя письменныя доказательства, не полагаясь на показанія свидѣтелей въ спорахъ о значительныхъ имущественныхъ интересахъ» [12]).

Мы никакъ не можемъ согласиться, чтобы положеніе гражданскаго права: quod non est in actis non est in mundo было бы вмѣстѣ съ тѣмъ положеніемъ, обязательнымъ для уголовнаго суда. Система доказательствъ, принятая въ гражданскомъ процессѣ, вызвана, какъ было уже замѣчено выше, особою природою гражданскихъ правоотношеній, въ которыхъ господствуетъ частный интересъ. Совсѣмъ не то на судѣ уголовномъ. Здѣсь господствуетъ интересъ публичный, высшимъ идеаломъ котораго является извѣстный афоризмъ: fiat justitia pereat mundus. Поэтому едвали возможно утверждать, что то, что не доказано въ гражданскомъ судѣ, остается таковымъ же и для суда уголовнаго.

Но если такимъ образомъ преюдиціальная обязательность для уголовнаго суда рѣшеній суда гражданскаго не можетъ быть допущена, то, съ другой стороны, мы далеки отъ мысли отрицать всякое значеніе за этими рѣшеніями, уже состоявшимися до возбужденія уголовнаго дѣла. Они должны быть поставлены наряду съ другими доказательствами pro и contra обвиненій и въ связи съ ними должны быть приняты во вниманіе при рѣшеніи дѣла. Мы отвергаемъ лишь самымъ настойчивымъ образомъ обязательное значеніе рѣшеній гражданскаго трибунала для уголовной юстиціи и необходимость со стороны послѣдней выжидать рѣшеніе гражданскаго суда.

---

11) Н. Буцковскій посвятилъ этому вопросу 2 работы: 1) основанія кассаціонной практики по вопросамъ преюдиціальнымъ и 2) о возбужденіи уголовнаго преслѣдованія по гражданскимъ сдѣлкамъ.

12) Н. Буцковскій. Очерки судебныхъ порядковъ, стр. 515.

При этомъ слѣдуетъ также имѣть въ виду, что уголовному суду можетъ иногда встрѣтиться необходимость при изслѣдованіи того или другаго вопроса гражданскаго права въ истребованіи заключенія суда или даже въ вызовѣ въ качествѣ экспертовъ наиболѣе извѣстныхъ цивилистовъ, теоретиковъ и практиковъ. Значеніе подобныхъ заключеній будетъ принято судомъ въ соображеніе наравнѣ со всякою экспертизою. Вотъ только въ какой роли мыслимо участіе гражданскаго суда въ сужденіи о вопросахъ гражданскаго права, входящихъ въ составъ уголовнаго дѣла. Такое участіе, подобно участію всякаго эксперта, будетъ очень полезно. Такимъ способомъ уголовный судъ не будетъ связанъ съ рѣшеніемъ гражданскаго суда, онъ не будетъ его выжидать и, наконецъ, онъ не будетъ вынужденъ ставить успѣхъ уголовнаго дѣла публичнаго характера въ зависимость отъ силъ и энергіи потерпѣвшаго отъ преступленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ уголовное дѣло не будетъ уже болѣе искусственно превращаться временно въ гражданское дѣло и самое единство изслѣдованія уголовнымъ судомъ всѣхъ вопросовъ, входящихъ въ составъ преступленія, не будетъ болѣе попираемо.

III.

Судебные уставы выставили три случая, въ которыхъ требуется преюдиціальное рѣшеніе гражданскаго суда (27, 1013, 1014 и 1015 ст. уст. угол. суд.). Къ гражданской предсудимости они отнесли слѣдующіе вопросы: 1) о правахъ состоянія, и въ частности—о законности брака и о родственныхъ отношеніяхъ, 2) о правѣ собственности на недвижимое имущество, и 3) о свойствѣ несостоятельности. При этомъ въ 29 ст. уст. угол. суд. выражено правило, что окончательное рѣшеніе гражданскаго суда подлежащихъ его разсмотрѣнію вопросовъ обязательно для уголовнаго суда только въ отношеніи дѣйствительности и свойства событія или дѣянія, но отнюдь не въ отношеніи виновности подсудимаго. 3 пунктъ 542 ст. уст. угол. суд. указываетъ, что уголовное дѣло можетъ быть возобновлено, когда послѣ прекращенія его, за неразсмотрѣніемъ гражданскимъ и духовнымъ судомъ вопросовъ, обусловливающихъ уголовное преслѣдованіе, вопросы тѣ будутъ разрѣшены въ смыслѣ, допускающемъ такое преслѣдованіе.

Изъ сопоставленія 27, 29 и 3 п. 542 ст. уст. угол. суд. возникаетъ вопросъ громадной практической важности: ограничивается ли по смыслу нашего закона гражданская предсудимость по уголовнымъ

дѣламъ тѣми тремя случаями, о которыхъ мы упоминали, или же, наоборотъ, эти случаи перечислены въ законѣ лишь примѣрно и главное руководящее значеніе должно быть придано не 27 статьѣ, а 29 и 3 п. 542 ст. уст. угол. суд. Въ мотивахъ судебныхъ уставовъ нельзя найти разъясненія этому важному вопросу, такъ какъ ни объяснительная записка къ проекту устава уголовнаго судопроизводства, ни журналы государственнаго совѣта не содержатъ объясненій по поводу гражданской предсудимости.

Какъ бы то ни было, мы склонны считать 27 статью уст. угол. суд. статьею исключительною. Она предшествуетъ 29 статьѣ, которая вслѣдствіе этого обнимаетъ лишь тѣ случаи, которые указаны въ 27 статьѣ. Точно также болѣе широкаго значенія не можетъ имѣть и 3 п. 542 ст. уст. угол. суд. Всякому же исключительному постановленію закона должно быть придано ограничительное толкованіе.

Такое мнѣніе признается большинствомъ въ нашей литературѣ и, можетъ быть, поэтому, признано господствующимъ [13]). Представителемъ широкаго толкованія 27 статьи въ нашей литературѣ является родоначальникъ сенатской практики по расширенію этой статьи Н. Буцковскій. Къ этому же мнѣнію примыкаетъ К. Арсеньевъ [14]). «Постановленіе закона, говоритъ онъ, выраженное въ 27 статьѣ, раздвинуто нашею судебною практикою далеко за предѣлы его буквальнаго значенія. Руководящая мысль законодателя, очевидно, заключалась въ томъ, что уголовный судъ, рѣшающій дѣло по совѣсти, не компетентенъ для разрѣшенія вопросовъ гражданскаго права, подчиненныхъ до извѣстной степени формальной теоріи доказательствъ, кругъ дѣйствій которой не ограничивается тремя родами дѣлъ, предусмотрѣнныхъ въ 27 статьѣ; онъ распространяется въ большей или меньшей мѣрѣ и на другіе гражданскіе процессы».

Сенатская практика, которую мы здѣсь приводить не будемъ, требуетъ гражданскую предсудимость въ тѣхъ случаяхъ: 1) когда опредѣленіе преступности дѣянія зависитъ отъ разрѣшенія вопроса о такомъ правѣ гражданскомъ, основаніемъ котораго долженъ служить, по закону, письменный актъ и 2) когда законъ положительно требуетъ предварительнаго разсмотрѣнія вопроса въ гражданскомъ порядкѣ. Уголовное же преслѣдованіе можетъ быть возбуждено и продолжаемо независимо отъ суда гражданскаго, не ожидая его рѣшенія:

---

13) И. Фойницкій, указ. соч., стр. 484; Н. Неклюдовъ, указ. соч. стр. 68—109; К. Постовскій, Журналъ гражд. и угол. права 1876 года, №№ 1 и 2.

14) К. Арсеньевъ, Преданіе суду, 1870 г., стр. 48—49.

1) когда разрѣшеніе вопроса о правѣ собственности или о другомъ гражданскомъ правѣ зависитъ отъ признанія или непризнанія какого-либо уголовнаго обстоятельства и 2) когда вопросъ о преступности дѣянія возникаетъ по поводу такой гражданской сдѣлки, для удостовѣренія которой не требуется по закону никакихъ письменныхъ актовъ.

Не входя въ критику сенатской практики, по поводу которой пришлось бы повторить все вышесказанное, мы остановимся на слѣдующемъ весьма важномъ обстоятельствѣ. Преюдиціальное производство построено у насъ въ двоякомъ видѣ: 1) 27 статья уст. угол. суд. предписываетъ пріостановить уголовное производство до разрѣшенія гражданскимъ судомъ спорнаго предмета, но при этомъ законъ не предоставляетъ суду передавать дѣла на заключеніе гражданскаго суда, такъ что *преюдиціальное разбирательство всецѣло предоставляется усмотрѣнію заинтересованной стороны* и 2) 1013 статья уст. угол. суд. требуетъ, чтобы уголовный *судъ ex officio передавалъ дѣло на заключеніе духовнаго суда*. Этотъ второй путь разрѣшенія преюдиката заслуживаетъ большаго вниманія. Едва ли это не самый правильный способъ разрѣшенія преюдиціальныхъ вопросовъ. Имъ устраняется по крайней мѣрѣ то искусственное превращеніе уголовныхъ дѣлъ въ гражданскія, о которомъ мы упоминали выше.

Затѣмъ если мы обратимся къ другимъ случаямъ, когда уголовный судъ имѣетъ дѣло съ тѣми или другими спеціальными вопросами, то въ нашемъ законѣ мы находимъ рядъ указаній на истребованіе оффиціальной экспертизы. Такъ, напримѣръ, въ извѣстныхъ случаяхъ законъ допускаетъ по вопросамъ медицинскимъ истребованіе заключенія врачебнаго отдѣленія губернскаго правленія (345 и 1228 ст. уст. угол. суд.); въ отношеніи поддѣльныхъ денежныхъ знаковъ законъ предписываетъ отсылать ихъ для изслѣдованія въ Горный Департаментъ или въ то учрежденіе, изъ котораго они значатся выпущенными (1161 ст. уст. угол. суд.) и т. д. Эти указанія весьма цѣнны въ смыслѣ распространительнаго примѣненія ихъ къ преюдиціальному разбирательству по уголовнымъ дѣламъ.

Въ томъ же видѣ, какъ она существуетъ у насъ, оно представляетъ жалкую пародію суда. Справедливо замѣтилъ въ нашей литературѣ И. Закревскій: «наша уголовная практика слишкомъ широко толкуетъ понятіе «о гражданскомъ дѣлѣ» и слишкомъ часто требуетъ, вращаясь въ какомъ то ложномъ кругу, такого опредѣленія гражданскаго суда, предрѣшающаго извѣстную часть спорнаго вопроса, которую гражданскій судъ именно и не можетъ постановить, по неимѣнію извѣстныхъ, предустановленныхъ, единственно пригодныхъ для него до-

казательствъ. Уголовная практика должна знать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ нѣтъ средствъ доказать въ гражданскомъ судѣ существованіе правильно составленнаго договора, котораго и не было въ дѣйствительности, и *что отсылка въ гражданскій судъ равносильна отказу въ правосудіи*».

Въ предъидущихъ главахъ настоящей статьи мы упоминали о исторически сложившемся у насъ отсутствіи частной энергіи въ борьбѣ съ нарушителями закона. Естественно, что тѣ потерпѣвшіе, которые приходятъ въ уголовный судъ съ жалобами, когда имъ объявятъ о преюдикатѣ и о необходимости предварительно обратиться въ гражданскій судъ, теряютъ и послѣднюю вѣру въ святость и могущество закона. Обыкновенно потерпѣвшіе и не пускаются въ волны преюдиціальнаго разбирательства. Тѣ же, которые не останавливаются передъ этимъ разбирательствомъ, оказываются не въ лучшемъ положеніи. Проведенный своимъ противникомъ по всѣмъ инстанціямъ гражданскаго суда, утомленный, изъ силъ выбившійся «энергичный» потерпѣвшій достигаетъ наконецъ залы уголовнаго суда. Сколько однако и здѣсь его ждетъ разочарованій! По прошествіи многихъ лѣтъ дѣло его уже оказывается покрывшимся забвеніемъ, правое дѣло его за давностью уже не встрѣчаетъ живаго сочувствія и что мудренаго, если послѣ всѣхъ мытарствъ ему придется выслушать оправдательный вердиктъ присяжныхъ засѣдателей, для которыхъ рѣшеніе гражданскаго суда ровно никакой обязательной силы не имѣетъ. По нашимъ наблюденіямъ, почерпнутымъ изъ личной судебной практики, мы считаемъ своимъ долгомъ удостовѣрить, что именно таковъ бываетъ обыкновенный исходъ тѣхъ очень немногихъ дѣлъ, которыя возвращаются въ уголовный судъ послѣ преюдиціальнаго испытанія. По преимуществу же дѣла эти умираютъ, какъ только ихъ выбрасываютъ изъ уголовнаго суда.

Реформа въ той области, о которой мы говоримъ, есть настоятельная необходимость. Она тѣмъ живѣе ощущается, что имущественныя преступленія съ постепеннымъ развитіемъ общества все болѣе охватываютъ область гражданскихъ сдѣлокъ и договорныхъ отношеній. Здѣсь они растутъ въ количествѣ и въ качествѣ. Обществу и правительству приходится поэтому все болѣе и болѣе вооружаться противъ этого явленія. Какимъ же оружіемъ располагаетъ законъ у насъ въ данную минуту, чтобы защитить потерпѣвшаго отъ преступленія въ сферѣ гражданской сдѣлки? Мы утверждаемъ, что пока у насъ будетъ существовать описанный порядокъ преюдиціальнаго разбирательства, оружія этого нѣтъ. Потерпѣвшій совершенно беззащитенъ.

IV.

Въ нашемъ дѣйствующемъ уголовномъ процессѣ есть спеціальная область, которая не знаетъ вовсе уголовно-частнаго обвиненія въ томъ печальномъ видѣ, какъ его знаютъ судебные уставы. Это именно наше военно-уголовное судопроизводство. Въ заключеніе нашей работы мы считаемъ не лишнимъ остановиться на построеніи уголовно-частнаго обвиненія по военно-судебному уставу, такъ какъ оно, будучи испытано на практикѣ, можетъ быть въ извѣстной степени предметомъ позаимствованія и для нашего общаго уголовнаго процесса.

Уставъ военно-судебный былъ изданъ, какъ извѣстно, въ 1867 г. вскорѣ послѣ судебныхъ уставовъ, начала которыхъ были имъ въ значительной степени приняты и усвоены. 18 марта 1884 г. уставъ военно-судебный изданъ съ нѣкоторыми видоизмѣненіями и въ этомъ видѣ онъ дѣйствуетъ нынѣ.

По дѣламъ уголовнаго-частнаго обвиненія военно-судебный уставъ допускаетъ участіе представителей оффиціальнаго обвиненія, т. е. прокурорскій надзоръ. Такъ какъ это вопросъ чрезвычайно важный и интересный, то мы приведемъ мотивы относительно этой особенности.

«Обличеніе обвиняемыхъ предъ судомъ» говорится въ мотивахъ къ проекту военно-судебнаго устава [15]), предоставлено въ гражданскомъ вѣдомствѣ по уголовнымъ дѣламъ, подвѣдомственнымъ мировымъ установленіямъ — частнымъ лицамъ, потерпѣвшимъ отъ преступныхъ дѣйствій, а также полицейскимъ и другимъ административнымъ властямъ, а обличеніе обвиняемыхъ предъ судомъ по уголовнымъ дѣламъ, подвѣдомственнымъ общимъ судебнымъ установленіямъ, возлагается на прокуроровъ, за исключеніемъ, впрочемъ, тѣхъ дѣлъ, которыя на основаніи законовъ могутъ начинаться не иначе, какъ вслѣдствіе жалобы потерпѣвшаго отъ преступленія или проступка, и которыя дозволяется прекращать примиреніемъ. Въ дѣлахъ этого рода прокуроръ устраняется отъ всякаго участія на судѣ въ обличеніи обвиняемаго, которое предоставляется исключительно частнымъ обвинителямъ (ст. 3, 4 и 5 уст. угол. суд.). *Подобныя правила не могли быть приняты для производства дѣлъ въ судахъ военнаго вѣдомства.*

---

[15]) Сборникъ законодательныхъ работъ по составленію военно-судебнаго устава, изд. 1867 года, стр. 326 и 327.

Остановившись на томъ, что слѣдствіе въ военномъ вѣдомствѣ не иначе можетъ быть начато, какъ по назначенію военнаго начальника, а въ судъ полковой или военный—дѣло можетъ поступить не иначе, какъ по преданіи обвиняемаго суду начальствомъ, и независимо этого, имѣя въ виду, что въ полковыхъ судахъ будетъ производиться значительное число дѣлъ, которыя относятся къ нарушеніямъ обязанностей службы—въ проектѣ постановлено, что *обличеніе предъ судомъ обвиняемаго должно принадлежать всегда установленнымъ властямъ для преслѣдованія и наказанія виновныхъ*. Такъ какъ въ полковыхъ судахъ не допускается участія прокуроровъ, на коихъ лежитъ, по закону, обязанность обвинителей, то въ ст. 219 проекта (теперешняя 215 ст. военно-судебнаго устава) изъяснено, что въ полковыхъ судахъ обязанность полнаго разъясненія обстоятельствъ дѣла для опредѣленія виновности подсудимаго возлагается на сіи же суды, а въ ст. 220 (теперешняя 216 ст. устава) выражено, что *обличеніе обвиняемыхъ въ военныхъ судахъ возлагается на военныхъ прокуроровъ*. При чемъ, слѣдуя въ возможной мѣрѣ тому, что принято въ уставѣ по гражданскому вѣдомству, допускается въ проектѣ участіе и частныхъ лицъ и полиціи въ обличеніи обвиняемыхъ настолько, насколько сіе нужно для неупустительнаго обслѣдованія преступныхъ дѣяній. Проектъ не возлагаетъ на частныхъ лицъ, по жалобѣ коихъ могло возникнуть судебное производство, или на полицейскихъ и другихъ должностныхъ лицъ, по заявленію которыхъ могло обнаружиться преступное дѣяніе, непремѣнной обязанности обличать обвиняемаго на судѣ. *Проектъ не слагаетъ сей обязанности съ установляемыхъ властей для преслѣдованія и наказанія преступныхъ дѣяній, но въ интересахъ истины открывается въ проектѣ, примѣняясь къ смыслу постановленій по гражданскому вѣдомству, возможность для всѣхъ, кто можетъ быть заинтересованъ въ дѣлѣ, къ полному разъясненію обстоятельствъ дѣла*».

По всѣмъ этимъ соображеніямъ въ проектѣ, а затѣмъ и въ дѣйствующемъ военно-судебномъ уставѣ, по всѣмъ дѣламъ, подсуднымъ полковымъ судамъ, допущено уголовно-частное обвиненіе совмѣстно съ обвиненіемъ оффиціальнымъ (215 ст. военно-судебнаго устава), а по дѣламъ, подсуднымъ военно-окружному суду на ряду съ *публичнымъ обвиненіемъ* по всѣмъ дѣламъ допущено участіе по дѣламъ, преслѣдуемымъ въ публичномъ порядкѣ, гражданскихъ истцовъ (217 ст. военно-судебнаго устава), а по дѣламъ, которыя могутъ оканчиваться примиреніемъ,—*частныхъ обвинителей* (216 и 883 статьи военно-суд. устава).

Вмѣстѣ съ тѣмъ при такомъ построеніи обвиненія по дѣламъ уголовно-частнымъ, подсуднымъ военно-окружнымъ судамъ, составленіе обвинительнаго акта и списка свидѣтелей, вызываемыхъ въ судебное засѣданіе, возложено на военную прокуратуру (712, 716 и 718 ст. военно-судебнаго устава). При этомъ въ самомъ порядкѣ разсмотрѣнія этихъ дѣлъ какъ въ полковыхъ, такъ и въ военно-окружныхъ судахъ сказалось вліяніе тѣхъ идей, на которыхъ былъ созданъ составителями судебныхъ уставовъ порядокъ уголовно-частнаго обвиненія.

Во II главѣ настоящей работы было указано, что составители судебныхъ уставовъ сблизили порядокъ уголовно-частнаго обвиненія съ порядкомъ производства гражданскихъ дѣлъ. Вліяніе этой идеи чувствуется и въ статьяхъ военно-судебнаго устава, обязывающихъ судъ и прокуратуру не выходить изъ предѣловъ доказательствъ, представленныхъ частнымъ обвинителемъ (615 и 716 статьи). Для чего это запрещеніе, если военная прокуратура допущена къ участію въ этихъ дѣлахъ? Вѣдь по мотивамъ проекта, которые мы выше привели, слія-ніе уголовно-частнаго обвиненія съ обвиненіемъ оффиціальнымъ сдѣлано въ интересахъ раскрытія истины. Правильнѣе было бы поэтому не включать указаннаго запрещенія въ текстъ закона.

Составители проекта военно-судебнаго устава полагали, между прочимъ, перенести правило устава уголовнаго судопроизводства о томъ, что неприбытіе частнаго обвинителя въ судъ по дѣлу, которое можетъ быть окончено примиреніемъ, влечетъ за собою прекращеніе дѣла. На это предположеніе было сдѣлано возраженіе бывшими предсѣдателемъ департамента законовъ государственнаго совѣта барономъ Корфомъ и II отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, что удержаніе приведеннаго правила не только не представляется необходимымъ, но и противорѣчитъ принятымъ военно-судебнымъ уставомъ основаніямъ, какъ о преданіи суду обвиняемыхъ не иначе, какъ властью начальства, такъ и о преслѣдованіи ихъ передъ судомъ [16]). Высочайше утвержденный комитетъ для разсмотрѣнія проекта военно-судебнаго устава принялъ это возраженіе, благодаря чему въ нынѣ дѣйствующей 764 статьѣ военно-судебнаго устава неприбытіе въ военно-окружный судъ частнаго обвинителя не препятствуетъ открытію судебнаго засѣданія. То же правило установлено въ 608 ст. военно-судебнаго устава и для полковыхъ судовъ. Нечего говорить, насколько приведенное облегченіе важно и существенно для частныхъ обвинителей.

---

[16]) Указанный сборникъ, стр. 868 и 869.

Такимъ образомъ, въ военно-судебномъ уставѣ сліяніе уголовно-частнаго обвиненія по дѣламъ, оканчивающимся примиреніемъ, съ обвиненіемъ оффиціальнымъ есть фактъ совершившійся и при томъ фактъ существующій болѣе 20 лѣтъ. Насколько намъ извѣстно, сліяніе это на практикѣ не вызывало и не вызываетъ недоразумѣній, которыми такъ изобилуетъ уголовно-частное обвиненіе по судебнымъ уставамъ. Сравнивая между собою въ этомъ отношеніи эти два судебника, мы рѣшительно становимся по интересующему насъ вопросу ни сторону военно-судебнаго устава,—этой младшей сестры судебныхъ уставовъ; отстаиваемая нами форма уголовнаго преслѣдованія по дѣламъ уголовно-частнаго обвиненія вовсе не новость въ нашемъ дѣйствующемъ законодательствѣ. Форма эта испытана военно-судебною практикой и потому безъ всякаго опасенія можетъ получить право гражданства въ общемъ уголовномъ процессѣ.

Иванъ Щегловитовъ.

ГРАМОТНОСТЬ СЕЛЬСКАГО НАСЕЛЕНІЯ.

(По даннымъ земской статистики).

Вопросъ о народномъ образованіи издавна занимаетъ вниманіе правительства и русскаго образованнаго общества. Съ открытія земскихъ учрежденій онъ сталъ однимъ изъ выдающихся вопросовъ; но и до сихъ поръ, несмотря на ту энергію, съ которою ведется земствами дѣло распространенія начальнаго обученія, грамотность среди сельскаго населенія еще очень мало развита, и чтобы достигнуть такого развитія, когда все способное къ чтенію и письму населеніе будетъ читать и писать, нужно много поработать и не одному поколѣнію.

Однако, при всеобщности сознанія, что грамотныхъ среди деревенскихъ жителей очень мало, до сихъ поръ нѣтъ еще положительныхъ данныхъ, чтобы судить, насколько въ дѣйствительности распространена грамотность, гдѣ она наиболѣе или наименѣе развита, чѣмъ обусловливается тотъ или иной ростъ ея и т. под. Появившійся въ 1886 г. выпускъ «Статистическаго временника»: «Всеобщая воинская повинность въ имперіи за первое десятилѣтіе 1874—1883 гг.» даетъ свѣдѣнія о количествѣ грамотныхъ и неграмотныхъ рекрутъ, принятыхъ на службу. По этимъ даннымъ мы можемъ судить лишь о грамотности одной возрастной группы мужскаго населенія имперіи; относительно же грамотности остальныхъ жителей мы находимся въ полнѣйшемъ невѣдѣніи. Только нашимъ столицамъ и нѣкоторымъ большимъ городамъ удалось опредѣлить посредствомъ переписей, насколько грамотность распространена въ населеніи этихъ городовъ. Земскіе статистическіе сборники, начавшіе появляться съ 1880 года, могутъ до нѣкоторой степени уяснить вопросъ о грамотности сельскаго населенія тѣхъ уѣздовъ Россіи, которые были охвачены зем-

скимъ изслѣдованіемъ: при подворной переписи земскими статистиками собирались наряду съ другими и свѣдѣнія о числѣ грамотныхъ и учащихся. Этими данными мы и воспользуемся.

I.

Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему изложенію, нелишне будетъ сказать нѣсколько словъ о качествѣ матеріала по интересующему насъ вопросу и заключающемуся въ земскихъ сборникахъ. Матеріалъ этотъ, какъ сказано выше, есть результатъ подворной переписи населенія, и собранъ посредствомъ опроса каждаго домохозяина, такъ что цифры сборниковъ почти вполнѣ совпадали съ дѣйствительностью; ихъ нужно считать нѣсколько ниже дѣйствительныхъ, потому что крестьянинъ не рѣшается иногда назвать себя грамотнымъ, если онъ умѣетъ только читать. Для сравненія очень важно имѣть данныя, полученныя одновременно, и съ этой стороны земскія свѣдѣнія о грамотныхъ не совсѣмъ удовлетворяютъ, такъ какъ изслѣдованіе уѣздовъ, о которыхъ пойдетъ рѣчь ниже, производилось въ теченіе послѣднихъ восьми лѣтъ. Нижеслѣдующая табличка подробнѣе укажетъ число уѣздовъ и время ихъ изслѣдованія.

Годъ изслѣдованія.	Число уѣздовъ.
1880	1
1881	3
1882	31
1883	15
1884	20
1885	23
1886	16
1887	1
Всего	110

Мы видимъ, что 105 уѣздовъ изъ 110 изслѣдованы въ пятилѣтіе 1882—1886 гг. Кромѣ числа грамотныхъ чрезвычайно интересно бы знать качество грамотности, но большинство статистическихъ таблицъ имѣетъ лишь четыре графы: грамотныхъ мужчинъ и женщинъ, учащихся—мальчиковъ и дѣвочекъ. Въ эти графы вошли: умѣющіе читать и писать, только читать и учащіеся во всѣхъ школахъ, въ томъ числѣ и крестьянскихъ школахъ грамотности. Правда, нѣкоторые сборники (Саратовскіе, Таврическіе, Вятскіе, Орловскіе и др.) распредѣляютъ грамотныхъ и учащихся по возрастамъ, по степени

грамотности и по источникамъ образованія, но для общей сводки пришлось ограничиться названными выше четырьми графами, соединивъ грамотныхъ съ учащимися. Тѣмъ не менѣе указанная разновременность полученія цифроваго матеріала не можетъ считаться сколько нибудь существеннымъ препятствіемъ для ихъ сравненія: ростъ грамотности среди населенія идетъ очень медленно. Чтобы убѣдиться въ этомъ, приведемъ относительныя числа грамотныхъ рекрутъ Петербургской губерніи, принятыхъ на службу въ теченіи 10-лѣтъ. Изъ 100 рекрутъ этой губерніи грамотныхъ было:

Въ 1874 году	21
» 1878 »	23
» 1883 »	26

Такимъ образомъ, за десятилѣтіе грамотность среди мужскаго населенія возрасла на 5%, а за пятилѣтіе лишь на 3% и при томъ въ той мѣстности, гдѣ ростъ ея долженъ быть наисильнѣйшій.

Съ 1880 года до настоящаго времени (начало 1889 года) земскими статистическими бюро изслѣдовано болѣе 150 уѣздовъ земской Россіи, но для настоящаго очерка взяты 110; остальные уѣзды не могли войти въ нашу сводку отчасти потому, что у насъ не было сборниковъ по нѣкоторымъ изъ нихъ, а главнымъ образомъ потому, что сборники «черниговскаго типа» не даютъ нужныхъ свѣдѣній (казанскіе, нижегородскіе и большинство черниговскихъ). Земская Россія, какъ извѣстно, состоитъ изъ 34 губерній, въ составъ которыхъ входитъ 360 уѣздовъ, такъ что по отношенію ко всѣмъ уѣздамъ западной Россіи взятые для очерка составляютъ 30%. Они распредѣляются по 18 губерніямъ слѣдующимъ образомъ: Бессарабской губерніи 1 уѣздъ, Воронежской—4 уѣзда, Вятской — 5, Екатеринославской—4, Курской—15, Московской—13, Новгородской — 2, Орловской—2, Петербургской—5, Полтавской—8, Рязанской—10, Смоленской—4, Самарской—5, Саратовской—10, Тамбовской—12, Таврической—7, Тверской—1 и Черниговской губерніи 2 уѣзда. Изъ приведеннаго сейчасъ списка губерній видно, что о 16 губерніяхъ съ земскими учрежденіями мы не имѣемъ никакихъ данныхъ о грамотности ихъ населенія. Несмотря на то, что имѣющіяся у насъ свѣдѣнія относятся лишь къ $^1/_4$ части Европейской Россіи, по этимъ даннымъ можно до нѣкоторой степени судить, благодаря географическому распредѣленію матеріала, о грамотности всего сельскаго населенія имперіи. Чтобы яснѣе видѣть распредѣленіе изслѣдованныхъ уѣздовъ

по площади Европейской Россіи, обратимъ вниманіе на слѣдующую табличку, гдѣ взятые уѣзды разнесены по естественнымъ областямъ:

Области.	Число уѣздовъ. Всего.	Съ данн. о грамотн.	%
Центрально-земледѣльческ. . . .	96	43	45
Новороссійская	30	12	40
Нижне-Волжская	42	15	36
Малороссійская.	41	10	24
Пріозерная	34	7	21
Московская-промышленная . . .	71	14	20
Бѣлорусская	42	4	10

Изъ этой таблички видно, что каждая изъ 8-ми естественныхъ областей Россіи имѣетъ своихъ представителей среди изслѣдованныхъ уѣздовъ, хотя и не въ одинаковомъ количествѣ. Какъ по абсолютному числу, такъ и по относительному первое мѣсто принадлежитъ центральной земледѣльческой полосѣ, — въ ней изслѣдовано 45% всѣхъ ея уѣздовъ; послѣднее мѣсто занимаетъ бѣлорусская область — въ ней изслѣдовано лишь $^1/_{10}$.

II.

Обращаясь къ населенію взятой группы уѣздовъ, мы видимъ, что на ихъ площади размѣстилось 14,891,437 жителей обоего пола (7,397,405 мужскаго пола и 7,494,032—женскаго), т. е. $^1/_7$ всего населенія имперіи. Грамотныхъ и учащихся между ними насчитывается:

Мужскаго пола . . .	1.200,690,	или 16,2%	всего населенія соотвѣтствующаго пола.
Женскаго » . . .	193,080	» 2,6%	
Обоего » . . .	1.393,770	» 9,4%	

Если удалить изъ общей суммы населенія каждаго пола лицъ, не достигшихъ 8-лѣтняго возраста (по таблицамъ академика Буняковскаго), и вычислить % грамотныхъ съ учащимися къ населенію свыше 8 лѣтъ, то отношеніе нѣсколько измѣнится. % грамотныхъ и учащихся къ населенію свыше 8 лѣтъ будетъ:

Мужчинъ	21,1%
Женщинъ	3,3%
Обоего пола	12,1%

Эти проценты, относящіеся къ 110 уѣздамъ, свидѣтельствуютъ, что грамотность сельскаго населенія находится еще въ зачаточномъ

состояніи. Среди мужчинъ грамотныхъ лишь $^1/_5$ всего населенія, среди женщинъ — $^1/_{30}$. Грамотность мужчинъ относится къ грамотности женщинъ какъ 6 : 1.

Сравнивая полученные $^0/_0$ грамотныхъ съ данными нѣкоторыхъ Западно Европейскихъ государствъ, мы получаемъ довольно интересную табличку:

	$^0/_0$ грамотныхъ обоего пола.
Пруссія по переписи 1871 г. для лицъ старше 10 лѣтъ . .	87,9
Франція » » 1872 » » » » 6 » . .	69,2
Бельгія » » 1880 » » » » 7 » . .	68,3
Венгрія » » 1866 » » » » 6 » .	41,9
Италія » » 1861 » » » » 10 » . .	35
Испанія » » 1860 » » » » 10 » .	32,8
110 уѣздовъ Европейской Россіи по переписи 1860 г. для лицъ старше 8 лѣтъ	12,1

Изъ этой таблички видно, что самая малограмотная изъ странъ — Испанія — считала 28 лѣтъ назадъ среди своего населенія 33 грамотныхъ на 100, тогда какъ для нашей группы уѣздовъ грамотность въ настоящее время равняется лишь 12,1; такимъ образомъ Испанія уже тогда была почти втрое грамотнѣе нашего сельскаго населенія; въ настоящее время $^0/_0$ грамотныхъ въ этой странѣ несомнѣнно выше. Сопоставленіе нашихъ данныхъ о грамотности съ однородными данными по Петербургу и Москвѣ указываетъ, что въ Петербургѣ 59,2 $^0/_0$ всего населенія грамотны, а въ Москвѣ 46,8 $^0/_0$; такъ что въ Петербургѣ $^0/_0$ грамотности слишкомъ въ шесть разъ, а въ Москвѣ слишкомъ въ пять болѣе, чѣмъ въ русской деревнѣ.

Выведенныя нами средніи грамотности для всѣхъ 110 уѣздовъ сильно измѣнятся, если мы обратимся къ каждому уѣзду въ отдѣльности. Чтобы лучше прослѣдить эти колебанія, обратимъ вниманіе на нижеслѣдующій списокъ, въ которомъ уѣзды расположены по убывающему $^0/_0$ грамотныхъ обоего пола:

УѢЗДЫ.	$^0/_0$ грамот. и учащихся ко всему населенію соотвѣтствующ. пола. Обоего пола.	Мужчины.	Женщины.
Петербургскій	38,3	51,6	25,9
Калышинскій	36,8	42,5	31,3
Перекопскій	30,2	34,7	25,1
Коломенскій	27,9	47,3	9,8
Симферопольскій . .	27,6	26,2	29,2
Ямбургскій	26,6	33,3	16,3

Серпуховскій	25	43,8	7,7	Сердобскій	7,4	14 6	0,5
Бронницкій	22,2	39,8	5,6	Путивльскій	7,4	14,2	0,4
Московскій	21,8	38,3	6,4	Ростовскій на Дону .	7,1	13	1
Клинскій	21,7	39,3	5,6	Днѣпровскій	7	12,6	1,2
Петергофскій	20,4	29,9	11,2	Мценскій	7	13,9	0,1
Подольскій	19,8	36,8	4,3	Данковскій	6,9	13,1	0,8
Богородскій	19,7	35,6	4,8	Славяносербскій. . .	6,9	12,2	1,4
Ѳеодосійскій . . .	19,5	23,3	15,3	Щигровскій	6,9	13,2	0,6
Маріупольскій . . .	18,8	28,2	8,9	Кузнецкій . . .	6,9	12,1	1,8
Зарайскій	18,7	32,3	5,4	Ржевскій	6,7	13,4	0,4
Евпаторійскій. . . .	18,5	23,8	12,4	Старооскольскій . . .	6,6	11,6	1,6
Волоколамскій. . . .	17,9	33,5	3,2	Бахмутскій	6,5	11,3	0,6
Звенигородскій . .	17,5	31,7	4,4	Воронежскій	6,4	11,8	0,8
Егорьевскій	17,5	32,8	2,7	Раненбургскій . . .	6,3	12,2	0,4
Бердянскій	16,9	25,4	8	Дмитріевскій, Кур. г.	6,2	11,9	0,4
Рузскій	16,8	32,4	2,7	Елатомскій	6,2	12,2	0,4
Дмитровскій	16,1	30,7	2,7	Бузулукскій	5,8	10,5	1,2
Гжатскій	16	28,9	3,6	Корочанскій	5,8	10,8	0,5
Верейскій	15,7	29,5	3,0	Курскій	5,8	10,5	0,9
Мелитопольскій . . .	15,6	22,9	8,1	Зеньковскій	5,8	10,7	0,7
Шлиссельбургскій . .	15,1	24,2	6,4	Золотоношскій . . .	5,8	11,3	0,2
Спасскій, Рязян. г. .	15	28,1	2,4	Кременчугскій . . .	5,7	11	0,3
Можайскій	15	28,8	1,8	Кролевецкій	5,7	11,2	0,3
Гдовскій	14,7	28,3	2,6	Тамбовскій	5,6	10,6	0,5
Касимовскій	14,3	26,7	2,3	Бѣлгородскій	5,5	10,3	0,4
Сычевскій	13,8	25,8	2,5	Тимскій	5,5	10,4	0,5
Юхновскій	13,2	26,2	1	Петровскій, Сарат. г.	5,4	10,1	0,7
Саратовскій	12,9	20,1	5,7	Хвалынскій.	5,4	10,2	0,6
Вяземскій	11,9	23,5	0,9	Городницкій	5,4	10,4	0,4
Нолинскій	11,8	20,6	3,9	Суджанскій	5,4	10,1	0,5
Вятскій	10,8	20	2,4	Шацкій	5,4	10	0,2
Орловскій, Вятск. г. .	10,3	20,1	1,3	Скопинскій	5,3	10,4	0,3
Рыльскій	10,1	19,2	0,8	Грайворонскій . . .	5,2	9,6	0,5
Рязанскій	9,9	19,4	0,7	Моршанскій	5	9,6	0,5
Уржумскій.	9,9	18,1	2,6	Козловскій	4,9	9,3	0,5
Вольскій	9,8	17,6	2,4	Лебедянскій	4,9	9,4	0,5
Балашовскій	9,7	18,1	1,5	Борисоглѣбскій . .	4,6	8,7	0,5
Демянскій	9,2	18	0,9	Трубчевскій	4,5	8,8	0,2
Аткарскій	9	15,8	2,3	Бугурусланскій . . .	4,5	7,7	1,5
Самарскій	8,9	15,6	2,6	Задонскій.	4,5	8,6	0,3
Острогожскій	8,5	15,5	1,7	Хорольскій	4,6	9	0,1
Михайловскій . . .	8,4	17,4	0,5	Гадячскій.	4,4	8,5	0,1
Крестецкій	8,3	15,5	1,8	Землянскій	4,1	7,7	0,6
Царицынскій	7,9	15,3	0,6	Ставропольскій . . .	3,9	6,6	1,2
Фатежскій	7,6	14,6	0,6	Усманскій	3,9	7,4	0,3
Малмыжскій	7,5	14,4	1,3	Льговскій	3,9	7,3	0,4
Новооскольскій. . .	7,5	13,5	1	Липецкій	3,8	6,9	0,6
Пронскій	7,4	14,3	0,8	Спасскій, Тамб. губ. .	3,8	6,9	0,6

Темниковскій	3,8	7,2	0,4	Полтавскій	3,1	6,0	0,2
Кирсановскій	3,5	6,9	0,3	Хотинскій	2,5	4,6	0,3
Лубенскій	3,5	6,9	0,1	Миргородскій	2,2	4,3	0,1
Обоянскій	3,4	6,3	0,4	Бугульминскій . . .	2,1	3,9	0,4

Просматривая этотъ длинный списокъ, мы замѣчаемъ, что % грамотности обоего пола колеблется отъ 2,1 до 38,3. Яснѣе это видно изъ слѣдующаго:

	Мужчинъ.	Женщинъ.	Об. пола.
Maximum . . .	51,6%	31,3%	38,3%
Minimum . . .	3,9%	0,1%	2,1%
Среднее	16,2%	2,6%	9,4%

Maximum грамотныхъ мужчинъ приходится на Петербургскій уѣздъ и грамотныхъ женщинъ—на Камышинскій, Саратовской губ., minimum для мужчинъ даетъ Бугульминскій уѣздъ, Самарской губ. и для женщинъ—Хорольскій—Полтавской губ.; остальные уѣзды расположились между этими крайними величинами. Если внимательно разсмотрѣть помѣщенный выше списокъ, то легко замѣтить, что нѣкоторые уѣзды весьма сходны между собою по % грамотныхъ, поэтому изъ нихъ легко образовать нѣсколько группъ по грамотности мужской, женской и обоего пола, что мы и сдѣлаемъ.

Грамотныхъ мужчинъ.	Число уѣздовъ.	Грамотныхъ женщинъ.	Число уѣздовъ.	Грамотныхъ об. пола.	Число уѣздовъ.
Отъ 3,9% до 10%	24	Отъ 0,1% до 1%	58	Отъ 2,1% до 10%	71
» 10,1% » 20%	48	» 1,1% » 5%	33	» 10,1% » 20%	28
» 20,1% » 30%	21	» 5,1% » 10%	11	» 20,1% » 30%	8
Свыше » 30%	17	Свыше » 10%	8	Свыше » 30%	3

Приведенныя таблички свидѣтельствуютъ, что почти въ $^2/_3$ взятыхъ нами уѣздовъ насчитывается грамотныхъ обоего пола менѣе 10%, въ $^1/_4$—отъ 10 до 20% и только въ $^1/_{10}$ уѣздовъ грамотность выше 20%. Наибольшую группу (43,6%) по мужской грамотности составляютъ уѣзды отъ 10 до 20%, а группа съ грамотными мужчинами свыше 20% состоитъ изъ $^1/_3$ всѣхъ уѣздовъ. Обращаясь къ женской грамотности, мы замѣчаемъ, что наибольшая группа (57,7%) состоитъ изъ уѣздовъ съ грамотностью менѣе 1%; слѣдующая группа отъ 1,1% до 50% заключаетъ въ себѣ $^1/_3$, а группа съ грамотными женщинами свыше 5% составляетъ лишь $^1/_6$ всѣхъ изслѣдованныхъ уѣздовъ. Изъ сравненія грамотности мужчинъ и женщинъ всей изслѣдованной мѣстности мы вывели, что относительная величина грамотности жен-

щинъ менѣе мужской въ 6 разъ. Теперь становится еще очевиднѣе малое развитіе грамотности среди женщинъ: въ $^1/_2$ уѣздовъ изслѣдованной мѣстности грамотныхъ женщинъ менѣе 1%, тогда какъ ни въ одномъ изъ взятыхъ уѣздовъ мужская грамотность не падаетъ ниже $3{,}_9\%$.

Сравнить наши данныя съ данными оффиціальной статистики мы можемъ по 4 губерніямъ (Московской, Курской, Тамбовской и Саратовской), въ которыхъ земско-статистическія изслѣдованія закончены. Для этого обратимся къ указанному выше тому «Статистическаго Временника» и сопоставимъ % грамотныхъ рекрутъ этихъ губерній, принятыхъ на службу въ 1883 году, съ грамотностью мужскаго населенія по подворной переписи.

	% грамотн. мужчинъ.	% грамотн. рекрутъ.
Московская губ.	36	50
Саратовская »	19	19
Курская »	11	18
Тамбовская »	9	17

Такое сопоставленіе неоднородныхъ данныхъ можетъ лишь отчасти подтвердить выведенную нами среднюю величину мужской грамотности для четырехъ губерній. Тѣмъ не менѣе сходство данныхъ обоихъ источниковъ очевидно. Такъ, порядокъ губерній по убывающему % грамотности всего мужскаго населенія не измѣняется и въ томъ случаѣ, если мы расположимъ ихъ по убывающему % грамотныхъ рекрутъ. Если взять за 100 процентъ грамотности мужскаго населенія Тамбовской губерніи и % грамотныхъ рекрутъ той же губерніи, то получаются слѣдующія соотношенія:

	Грамотн. мужчины всѣхъ возрастовъ.	Грамотные рекруты.
Московская губ.	400	294
Саратовская »	211	112
Курская »	122	106
Тамбовская »	100	100

Приведенныя соотношенія позволяютъ сдѣлать еще и тотъ выводъ, что среди мужчинъ 20 лѣтняго возраста указанныхъ четырехъ губерній грамотные распредѣляются равномѣрнѣе, нежели среди всего мужскаго населенія.

III.

Изъ приведенныхъ данныхъ можно усмотрѣть, что невысокій % грамотности населенія 110 уѣздовъ тѣмъ не менѣе поднимается въ нѣкоторыхъ изъ нихъ до весьма значительной высоты; съ другой стороны—въ другихъ уѣздахъ падаетъ почти до 0. Такія рѣзкія колебанія заставляютъ предполагать, что населеніе, живя среди самыхъ разнообразныхъ условій, не въ одинаковой степени стремилось и стремится къ обученію грамотѣ. Въ самомъ дѣлѣ: населеніе Петербургскаго уѣзда, напримѣръ, насчитываетъ у себя грамотныхъ 38%, населеніе же Бугульминскаго уѣзда, Самарской губ.—лишь $3{,}_{9}$%, т. е. около Петербурга грамотныхъ въ 10 разъ болѣе нежели въ самарской степи. Уже простое сравненіе двухъ названныхъ мѣстностей наводитъ на мысль, что такая огромная разница въ %% грамотности обусловливается прежде всего положеніемъ этихъ уѣздовъ относительно столицы. Жизнь подгородняго крестьянина сложнѣе и разнообразнѣе; на его долю выпадаетъ и такая работа, которая требуетъ знанія грамоты; поэтому среди петербургскихъ крестьянъ грамотность и развита сильнѣе, нежели среди крестьянъ бугульминскихъ. Мы взяли два такихъ случая, которые легко объясняются сейчасъ сказаннымъ; но объяснить всѣ колебанія % грамотныхъ тѣмъ или другимъ разстояніемъ отъ центровъ—едва ли возможно; встрѣчаются мѣстности одинаково удаленные отъ крупныхъ городовъ и имѣющіе въ то же время различные величины грамотности.

Вообще говоря, то или иное развитіе грамотности зависитъ отъ вліянія самыхъ разнообразныхъ причинъ, уяснить которыя наличными данными не представляется возможнымъ. Однимъ изъ существенныхъ условій, вліяющихъ на развитіе образованія, слѣдуетъ считать родъ занятій населенія. Промышленность и торговля больше предъявляютъ требованій на знаніе грамоты, чѣмъ земледѣліе. Чтобы выяснить, въ общихъ чертахъ, какъ вліяетъ на развитіе грамотности главное занятіе нашего крестьянина—земледѣліе, примемъ за признакъ наибольшаго развитія земледѣлія наибольшее количество распаханнаго пространства. Этотъ признакъ для большинства уѣздовъ будетъ вѣренъ; такъ, напримѣръ, въ губерніяхъ центральной—земледѣльческой области площадь распаханныхъ земель, по отношенію къ другимъ угодьямъ, больше пахатнаго пространства уѣздовъ промышленной области. Итакъ разобьемъ взятые нами 110 уѣздовъ по % распаханной земли на три группы и вычислимъ % грамотныхъ для каждой изъ нихъ. Получается такая табличка:

Число уѣздовъ.	% распаханнаго пространства.	% грамотныхъ и учащихся		
		Мужчинъ.	Женщинъ.	Обоего пола.
36	отъ 6% до 40%	26 %	4,1%	14,8%
38	» 40% » 70%	15,7%	3,3%	9,4%
36	» 70% » 86%	10,8%	0,6%	5,8%

Эта табличка весьма убѣдительно говоритъ, что % распаханнаго пространства находится въ обратной зависимости съ % грамотныхъ. Съ возрастаніемъ распаханной площади группы уѣздовъ съ замѣчательной послѣдовательностью падаютъ и % грамотныхъ какъ среди мужчинъ, такъ и среди женщинъ: взявши первую и послѣднюю группы, мы замѣчаемъ, что въ первой грамотныхъ мужчинъ болѣе въ $2^1/_2$ раза, нежели въ послѣдней, а женщинъ—въ 7 разъ. По отдѣльнымъ уѣздамъ такого вывода сдѣлать нельзя; по болѣе мелкимъ группамъ уѣздовъ выводъ этотъ также не совсѣмъ подтверждается; такъ, напримѣръ, если разбить мѣстности не на 3 группы, а на 10, то обнаруживается лишь наклонность увеличенія грамотности по мѣрѣ паденія % распаханной земли; такое явленіе вполнѣ объяснимо тѣмъ, что, какъ было замѣчено раньше, развитіе грамотности зависитъ отъ многихъ причинъ. Сейчасъ было указано на нѣкоторую связь между земледѣліемъ и грамотностью; обратимся теперь къ другаго рода дѣятельности населенія—промышленности и выяснимъ, насколько позволяютъ наши данныя, связь грамотности съ внѣземледѣльческими занятіями населенія.

Какъ извѣстно, наша главная заводская и фабричная промышленность сосредоточена около Москвы и Петербурга, кромѣ того московскіе крестьяне не только массами работаютъ на фабрикахъ, но извѣстны также и своими кустарными промыслами. Если мы раздѣлимъ наши 110 уѣздовъ на группы и въ одну изъ нихъ отнесемъ всю Московскую губернію и 5 изученныхъ уѣздовъ Петербургской, а въ другую—92 остальныхъ, то получимъ слѣдующую табличку:

	% грамотныхъ и учащихся.		
	Мужчинъ.	Женщинъ.	Обоего пола.
Московск. и Петерб. губерн.	35,5%	5,9%	20,2%
92 остальныхъ уѣзда	14,2%	2,1%	8,1%

Выведенныя сейчасъ %% отношенія указываютъ на бо́льшее развитіе грамотности среди подстоличнаго промысловаго населенія. Въ каждой графѣ предыдущей таблички верхнія числа въ $2^1/_2$ раза болѣе нижнихъ. Кромѣ промысловаго занятія населенія, на повышеніе % грамотныхъ въ первой группѣ повліяла еще и близость столицъ, какъ

центровъ культурной жизни Россіи; впрочемъ, близость къ столицамъ во вліяніи на развитіе грамотности иногда уступаетъ мѣсто инымъ, болѣе могучимъ факторамъ, о которыхъ мы будемъ говорить ниже.

Указанное вліяніе промысловой дѣятельности на грамотность подтверждается мѣстными изслѣдованіями и для различныхъ мѣстностей одного и того же уѣзда или губерніи. Такъ, въ центральномъ районѣ Курской губерніи замѣчено полное сопутствіе % отхожихъ промышленниковъ проценту грамотныхъ: чѣмъ больше занимается населеніе отхожими заработками, тѣмъ сильнѣе развита грамотность. Въ 3 уѣздахъ Самарской губерніи отмѣчено наибольшее количество грамотныхъ въ волостяхъ, лежащихъ по р. Самаркѣ, гдѣ проходилъ Самаро-Оренбургскій трактъ, а теперь проходитъ и желѣзная дорога; въ торговыхъ пунктахъ, мѣстахъ скопленія промышленниковъ и посторонихъ лицъ, вообще въ мѣстностяхъ съ торгово-промышленнымъ характеромъ жизни—грамотность развита сильнѣе, нежели въ мѣстахъ съ чисто земледѣльческимъ населеніемъ. Послѣднее указывается и относительно Воронежскаго уѣзда. Въ сборникѣ по Ржевскому уѣзду Тверской губ. сдѣланъ чрезвычайно любопытный въ данномъ случаѣ выводъ относительно вліянія занятія населенія на грамотность. «Грамотность сильнѣе тамъ, гдѣ населеніе носитъ болѣе промысловый характеръ и гдѣ оно пользуется достаткомъ, благодаря не одному только земледѣлію. Наоборотъ, въ мѣстахъ глухихъ, рѣдко населенныхъ, съ чисто земледѣльческимъ крестьянствомъ, грамотность не развита»... Приведемъ еще одно подтвержденіе. Въ Сердобскомъ уѣздѣ Саратовской губ. по промысловой и торговой дѣятельности особенно выдѣляется извѣстное село Бековo. Если сравнить грамотность Бековской волости (17,5%) съ грамотностью по уѣздной (7,4%), то сказывается, что въ Бековѣ грамотныхъ и учащихся болѣе въ 2½ раза, нежели въ остальныхъ мѣстностяхъ уѣзда съ менѣе развитой торговой и промышленной дѣятельностью.

IV.

Выше было замѣчено, что вліяніе промышленныхъ центровъ на развитіе грамотности уступаетъ иногда мѣсто другимъ, болѣе могучимъ факторамъ. Однимъ изъ этихъ факторовъ слѣдуетъ признать, повидимому, народность, къ которой принадлежатъ жители. Въ статистическихъ сборникахъ по Самарской губерніи указывается на тотъ фактъ, что присутствіе инородцевъ оказываетъ значительное вліяніе на уменьшеніе поуѣзднаго % грамотныхъ. Наоборотъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ,

гдѣ живутъ нѣмцы - колонисты, поуѣздная грамотность повышается. Чтобы уяснить развитіе грамотности у различныхъ народностей, обратимся къ цифровымъ даннымъ по этому предмету для тѣхъ уѣздовъ, въ которыхъ населеніе состоитъ изъ разныхъ племенъ; въ нашемъ распоряженіи имѣются свѣдѣнія по 14 уѣздамъ 4-хъ губерній [1]). Вычисляя % грамотныхъ для каждаго пола въ отдѣльности, мы получаемъ слѣдующую табличку:

% грамотныхъ и учащихся ко всему населенію.

	Нѣмцы.	Евреи.	Малороссы.	Великороссы.	Татары.	Мордва.	Вотяки.	Чуваши.	Черемисы
Мужчины.	64,2 - 66,6	48,7	19,1	11,7—15,1	5,5—15,7	3,3—7,3	2—3,6	1,5—5,4	1,4
Женщины	60,4—67,3	7,6	1,2	1,1— 1,6	3,4— 4	0,2—0,4	0—0,1	0 —0,1	0

Для нѣкоторыхъ племенъ въ табличкѣ приведены колебанія % грамотныхъ, чтобы лучше оттѣнить грамотность этихъ племенъ въ различныхъ мѣстностяхъ. Но прежде чѣмъ заняться разсмотрѣніемъ предлагаемыхъ %% отношеній, необходимо замѣтить, что мы имѣемъ дѣло съ данными, взятыми изъ различныхъ мѣстностей; такъ, напримѣръ, данныя о грамотности малороссовъ взяты изъ Саратовской губ., о евреяхъ изъ Екатеринославской, вотякахъ и черемисахъ — изъ Вятской и т. п.; поэтому, на основаніи приведенной таблицы, нельзя утверждать, что и во всей Россіи грамотность у различныхъ народностей находится въ такомъ же отношеніи, какое мы увидимъ сейчасъ. Въ общемъ наши вычисленія подтверждаютъ установившееся мнѣніе о наибольшемъ развитіи грамотности среди нѣмцевъ, и наименьшемъ — у инородцевъ. Имѣя въ виду сдѣланную нами поправку, обратимся къ самой табличкѣ. Уже при бѣгломъ ея просмотрѣ нельзя не замѣтить громадной разницы % грамотныхъ среди различныхъ племенныхъ группъ; сравнимъ сначала верхній горизонтальный рядъ чиселъ, изображающій % мужской грамотности. Первое мѣсто занимаютъ нѣмцы, у которыхъ $^2/_3$ мужчинъ грамотны, за ними идутъ евреи, — у нихъ почти $^1/_2$ грамотныхъ мужчинъ; малороссы насчитываютъ около $^1/_5$, а великороссы—$^1/_7$ грамотнаго мужскаго населенія; инородцы занимаютъ послѣднее мѣсто и самую малограмотную группу изъ нихъ составляютъ черемисы: у нихъ лишь $^1/_{70}$ мужчинъ грамотны. Грамот-

1) Вся Саратовск. губ. (10 у.), Бугульминск. у. — Самарск. губ., Малмыжскій—Вятской губ. и Маріупольскій—Екатеринославской губ.

ность между татарами, по свидѣтельству мѣстныхъ изслѣдователей, довольно развита, но данныя для этого племени очень сомнительны, такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ татары преувеличивали показанія, въ иныхъ же—отказывались отвѣчать на вопросы о грамотности: такъ было, напримѣръ, въ Малмыжскомъ уѣздѣ Вятской губ. Разсматривая нижній горизонтальный рядъ чиселъ—% грамотныхъ женщинъ,—мы замѣчаемъ почти туже послѣдовательность въ уменьшеніи грамотности по народностямъ, какую видѣли при разсмотрѣніи мужской грамотности. И здѣсь нѣмки стоятъ на первомъ мѣстѣ, за ними идутъ еврейки и т. д. Между женщинами инородческаго населенія (не считая татарокъ) грамотность не достигла и $^1/_2$%, а среди черемисокъ—нѣтъ ни одной грамотной женщины.

Не касаясь пока вопроса о качествѣ грамотности каждой изъ разсмотрѣнныхъ выше народностей, приходится констатировать тотъ фактъ, что великорусское населеніе во всѣхъ мѣстностяхъ уступаетъ мѣсто по грамотности нѣмцамъ - колонистамъ; объ этомъ свидѣтельствуютъ мѣстные изслѣдователи и тѣхъ уѣздовъ, о которыхъ выше не упоминалось; такъ, напримѣръ, въ Самарскомъ уѣздѣ, при средней поуѣздной грамотности въ 6,8%, у нѣмцевъ считается въ одной волости 73,$_9$% грамотнаго населенія обоего пола, въ другой—48,$_7$%. Въ Мелитопольскомъ уѣздѣ Таврической губ. крестьянское населеніе насчитываетъ лишь 11,$_8$% грамотныхъ обоего пола, у нѣмцевъ-колонистовъ этотъ % доходитъ до 63. Особенно выдѣляются нѣмцы по женской грамотности: тогда какъ грамотность русскихъ женщинъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ 10 разъ слабѣе мужской,—среди нѣмокъ Камышинскаго уѣзда грамотныхъ больше, нежели среди мужчинъ. Такое явленіе вполнѣ объясняется различіемъ религіи: лютеранинъ къ извѣстному возрасту обязанъ быть грамотнымъ, для православнаго такого обязательства не существуетъ. Сравнивая качество грамотности нѣмцевъ - колонистовъ съ грамотностью великороссовъ, приходится отмѣтить низкое качество нѣмецкой грамотности. Такъ, напримѣръ, въ Камышинскомъ уѣздѣ, въ которомъ считается нѣсколько десятковъ тысячъ колонистовъ, изъ 100 грамотныхъ 55 умѣютъ только читать и 45—читать и писать; въ другихъ же уѣздахъ Саратовской губ. безъ нѣмецкаго населенія % малограмотныхъ колеблется отъ 18 до 34. На плохое качество грамотности колонистовъ указываютъ и изслѣдователи Мелитопольскаго уѣзда.

Упомянемъ кстати, что между русскимъ православнымъ населеніемъ, съ одной стороны, и между сектантами—съ другой, замѣчается разница относительно развитія грамотности; такъ, напримѣръ, въ Бу-

зулукскомъ уѣздѣ волости съ значительнымъ % сектантовъ (молоканъ или субботниковъ) занимаютъ первое мѣсто по грамотности; при однихъ и тѣхъ же экономическихъ условіяхъ, молокане села Максимовки этого уѣзда насчитываютъ грамотныхъ 19,4%, а православные лишь—6,7%. Такое преобладаніе сектантовъ надъ православными по грамотности замѣчено также въ Бугульминскомъ (Самарской губ.), Воронежскомъ уѣздахъ и во многихъ другихъ.

V.

До сихъ поръ говорилось о грамотности сельскаго населенія въ связи съ родомъ занятій и племеннымъ составомъ; теперь обратимся къ экономической жизни крестьянъ и посмотримъ, въ какой зависимости находится развитіе грамотности отъ того или инаго экономическаго фактора. Для земледѣльческаго населенія характерными признаками зажиточности являются количество надѣльной земли и рабочаго скота, приходящагося на крестьянскій дворъ. Данныхъ въ этомъ направленіи чрезвычайно много, но мы воспользуемся лишь нѣсколькими уѣздами, взявъ ихъ изъ разныхъ областей. Прежде всего отмѣтимъ грамотность у трехъ разрядовъ крестьянъ, неодинаково обезпеченныхъ надѣльною землею; чтобы яснѣе видѣть степень грамотности населенія по разрядамъ, обратимся къ слѣдующей табличкѣ процентовъ грамотныхъ и учащихся обоего пола ко всему населенію:

	Саратовской губ. (10 у.).	Мелитопольскій у., Таврической губ.	Ставропольскій у., Самарской губ.	Острогожскій у., Воронежской губ.	Ржевскій у., Тверской губ.
Государственные	8,2	12,2	5,7	9,0	14,0
Бывшіе помѣщичьи	7,0	5,7	3,2	7,3	15,0
Дарственные	8,4	14,9	—	—	—

Разсматривая двѣ первыя горизонтальныя строки, мы замѣчаемъ, что % грамотности у бывшихъ государственныхъ крестьянъ выше, нежели у крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ; исключеніе составляетъ Ржевскій уѣздъ, въ которомъ помѣщичьи крестьяне грамотнѣе государственныхъ. Казалось бы, что изъ этого можно вывести то заключеніе, что чѣмъ обезпеченнѣе въ земельномъ отношеніи группа крестьянъ, тѣмъ больше развита въ ней грамотность, но изъ нашей же таблички видно, что у дарственныхъ крестьянъ Саратовской губерніи и

Мелитопольскаго уѣзда, плохо надѣленныхъ землею, грамотныхъ больше, нежели у государственныхъ, издавна пользующихся большимъ надѣломъ. Если разсматривать зависимость грамотности отъ размѣра надѣльной земли по нѣкоторымъ другимъ уѣздамъ, не вошедшимъ въ предъидущую табличку, то мы также не замѣтимъ въ нихъ прямой зависимости; такъ, напримѣръ, изъ 9 уѣздовъ Самарской, Курской и Воронежской губерній—въ шести развитіе грамотности сильнѣе у крестьянъ наиболѣе обезпеченныхъ землею, а въ трехъ—бо́льшій % грамотныхъ замѣчается у крестьянъ малонадѣльныхъ. Такимъ образомъ, въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ по надѣльной землѣ группировались цѣлыя селенія и общины, связь грамотности съ количествомъ надѣльной земли довольно сбивчива; нѣсколько яснѣе она выступаетъ тамъ, гдѣ группировка матеріала производилась по количеству надѣльной пашни, приходящейся въ дѣйствительности на крестьянскій дворъ, хотя, какъ мы увидимъ ниже, и здѣсь встрѣтятся исключенія. При послѣднемъ способѣ разработки статистическаго матеріала всѣ хозяйства уѣзда распадаются на нѣсколько группъ, различно обезпеченныхъ землею; въ послѣднемъ случаѣ вліяніе земельнаго надѣла на весь складъ крестьянской жизни вообще и въ частности—на развитіе грамотности выступаетъ рельефнѣе. Предъ нами статистическіе сборники съ комбинаціонными таблицами по 4 уѣздамъ трехъ естественныхъ областей Россіи: нижне-волжской, центрально-земледѣльческой и пріозерной. Цифровыми данными этихъ сборниковъ мы и воспользуемся, чтобы прослѣдить зависимость грамотности отъ трехъ экономическихъ факторовъ: количества надѣльной пашни на дворъ, головъ рабочаго скота и рабочей силы. Обратимся къ помѣщеннымъ ниже табличкамъ, въ которыхъ хозяйства разбиты на группы по надѣльной землѣ и указанъ % грамотныхъ и учащихся мужчинъ.

Трубчевскій уѣздъ.		Задонскій уѣздъ.		Демянскій уѣздъ.	
Въ хозяйств., имѣющихъ до 5 десят.	6,6	Безземельныхъ.	7,6	Безнадѣльныхъ.	9,6
Отъ 5 до 10 десят.	7,6	До 5 десятинъ.	8,3	До 5 десятинъ.	17,1
Отъ 10–15 десят.	9,1	5—15 десятинъ.	7,9	5—10 десятинъ.	14,8
Отъ 15—20 десят.	10,1	15–25 десятинъ.	10,1	10—15 десятинъ.	15,5
Отъ 20—30 десят.	10,2	Свыше 25 десятинъ.	12,9	15—25 десятинъ.	18,9
Болѣе 30 десятинъ.	12,3			25—50 десятинъ.	24
				50 и болѣе десятинъ.	24

Разсматривая приведенныя таблички, мы замѣчаемъ по всѣмъ тремъ уѣздамъ прямую зависимость грамотности отъ величины надѣла: чѣмъ богаче группа надѣльною землею, тѣмъ бо́льшій % грамотныхъ въ

ней. Уклоняются нѣсколько группы, владѣющія до 5 десятинъ въ Задонскомъ и Демянскомъ уѣздахъ. Несмотря на ясно выраженную связь развитія грамотности съ количествомъ надѣльной пашни въ трехъ уѣздахъ различныхъ областей, нужно признать еще какой то болѣе сильный факторъ, которому земля уступаетъ иногда во вліяніи на грамотность. Такъ, напримѣръ, сдѣланныя вычисленія по Вольскому уѣзду представляются въ такомъ видѣ:

	Безнадѣльные.	Владѣющ. до 2,5 десятинъ.	Отъ 2,5 до 5 десятинъ.	5 — 10 десят.	10 и бол. десятинъ.
На 100 мужч. грамотн. съ учащ. . .	18,3	17,7	17,7	16,6	18,4

Эти вычисленія не подтверждаютъ сдѣланнаго выше заключенія о вліяніи надѣла на развитіе грамотности. Особенно характернымъ является въ Вольскомъ уѣздѣ сильное развитіе грамотности среди крестьянъ безнадѣльныхъ: послѣдняя группа крестьянъ по % грамотныхъ равняется самой богатой земельной группѣ. Приведемъ еще данныя по Мелитопольскому уѣзду, гдѣ крестьянскія хозяйства разгруппированы по количеству засѣянныхъ десятинъ, считая посѣвъ на надѣльной, купчей и арендованной землѣ. Вотъ эти данныя.

	ЗАСѢВАЮТЪ.					
	Не сѣютъ.	До 5 дес.	Отъ 5 до 10 десят.	10 — 25 десятинъ.	25 — 50 десятинъ.	50 и болѣе.
% грамотн. и учащихся мужчинъ .	8,3	7,3	7,6	9,9	12,0	12,9

Здѣсь величина посѣва—вѣрнѣйшій признакъ зажиточности крестьянина—тѣсно связана съ развитіемъ грамотности: чѣмъ группа богаче посѣвомъ, тѣмъ сильнѣе грамотность въ ней. Не занимающіеся земледѣліемъ въ послѣдней табличкѣ, какъ и безнадѣльные въ Вольскомъ уѣздѣ, грамотнѣе нѣкоторыхъ земледѣльческихъ группъ; такое же уклоненіе замѣчено и въ Хвалынскомъ уѣздѣ. Составители сборниковъ по Мелитопольскому и Хвалынскому уѣздамъ объясняютъ это явленіе тѣмъ, что въ группу безнадѣльныхъ или не сѣющихъ попали всѣ лица, занимающіяся промысломъ, ремеслами и торговлею, живущія не отъ земли, а отъ другаго занятія; для такого рода лицъ мѣриломъ ихъ экономической обезпеченности слѣдуетъ считать уже доходъ отъ промысла. Съ такимъ объясненіемъ нельзя не согласиться, если припомнить вліяніе промышленности на развитіе грамоты.

VI.

Другой признакъ, характеризующій степень крестьянскаго достатка,— количество головъ рабочаго скота. Прослѣживая зависимость развитія грамотности отъ этого фактора при общинной группировкѣ статистическихъ данныхъ, мы не имѣемъ возможности констатировать полной зависимости % грамотныхъ отъ названнаго фактора. Въ 3-хъ уѣздахъ центральнаго района Курской губерніи упомянутая зависимость проявляется довольно ясно, но въ двухъ уѣздахъ % грамотныхъ, повидимому, не стоитъ въ связи съ количествомъ скота, а въ Суджанскомъ замѣчена даже обратная зависимость; обратная же зависимость проявляется и въ Воронежскомъ уѣздѣ. Въ 3-хъ уѣздахъ Самарской губерніи (Бугурусланскомъ, Ставропольскомъ и Самарскомъ) указывается на сопутствіе % грамотныхъ количеству головъ рабочаго скота. Обращаясь къ тѣмъ четыремъ уѣздамъ, въ которыхъ по количеству головъ рабочаго скота группировались не общины, а дворы, мы имѣемъ полную возможность утверждать, что въ этихъ уѣздахъ количество грамотныхъ находится въ тѣсной связи съ числомъ головъ рабочаго скота, приходящагося на крестьянское хозяйство. Сказанное сейчасъ яснѣе видно изъ слѣдующей таблички:

% грамотн. и учащихся мужчинъ въ хозяйствахъ.	Вольскій уѣздъ.	Трубчевскій у.	Задонскій уѣздъ.	Демянскій уѣздъ.
Безъ рабочаго скота	17,9	6,9	8,2	12,9
Съ 1 головой рабоч. скота. . . .	15,2	7,2	7,2	14,0
» 2—3 » » . . .	18,6	8,5	9,2	19,3
» 4—5 » » . . .	—	10,2	14	24,3
Болѣе 5 » » . . .	—	12,4	—	—

Пробѣгая вертикальные ряды этой таблички въ каждомъ изъ четырехъ уѣздовъ, легко замѣтить слѣдующее: чѣмъ больше скота имѣетъ группа дворовъ, тѣмъ бо́льшій % грамотныхъ и учащихся въ ней. Въ Трубчевскомъ и Демянскомъ уѣздахъ грамотность дворовъ безъ рабочаго скота вполнѣ соотвѣтствуетъ выведенному заключенію: здѣсь эти дворы являются самыми малограмотными. Исключеніе составляютъ группы дворовъ безъ рабочаго скота въ Вольскомъ и Задонскомъ уѣздахъ, въ которыхъ названные хозяйства грамотнѣе дворовъ, владѣющихъ лошадью. Такое уклоненіе вполнѣ объясняется тѣмъ же обстоятельствомъ, которымъ было объяснено выше развитіе

грамотности у крестьянъ безземельныхъ и не сѣющихъ, т. е. въ группу безлошадныхъ хозяйствъ включены и хозяйства, не занимающіяся земледѣліемъ и не нуждающіяся поэтому въ рабочемъ скотѣ,—такъ что въ эту группу занесены промышленныя и торговыя семьи. Возвращаясь къ помѣщенной выше табличкѣ и сравнивая въ Трубчевскомъ и Демянскомъ уѣздахъ группы съ 1 лошадью и 4—5 лошадьми, мы видимъ, что % грамотныхъ послѣдней группы въ $1^1/_2$ раза выше % грамотныхъ (съ 1 лошадью) въ Трубчевскомъ и вдвое въ уѣздѣ Демянскомъ. Указанная сейчасъ зависимость грамотности отъ богатства крестьянъ рабочимъ скотомъ подмѣчена и въ Хвалынскомъ уѣздѣ, съ исключеніемъ группы безлошадныхъ хозяйствъ.

VII.

Разсмотримъ теперь, въ какой зависимости находится развитіе грамотности отъ третьяго экономическаго фактора—рабочей силы крестьянской семьи. Замѣтимъ здѣсь, что скопленіе рабочей силы въ одной семьѣ неразрывно связано съ размѣрами самой семьи: многорабочія семьи, въ большинствѣ случаевъ,—въ то же время и самыя многолюдныя. Послѣднее предположеніе въ данномъ случаѣ является, конечно, не доказаннымъ; если бы мы имѣли эти доказательства, то тогда можно бы было разсматривать одновременно связь грамотности и съ рабочимъ, и съ общимъ составомъ семьи. Для уясненія вліянія интересующаго насъ фактора—рабочей силы—на развитіе грамотности, обратимъ вниманіе на нижеслѣдующую табличку, въ которой крестьянскіе дворы 3-хъ уѣздовъ разбиты по числу работниковъ на 4 группы. Вотъ эта табличка:

Хозяйства.	% грамотныхъ и учащихся мужскаго пола.		
	Вольскій уѣздъ.	Трубчевскій уѣздъ.	Демянскій уѣздъ.
Безъ работника.	14,9	6,7	11,8
Съ 1 работникомъ	16,5	7,3	15,6
» 2 »	17,9	8,7	21,2
» 3 и болѣе.	19,9	10,6	23,7

Съ замѣчательною послѣдовательностью повышается здѣсь % грамотныхъ съ увеличеніемъ числа работниковъ; исключеній нѣтъ ни въ одномъ уѣздѣ. Какъ сильно увеличивается грамотность по мѣрѣ увеличенія числа работниковъ въ семьѣ, особенно ясно видно въ Демянскомъ уѣздѣ. Если принять здѣсь за 100 грамотность группы безъ работника, то грамотность остальныхъ группъ выразится слѣдующимъ образомъ:

Безъ работника	100
Съ 1 работникомъ	132
» 2 »	179
» 3 »	201

Такъ что самая многорабочая семья Демянскаго уѣзда вдвое грамотнѣе семьи безъ работника.

Довольно характернымъ признакомъ того или инаго экономическаго достатка крестьянской семьи можно считать наемъ батраковъ и поступленіе мужчинъ рабочаго возраста въ батраки. Извѣстно, что работниковъ нанимаютъ чаще всего крестьяне зажиточные; бѣдные крестьяне сами нанимаются въ батраки, а обыкновенный, средній домохозяинъ обходится своими силами. Любопытно прослѣдить грамотность въ трехъ названныхъ выше группахъ крестьянскихъ хозяйствъ: съ батраками, безъ батраковъ и нанимающихся въ батраки и съ нанимающимися въ батраки. Данныя по этому вопросу имѣются для Задонскаго уѣзда, гдѣ крестьянскія хозяйства раздѣлены на три названныя группы. На 100 мужчинъ въ этомъ уѣздѣ приходится грамотныхъ и учащихся въ хозяйствахъ:

Съ батраками	16,2
Безъ батраковъ и нанимающихся въ батраки	8,5
Съ нанимающимися въ батраки	7,1

Приведенныя цифры весьма наглядно указываютъ на то, что грамотность наиболѣе развита въ хозяйствахъ съ нанятыми работниками: эта группа хозяйствъ почти въ $2^1/_2$ раза грамотнѣе хозяйствъ съ нанимающимися въ батраки. Грамотность средней группы, не нанимающей и не дающей батраковъ—на $1,_4{}^0/_0$ выше грамотности послѣдней, но она почти вдвое безграмотнѣе группы съ наемными работниками.

Итакъ разсмотрѣніе зависимости развитія грамотности отъ количества надѣльной пашни, головъ крупнаго рабочаго скота и рабочей силы крестьянской семьи приводятъ насъ къ тому заключенію, что чѣмъ зажиточнѣе семья, т. е. чѣмъ богаче землею, рабочимъ скотомъ и мужской рабочей силой, тѣмъ богаче она и грамотными.

VIII.

До сихъ поръ говорилось о грамотности сельскаге населенія въ связи съ нѣкоторыми условіями народной жизни; теперь скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ источникахъ, изъ которыхъ получается крестьянствомъ начальное образованіе. Главнымъ источникомъ служитъ

въ земскихъ губерніяхъ земская школа; но не мало на Руси селеній, въ которыхъ дѣти обучались и обучаются у прохожихъ и мѣстныхъ учителей: солдатъ, черничекъ и т. п.

Присутствіе школы въ селеніи, каковы бы ни были остальныя мѣстныя условія, уже само по себѣ поднимаетъ % грамотности населенія. Обращаясь по этому вопросу къ статистическимъ сборникамъ, мы найдемъ въ нихъ не мало указаній на то, что грамотность наиболѣе развита именно тамъ, гдѣ есть школа. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Такъ, въ Хвалынскомъ уѣздѣ % грамотныхъ и учащихся въ селеніяхъ со школою и безъ нея выражается слѣдующими цифрами:

	% грамотныхъ и учащихся.		
	Мужчинъ.	Женщинъ.	Обоего пола.
Въ селеніяхъ съ земск. школами	12,8	0,5	6,5
» » безъ земскихъ школъ . . .	6,3	0,4	3,8

т. е. въ селеніяхъ съ земскою школою грамотныхъ почти вдвое больше, нежели въ селеніяхъ безъ школы. Подобныя же указанія на зависимость грамотности отъ присутствія школы находимъ и въ Курской губерніи. Въ центральномъ районѣ послѣдней прослѣжено уменьшеніе % учащихся ко всему населенію по мѣрѣ удаленія селеній отъ школы. Уменьшеніе это видно изъ слѣдующаго:

Разстояніе селеній отъ школъ.	% учащихся къ населенію.
До 1 версты	2,46
Отъ 1 до 2 верстъ.	1,26
» 2 » 3 »	0,86
» 3 » 4 »	0,47
Далѣе 4-хъ »	0,32

Приведенныя цифры свидѣтельствуютъ, что по мѣрѣ удаленія отъ школы относительное число учащихся уменьшается. Въ извѣстномъ трудѣ покойнаго В. И. Орлова и И. П. Боголѣпова—«Народное образованіе въ Московской губерніи»—и въ недавно вышедшемъ «Очеркѣ народнаго образованія въ Новгородской губерніи за 1884—85 гг.» приведены весьма любопытныя данныя о составѣ учащихся земскихъ школъ по мѣсту ихъ жительства. Изъ сопоставленія данныхъ Московской и Новгородской губерній видно, что главную массу учениковъ земскихъ школъ составляютъ дѣти тѣхъ селеній, въ которыхъ находятся школы. Чѣмъ дальше находится селеніе отъ школы, тѣмъ менѣе посылаетъ оно дѣтей обучаться. Изъ сказаннаго сейчасъ также

можно заключить о громадномъ вліяніи близости школы на распространеніе грамотности.

IX.

Мы не ставимъ себѣ задачею подробно разсмотрѣть положеніе дѣла народнаго образованія въ Россіи: цѣль настоящаго очерка—сгруппировать данныя земскихъ статистическихъ сборниковъ о числѣ грамотныхъ въ изслѣдованныхъ уѣздахъ и указать зависимость грамотности отъ нѣкоторыхъ условій крестьянской жизни. Поэтому не будемъ входить въ разборъ положенія школьнаго дѣла во взятыхъ нами 108 [2]) уѣздахъ, а приведемъ лишь цифровыя данныя объ учащихся и опредѣлимъ, приблизительно, какая часть дѣтей школьнаго возраста имѣетъ возможность обучаться грамотѣ тѣмъ или инымъ путемъ.

Если выдѣлить въ каждомъ уѣздѣ учащихся и подсчитать ихъ отдѣльно отъ грамотныхъ, то получатся слѣдующія цифры учащихся для 108 изслѣдованныхъ уѣздовъ:

Мальчики.	Дѣвочки.	Обоего пола.
237,724	46,927	284,651

Полученныя нами абсолютныя числа свидѣтельствуютъ, что главный контингентъ учащихся составляютъ мальчики; отношеніе послѣднихъ къ дѣвочкамъ=5 : 1; припомнимъ, что отношеніе мужской грамотности къ женской вообще (6 : 1), почти такое же, какое замѣчается и между учащимися.

Чрезвычайно интересный вопросъ о томъ, какая часть дѣтей школьнаго возраста обучается въ настоящее время и какъ велико число дѣтей, остающихся безъ обученія,—приходится выяснять лишь приблизительно, за неимѣніемъ свѣдѣній о возрастномъ составѣ всего населенія и возрастѣ учащихся. Если принять школьный возрастъ отъ 8 до 13 лѣтъ, то, по таблицамъ Буняковскаго, эта возрастная группа составитъ 1175 лицъ на 10,000 всего населенія. Сопоставивъ теперь вѣроятное число дѣтей школьнаго возраста разсматриваемыхъ нами уѣздовъ съ числомъ обучающихся дѣтей, у насъ получится такая табличка:

	Мальчики.	Дѣвочки.	Обоего пола.
Всего отъ 8 до 13 лѣтъ . . .	845,160	856,751	1.701,911
Учащихся	237,724	46,927	284,651

[2]) Для Землянскаго и Острогожскаго уѣздовъ у насъ не было свѣдѣній объ учащихся.

Выражая въ $^0/_0{}^0/_0$ число учащихся дѣтей ко всей школьной группѣ населенія, получимъ:

$^0/_0$ учащихся дѣтей къ населенію 8—13 лѣтъ.		
Мальчики.	Дѣвочки.	Обоего пола.
$28_{,1}$	$5_{,4}$	$17_{,3}$

Эти процентныя отношенія указываютъ, что число обучающихся дѣтей школьнаго возраста весьма не велико ($^1/_6$); причемъ нельзя не замѣтить разницы между мальчиками и дѣвочками: первыхъ учится $^2/_7$, а послѣднихъ лишь $^1/_{20}$. Такимъ образомъ высказанное нами въ началѣ очерка предположеніе, что до поголовной грамотности еще очень далеко, подтверждается и сдѣланными сейчасъ вычисленіями: $^4/_5$ дѣтей не имѣютъ возможности обучаться грамотѣ.

Дѣлая подобное же вычисленіе для каждаго отдѣльнаго уѣзда, приходится констатировать крайне неравномѣрное распредѣленіе учащихся дѣтей. Колебанія здѣсь сильнѣе указанныхъ колебаній при разсмотрѣніи грамотности; они видны изъ сопоставленія maximum'овъ и minimum'овъ:

	$^0/_0$ учащихся къ дѣтямъ школьнаго возраста.	
	Мальчики.	Дѣвочки.
Maximum	$88_{,1}$	$63_{,1}$
Minimum.	$5_{,3}$	$0_{,1}$

Приведенныя максимальныя величины учащихся падаютъ на Камышинскій уѣздъ (Саратовской губерніи), а минимальныя—на Миргородскій (Полтавской). Не будемъ приводить здѣсь вычисленій по каждому уѣзду, а раздѣлимъ всѣ 108 изслѣдованныхъ уѣздовъ на нѣсколько группъ по $^0/_0$ учащихся дѣтей къ дѣтямъ 8—13 лѣтъ:

Число уѣздовъ.	Мальчики.	Число уѣздовъ.	Дѣвочки.
73	Отъ 5% до 30%	76	Отъ $0_{,1}$% до 5%
22	» 30% » 40%	17	» 5% » 10%
13	Свыше » 40%	15	Свыше » 10%

Изъ сдѣланной группировки видно, что въ 73 уѣздахъ ($67_{,6}{}^0/_0$) учащіеся мальчики не превышаютъ 30%, и только въ 13 уѣздахъ ($11_{,8}{}^0/_0$) ихъ больше 40%. Въ 76 уѣздахъ $^0/_0$ учащихся дѣвочекъ не превышаетъ 5% и лишь въ 15 онъ выше 10%.

При разсмотрѣніи грамотности по отдѣльнымъ уѣздамъ указано было и на тѣ главныя причины, отъ которыхъ зависитъ развитіе

грамотности. Нѣкоторыми изъ указанныхъ причинъ объясняется также и колебаніе % учащихся по мѣстностямъ [3]).

X.

Вышеприведенныя данныя приводятъ насъ къ заключенію, что дѣло обученія грамотѣ находится въ незавидномъ положеніи; нельзя сказать, чтобы въ сельскомъ населеніи не было потребности въ грамотѣ; напротивъ, мѣстныя изслѣдованія указываютъ, что крестьяне, не имѣя возможности пользоваться оффиціальною школою по разнымъ причинамъ (дальность разстоянія, переполненность школъ и т. п.), прибѣгаютъ къ найму частныхъ учителей и устройству такъ называемыхъ «школокъ грамотности». Изслѣдованія различныхъ мѣстностей заставляютъ предполагать, что внѣшкольное обученіе сильно распространено на Руси. Въ нашемъ распоряженіи имѣются свѣдѣнія по Московской, Новгородской и по 9 уѣздамъ Самарской и Смоленской губерній. Въ Московской губерніи въ 1882—83 гг. существовало 537 школъ грамотности, а въ Новгородской въ 1884—85 гг.—121 школа; въ Бузулукскомъ уѣздѣ (Самарской губерн.) въ 53 селеніяхъ дѣти обучались у «хожалыхъ» учителей; изъ всѣхъ грамотныхъ Ставропольскаго уѣзда (Самарской губерніи) $^1/_3$ обучалась у частныхъ учителей. Изслѣдователи Юхновскаго уѣзда (Смоленской губерніи) приводятъ въ своихъ трудахъ цифровыя доказательства, что въ этомъ уѣздѣ $37,_5$ населенія пользовалось оффиціальной школой и $42,_5$ обучало своихъ дѣтей частнымъ образомъ.

Не смотря на дѣятельность земства и самопомощь крестьянъ въ дѣлѣ начальнаго обученія, болѣе $^3/_4$ дѣтей школьнаго возраста, какъ было указано выше, не обучается грамотѣ; причина этого заключается главнымъ образомъ въ экономической необезпеченности крестьянина: имѣя средства, крестьяне построили бы школы совмѣстно съ земствомъ, или наняли «прохожихъ» учителей. На эту причину указываютъ всѣ изслѣдователи крестьянской жизни, справедливо называя ее «роковою» причиною безграмотности русскаго крестьянина.

Нашъ обзоръ грамотности изслѣдованныхъ земскими статистиками мѣстностей приводитъ насъ къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) Грамотность сельскаго населенія развита еще крайне недостаточно, а женское населеніе—почти безграмотно.

---

[3]) См. статью «О народномъ образованіи» въ журналѣ «Русскій Начальный Учитель», 1888 г., май.

2) Грамотность болѣе развита среди промысловаго населенія, нежели среди населенія чисто-земледѣльческаго.

3) Великорусское населеніе малограмотнѣе нѣмцевъ-колонистовъ; инородцы стоятъ по грамотности ниже великоруссовъ.

4) Развитіе грамотности находится въ прямой зависимости отъ экономическаго достатка, поскольку послѣдній выражается количествомъ надѣльной земли, рабочаго скота и мужской рабочей силы.

5) Дальнѣйшій ходъ народнаго образованія находится въ значительной степени въ зависимости отъ поднятія экономическаго благосостоянія населенія.

Н. Бычковъ.

ПРОМЫСЛОВЫЯ АРТЕЛИ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.

I. Рыболовныя артели.

(*Продолженіе*) *).

Какъ мы видѣли, значеніе промысловъ, недостатокъ угодій и вообще внѣшнія условія промысла имѣютъ рѣшающее вліяніе на форму и численный составъ артели. Но съ еще большей силой отражается на самостоятельности артели и ея независимости отъ посторонннхъ лицъ способъ образованія промысловаго капитала и общій уровень зажиточности населенія. Понятно, что эта сторона дѣла должна подлежать особенно тщательному разсмотрѣнію.

Артельный капиталъ при неводномъ, какъ, впрочемъ, и всякомъ другомъ промыслѣ, составляется изъ членскихъ взносовъ артельщиковъ. Въ Пелымѣ, какъ сказано, размѣръ этого взноса соотвѣтствуетъ единицамъ пая, числящимся на промышленникѣ-артельщикѣ. Тоже самое имѣетъ мѣсто и въ нѣкоторыхъ пунктахъ сѣвера,—на Оби и Иртышѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сургутскаго края, а также повсемѣстно въ средней и южной части губерніи, капиталъ, нужный для веденія дѣла, образуется тоже изъ членскихъ взносовъ, но нѣсколько въ иной формѣ. Число членовъ артели опредѣляется требованіями промысла, а не величиной общества, количествомъ ревизскихъ душъ въ немъ, какъ въ Пелымѣ и частью въ Сургутскомъ краѣ, гдѣ промысловая артель неразрывно связана съ общиной. Общая сумма, необходимая для обзаведенія промысловой снастью, раздѣляется на равныя части, паи, по числу членовъ артели, и каждый промышленникъ при своемъ вступленіи въ артель вноситъ на образованіе

*) См. «Юрид. Вѣстн.», 1890, № 1.

промысловаго капитала свой пай. Такимъ образомъ, здѣсь «пай» имѣетъ нѣсколько иное значеніе, чѣмъ въ артели-общинѣ, ему придается болѣе тѣсный, узкій смыслъ. Паевые взносы производятся натурой, т. е. каждый артельщикъ приноситъ съ собой опредѣленное количество мережи, веревокъ и проч. Неводъ составляется изъ отдѣльныхъ кусковъ—«столбовъ», «косяковъ», принадлежащихъ разнымъ лицамъ, входящимъ въ составъ артели, и такимъ образомъ въ самомъ смыслѣ слова дѣлается «обчимъ», какъ говорятъ рыбаки. По окончаніи рыболовнаго сезона, неводъ разбивается на его составныя части, которыя «товарищи» и берутъ по принадлежности. Если во время промысла кто нибудь изъ артельщиковъ выходитъ изъ артели, что случается вслѣдствіе семейныхъ причинъ, ссоръ въ артели и т. п., то ему тотчасъ же выдѣляется его часть невода, замѣняя ее тутъ же частью другаго члена или новаго пайщика. Почему либо испортившійся и сдѣлавшійся негоднымъ кусокъ невода артельщикъ долженъ немедленно замѣнить новымъ.

Такой способъ образованія невода въ самостоятельныхъ артеляхъ распространенъ по всей губерніи, не исключая и сѣвера—Тобольскаго, Сургутскаго и Березовскаго округовъ, гдѣ онъ одинаково употребителенъ среди русскихъ и среди инородцевъ. На сѣверѣ каждый промышленникъ со своей семьей самъ изготовляетъ рыболовныя сѣти и другія принадлежности промысла. Другіе покупаютъ мережу готовой, берутъ ее подъ разныя обязательства у скупщиковъ рыбы и т. д. Послѣднее, какъ увидимъ ниже, самымъ гибельнымъ образомъ отзывается на самостоятельности артелей. Распространенность такого способа составленія невода объясняется сравнительной выгодностью его для промышленниковъ, ибо онъ меньше всего требуетъ затратъ денегъ, въ которыхъ промышленникъ всегда нуждается; запродать же впередъ кулаку свой трудъ и получить за это нужную снасть для него при существующихъ отношеніяхъ гораздо сподручнѣе. Что же касается труда, потраченнаго промышленникомъ и его семьей въ зимніе мѣсяцы на изготовленіе мережи и т. п., то онъ цѣнится имъ болѣе, чѣмъ дешево: «все равно, по вечерамъ зимой дѣлать нечего», говорятъ они.

Оборотный капиталъ, въ настоящемъ смыслѣ слова, въ такой артели не существуетъ, такъ какъ починку невода каждый промышленникъ производитъ своими домашними средствами, употребляя свою мережу и веревки. Артель въ это не входитъ. Одежда и хлѣбъ у каждаго также свои, такъ какъ промыселъ производится по близости отъ дома.

Есть и другіе способы составленія артельнаго невода. Иногда, зная приблизительную стоимость невода, артель «складывается деньгами» и покупаетъ на сторонѣ или совсѣмъ уже готовый неводъ, что далеко не всегда возможно, или же только мережу, изъ которой уже сами промышленники выкраиваютъ и сшиваютъ неводъ нужныхъ размѣровъ, при чемъ работа распредѣляется равномѣрно между всѣми участниками въ неводѣ. Для починки такого невода употребляются деньги, вырученныя отъ промысла—при раздѣлѣ добычи одинъ пай идетъ на неводъ; изъ этого же пая, когда промыселъ удаченъ, артель иногда покупаетъ себѣ водку и пр. Такой порядокъ часто практикуется, между прочимъ, по среднему теченію Иртыша въ Тюкалинскомъ и Тарскомъ округахъ, по Тоболу, Ишиму, Ошѣ и др. За покупкой сѣтей и другихъ принадлежностей промысла изъ селъ и деревень Тюкалинскаго округа ѣздятъ въ Омскъ, изъ другихъ же мѣстъ въ Тобольскъ и другіе города.

Понятно, что составить артельный капиталъ однимъ изъ только что описанныхъ способовъ могутъ болѣе или менѣе состоятельные промышленники или же члены такой артели, которая имѣетъ доступъ къ кредиту. Между тѣмъ въ средней и южной полосѣ очень часто промышляютъ рыбу совершенные бѣдняки, не могущіе даже кредитоваться въ счетъ будущаго промысла. Артели этихъ послѣднихъ прибѣгаютъ къ такому пріему. Кто нибудь изъ наиболѣе опытныхъ, зажиточныхъ и предпріимчивыхъ рыбаковъ даннаго селенія [1]) покупаетъ себѣ неводъ, если не имѣетъ стараго, и «присоглашаетъ» себѣ артель: объявляетъ стоимость невода (отъ 10—12 до 100 и болѣе рублей) и число необходимыхъ «товарищей»—отъ 4 до 24. Каждый, вступая въ эту артель, покупаетъ себѣ пай въ неводѣ (размѣръ пая равняется объявленной суммѣ стоимости невода, раздѣленной на число членовъ артели минусъ одинъ; такъ, пай въ 12-рублевомъ неводѣ при артели въ 4 чел. будетъ 4 р.). Когда неводъ стоитъ дорого и величина пая сравнительно велика, то нерѣдко одинъ пай покупается товариществомъ изъ двухъ или нѣсколькихъ человѣкъ. Разъ необходимое число товарищей набралось, и всѣ паи взяты, неводъ переходитъ въ собственность артели. Организаторъ артели оставляетъ за собой одинъ или два пая, смотря по условію, не дѣлая за это никакого взноса въ артель, почему стоимость невода и разлагается лишь

---

[1]) Изъ городовъ Тобольской губер. мнѣ извѣстенъ лишь одинъ, гдѣ существуетъ такой порядокъ — это степной Тюкалинскъ, сохранившій во многихъ отношеніяхъ характерныя черты деревенскаго склада жизни.

на остальныхъ членовъ, исключая его одного. Обычаемъ это признается какъ бы вознагражденіемъ за трудъ, потраченный на образованіе артели, пріобрѣтеніе невода и пр. Обыкновенно онъ же, организаторъ, при промыслѣ занимаетъ мѣсто башлыка, на обязанности котораго лежитъ руководительство всѣмъ дѣломъ. По окончаніи промысла артель продаетъ неводъ, чаще всего его же прежнему хозяину, собиравшему артель, кому нибудь изъ своихъ членовъ или на сторону, наконецъ. Цѣна, выставляемая при составленіи артели неводу, всегда нѣсколько выше дѣйствительной, и артель, пріобрѣтая его покупкою паевъ, приплачиваетъ нѣкоторый излишекъ. При продажѣ невода случается какъ разъ обратное: покупщики даютъ за неводъ цѣну всегда нѣсколько ниже дѣйствительной его стоимости. Такимъ образомъ, артель дважды теряетъ при началѣ дѣла и при его прекращеніи. Размѣръ этой потери и выгоды, получаемыя организаторомъ предпріятія, всего лучше будутъ видны на частномъ примѣрѣ. Рыбакъ, хорошо знакомый со всѣми окрестными озерами, свойствами ихъ дна, условіями промысла и пр., нѣсколько лѣтъ ходившій въ башлыкахъ, купилъ старый озерный неводъ въ 12 р. «сбивая артель» въ 24 чел., онъ объявилъ стоимость невода въ 36 р., т. е. продавалъ пай по $1^1/_2$ р. Такимъ образомъ, при самомъ началѣ дѣла предприниматель-башлыкъ получилъ 24 р. и безплатный пай въ неводѣ—вся артель состояла изъ 25 человѣкъ. По окончаніи зимняго промысла, артель продала ему же неводъ за 8 р. Въ конечномъ результатѣ онъ, слѣдовательно, получилъ неводъ, 16 р. деньгами и одинъ пай въ уловѣ. Весь уловъ дѣлился на 26 частей, изъ которыхъ на его долю приходилось двѣ: одна—какъ башлыку, другая—какъ участнику въ неводѣ. Остальные же «товарищи», затративъ 28 рублей (36—8), или по 1 р. 16 к. каждый, получили за это одинъ пай въ уловѣ въ теченіе всего промысла (Тюкалинскъ 1885 г.).

Такимъ путемъ пріобрѣтаютъ неводъ многія артели въ Тюкалинскомъ и Тарскомъ округахъ, и нѣтъ основанія предполагать, чтобы этотъ способъ не имѣлъ мѣста и въ другихъ округахъ, гдѣ условія народной жизни сходны съ условіями названныхъ мѣстностей.

Тѣ же причины, которыя заставляютъ промышленниковъ пользоваться кредитомъ въ столь тяжелой формѣ, лишь бы имѣть возможность составить самостоятельную артель и не идти въ хозяйскую, вызываютъ къ существованію артели, не имѣющія собственнато невода, но берущія его въ аренду, «въ кортомъ», что имѣетъ мѣсто на Иртышѣ, Тоболѣ и другихъ рѣкахъ. Собственникомъ невода можетъ быть и человѣкъ, совершенно посторонній артели, какой нибудь за-

житочный крестьянинъ или сельскій торговецъ, и кто нибудь изъ членовъ артели. За пользованіе неводомъ артель платитъ деньгами или извѣстной частью улова. Пользованіе промысловымъ инвентаремъ за извѣстную долю въ уловѣ служитъ однимъ изъ характерныхъ признаковъ основанной «на покрутѣ» артели, служащей промежуточнымъ звеномъ между самостоятельной и хозяйской артелью въ собственномъ смыслѣ слова. Разсматриваемыя же артели не могутъ быть отнесены къ «покруту», потому что послѣдній всегда предполагаетъ извѣстную зависимость артели отъ хозяина инвентаря въ самомъ промыслѣ — хозяинъ всегда дѣлитъ вмѣстѣ съ артелью всѣ выгоды и убытки предпріятія, если и не участвуетъ лично въ промыслѣ, между тѣмъ какъ въ данномъ случаѣ артель въ своихъ дѣйствіяхъ совершенно свободна и независима отъ владѣльца невода—не удался промыселъ, артель заплатитъ и деньгами за неводъ. Напримѣръ, въ дер. Верблюжьей, Тюкалинскаго округа, лежащей на Иртышѣ, торгующій еврей держитъ спеціально для отдачи въ аренду неводъ, который и берется у него ежегодно той или другой артелью. Не всегда, впрочемъ, такой неводъ принадлежитъ одному лицу, чаще онъ составляетъ собственность нѣсколькихъ членовъ артели, нѣкотораго товарищества—status in statu,—образующагося внутри самой артели, при чемъ слѣдуетъ отмѣтить, что товариществомъ неводъ пріобрѣтается такъ же, какъ и самостоятельными артелями, т. е. по паямъ; бываетъ, что одинъ товарищъ вноситъ свой пай капиталомъ, другой трудомъ. Такъ, мнѣ извѣстенъ случай, относящійся къ д. Ошѣ, Тюкалинскаго округа, когда два крестьянина пріобрѣли неводъ на такихъ условіяхъ: одинъ купилъ пряжу, мочалу и пр., другой изготовилъ изъ нихъ мережу и составилъ неводъ. Долю улова, получаемую за неводъ, товарищи дѣлятъ между собой поровну, какъ и въ другихъ подобныхъ товариществахъ.

До сихъ поръ я говорилъ только объ одной части основнаго капитала рыболовныхъ артелей, именно о неводѣ. Но въ промыслѣ, кромѣ него, необходимы лодки, ловушки лѣтомъ, зимою—лошади и пѣшни для пробиванія льда—все это также должно быть отнесено къ основному капиталу. Что касается зимнихъ промысловъ, то здѣсь каждый является на своей лошади, если ихъ требуется много, какъ на Оби и Иртышѣ, или же соблюдается очередь — сегодня одни выѣзжаютъ на своихъ подводахъ, завтра другіе и т. д. Пѣшни и ловушки у каждаго свои, что не представляетъ для промышленниковъ затрудненія, такъ какъ первыя стоятъ не дорого, вторыя же дѣлаются самими рыбаками. Лодки или также поставляются по очереди

или покупаются на общій счетъ. Послѣднее бываетъ чаще всего на сѣверѣ, гдѣ, по условіямъ промысла, нужны громадныя лодки,—такъ называемые «неводники», въ которыхъ могутъ помѣститься 25—30 человѣкъ.

XI.

Форма пользованія промысловыми угодьями, стоимость орудій, степень экономическаго благосостоянія мѣстнаго населенія, отдаленность рынка—все это вліяетъ на способъ образованія артельнаго капитала и на самую артель. Гдѣ пользованіе угодьями подлежитъ извѣстной регламентаціи, какъ въ Пелымѣ и на Оби, тамъ существуетъ раскладка суммы, необходимой для покупки инвентаря, по ревизскимъ душамъ общества. Гдѣ пользованіе промысловыми угодьями свободно (а оно свободно въ большей части губерніи), тамъ взносы дѣлаютъ лишь члены артели, всѣ или только часть ихъ, поровну или въ различныхъ пропорціяхъ. Наконецъ, въ мѣстностяхъ, гдѣ промысловыя угодья составляютъ оброчныя статьи городскихъ и мѣщанскихъ обществъ или казны, самостоятельная артель почти не встрѣчается,—тамъ она вытѣснена артелью покрутной. Таковы рыбные промыслы въ городахъ Тарѣ, Ишимѣ, Ялуторовскѣ, Тобольскѣ. Высота арендныхъ цѣнъ, продолжительность срока аренды и стѣснительность другихъ условій пользованія оброчными статьями дѣлаютъ подобныя тони для самостоятельныхъ артелей недоступными. Въ городахъ оказываетъ свое вліяніе на артель, въ смыслѣ подчиненія ея капиталу, и общій торговый духъ городскаго населенія. Въ деревняхъ же, вдали отъ бойкихъ торговыхъ пунктовъ, наблюдается исключительно самостоятельная артель, которая встрѣчается повсюду въ средней и южной частяхъ губерніи—по Иртышу, Ошѣ, Ишиму, Тоболу, Турѣ, Пышмѣ, на Чанахъ и другихъ многочисленныхъ южныхъ озерахъ, на Андреевскомъ озерѣ Тюменскаго округа и т. д. Здѣсь большая или меньшая самостоятельность артели всегда зависитъ отъ степени зажиточности промышленниковъ. Въ Сургутскомъ, Березовскомъ и сѣверной части Тобольскаго округа сельское населеніе также въ большинствѣ случаевъ соединяется въ самостоятельныя артели, но эти артели находятся въ тяжелой кабалѣ у мѣстныхъ и пріѣзжихъ кулаковъ—крупныхъ рыбопромышленниковъ, что вызывается крайней дороговизной промысловаго инвентаря и чрезмѣрной отдаленностью рынковъ.

XII.

Распредѣленіе добычи между членами самостоятельной артели обусловливается характеромъ работъ, исполняемыхъ членами, и долей участія въ промысловомъ капиталѣ. Въ небольшихъ лѣтнихъ артеляхъ, средняя численность которыхъ 4 человѣка, если всѣ члены принимаютъ одинаковое участіе въ капиталѣ, добыча дѣлится поровну между всѣми. Въ зимнихъ же артеляхъ, состоящихъ въ среднемъ изъ 16—24 человѣкъ, на долю «уставщика», «башлыка» дается два пая, такъ какъ зимній ловъ требуетъ отъ него особыхъ знаній, отъ уровня которыхъ зависитъ весь ходъ промысла. То же самое относится къ большимъ лѣтнимъ артелямъ сѣвера, лишь съ тою разницей, что въ нихъ, кромѣ башлыка, двойной пай получаетъ еще «пятовщикъ», управляющій неводомъ съ берега. Трудъ этихъ двухъ лицъ очень тяжелъ и отвѣтственъ — отсюда и привилегія. Въ артеляхъ пелымскихъ, впрочемъ, уставщикъ и пятовщикъ получаютъ не больше простыхъ артельщиковъ. Когда пай покупается нѣсколькими лицами, приходящаяся на ихъ долю добыча поступаетъ въ равный раздѣлъ между сопайщиками, какъ раздѣляется между ними и трудъ во время промысла. Пайщикъ, поставившій вмѣсто себя другаго на промыселъ, дѣлится съ нимъ тоже поровну, такъ что здѣсь на долю капитала приходится столько же, сколько и труду. Въ Тюкалинскомъ округѣ пайщикъ нерѣдко посылаетъ за себя своего работника, получающаго годовое жалованье, и въ такомъ случаѣ весь пай идетъ хозяину.

Выше мы видѣли, что нѣкоторыя артели промышляютъ не своимъ, а взятымъ въ кортомъ инвентаремъ. Часть улова, приходящаяся на долю капитала въ такихъ случаяхъ, далеко не вездѣ одинакова: иногда она не превышаетъ обыкновеннаго пая, иногда же составляетъ $^1/_3$ и $^1/_2$ всего улова. Такія колебанія зависятъ отъ стоимости промысловыхъ орудій: чѣмъ она выше, тѣмъ больше часть, причитающаяся хозяину или хозяевамъ инвентаря, и обратно. Стоимость небольшихъ рѣчныхъ и озерныхъ неводовъ, употребляющихся въ средней и южной полосѣ, сравнительно говоря, не велика: 10—20, или 50—100 руб., и владѣлецъ невода за его кортомъ получаетъ одинъ пай (деревня Верблюжья, Тюкалинскаго округа). На сѣверѣ же хорошій неводъ стоитъ 200—500 рублей, и число паевъ на него идетъ больше. Въ селѣ Самаровѣ, напримѣръ, мнѣ извѣстна артель изъ 8 человѣкъ, въ которой уловъ дѣлится на 12 частей: 7 частей идутъ артельщикамъ, 2 башлыку и три хозяину невода, такъ что здѣсь на долю капитала

приходится втрое больше, нежели труду. Въ Сургутѣ за неводъ нерѣдко платятъ половину улова, и въ артели, состоящей тоже изъ 8 человѣкъ, уловъ дѣлится уже на 18 паевъ, изъ которыхъ 7 идутъ простымъ артельщикамъ, 2 башлыку и 9 хозяину невода, такъ что на хозяина придется уже втрое больше, чѣмъ въ Самаровѣ.

XIII.

На Оби, Иртышѣ, Тоболѣ и проч. условія промысла требуютъ иногда соединенія такихъ силъ, которыя далеко превышаютъ силы обыкновенной неводной артели. Для достиженія этого нѣсколько простыхъ артелей вступаютъ во временный союзъ [2]). Такъ, на Оби и низовьяхъ Иртыша, во время особенно сильнаго хода рыбы, ловъ производится двумя [3]) неводами—«неводъ противъ невода», по выраженію рыбаковъ, т. е. на одномъ и томъ же мѣстѣ одновременно работаютъ два невода, идущіе непрерывно другъ за другомъ, такъ что, когда первый подводятъ къ берегу и начинаютъ вытаскивать, въ это время забрасываютъ второй, а когда онъ въ свою очередь подойдетъ къ берегу, первый уже вновь закидывается и т. д. Такой способъ неводьбы требуетъ особенно быстраго, отчетливаго выполненія работъ, ловкости и умѣнья, чтобы одинъ неводъ не мѣшалъ другому и не отставалъ отъ него, вообще, чтобы работа шла дружно. При этомъ уловъ чаще всего бываетъ чрезвычайно великъ. Въ такихъ случаяхъ артели вступаютъ между собой въ соглашеніе и образуютъ громадную сложную артель, располагающую нѣсколькими неводами и десятками лодокъ. Добыча дѣлится сначала между артелями поровну, а затѣмъ уже каждая артель производитъ раздѣлъ между своими членами. Между прочимъ, въ сложныя артели рыбаки иногда вступаютъ и для промысла «чащеннымъ» неводомъ. Интересно, что при такого рода соединеніяхъ нерѣдко встрѣчаются союзы самостоятельныхъ артелей съ хозяйскими. Мнѣ лично пришлось годъ назадъ присутствовать въ г. Ялуторовскѣ при такомъ союзѣ. Соединились

---

[2]) Подобные союзы артелей извѣстны были въ Архангельской губ. въ XVII вѣкѣ и ранѣе подъ названіемъ «котлянъ», «рамшей», «бурсъ» (*А. Ефименко*, «Артели Архангельской губер.», Сборн. матер. объ артеляхъ, вып. I, стр. 15, 16, 17, 32—33 и др.).

[3]) Собственно четырьмя неводами, такъ какъ на Оби всегда работаютъ двумя неводами—сутки однимъ и сутки другимъ; осенью же очереди бываютъ денныя и ночныя; пока однимъ неводятъ, другой сушится и чинится, а смѣна артели въ это время отдыхаетъ.

четыре артели—три самостоятельныхъ и одна хозяйская. Во всѣхъ работахъ участвовали всѣ артели одинаково. Ловъ производился частью на мѣстахъ, принадлежащихъ крестьянамъ Томиловской волости, главнымъ же образомъ на арендованныхъ у города торгующимъ мѣщаниномъ, который вошелъ въ союзъ со своимъ неводомъ и артелью изъ 4 душъ. Дѣломъ управлялъ этотъ мѣщанинъ—лучшій рыбакъ во всей окрестности. Добычу двухсуточной работы, за вычетомъ на угощеніе постороннихъ, шумомъ пугавшихъ рыбу, продали и выручку подѣлили слѣдующимъ образомъ: половина денегъ пошла мѣщанину съ его артелью, половина тремъ крестьянскимъ артелямъ, изъ которыхъ каждая получила по ровну. Такимъ образомъ, хозяину пришлось въ *шесть разъ* болѣе, нежели каждой изъ самостоятельныхъ артелей. Причина такого предпочтенія заключалась въ томъ, что ловъ производился главнымъ образомъ на арендованномъ имъ мѣстѣ, а также и въ томъ, что онъ руководилъ всѣмъ дѣломъ.

Въ такихъ сложныхъ артеляхъ всегда выбирается съ общаго согласія одинъ изъ уставщиковъ, который беретъ на себя общее руководительство, не пользуясь никакими матеріальными преимуществами, если въ союзъ входятъ крестьянскія артели.

Хозяйскія рыболовныя артели, какъ и самостоятельныя, распространены по всей губерніи, съ тою разницей, что первыя имѣютъ мѣсто или въ городахъ и немногихъ селахъ съ развитой торговлей, или тамъ, гдѣ рыболовство особенно сильно развито, какъ на всемъ Сѣверѣ губерніи. Степень распространенности и крѣпости хозяйской артели находится въ прямой связи съ значеніемъ промысла для данной мѣстности: можно сказать, чѣмъ промыслы богаче, тѣмъ болѣе подавлена и изуродована артель. Размѣры рыболовства, относительная выгодность его и роль въ народной жизни, какъ мы видѣли, увеличиваются по направленію съ юга на сѣверъ, пріобрѣтая наибольшее развитіе въ крайнихъ сѣверныхъ пунктахъ, въ устьяхъ Оби, Надыма, Ныды, по побережью Обской и Тазовской губы. Въ томъ же направленіи уменьшается плотность населенія и возрастаетъ трудность и дороговизна промысла, необходимость болѣе сложныхъ орудій, большаго количества рабочихъ рукъ и т. д. Если теперь обратимся къ хозяйскимъ артелямъ, то увидимъ, что ея самостоятельность постепенно уменьшается, по мѣрѣ удаленія на сѣверъ. Связь между тѣмъ и другимъ несомнѣнна.

Наибольшую самостоятельность хозяйскія артели сохраняютъ въ средней полосѣ губерніи по Иртышу, Тоболу, въ гг. Тарѣ, Ялуторовскѣ, Тюмени. Такъ какъ вездѣ организація ихъ одна и та же, то

я возьму для образца артели города Тары, что представляетъ еще и то удобство, что именно объ этомъ городѣ имѣются хоть немногія печатныя свѣдѣнія и цифровыя данныя [4]).

Въ Тарѣ, какъ и въ другихъ городахъ той же полосы, хозяйскія артели бываютъ зимнія и лѣтнія. Численный составъ ихъ, орудія, употребляемыя для промысла и пр. рѣшительно тѣ же, что и въ артеляхъ самостоятельныхъ рыбаковъ. Всѣ орудія, какъ невода, лодки и проч., принадлежатъ хозяину; ему же принадлежитъ и самое мѣсто промысла—рыбалка, арендуемая у города или казны. По разсчету, приведенному въ указанной статьѣ «Русскихъ Вѣдомостей», всѣ издержки при лѣтнемъ промыслѣ достигаютъ 250 р., изъ которыхъ около сотни идетъ на уплату аренды, остальныя на обзаведеніе инвентаремъ. Расходы на зимній промыселъ значительнѣе, такъ какъ самый неводъ больше, да и портится скорѣе лѣтняго. Оборотный капиталъ, нужный на продовольствіе артели и починки сѣтей и пр., распредѣляется между хозяиномъ и артелью: харчится артель на свой счетъ, поправка же инвентаря на счетъ хозяина. Заготовивъ все, необходимое для промысла, лѣтняго или зимняго, хозяинъ приглашаетъ къ себѣ въ «уставщики» (на сѣверѣ «башлыкъ») опытнаго рыбака, и этотъ послѣдній уже отъ себя сбиваетъ артель изъ знакомыхъ ему промышленниковъ. Такимъ образомъ, въ хозяйской артели уставщикъ не выборное лицо, какъ въ самостоятельныхъ, а назначается хозяиномъ. Понятна зависимость артели отъ хозяина при такихъ условіяхъ: какъ бы уставщикъ ни былъ несправедливъ, какъ бы онъ ни обсчитывалъ артель, она безсильна передъ нимъ, такъ какъ никто, кромѣ хозяина, не можетъ смѣнить его и замѣстить другимъ. Являясь посредникомъ между хозяиномъ и артелью, представителемъ хозяйскаго интереса въ артели, уставщикъ тѣмъ самымъ утрачиваетъ значеніе «перваго между равными», какое онъ имѣетъ въ самостоятельномъ промыслѣ—это одна изъ отличительныхъ чертъ хозяйской артели.

Другой такой чертой является степень участія артели въ добычѣ. Въ лѣтнихъ и въ зимнихъ артеляхъ раздѣлъ производится по одному и тому же образцу: половина улова, исключая небольшое количество мелкой рыбы, идущей на похлебку рыбакамъ, идетъ въ пользу хозяина, другая—артели; артель разбиваетъ свою часть на паи, по числу своихъ членовъ, по одному на каждаго; уставщикъ, кромѣ того, получаетъ еще пай отъ хозяина. Иначе говоря, при такомъ

---

4) «Рус. Вѣдомости» 1887 г., № 82: Промыслы городскаго и сельскаго населенія Тарскаго округа.

раздѣлѣ, въ артели изъ 7 человѣкъ, рядовой промышленникъ получаетъ $^1/_{14}$ улова, уставщикъ—$^2/_{14}$, а хозяинъ—$^6/_{14}$; въ тѣхъ же случаяхъ, когда онъ самъ и уставщикъ—$^8/_{14}$. Практикуется и другой способъ раздѣла, еще менѣе выгодный для артели: получивъ половину улова, артель дѣлитъ ее на 8 частей, изъ которыхъ двѣ достаются уставщику, и по одной остальнымъ членамъ, хозяинъ же не даетъ уставщику ничего. Здѣсь уже артельщикъ получаетъ $^1/_{16}$, уставщикъ—$^2/_{16}$, а хозяинъ—$^8/_{16}$ общаго улова. Разница не маленькая. Въ раздѣлъ поступаетъ не самая рыба, а выручка, полученная за ея продажу. Рыбу продаетъ уставщикъ на базарѣ или сдаетъ хозяину по цѣнѣ, назначенной этимъ послѣднимъ, всегда нѣсколько ниже базарной. Уставщикъ, продавая рыбу безъ всякаго контроля со стороны товарищей, утаиваетъ обыкновенно нѣкоторую часть выручки отъ артели. Все это, вмѣстѣ взятое, порядкомъ уменьшаетъ выгоды артели отъ промысла. Ниже мнѣ придется еще подробно говорить о выгодахъ промысла и характерѣ эксплоатаціи артелей хозяевами.

Артели этого типа, основанныя на началѣ покрута, встрѣчаются еще въ с. Самаровѣ, при устьѣ Иртыша, и въ г. Сургутѣ. Здѣсь доля хозяина колеблется отъ $^1/_3$ до $^1/_2$ и большей части улова. По свидѣтельству д-ра Финша, относящагося вообще съ крайней довѣрчивостью къ показаніямъ крупныхъ рыбопромышленниковъ, въ с. Самаровѣ крестьянинъ Земцовъ получаетъ въ 12 разъ болѣе, чѣмъ рядовой артельщикъ, работающій съ нимъ. Но эти цифры, очевидно, уменьшены противъ дѣйствительныхъ, такъ какъ заработокъ артельщика опредѣляется имъ въ 10 р., т. е. сумму, за которую никто не станетъ работать даже и на Оби.

Самарово, насколько мнѣ извѣстно, крайній пунктъ, гдѣ еще сохранилась артель покрутная; ниже по Оби ея мѣсто занимаетъ артель наемныхъ рабочихъ, связанныхъ между собой лишь общностью труда и положенія и ни мало не заинтересованныхъ въ выгодахъ предпріятія. Вообще, организація низовыхъ промысловъ крупныхъ рыбопромышленниковъ представляетъ крайнее выраженіе хозяйской артели, подавленной капиталомъ до совершенной утраты основныхъ артельныхъ началъ. Богатый матеріалъ объ артеляхъ и вообще объ Обской рыбопромышленности собранъ покойнымъ Поляковымъ въ его отчетахъ Академіи Наукъ о поѣздкѣ на Обь, которыми я ниже и воспользуюсь.

На каждый хозяйскій неводъ длиною отъ 350 до 500 маховыхъ саженей на Оби полагается въ лѣтнее время артель въ 8—9 человѣкъ рабочихъ, кромѣ такъ называемаго «береговаго», слѣдящаго

за исправнымъ состояніемъ невода, и башлыка — иногда на два и даже четыре невода по одному береговому и башлыку.

XIII.

Нанимаютъ хозяева рабочихъ еще съ осени въ Тобольскѣ и по деревнямъ, куда ѣздятъ отъ нихъ прикащики, даютъ впередъ задатки, вносятъ подати и проч., заключаютъ съ рабочими условія и отбираютъ у нихъ паспорта, обязывая явиться въ Тобольскъ къ опредѣленному времени—предполагаемому дню отправки судна на «низъ». Наемка производится не только лично, но и черезъ волостное начальство, отдающее недоимщиковъ на промыслы. Плата низовому рабочему очень мизерна—18—25 руб. съ апрѣля по октябрь, при чемъ каждому рабочему полагается отъ хозяина пара «бродней» [5]), рукавицы (вся остальная одежда своя) и по фунту махорки на мѣсяцъ. Во время промысла рабочихъ кормятъ рыбой, въ пути же на низъ и обратно соленымъ мясомъ; водки отъ хозяина не полагается нигдѣ.

По вскрытіи Иртыша барки грузятъ товаромъ и собираютъ рабочихъ, обязанныхъ явиться ко дню отплытія; прикащики бѣгаютъ по всему городу, разыскивая ихъ по постоялымъ дворамъ, кабакамъ и разнымъ притонамъ. Передъ отправкой рабочіе или караванные, какъ ихъ здѣсь называютъ, обыкновенно сильно кутятъ, такъ что собрать ихъ бываетъ довольно затруднительно. Нѣкоторые предусмотрительные хозяева обращаются за помощью къ полиціи, которая въ такихъ случаяхъ любезно засаживаетъ рабочихъ въ католажку за нѣсколько дней до отправки и оттуда уже трезвыхъ доставляетъ на баржи. «Караванные, говоритъ Поляковъ, по большей части, люди бывалые, съ Камы, съ Волги, съ разныхъ частей Россіи поселенцы, также мѣстные жители: крестьяне, татары, бухарцы; многіе изъ нихъ, еслибы они жили при Ермакѣ, пошли бы съ нимъ въ самыя невѣдомыя страны, покорять Сибирь, Китай, Индію, и руководимые умнымъ, сильнымъ нравственно, энергичнымъ и справедливымъ человѣкомъ, терпѣливо, безропотно несли бы всѣ трудности и лишенія въ пользу предпринятаго дѣла. Несутъ они эти трудности и здѣсь, но едва ли всегда подъ руководствомъ людей прочно установившейся нравственности и чувства справедливости».

Отъ Тобольска барка, по здѣшнему «посудина», идетъ или «своесильно», т. е., несется силою теченія, или на веслахъ, что случается

---

[5]) «Бродни»—сибирская крестьянская обувь, родъ кожаныхъ чулокъ.

гораздо чаще, такъ какъ весной преобладаютъ сѣверные, въ данномъ случаѣ противные движенію судна вѣтры. Пройти при такихъ условіяхъ $1^1/_2$—2 и болѣе тысячи верстъ для рабочихъ чрезвычайно тяжело. Противные вѣтры задерживаютъ, «хозяинъ торопится, боится опоздать къ промыслу, и тутъ уже рабочій не имѣетъ ни днемъ, ни ночью покоя; ему нужно сидѣть въ гребяхъ на громадной, неуклюжей посудинѣ, владѣть веслами, имѣющими форму едва обтесанныхъ бревенъ, подъ противнымъ, нерѣдко крѣпкимъ вѣтромъ; нужно заботиться, чтобы барку не нанесло на мель; если сѣла она, нужно лѣзть въ холодную весеннюю воду. За наступающую въ немъ вялость и утомленіе онъ получаетъ потасовки и подзатыльники—привычка, которая до такой степени на посудинахъ вошла въ обычай, что съ нихъ распространяется на суда болѣе изящныя, появляющіяся въ водахъ Оби съ цѣлями болѣе высокими» (Поляковъ).

Положеніе и вся обстановка, въ которой находится караванный рабочій, на мѣстѣ промысла ничуть не лучше, чѣмъ въ пути. Вотъ, напримѣръ, типичный песокъ, описанный Поляковымъ. Работаютъ 2 артели на 2 неводахъ при одномъ башлыкѣ и береговомъ. По пріѣздѣ на песокъ рабочіе получили по парѣ бродней, которыхъ хватило на $^1/_2$ мѣсяца, потомъ изорвались, съ трудомъ у хозяина можно выпросить кожи на заплаты, такъ что работать приходится все равно, что босикомъ. Кромѣ бродней, получили по парѣ рукавицъ стоимостью въ 30 коп. и по 1 фунту табаку. Одежда своя—рубаха и штаны въ единственномъ числѣ, такъ что нечѣмъ и перемѣнить. Хозяинъ не даетъ полога для защиты отъ комаровъ, не даетъ даже халата для починки единственной рубахи. Вообще одежда—одни лохмотья. Работаютъ такъ: артель тянетъ подъ рядъ пять тонь невода; при хорошей погодѣ на тоню нужно 4 — $4^1/_2$ часа, слѣдовательно, 5 тонь можно вытянуть въ сутки; въ худую, вѣтряную погоду требуется около $1^1/_2$ сутокъ. Такимъ образомъ, въ теченіе сутокъ или полутора артель находится непрерывно на работѣ, въ водѣ, на вѣтру и холодѣ. По окончаніи пяти тонь она идетъ на отдыхъ, уступая мѣсто другой, которая также будетъ тянуть 5 тонь и потомъ снова передастъ работу первой артели. Сушиться и отдыхать послѣ непрерывной суточной работы приходится не больше 8—10 часовъ, такъ какъ хозяинъ гонитъ рабочихъ на работу—чистить рыбу, починять сѣти и проч. «Если послѣ тяжелой и трудной работы, особенно послѣ непогодъ, рабочій утомится и разстроится здоровьемъ, если ему «заскудается», то хозяинъ всетаки нудитъ къ работѣ, гонитъ и ругается, бываетъ, что и побьетъ». Не нужно забывать, что дѣло про-

исходитъ на далекомъ сѣверѣ, въ холодномъ, суровомъ климатѣ, гдѣ, какъ за Обдорскомъ, лишь въ половинѣ іюня проходитъ ледъ. Размѣры вознагражденія, получаемаго рабочими за этотъ по истинѣ каторжный трудъ, слѣдующіе: артель состоитъ изъ русскихъ крестьянъ; отецъ получаетъ 19 р., его сынъ 20 р., другой крестьянинъ Тобольскаго окр. 18 р., пятовщикъ 20 р., полотенщикъ 15 р.; инородцы—бухарецъ 18 р., татаринъ 18 р., два остяка, одинъ получаетъ 18 р. и, сверхъ выданныхъ и другимъ рабочимъ бродней и рукавицъ, верхнюю одежду—«гусь» [6]), фабричнаго сукна въ 3 р. 60 к., рубаху и порты, другой 20 р., порты и рубаху. Такимъ образомъ, плата артели, считая половину жалованья башлыка и береговаго, какъ работающихъ на двухъ неводахъ, выводится Поляковымъ въ 236 р., или въ среднемъ по 20 р. на человѣка за работу, которая была начата 2-го мая и должна окончиться около половины октября, т. е., за пять съ лишнимъ мѣсяцевъ. По словамъ Полякова, такая плата повсемѣстна, въ чемъ онъ не разъ убѣждался лично.

«Касательно помѣщенія, читаемъ у него же на стр. 92—94, нужно сказать, что и сами хозяева живутъ на пескахъ въ самыхъ походныхъ жилищахъ, въ избахъ съ комарами, съ запахомъ, часто темныхъ. Тѣмъ болѣе трудно найти какія-либо удобства въ помѣщеніи самихъ рабочихъ: оно состоитъ изъ низенькой лачуги въ формѣ четырехъ-угольнаго сруба, часто съ плоской крышей, напоминающей деревенскія бани, саж. въ $1^1/_2$—2 по діагонали. Въ одномъ углу его обыкновенно находится чувалъ [7])—самая первобытная форма камина; полъ помѣщенія—земля; на нѣкоторой высотѣ отъ пола находятся по стѣнамъ лачуги нары, на которыхъ рабочіе спятъ въ повалку; въ такомъ тѣсномъ помѣщеніи спятъ обыкновенно до 15 — 20 ч. рабочихъ, и воздуху можетъ быть еще достаточно и смрадъ въ помѣщеніи уменьшается потому, что лачуга представляетъ безчисленное множество отверстій въ стѣнахъ, въ крышѣ; съ послѣднимъ обстоятельствомъ соединено однако другое неудобство: сквозь щели и отверстія лѣтомъ забираются комары безчисленными стаями; къ концу лѣта бури и непогоды даютъ себя знать въ жильѣ рабочаго, котораго положеніе дѣйствительно не завидно: лѣтомъ, въ жары онъ преслѣдуется комарами во время работы въ теченіе сутокъ; возвратившись на отдыхъ, онъ встрѣчается съ ними же; осенью или въ концѣ лѣта,

---

6) „Гусь“—остяцкая рубаха, зимой мѣховая, лѣтомъ суконная.

7) На Оби можно встрѣтить, какъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ и Поляковъ, помѣщенія и безъ чувала, и не избы, а простые шалаши изъ вѣтвей, прикрытыхъ землей.

промокшій на сырости и непогодѣ, среди воды, полуобутый, оборванный, онъ находитъ ту же слякоть, сырость, промозглость воздуха и въ своемъ печальномъ жилищѣ. — Невыносимо плохо положеніе остяка, но хуже оно еще у рабочихъ на неводахъ. Въ вышеприведенномъ перечнѣ рабочихъ я упомянулъ о двухъ остякахъ; они получаютъ лучшее или даже высшее жалованье, стоимостью выше, чѣмъ на 20 р., чего нѣтъ ни у одного изъ участвующихъ тутъ же, рядомъ съ ними, русскихъ рабочихъ; кромѣ того, остяки не плывутъ съ судами рыбопромышленниковъ ни впередъ, ни назадъ, позже русскихъ приходятъ на песокъ, раньше уходятъ. Остякъ часто имѣетъ при пескѣ свою юрту, жену, семью; онъ живетъ на пескѣ, какъ дома; для спасенія отъ комаровъ онъ выищетъ всѣ средства, чтобъ пріобрѣсти себѣ пологъ; въ случаѣ надобности онъ употребитъ на него платья своей жены, которыя онъ далъ ей на свадьбу или она принесла въ приданое. Отъ комаровъ—этого бича сѣвера—даже животныя, лоси, олени и прочіе ищутъ себѣ спасеніе то въ густомъ непроницаемомъ лѣсу, то заходятъ въ воду и погружаются въ нее всѣмъ туловищемъ, оставляя на ея поверхности только малую часть головы или рыло; лишенъ этой возможности избавиться отъ нихъ только русскій рабочій; онъ не имѣетъ не только полога, но даже и стараго лишняго лоскута, которымъ могъ бы прикрыть свою голую во время работъ шею, наиболѣе доступную комарамъ: я видѣлъ рабочихъ, которые съ удовольствіемъ закрывали свое лицо и шею, вмѣсто сѣтки, старыми засмоленными лоскутьями неводныхъ сѣтей, выброшенныхъ водой на берегъ. Обиженъ рабочій косвенно, обиженъ онъ и прямо, и нѣмыми свидѣтелями его обидъ являются только собственныя его лохмотья и синяки. Вотъ выписка изъ дневника: «Рабочій, какъ человѣкъ, приниженъ и убитъ нравственно; онъ, какъ живой организмъ, подверженъ всѣмъ неблагопріятнымъ вліяніямъ однообразной и мало питательной рыбной пищи, суроваго и непостояннаго климата, тяжелаго труда, въ совокупности крайне гибельно отражающагося на его здоровьѣ, которое поправить часто рѣшительно невозможно; съ другой стороны, самыя условія найма и пребываніе на пескахъ не представляютъ къ этому никакихъ средствъ. Больной рабочій, если онъ только можетъ ходить и двигаться, высылается на какую-либо другую работу около дома, кромѣ неводьбы,—на обмываніе рыбы или поправку снастей. Больной тяжело предоставляется самъ себѣ и своимъ стономъ убаюкиваетъ монотонную и безотрадную жизнь своихъ собратій. Больные рабочіе не имѣютъ ни отдѣльнаго жилья, ни лекарствъ или докторскихъ совѣтовъ. На одномъ пескѣ я встрѣ-

тилъ изъ 4-хъ артелей татарина: онъ вмѣстѣ съ другими, тутъ же спавшими усталыми рабочими, мучился отъ страшной боли и спазмовъ въ желудкѣ; онъ стонетъ и охаетъ, мечется въ стороны, то встанетъ, то ляжетъ; въ теченіе недѣли онъ уже не могъ ничего ѣсть. На другомъ пескѣ, изъ 40 человѣкъ было 5 больныхъ рабочихъ съ совершенно почти отнявшимися ногами. Но въ особенности поразилъ меня своимъ видомъ одинъ изъ нихъ: щеки и глаза впалые, цвѣтъ лица изнеможенный, ротъ съ оскаленными зубами, какъ у покойника, руки исхудали, а ноги, какъ бревна, распухли такъ, что я едва могъ поднять и поставить его, чтобъ снять съ него фотографію. Одѣтый въ заплатанное овчинное рубище, онъ представлялъ изъ себя только тѣнь живаго человѣка (по забору онъ взятъ уже больной изъ дому)».

Въ дополненіе къ этому я могъ бы привести много фактовъ, рисующихъ невыносимое положеніе рабочихъ въ хозяйскихъ артеляхъ сѣвера, но думаю, что и сказаннаго достаточно. Прибавлю для полноты картины, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще сохранился обычай дозволять артелямъ забрасывать нѣсколько тонь для себя, добыча отъ которыхъ дѣлится поровну между членами артели. Съ теченіемъ времени этотъ обычай все болѣе и болѣе уступаетъ мѣсто другому, когда каждому рабочему разрѣшается изъ улова посолить въ хозяйскомъ разсолѣ, уже негодномъ для хозяина, 200—300 штукъ мелкаго сырка для себя и на хозяйской посудинѣ доставить ихъ домой. Этимъ правомъ рабочіе очень дорожатъ, такъ какъ двѣ—три сотни сырковъ—все, что привозитъ караванный домой за пятимѣсячную работу, ибо жалованье получено имъ давно, еще зимой, и давно проѣдено семьей. На обратномъ пути рабочіе уже отдыхаютъ: посудины, нагруженныя рыбою, доставляются въ Тобольскъ буксирными пароходами.

Общій складъ хозяйской артели, положеніе рабочаго, размѣры его жалованья и пр., какіе мы видѣли на Иртышѣ и Оби, имѣютъ мѣсто и въ Туринскомъ округѣ, въ Пелымскомъ краѣ: полное обезмоченіе артели, нищенскій заработокъ, каторжно-тяжелый трудъ, холодъ, болѣзни, брань и побои хозяина и приказчика здѣсь точно тѣ же, что и «на низу», въ этомъ центрѣ Тобольской рыбопромышленности.

XIV.

Не слѣдуетъ думать, что отъ эксплуатаціи предпринимателей страдаютъ только хозяйскія артели: нѣтъ, самостоятельныя артели сѣ-

вера также не свободны отъ тяжелой кабалы крупнаго рыбопромышленника или его агента. Правда, артель ограждаетъ самостоятельнаго рабочаго отъ врыванія хозяина во внутренніе распорядки промысла, отъ беззастѣнчивой брани и зуботычинъ, но отъ кабалы, отъ матеріальной зависимости оградить не можетъ.

Сѣверный промышленникъ, какъ русскій, такъ и инородецъ, нуждается во всемъ—окружающая его природа слишкомъ сурова и не даетъ ему хлѣба, соли, свинца; ему не изъ чего изготовить себѣ невода, онъ не умѣетъ гнать смолу и деготь, столь необходимые въ его промыслѣ, не изъ чего ему свить веревку, сшить сапоги, рубаху и проч. Кромѣ рыбы, орѣха, пушнаго звѣря и лѣса у него ничего нѣтъ, за всѣмъ нужно обращаться въ городъ, отстоящій нерѣдко за тысячу слишкомъ верстъ отъ его жилища. Скудость природы и отдаленность рынковъ ставятъ сѣвернаго промышленника въ необходимость обращаться къ посреднику, которымъ всегда является или самъ крупный рыбопромышленникъ, какъ въ Самаровѣ, Шаркалахъ, Обдорскѣ и проч., или же его агентъ, довѣренный, какъ въ большей части селеній. Съ другой стороны, промысловую добычу ему также некуда сдать, кромѣ того же скупщика-посредника, такъ какъ везти ее въ Тобольскъ, Ирбитъ и т. п., за тысячи верстъ онъ не можетъ—у него нѣтъ ни средствъ, ни свободнаго времени для этого, и онъ по неволѣ идетъ къ скупщику-агенту. Этотъ послѣдній доставитъ ему все нужное—мережу и желѣзо, табакъ и водку, хлѣбъ и ситецъ, порохъ, свинецъ и пр. и пр., и потребуетъ только двухъ вещей—сдать промысловую добычу ему, скупщику, по цѣнѣ, имъ назначенной, и, если у общества есть свободныя рыболовныя угодья, отдать ихъ ему же въ аренду. Вотъ эти-то два условія и ставятъ мѣстныхъ промышленниковъ въ кабальныя отношенія. Нужно сказать при этомъ, что водка, особенно въ отношеніяхъ съ инородцами, играетъ первенствующую роль. Однако, обратимся къ фактамъ.

Вотъ документы, приводимые Поляковымъ.

Крестьяне села Елизарова на Оби заключаютъ съ рыбопромышленниками слѣдующее условіе:

> 1) Мы, крестьяне такіе-то и такіе-то съ товарищами, по обоюдному нашему соглашенію, условились съ ними (рыбопромышленниками), такими-то и такими-то, производить въ лѣто сего года рыбопромышленность стрежевыми неводами на принадлежащихъ намъ рыболовныхъ пескахъ и добываемую нами разнаго рода рыбу съ самаго начатія промысла сдавать имъ, рыбопромышленникамъ, свѣжую въ соль, по условленнымъ цѣнамъ, а именно: осетра мѣрнаго (1 пудъ до $1^1/_2$ и болѣе вѣсомъ) по 1 р. 15 к. за голову, нельму мѣрную 45 к., муксуна обыкновеннаго 12 к.,

сырка, язя и щуку по 2 к., нельму недомѣрка 22½ к.; а когда будетъ удобно, по выпадкѣ изъ воды земляныхъ садовъ, обязаны таковую садить всю безъ изъятія въ подобные сады; а во время осени должны имѣть неослабное наблюденіе за садами, чтобы въ оныхъ не было ущербу или упадка рыбы отъ нерадѣнія и недосмотра нашего. Въ случаѣ же отъ воли Божіей послѣдуетъ какой либо упадокъ рыбы, то за это намъ не отвѣчать, такъ равно и съ хозяевъ иску не чинить; а по заморозу рѣкъ въ удобное время обязаны мы, крестьяне, выневодить изъ садовъ всю посаженную рыбу и заморозить въ самомъ лучшемъ видѣ, хорошаго мороза и цвѣта, скласть таковую въ глухое мѣсто, дабы она отъ теплаго воздуха не могла попортиться, а когда хозяева потребуютъ для сдачи садовой рыбы, тогда безпрекословно каждый изъ насъ обязанъ явиться и сдать оную хозяевамъ по слѣдующимъ цѣнамъ: осетра мѣрнаго отъ 5 четвертей, муксуна и нельму отъ 9 вершковъ по 2 р. 40 к. за пудъ, сырка 1 р. 15 к. за пудъ, язя на 1 р. за пудъ, щуку, налима уступить противъ существующихъ цѣнъ 12 к. съ пуда, и сколько будетъ въ уловѣ разной рыбы, отнюдь на сторону, кромѣ ихъ, рыбопромышленниковъ не сдавать за какіе либо частные долги.

2) Въ счетъ этого подряда мы, крестьяне, такіе-то и такіе-то съ товарищами, вырядили отъ нихъ, рыбопромышленниковъ, на каждый пай забору, какъ-то: хлѣбомъ и деньгами, съ неводнымъ матеріаломъ по тридцати рублей—всего на тридцать шесть паевъ одну тысячу восемьдесятъ (1,080) руб. Въ счетъ ихъ получили отъ рыбопромышленниковъ впередъ, на уплату податей за 2 половину 1875 г. по 6 руб. и ржаной муки по 10 пуд., цѣною по 35 к., на 3 р. 50 к., итого на каждый пай по 9 р. 50 к., а остальное количество получить по приплаву баржи неводнымъ заведеніемъ и мукою.

3) По принятію отъ нихъ, рыбопромышленниковъ, неводныхъ обзаведеній, весною мы обязаны приступить къ сдѣлкѣ неводовъ своевременно и окончить таковые во всей исправности до появленія морской рыбы, а также приступить къ расчисткѣ принадлежащаго намъ рыболовнаго песка. Въ продолженіе рыбопромышленности должны быть съ должнымъ стараніемъ, не упуская изъ виду принадлежащія сутки и тони, и никто безъ дозволенія артели не долженъ отлучаться на домашнія и другія работы.

4) По окончаніи всего лѣтняго промысла и по сдачѣ садовой рыбы должны сдѣлать съ рыбопромышленниками вѣрный разсчетъ, и если противъ забора нашего окажется недоловъ рыбы, то причитающіяся съ насъ деньги обязаны заплатить имъ безнедоимочно, по неимѣнію же таковыхъ въ наличіи, должны поступить къ нимъ въ этотъ же подрядъ въ слѣдующее лѣто на тѣхъ кондиціяхъ, какія по обоюдному нашему согласію условлены будутъ; буде же сверхъ забора будетъ переловъ рыбы, то предоставляемъ право имъ, рыбопромышленникамъ, зачесть таковой за разсчеты, состоящіе на насъ по этому же подряду по неулову рыбы въ прошлые года».

«Эта выписка, прибавляетъ Поляковъ, говоритъ сама за себя... здѣсь крестьяне на своемъ собственномъ пескѣ, со своими рабочими силами являются какъ-бы крѣпостными». Нельзя не согласиться со

справедливостью этого замѣчанія. Сколько бы крестьяне ни выловили, много или мало,—все пойдетъ хозяину или въ счетъ прежнихъ долговъ, или въ счетъ будущихъ; какъ бы ни былъ удаченъ промыселъ, промышленнику не выбиться изъ кабалы, въ которой его крѣпко держитъ рядъ условій прежнихъ лѣтъ. Пудъ мѣрнаго осетра, муксуна, нельмы, на свободныхъ условіяхъ, продается тутъ же на пескѣ по 3 р. 50 к., такъ что, если бы артель не была связана обязательствами, она получила бы на 45% больше, продавая рыбу у себя на пескѣ. Въ дѣйствительности же, по разсчету Полякова, она получила бы еще больше, такъ какъ отъ хозяина ей было выдано деньгами всего 216 р., остальные же 1080 р. забраны неводными матеріалами и мукой. Въ томъ же Елизаровѣ торговцы отдавали муку въ долгъ по 30 к. Оставляя въ сторонѣ всѣ выгоды, которыя надѣялись они получить, мы видимъ, что артель, покупая муку у рыбопромышленника, теряла, по крайней мѣрѣ, 15%, что вмѣстѣ съ потерей на рыбу составитъ 60%. Если къ этому прибавить еще убытки на неводныхъ матеріалахъ, да всевозможные обсчеты и обмѣриванья, широко практикуемые «на низу», то увидимъ, что самостоятельная Елизаровская артель терпитъ громадные убытки, благодаря необходимости вступать въ сдѣлку съ подрядчикомъ-рыбопромышленникомъ. Но убытки убытками, а зависимость и кабала—своимъ порядкомъ. Вотъ доходы отъ рыбопромышленности. Бѣлогорскій песокъ, находящійся въ совмѣстномъ владѣніи у крестьянъ и остяковъ,—послѣдними, конечно, въ части, имъ принадлежащей,—отдается въ аренду, и на немъ однѣ сутки неводятъ крестьяне, другія—арендаторъ. Крестьяне ловятъ рыбу тремя артелями и за лѣто и за осень добываютъ:

Сырка	30,000 шт. по 2 к. за штуку. . . .	600 руб. [8])
Муксуна	3,000 гол.=360 пуд. по 3 р. за пуд.	1,080 »
Нельмы	180 » по 50 к. голова. . . .	90 »
Осетра	150 » =150 п. 3 р. за пудъ. .	350 »
Язя.	750 пуд. 80—90 к. пудъ . . .	630 »
Щуки	900 » 25—55 к. за пудъ. . .	495 »

Нельмы осенней мѣрной:

Не менѣе 8 верш. . . .	195 п. по 3 р.	485 »
» » 7 » . . .	150 » » 1 р. 90 к.	285 »
Ножавки или сырковки. .	120 » » 1 р.	120 »
Налима.	210 » » 50 к.	105 »

[8]) Тамъ же, стр. 81.

Такимъ образомъ три артели, по мѣстнымъ цѣнамъ, добываютъ рыбы на 4,240 р.; вычитая изъ этой суммы 91 р., которые уплачиваютъ 39 человѣкъ, составляющихъ эти три артели, остальнымъ 39 душамъ своего общества, не участвующимъ въ промыслѣ, имѣемъ 4,143 р. или по 1,383 р. на артель. Стоимость невода—300 р., не считая работу по его устройству, и такъ какъ онъ служитъ, по крайней мѣрѣ, 3 года, то нужно изъ доходовъ артели вычесть еще 100 р.,—остается 1,283 р., или на каждаго члена артели почти по 98 р. 70 к. Между тѣмъ елизаровцы, какъ мы видѣли, получили деньгами и товарами на руки всего по 30 р., и весь излишекъ сверхъ этой суммы идетъ у нихъ на уплату прежнихъ и будущихъ долговъ. Мало того, взявши всего лишь по 10 пуд. муки на пай, они проѣдятъ всю ее въ теченіе промысла, и немедленно по окончаніи его принуждены будутъ сдѣлать вновь заборъ уже въ счетъ будущаго промысла, и такъ, изъ году въ годъ, съ поколѣнія на поколѣніе, долгъ будетъ затягиваться и все больше и больше закабалять крестьянъ. Тутъ не спасетъ никакая артель, и въ концѣ-концовъ крестьяне станутъ простыми батраками хозяина, если послѣднему это будетъ выгодно. Въ настоящее же время для него выгоднѣе закабалить цѣлую артель, общество, представляющія больше гарантій въ исправномъ несеніи долга, чѣмъ отдѣльное лицо: съ другаго, пожалуй, и взять нечего, кромѣ рваной рубахи да еще возможности посадить его въ кутузку или высѣчь въ волости. Артель же, міръ—другое дѣло: «міромъ крѣпокъ человѣкъ», говоритъ крестьянинъ, и кулакъ это хорошо понимаетъ.

Иногда, впрочемъ, ловкій подрядчикъ ничего не можетъ взять и съ міра, и въ такомъ случаѣ онъ любезно предоставляетъ другимъ вѣдаться съ нимъ. Такъ, напримѣръ, было съ крестьянами с. Сухорукова, которые состояли въ обязательныхъ отношеніяхъ къ одному изъ самыхъ богатыхъ рыбопромышленниковъ, арендатору лучшихъ рыболовныхъ песковъ по теченію Оби до самаго устья. Съ нимъ они связаны были условіемъ, подобнымъ приведенному выше—всѣ обскіе контракты и условія на одинъ образецъ. Рыбы ловилось столько, что едва успѣвали солить ее, наконецъ, соли не хватило. Прикащики стали просить крестьянъ пускать рыбу въ садъ, пока они не найдутъ достаточнаго запаса соли, и отказывали въ дальнѣйшемъ пріемѣ рыбы. Дѣлать нечего, воля хозяйская, стали пускать въ садъ. Между тѣмъ, прикащикамъ достать соли не удалось; рыба, посадка которой началось въ самое жаркое время, стала въ саду дохнуть отъ жары. При попыткѣ выневодить ее *подъ руководствомъ прикащика*, большая

часть ея была упущена. Изъ 150 осетровъ было упущено и перемерло въ саду 90, изъ 600 гол. нельмы—130, изъ 27,000 муксуна—18,000, изъ 15,000 сырка—10,000 — всего, не считая мелкой рыбы, по самому умѣренному разсчету, на сумму 5,400 р. Разсматривая все дѣло, необходимо признать, что вина лежитъ на сторонѣ хозяина, незаготовившаго достаточно соли, на прикащикахъ, отказавшихся принимать рыбу и приказавшихъ садить ее въ садъ, и наконецъ, на томъ прикащикѣ, который не во время велѣлъ выневаживать рыбу и такъ неудачно распоряжался этой операціей. Крестьяне ничего не могли сдѣлать, такъ какъ у нихъ руки были связаны различными параграфами контракта: они не могли сдавать рыбу другому скупщику, когда прикащикъ отказалъ въ пріемѣ, не могли не выневаживать, когда тотъ приказалъ это дѣлать и т. д. Но такъ какъ контрактъ, ограждая интересы хозяина отъ всевозможныхъ случайностей, въ то же время ничѣмъ не гарантировалъ крестьянскихъ интересовъ, то рыбопромышленникъ и рѣшилъ, что упадокъ рыбы произошелъ «отъ воли Божіей», а потому онъ, хозяинъ, тутъ ни при чемъ, старые же долги, лежащіе на крестьянахъ, съ которыхъ взять ихъ было не изъ чего, пожертвовалъ въ пользу благотворительныхъ заведеній г. Тобольска... Съ 1849 г., съ крестьянъ, участвовавшихъ въ договорѣ съ «жертвователемъ», оффиціально положено было взыскивать по 1 р. въ годъ съ человѣка; во время посѣщенія Сухорукова Поляковымъ, въ живыхъ осталось только 27 человѣкъ, несшихъ уплату за всѣхъ бывшихъ товарищей. «Со временемъ, заключаетъ свой разсказъ объ этомъ эпизодѣ Поляковъ, число участвовавшихъ въ подрядѣ еще уменьшится, и тогда благотворительность рыбопромышленника тяжело ляжетъ не только на оплаканные рубли отцовъ, но и на рубли ихъ потомства» [9]).

XV.

По отношенію инородцевъ дѣло стоитъ еще проще. Инородецъ, какъ и русскій крестьянинъ, нуждается во всемъ—отъ хлѣба до цвѣтныхъ бусъ, украшающихъ его жену; у него еще меньше возможности сбыть свою рыбу кому нибудь, кромѣ своего благодѣтеля (эти господа часто такъ-таки себя и называютъ благодѣтелями остяковъ) скупщика, обмѣнивающаго на рыбу всякое гнилье. Здѣсь долги пріобрѣтаютъ еще болѣе тяжелый и мучительный характеръ. Можно съ увѣрен-

[9]) Тамъ же, стр. 88.

ностью сказать, что на всемъ протяженіи Оби не найдется двухъ десятковъ остяковъ, которые не были бы кругомъ должны своему благодѣтелю. Прежде всего слѣдуетъ сказать объ арендѣ остяцкихъ песковъ и соровъ. Благодаря долгамъ и водкѣ, за которую сѣверный инородецъ готовъ отдать не только промысловую добычу, но и себя, и жену свою, и потомство, всѣ лучшія, имѣющія цѣнность рыболовныя угодья находятся въ рукахъ крупныхъ промышленниковъ, которые частью арендуютъ ихъ у остяковъ, а частью по просту отнимаютъ. Угодья эти переходятъ отъ одного благодѣтеля къ другому, продаются, завѣщаются, даются въ приданое дочерямъ — вообще, рыбопромышленники распоряжаются ими, какъ своею частною собственностью. Съ 1857 года существуетъ законъ, что инородческія рыболовныя угодья должны сдаваться въ аренду непремѣнно съ торговъ, на срокъ не далѣе 4 лѣтъ, но законъ этотъ существуетъ самъ по себѣ, а традиціонная практика сама по себѣ, а потому торговъ не бываетъ. Водка, съ одной стороны, всесильный засѣдатель—съ другой, дѣлаютъ законъ мертвой буквой.

Чтобы показать потери инородцевъ отъ несоблюденія закона, ограждающаго ихъ интересы, приведу изъ отчетовъ Полякова цифры. Между Обдорскомъ и Березовымъ лежитъ одинъ изъ лучшихъ песковъ—Мелексинскій, принадлежащій березовскимъ крестьянамъ, которые сдаютъ его вмѣстѣ съ сосѣднимъ Катарьинымъ съ торговъ за 1,600 руб. въ годъ. На эти деньги, по свидѣтельству Полякова, можно скупить всѣ остяцкіе пески отъ Березова до крайнихъ предѣловъ Оби. Вотъ арендныя цѣны лучшихъ остяцкихъ песковъ: Куноватскій сдается за 300 р., Яровскій, самый лучшій по всей Оби,—200 р., Перегребный съ массой мелкихъ песковъ—300 р. и т. д. Точно тоже происходитъ и съ сорами. Напримѣръ, соръ около с. Кушеватъ, въ которомъ ежедневно ловится въ три тони до 20 осетровъ, 200—300 муксуновъ, 300 сырковъ и т. д., арендуется за 10 р. въ годъ. Мало того, лишь ничтожная доля арендной платы попадаетъ въ руки остяка деньгами для уплаты ясака въ казну; все же остальное выплачивается разнымъ товаромъ плохаго качества, по назначеннымъ арендаторомъ цѣнамъ, главнымъ же образомъ—водкой. Такимъ образомъ, остяцкія общества, владѣя лучшими въ мірѣ рыболовными мѣстами, фактически лишены ихъ: они перешли какъ бы въ вѣчную аренду различнымъ Сыромятниковымъ и прочей Разуваевской братіи, опутавшей весь сѣверъ своею крѣпкою паутиной. Взамѣнъ угодій остяки получаютъ ежегодно кучку гнилаго ситца, сукна, извѣстное количество водки, разбавленной водою, а иногда—настоенной махоркой и мухоморомъ.

Часть угодій, разумѣется, худшихъ, инородцы оставляютъ для себя и промышляютъ на нихъ самостоятельно артелями или отдѣльными семьями. Но кулакъ наложилъ и на эти, повидимому, самостоятельные промыслы свою тяжелую, загребистую лапу. Въ этихъ случаяхъ предприниматель даетъ остяку неводной матеріалъ и рублей 20 товарами, за что тотъ обязанъ отдать ему половину будущаго улова; изъ остальной половины часть рыбы приметъ онъ же, рыбопромышленникъ, по объявленной имъ цѣнѣ, при чемъ расплатится опять таки товаромъ. Этотъ обычай до того вошелъ въ употребленіе, что на сѣверѣ трудно найти остяковъ, которые промышляли бы на иныхъ условіяхъ, все равно, ведутъ ли они промыселъ неводной—артельный—или единолично ловушками. Для артелей, промышляющихъ на такихъ условіяхъ, выработался особый терминъ: «промышляютъ изъ полъ-невода», «продаютъ полъ-невода». Если остякъ, промышляющій изъ полуневода, выручитъ рыбы, по мѣстнымъ цѣнамъ, на 200 руб.,—разсчитываетъ Поляковъ,—то хозяину половиной улова окупятся всѣ расходы, составляющіе около 55 рублей, и останется еще рублей 45 барыша. Кромѣ того, всю лучшую рыбу изъ остяцкой половины онъ пріобрѣтетъ по самой низкой цѣнѣ, да еще уплачивая товаромъ. Посмотримъ ближе, во что обходится остяку «полуневодъ». Въ окрестностяхъ Вульпаслинскихъ юртъ остякъ Порши отдаетъ свой полуневодъ за 20 рублей, хотя ряжено было 30, получаетъ 160 саж. мережи для невода,—остальное количество долженъ пріобрѣсти самъ. Неводятъ пять человѣкъ—трое взрослыхъ и двое ребятъ. Часть изъ своей половины Порши сдалъ арендатору за 30 рублей. На каждаго, слѣдовательно, рыбака пришлось по 10 рублей, притомъ изъ 50 руб., слѣдуемыхъ остяку, половина была уплачена хлѣбомъ, мережей и т. п. Рыбы, которую остякъ сдалъ арендатору изъ своей доли, по словамъ послѣдняго, насолено было $2^1/_2$ бочки (столько же бы онъ получилъ, прибавляетъ Поляковъ, еслибы было насолено и 45). Въ бочку среднимъ числомъ идетъ 380 муксуновъ. Слѣдовательно, хозяинъ, если бы его половина равнялась однимъ остаткамъ остяцкаго пая, т. е. $2^1/_2$ бочкамъ, получилъ бы около 1,000 муксуновъ. Но часть хозяина гораздо больше этой цифры. Считая по здѣшнимъ цѣнамъ муксуна въ 10 коп., хозяинъ за тысячу получаетъ 100 рублей на свои 20 рублей и мережу стоимостью въ 10 рублей. Прибавьте къ этому часть рыбы, не вошедшей въ разсчетъ, выгоды отъ вымѣниванья рыбы на товаръ и проч.,—и вы увидите, какъ громадны барыши «благодѣтеля», и какъ они малы у остяковъ, не смотря на ихъ артель. Иногда изъ «полневода», платою въ 30 — 35 рублей,

насаливаютъ $4^1/_2$—5 бочекъ муксуновъ. Нѣтъ ни одного остяцкаго песка или сора, вблизи котораго не пріютился бы «станокъ» какого нибудь благодѣтеля или его агента, собирающаго съ остяковъ контрибуцію въ формѣ «полуневода», дѣдовскихъ и прадѣдовскихъ долговъ и проч., и никакая артель, повторяю, не спасаетъ остяковъ, какъ и русскихъ крестьянъ, отъ махинацій этихъ господъ. Я не говорю уже о ихъ звѣрскомъ обращеніи съ остяками, брани, побояхъ и проч.—на это здѣсь какъ-то не обращается вниманія.

Мнѣ не разъ уже приходилось упоминать объ убыткахъ сѣверныхъ промышленниковъ отъ обычая расплачиваться товарами, а не деньгами. Посмотримъ ближе на размѣры этихъ потерь. Единицей цѣнности, говоритъ Поляковъ, приравниваемой къ рублю, является въ разныхъ частяхъ Оби мѣрный муксунъ въ 9 вершковъ длины. Отъ Иртыша до Березова муксунъ цѣнится въ 12 коп., слѣдовательно, рублю приравнивается $8^1/_2$ штукъ; между Обдорскомъ и Березовымъ на рубль—10 муксуновъ, въ Вульпаслинскихъ юртахъ—12 муксуновъ, по побережью Обской губы—20 муксуновъ, въ Надымѣ—25—30 муксуновъ, на рѣкѣ Ныдѣ 40 муксуновъ. Теперь стоимость продуктовъ: въ Обдорскѣ за 10 муксуновъ даютъ $2^1/_2$ пуда муки, далѣе же, въ Ваксаракскихъ юртахъ за 1 пудъ муки берутъ 10 муксуновъ, а въ Надымѣ—13, 15. Пудъ соли въ Обдорскѣ 10 муксуновъ, на Надымѣ 25—35. Табакъ отъ 100 до 250—300 муксуновъ за пудъ. Въ Надымѣ 2 мѣдныхъ кольца, стоющихъ по $^1/_2$ коп., идутъ за 1 муксуна; 2 бумажныхъ пояска цѣною въ $^1/_3$ коп. каждый—1 муксунъ. Бродни повсемѣстно на Оби, кромѣ низовьевъ,—3 руб., на Надымѣ идутъ за 5 руб. 1 фунтъ сахару—1 руб. Въ Надымѣ сальная семериковая и восьмериковая свѣча идетъ за 2 муксуна и т. д. Нужно пояснить еще, что́ считается на Оби мѣрнымъ муксуномъ. За мѣру принимается длина рыбы отъ середины глаза до основанія хвостоваго плавника, и если не хватаетъ хоть одной линіи до 9 верш., то уже рыба считается «недомуксункомъ», которыхъ идетъ два за одного муксуна; если же не хватаетъ одной линіи до $8^1/_2$ верш., то называется «колезнемъ», каковыхъ идетъ 2 за недомуксунка. Къ этому слѣдуетъ прибавить фальшивыя мѣрки и другія мошенничества, пускаемыя въ ходъ на всемъ сѣверѣ и получившія какъ бы право гражданства.

Взвѣшивая все сказанное, приходится сознаться, что положеніе сѣвернаго рыболова безмѣрно тяжело даже въ томъ случаѣ, когда ему удается сохранить самостоятельную артель, и еще тяжеле и безотраднѣй, когда онъ принужденъ идти въ артель хозяйскую, — его положеніе тяжело и въ матеріальномъ, и въ нравственномъ отношеніи.

XVI.

Прежде, чѣмъ закончить настоящій очеркъ рыболовныхъ артелей въ Тобольской губерніи, я скажу еще нѣсколько словъ объ обрядовой сторонѣ промысла и о постепенномъ упадкѣ рыболовства во всей губерніи.

Рыбакъ, поставленный лицомъ къ лицу съ стихіями, находящійся постоянно въ зависимости отъ явленій внѣшней природы, крайне суевѣренъ. Отсюда проистекаютъ различные обычаи, носящіе религіозный характеръ и сопровождающіе промыселъ. Остяки передъ началомъ промысла приносятъ жертву рѣчному вотчиннику—«хунъ-гурту», прося его отпустить достаточно рыбы въ неводъ и ловушки промышленниковъ. Для жертвы закалываютъ пѣтуха, овцу или теленка, и его кровью нѣсколько разъ обрызгиваютъ воду, мясо же съѣдаютъ приносящіе жертву. Русскіе крестьяне служатъ молебны, какъ при юровой рыбалкѣ, читаютъ молитвы, окуриваютъ сѣти, лошадей и лодки ладономъ. Вотъ, напримѣръ, отправленіе артели на промыселъ въ Тюкалинскомъ округѣ. Всѣ товарищи собираются къ башлыку, разсаживаются вдоль стѣнъ и, не нарушая молчанія, нѣсколько минутъ остаются въ такомъ положеніи. Потомъ башлыкъ встаетъ и молится Богу, его примѣру слѣдуютъ всѣ остальные. По окончаніи молитвы башлыкъ, заворотивъ подолъ шубы на плечи, идетъ изъ избы, на порогѣ которой стоитъ горшокъ съ тлѣющими въ немъ угольями и курящимся ладономъ. Проходя въ дверь, башлыкъ шагаетъ черезъ горшокъ, стараясь дѣлать это возможно медленнѣе, чтобы клубы дыма могли охватить его со всѣхъ сторонъ. За нимъ въ такомъ же порядкѣ выходятъ и его товарищи одинъ за другимъ. Окуриваются, чтобы «очиститься», «чтобы бабой не пахло», говорятъ рыбаки. На дворѣ окуриваютъ неводъ и лошадей. Когда все готово, башлыкъ садится въ сани, крестится и ѣдетъ впередъ, а за нимъ остальные артельщики съ неводомъ и другими снастями. На льду опять происходитъ окуриванье. Наконецъ, башлыкъ выбираетъ мѣсто и, шепча особую молитву, дѣлаетъ лопатою крестъ на снѣгу—въ этомъ мѣстѣ прорубается ледъ, и дѣлается «майна», въ которую опускаютъ неводъ. Другіе рыбаки въ это время долбятъ «лунки», черезъ которыя неводъ будетъ передвигаться подъ льдомъ. Въ лѣтнемъ ловѣ, при каждомъ закидываніи невода, когда неводъ уже заброшенъ, и ждутъ, чтобы его выровняло теченіемъ, читаютъ или поютъ молитвы, наговоры, пѣсни. Каждый башлыкъ непремѣнно долженъ знать извѣстное «слово», наговоръ,

при помощи котораго артель могла бы избѣжать всѣ неблагопріятныя случайности промысла. На сѣверѣ ходятъ цѣлыя легенды о пятовщикахъ и башлыкахъ и ихъ умѣньи, разстроивъ всѣ козни «нечистаго», сдѣлать промыселъ удачнымъ. Вообще, на башлыка, помимо спеціально рыболовныхъ знаній, возлагается еще обязанность знать всѣ ухищренія нечистаго и умѣть входить съ нимъ въ сдѣлки. Въ наговорахъ и молитвахъ русскихъ рыбаковъ неизмѣнно фигурируютъ «восточная сторона и западная», «алатырь-камень» и проч.; въ концѣ же непремѣнно просьба къ Пречистой Дѣвѣ о ниспосланіи удачнаго промысла. Остяки поютъ пѣсни, содержаніе которыхъ не имѣетъ никакого отношенія къ рыболовству [10]). Почему поются именно эти пѣсни, какое имъ придается значеніе—ничего этого остяки объяснить не могутъ. Окончаніе промысла сопровождается обыкновенно празднествами, непремѣнная принадлежность которыхъ водка. Обрядовая сторона представляетъ наиболѣе трудностей для знакомства, такъ какъ рыбаки изъ суевѣрнаго страха стараются скрывать отъ постороннихъ различные обряды, сопровождающіе промыселъ.

XVII.

Какъ сами рыбаки, такъ и всѣ, знакомые съ состояніемъ рыболовства въ губерніи, единогласно утверждаютъ, что оно годъ отъ году

[10]) Одна такая пѣсня, по моей просьбѣ, записана у остяковъ вогульскихъ юртъ близь Березова. Вотъ ея переводъ: «Жилъ-былъ мужикъ, и были у него жена и дочь. И взялъ мужикъ и выгналъ свою жену на улицу. Ой, ой! И сказала ему жена: за что ты сегодня выгналъ меня на улицу? Ой, ой! Вчера былъ праздникъ, и ты меня не выгонялъ, что я буду дѣлать весь день на улицѣ? Ой-ой! Вчера въ праздникъ, когда и собаки въ городѣ не было, ты держалъ меня дома, а сегодня выгналъ меня на улицу. Ой-ой. Я ушла въ соръ. Тамъ мужикъ убилъ солдата. У солдата было ружье. Мужикъ убилъ солдата, схватилъ ружье и убѣжалъ. Ой-ой? И сказалъ солдатъ остяку: какой ты здоровый—ты убилъ меня руками, а твой отецъ ходилъ съ каменьями и убить меня не могъ. Ой-ой! Убѣжалъ остякъ въ село и укралъ ягушку и понесъ ее къ своимъ родственникамъ. Ой-ой! Какъ пришелъ къ вору медвѣдь и сказалъ ему: ты иди, иди на улицу, ты солдата убилъ. Ой-ой! Воръ на улицу не вышелъ. Осердился медвѣдь и половину города съѣлъ. Ой-ой! Тогда воръ сжалился надъ людьми и вышелъ къ медвѣдю и сказалъ ему: Полно тебѣ людей съѣдать, иди ко мнѣ въ избу. Послушался его медвѣдь, зашелъ въ избу и сѣлъ. Ой-ой. Пошелъ воръ въ лѣсъ, а тамъ къ нему пришелъ чортъ (шайтанъ) и сказалъ ему. Ой-ой! Ты вчера убилъ моего отца, а сегодня я тебя убью. Ой-ой! Ты за что же убьешь меня? спросилъ мужикъ.—А за то, что чортъ пропалъ. Ой-ой! Мужикъ схватилъ чорта и убилъ его. Чортъ ожилъ и поймалъ мужика за ягушку, но не успѣлъ его утащить—медвѣдь помѣшалъ. Ой-ой!.

падаетъ, количество рыбы уменьшается, сокращаются доходы отъ промысла. Это одинаково относится ко всѣмъ мѣстностямъ губерніи. Промышленники объясняютъ этотъ упадокъ, съ одной стороны, обмелѣніемъ рѣкъ; напримѣръ, Иртыша, съ другой—развитіемъ пароходства. Мнѣ кажется, видѣть причину упадка промысла въ пароходствѣ нѣтъ особыхъ резоновъ: трудно допустить, чтобы въ Оби, съ ея шириной въ 57, а мѣстами и въ 70 верстъ, съ цѣлой системой рукавовъ и протокъ, гдѣ достаточно мѣста, чтобы укрыться рыбѣ хоть отъ сотни пароходовъ, могли распугивать рыбу тѣ нѣсколько пароходовъ, которые въ недѣлю пройдутъ по рѣкѣ. Если же пароходство и оказываетъ на это вліяніе, то во всякомъ случаѣ оно ничтожно.

Другое дѣло—обмелѣніе рѣкъ. Обмелѣніе и уменьшеніе рыбы имѣетъ одну и ту же основательную причину—хищническое отношеніе населенія къ природнымъ богатствамъ края. Лѣса быстро исчезаютъ—въ южной полосѣ ихъ почти уже нѣтъ, замѣтно рѣдѣютъ они и на сѣверѣ; топоръ и огонь быстро дѣлаютъ свое дѣло уничтоженія. Теперь уже сказываются результаты такого хозяйничанья: рѣки мелѣютъ, климатъ измѣняется. Тоже самое повторяется и съ рыбой—болѣе варварскаго уничтоженія рыбы, чѣмъ въ Тобольской губ., трудно себѣ представить. Соры рѣки, какъ я уже говорилъ, запираются, и изъ нихъ вылавливаютъ всю рыбу, при чемъ мелкую, попавшую въ неводъ, выбрасываютъ на берегъ, гдѣ она и гніетъ. Масса рыбы портится самоловами, употребленіе которыхъ, если не ошибаюсь, запрещено закономъ, и дохнетъ. Зимній ловъ,—хотя бы та же юровая рыбалка,—также наноситъ страшный вредъ, уничтожая страшную массу рыбы совершенно безполезно. Все это, взятое вмѣстѣ, сокращаетъ изъ году въ годъ размѣры рыболовства, которое со временемъ сократится еще болѣе. Это самымъ гибельнымъ образомъ отразится на благосостояніи населенія, особенно въ сѣверной полосѣ губерніи, что можно подмѣтить отчасти уже и теперь.

Съ постепеннымъ упадкомъ рыболовства выдвигается на сцену вопросъ о поднятіи производительности промысловъ, объ оставленіи хищническихъ и выработкѣ новыхъ, болѣе раціональныхъ пріемовъ эксплуатаціи природныхъ богатствъ. Какую роль въ этомъ отношеніи сыграетъ артель—сумѣетъ-ли она устоять подъ напоромъ новыхъ требованій или уступитъ мѣсто иной формѣ организаціи труда,—покажетъ будущее.

С. Марусинъ.

Поправка. Въ первой части этой статьи, въ примѣчаніи (Юрид. Вѣсти. 1890 г. № 1, стр. 108) напечатано: «извѣстный сибирскій митрополитъ *Іосифъ* Лещинскій»; слѣдуетъ читать *Филоѳей* Лещинскій.

ХРОНИКА УГОЛОВНАГО СУДА.

Истязаніе, какъ преступленіе sui generis.

Мы намѣрены обратить вниманіе читателя на дѣло, представляющее интересъ и съ бытовой, и съ юридической стороны. Дѣло это вводитъ насъ въ ту область права, въ которой судебныя рѣшенія отличаются, вообще, нѣкоторою неустойчивостью и колебаніями; оно даетъ матеріалъ для разрѣшенія весьма важнаго вопроса о значеніи истязанія, по которому даже въ рѣшеніяхъ кассаціоннаго департамента правительствующаго сената неоднократно встрѣчаются противорѣчія. Дѣло, о которомъ я буду говорить, разсматривалось сначала въ Люблинскомъ окружномъ судѣ, а потомъ и въ Варшавской судебной палатѣ. Мѣстный помѣщикъ Осипъ Кончевскій обвинялся въ причиненіи истязаній крестьянкѣ Антонинѣ Малицкой, то есть въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1489 статьей уложенія о наказаніяхъ.

Содержаніе дѣла заключается въ слѣдующемъ. Въ семидесятыхъ годахъ къ помѣщику Александру Кончевскому въ его имѣніе Бржезно, Холмскаго уѣзда, поступила въ услуженіе молодая крестьянка изъ сосѣдней деревни, Антонина Малицкая. Въ виду постоянныхъ и настойчивыхъ ухаживаній со стороны сына помѣщика—Осипа Кончевскаго, Малицкая бросаетъ службу въ имѣніи Бржезно и удаляется на жительство въ Варшаву; но чрезъ 5 лѣтъ, уже послѣ смерти помѣщика Александра Кончевскаго, Малицкая вновь появляется въ имѣніи Бржезно, и уже въ качествѣ экономки (по мѣстному названію—«шафарки»). Отношенія ея къ Осипу Кончевскому принимаютъ столь близкій характеръ, что она, наконецъ, вступаетъ съ нимъ въ любовную связь, непрерывающуюся въ теченіе болѣе трехъ лѣтъ, и результатомъ этой связи было рожденіе Малицкою трехъ дѣтей, изъ коихъ двое остались въ живыхъ. Но, по истеченіи трехлѣтняго совмѣстнаго ихъ сожительства, Кончевскій, желая вступить въ законный бракъ съ дочерью помѣщика Волынской губерніи, уговорилъ Малицкую выѣхать изъ имѣнія Бржезно и поселиться въ 7

верстахъ отъ послѣдняго, въ сосѣдней деревнѣ Добриловѣ, гдѣ онъ и пріобрѣлъ для Малицкой крестьянскій домъ съ двумя моргами земли. Въ теченіе года Малицкая и Кончевскій не встрѣчались между собою, но затѣмъ Кончевскій вновь начинаетъ посѣщать Малицкую: сначала рѣдко, а потомъ все чаще и чаще, и такимъ путемъ вновь возобновляетъ съ нею прерванную ранѣе любовную связь, результатомъ которой въ 1885 году и является новая беременность Малицкой. Слухи о подобнаго рода незаконной связи Кончевскаго съ бывшей его экономкой доходятъ до свѣдѣнія его жены, и послѣдняя, поссорившись съ своимъ мужемъ, бросаетъ его и уѣзжаетъ къ своей матери въ Волынскую губернію. Кончевскій же, пользуясь отсутствіемъ жены, начинаетъ все чаще и чаще посѣщать деревню Добриловъ для любовныхъ свиданій съ Малицкой. Но долговременное отсутствіе жены изъ дому, конечно, не могло не обезпокоивать Кончевскаго, и вотъ онъ, желая возвратить жену обратно, начинаетъ уговаривать Малицкую покинуть мѣсто своего жительства и переселиться въ другую губернію. Когда же Кончевскому самому лично не удалось этого устроить, такъ какъ Малицкая долго не соглашалась разстаться съ родными мѣстами, то посредникомъ между ними явился управляющій имѣніемъ Кончевскаго Татаровскій, которому какимъ то путемъ удалось убѣдить Малицкую подписать совершенно невозможное условіе съ Кончевскимъ, а именно, что она въ теченіе двухъ недѣль обязуется выѣхать на 15 лѣтъ изъ предѣловъ Люблинской губерніи и возвратить обратно росписку Кончевскаго на 350 рублей, за что она получаетъ съ послѣдняго 225 руб.; въ случаѣ же неисполненія этого условія Малицкая обязывается уплатить Кончевскому неустойки 450 рублей, каковыя деньги послѣдній можетъ взыскивать съ движимаго и недвижимаго ея имѣнія. Какъ ни трудно исполненіе этого условія для Малицкой, имѣвшей тогда двухъ дѣтей и беременной третьимъ, но она ѣдетъ въ Люблинъ и ищетъ тамъ мѣста. Къ сожалѣнію, при ея положеніи, никто не пожелалъ взять ее къ себѣ въ услуженіе, и она, измученная долгими поисками мѣста, возвратилась домой, и вотъ съ этого момента наступаютъ настойчивыя требованія Кончевскаго, чтобы Малицкая немедленно покинула деревню Добриловъ и выселилась изъ предѣловъ Люблинской губерніи. Съ этою цѣлью служащій у Кончевскаго Иванъ Сѣнякъ нѣсколько разъ пріѣзжалъ за Малицкой, приглашая ее въ Бржезно для переговоровъ, но Малицкая каждый разъ отвѣчала на это отказомъ, отзываясь болѣзнью дѣтей и темнотою, такъ какъ Сѣнякъ пріѣзжалъ поздно вечеромъ. Съ этою же цѣлью пріѣзжалъ въ Добриловъ и кучеръ Кончевскаго—Дзвигай, заявившій при отъѣздѣ, что «плохо ей будетъ». И, дѣйствительно, въ ночь со 2 на 3 октября 1885 года, очень поздно, около полуночи, Малицкая, проснувшись, услышала стукъ у своего окна и хорошо знакомый ей голосъ Кончевскаго: «Антося, выйди»! Ничего не подозрѣвая дурнаго, Малицкая выходитъ на улицу и, повинуясь обычному приглашенію Кончевскаго, отправляется съ нимъ въ сосѣдній лѣсъ, находящійся отъ Добрилова по другую сторону

дороги и въ 20 шагахъ отъ дома Малицкой. Углубившись въ лѣсъ на 75 шаговъ, Кончевскій вдругъ совершенно неожиданно схватилъ несчастную Малицкую за шею, зажалъ ей ротъ рукою для того, чтобы она не могла кричать о помощи, и крикнулъ: «бывай (т. е. идите сюда)». На крикъ его выбѣжали изъ лѣсу находившіеся тамъ въ засадѣ еще какіе то два человѣка, къ сожалѣнію, не открытые судебнымъ слѣдствіемъ, повалили несчастную на землю, обнажили ея тѣло и съ страшной жестокостью, вполнѣ соотвѣтствующей всей ужасной обстановкѣ этого ужаснаго происшествія, начали наносить ей удары прутьями, толщиною въ палецъ, по ягодичной, крестцовой и бедренной частямъ тѣла, при испускаемомъ Малицкою страшномъ крикѣ: «ой, плецы, плецы». Къ счастью для несчастной жертвы съ другой стороны дороги послышался какой то шорохъ, напугавшій ихъ и заставившій прекратить безобразную сцену этой дикой расправы надъ ни въ чемъ неповинной жертвой сластолюбія, находившейся тогда на 6-мъ мѣсяцѣ беременности. Тѣмъ не менѣе успѣли всетаки дать Малицкой до 40 столь сильныхъ ударовъ, что проснувшаяся ночью и наблюдавшая съ чердака одного изъ домовъ за этой сценой свидѣтельница Бондарикова показала, что удары эти явственно доносились до ея ушей, и что били по человѣческому тѣлу такъ сильно, какъ будто палкой по колодѣ. По окончаніи этой экзекуціи Кончевскій съ двумя своими товарищами бѣжалъ изъ лѣсу, оставивъ свою жертву, лишившуюся чувствъ, среди ночи въ лѣсу, на полный произволъ безъ всякой помощи. Какъ только Малицкая очнулась, то, прійдя въ себя, съ трудомъ доползла до своего дома, гдѣ и омыла выступившую на ея тѣлѣ отъ побоевъ кровь, а затѣмъ отправилась къ жившей въ той же деревнѣ матери своей и разсказала ей всѣ подробности ночнаго съ нею приключенія; на другой же день, въ сопровожденіи своего брата, отправилась въ городъ Холмъ, гдѣ и была у уѣзднаго врача и заявила о нанесенныхъ ей Кончевскимъ побояхъ. По освидѣтельствованію уѣзднаго врача, у ней найдены были слѣдующія поврежденія на тѣлѣ: «вся крестцовая, сѣдалищная и ягодичная окрестности, какъ говорится въ свидѣтельствѣ врача, были покрыты *сплошными* синебагроваго цвѣта кровоподтечными травматическаго происхожденія синевицами и полосатыми тоже кровоподтечными экхимозами *отъ сильнаго избіенія палками*, слѣды которыхъ на синебагровомъ фонѣ описанныхъ окрестностей въ *громадномъ* количествѣ выдѣлялись экхиматозными полосами: каждая полоса была шириною въ палецъ. На внутренней сторонѣ верхней трети лѣваго бедра имѣется сплошная кровоподтечная синевица и полосатая, покрытая свѣжимъ струпомъ, ссадина, въ поперечномъ направленіи, длиною въ 10 сантиметровъ; на лѣвой скулѣ и сзади шеи обнаружено нѣсколько поверхностыхъ царапинъ». По возвращеніи Малицкой домой, силы ей измѣнили и она слегла въ постель, проболѣвъ такимъ образомъ около трехъ недѣль, имѣя при этомъ кровотеченія изъ носа, рта и дѣторолныхъ органовъ, жалуясь на боль въ животѣ и груди, и переставъ чувствовать движеніе

плода. Чрезъ нѣсколько недѣль послѣ этого Малицкая, преждевременно разрѣшилась отъ бремени двойнею, именно на 8-мъ мѣсяцѣ беременности; дѣти умерли въ тотъ же день, а она сама, проболѣвъ около трехъ недѣль, скончалась, какъ видно изъ заключенія Люблинскаго губернскаго правленія, «отъ двухсторонняго воспаленія легкихъ и воспаленія слизистой оболочки матки, вмѣстѣ съ септическимъ воспаленіемъ брюшины».

Такова фактическая сторона этого дѣла въ томъ видѣ, какъ оно было установлено судебнымъ по дѣлу слѣдствіемъ въ засѣданіи Люблинскаго окружнаго суда 9—10 сентября 1887 года, и судъ, на основаніи всего вышеизложеннаго, призналъ, что «нанесенные Осипомъ Кончевскимъ побои крестьянкѣ Антонинѣ Малицкой, находившейся тогда въ состояніи беременности, какъ умышленно нанесенные многочисленными и сильными ударами прутьевъ по крестцовой, ягодичной и лѣвой бедренной областямъ тѣла, какъ отличавшіеся особенною жестокостью и безнравственностью и причинившіе ей продолжительныя физическія и нравственыя мученія и имѣвшія вредныя послѣдствія для ея здоровья, должны быть отнесены къ категоріи истязаній, предусмотрѣнныхъ 1489 ст. уложенія о наказаніяхъ», вслѣдствіе чего приговорилъ Кончевскаго, по лишеніи всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, къ ссылкѣ на житье въ Тобольскую губернію, съ воспрещеніемъ всякой отлучки въ теченіе одного года и выѣзда въ другія губерніи и области Сибири въ продолженіе четырехъ лѣтъ. На этотъ приговоръ Кончевскій подалъ апелляціонный отзывъ въ Варшавскую судебную палату, и послѣдняя, разсмотрѣвъ это дѣло въ судебномъ засѣданіи 30 января 1889 г., нашла, что хотя побои, нанесенные Малицкой, были тяжкіе, но не имѣли своимъ послѣдствіемъ опасности для жизни Малицкой, при чемъ преждевременные роды и смерть Малицкой, какъ наступившіе не сразу послѣ побоевъ, могли произойти не отъ нанесенныхъ Кончевскимъ Малицкой побоевъ, а отъ какой либо другой причины. Въ виду этого судебная палата признала, что правильнѣе къ винѣ подсудимаго примѣнить 1533 статью уложенія о наказаніяхъ, и приговорила Кончевскаго къ заключенію въ тюрьмѣ на семь мѣсяцевъ, отмѣнивъ приговоръ Люблинскаго окружнаго суда. Кассаціонная жалоба Кончевскаго на означенный приговоръ судебной палаты резолюціей уголовнаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената 24 марта 1889 года оставлена безъ послѣдствій, и Кончевскій отбываетъ назначенное ему судебною палатою наказаніе.

Теперь возбуждается вопросъ, правильно ли судебная палата установила юридическую квалификацію преступнаго дѣянія, совершеннаго Кончевскимъ: слѣдуетъ ли это дѣяніе по своимъ признакамъ отнести къ разряду истязаній, предусмотрѣнныхъ 1489 ст. уложенія о наказ., какъ сдѣлалъ это окружный судъ, или же правильнѣе его отнести къ побоямъ, предусмотрѣннымъ 1533 статьей уложенія о наказ.? Мы не соглашаемся съ мнѣніемъ судебной палаты, такъ какъ таковое положительно не вы-

текаетъ изъ особенностей даннаго случая и не находитъ себѣ опоры въ законѣ.

Какъ бы ни были сродны между собою преступныя дѣянія, предусматриваемыя 1489 и 1533 статьями уложенія о наказ., однако они рѣзко отличаются другъ отъ друга какъ по характеру своему, такъ и по цѣлямъ и мотивамъ ихъ совершенія. Истязаніе какъ по взгляду нашего закона, такъ и по выработаннымъ дѣйствительною жизнью понятіямъ, является преступленіемъ sui generis и смѣшивать его съ другими преступными дѣяніями противъ тѣлесной неприкосновенности рѣшительно невозможно; особый специфическій признакъ этого преступленія заключается не столько въ тяжести причиненнаго потерпѣвшему тѣлеснаго поврежденія, сколько въ намѣреніи и цѣли, преслѣдуемой при этомъ преступникомъ. Тѣлесное поврежденіе можетъ быть и весьма тяжкимъ, но оно не будетъ истязаніемъ, какъ наоборотъ и не особенно тяжкое по послѣдствіямъ поврежденія должно быть иногда отнесено къ разряду истязаній, если только оно обладаетъ специфическимъ признакомъ, свойственнымъ истязаніямъ, а признакъ этотъ заключается въ особомъ умыслѣ, въ намѣреніи преступника причинить жертвѣ нравственныя мученія и продолжительностью и удлиненіемъ страданій усилить физическую боль, связанную съ тѣлеснымъ поврежденіемъ [1]), и вмѣстѣ съ тѣмъ подобнаго рода мученіемъ воздѣйствовать на психическую сферу потерпѣвшаго для достиженія тѣхъ или другихъ цѣлей. Обладая такого рода специфическими признаками, истязанія должны болѣе или менѣе рѣзко выдѣляться изъ рода другихъ тѣлесныхъ поврежденій.

Если съ этой общей точки зрѣнія посмотримъ на преступное дѣяніе Кончевскаго, то не останется никакого сомнѣнія, что оно должно быть подведено подъ понятіе истязанія, потому что тѣлесныя поврежденія, причиненныя имъ своей жертвѣ, обладаютъ всѣми специфическими признаками истязаній: тутъ на лицо и тяжкія физическія и нравственныя страданія жертвы, подвергшейся въ ночное время среди лѣса такому возмутительному насилію со стороны нѣсколькихъ человѣкъ, въ томъ числѣ и близкаго человѣка—отца двухъ ея живыхъ малютокъ и третьяго, которымъ она тогда на 6-мъ мѣсяцѣ была беременна, а также на лицо и намѣренное посредствомъ большаго числа нанесенныхъ съ особою жестокостью ударовъ толстыми съ палецъ прутьями удлиненіе и усиленіе физическихъ и нравственныхъ страданій для удовлетворенія низкаго чувства мести и для воздѣйствія на психическую сферу несчастной жертвы, съ цѣлью заставить ее въ чисто эгоистическихъ его побужденіяхъ бросить свой родной край и вмѣстѣ съ малютками, безъ всякаго имущественнаго обезпеченія, отправиться странствовать по бѣлу свѣту, оторвавшись совершенно отъ родной почвы. Если затѣмъ, помимо изложеннаго, обратимъ

---

1) См. по этому вопросу мнѣніе Гофмана—«Учебникъ судебной медицины»—переводъ съ 3-го изд. проф. Сорокина, стр. 260.

вниманіе и на внѣшній вредъ, причиненный дѣяніемъ Кончевскаго Антонинѣ Малицкой, то и тогда должны будемъ придти къ тѣмъ же выводамъ. Не будемъ здѣсь повторять и перечислять тѣхъ поврежденій, которыя оказались на тѣлѣ Малицкой послѣ нанесенныхъ ей побоевъ, такъ какъ они указаны мною выше при изложеніи фактической стороны настоящаго дѣла, но припомнимъ здѣсь, что Малицкой, находившейся тогда на 6-мъ мѣсяцѣ беременности, въ ночное время, въ лѣсу, со стороны когда-то любимаго человѣка, такъ вѣроломно и коварно вызвавшаго ее тогда на свиданіе, а затѣмъ схватившаго ее за горло и бросившаго ее на землю, нанесено было неизвѣстными людьми до 40 сильныхъ ударовъ толстыми прутьями, отъ которыхъ она совершенно лишилась чувствъ. Можно себѣ вообразить, сколько же она должна была тогда перенести физическихъ и нравственныхъ страданій, и какъ эти страданія должны были отразиться на здоровьѣ беременной женщины! Вѣроятно, только желѣзное когда-то здоровье спасло Малицкую отъ смерти, которая при болѣе слабомъ здоровьѣ могла наступить еще на самомъ мѣстѣ возмутительной расправы. Почтенный экспертъ докторъ Уляновскій, имѣвшій случай осматривать Малицкую на третій день послѣ нанесенныхъ ей побоевъ, замѣтилъ, между прочимъ, на судѣ, что онъ «ужаснулся при видѣ нанесенныхъ ей поврежденій», такъ какъ онъ 25 лѣтъ служилъ въ военной службѣ еще въ то время, когда солдатъ въ наказаніе прогоняли сквозь строй, но и тогда ему ни разу не случалось видѣть подобнаго рода поврежденій. Такимъ образомъ не возбуждалось никакого сомнѣнія въ томъ, что побои, нанесенныя Малицкой Копчевскимъ при участіи двухъ его слугъ, должны быть отнесены къ разряду тяжкихъ побоевъ. Что касается того вопроса, представлялись ли эти побои опасными для жизни потерпѣвшей, то, въ виду всего вышеизложеннаго, едва ли и это также можетъ подвергаться серьезному сомнѣнію. Какъ бы тамъ ни было, но Малицкая послѣ нанесенныхъ ей побоевъ три недѣли лежала въ постели и затѣмъ преждевременно на 8-мъ мѣсяцѣ разрѣшилась отъ бремени двумя младенцами, родившимися «съ вялою и дряблою мускулатурою и утонченностью костей на конечностяхъ, неспособными продолжать жизнь»[2]), а затѣмъ и сама вскорѣ послѣ этихъ родовъ умерла. Если нельзя было положительно констатировать причинную связь между нанесенными Малицкой побоями и преждевременностью ея родовъ и смертью ея, то во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что побои эти, какъ то заявилъ и экспертъ Уляновскій на судѣ, имѣли вредное вліяніе на здоровье Малицкой, вслѣдствіе чего не могли не отразиться и на ходѣ ея беременности.

Съ другой стороны для признанія наличности истязаній едва ли и требуется непремѣнное условіе, чтобы побои угрожали опасностью для жизни потерпѣвшаго, и хотя нѣкоторые наши криминалисты, какъ, на-

---

[2]) См. протоколъ присутствія врачебнаго отдѣленія люблинскаго губерн. правленія 13—25 февраля 1886 г. (л. д. 60—61).

примѣръ, Лохвицкій [3]) и Неклюдовъ [4]), основываясь на грамматическомъ толкованіи постановленій закона (ст. 1489 уложенія о нак.) для понятія истязанія по нашему закону требуютъ непремѣннаго условія, чтобы побои угрожали опасностью для жизни, но мы никакъ не можемъ согласиться съ правильностью этого мнѣнія, такъ какъ достаточно ближе всмотрѣться въ текстъ 1489 ст. уложенія о наказ., чтобы убѣдиться, что слова «подвергающихъ жизнь его опасности» относятся къ побоямъ, а не къ истязаніямъ, да это и понятно, потому что законъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ предусматриваетъ побои, различно квалифицируя ихъ по извѣстнымъ признакамъ, тяжести ихъ и опасности для жизни потерпѣвшаго, между тѣмъ какъ истязанія, какъ самостоятельное преступленіе, предусматривается только одною статьею (1489 ст. уложенія о наказ.). Говорятъ, что въ такомъ случаѣ и самыя незначительныя истязанія подойдутъ подъ 1489 статью уложенія о наказ. и будутъ влечь за собою слишкомъ несоотвѣтствующее тяжкое наказаніе; но это положительное недоразумѣніе: если причиняется какое либо незначительное насиліе, то оно уже никогда не будетъ истязаніе и повлечетъ за собою соотвѣтствующее простому насилію наказаніе (142 статья устава о наказ., налаг. мир. судьями), потому что съ понятіемъ объ истязаніи уже связывается извѣстное представленіе о болѣе или менѣе значительныхъ физическихъ и нравственныхъ страданіяхъ, причемъ первенствующую роль играетъ внутренній элементъ преступнаго дѣянія, именно умыселъ, намѣреніе продолжительными истязаніями удлинить физическую боль и усилить физическія и нравственныя страданія для удовлетворенія какихъ либо низкихъ чувствъ или для воздѣйствія на психическую сферу съ цѣлью достиженія какихъ либо цѣлей. При существованіи только таковыхъ специфическихъ признаковъ преступное дѣяніе будетъ истязаніемъ, и наказаніе почти всегда будетъ соотвѣтствовать винѣ преступника; если же иногда при такого рода истязаніи наказаніе, опредѣляемое въ законѣ, не будетъ соотвѣтствовать преступному дѣянію подсудимаго, то это еще не можетъ служить основаніемъ къ подведенію подъ другую статью закона такого преступнаго дѣянія, которое по своимъ признакамъ вполнѣ подходитъ подъ понятіе истязанія. Вѣдь, это—общій недостатокъ уложенія о наказаніяхъ, что слишкомъ мало дается простора суду при выборѣ наказаній, вслѣдствіе чего не всегда судъ можетъ назначить наказаніе, вполнѣ соотвѣтствующее индивидуальнымъ особенностямъ даннаго случая.

Правительствующему сенату неоднократно приходилось высказываться по данному вопросу; онъ въ цѣломъ рядѣ рѣшеній установилъ то положеніе, что условіе опасности для жизни, указанное въ 1489 ст. уложенія о наказ., относится только къ побоямъ, для подведенія же истя-

---

[3]) Лохвицкій—Курсъ уголовнаго права, стр. 548.

[4]) Неклюдовъ—Руководство къ особенной части русскаго уголовнаго права, т. I, стр. 197—199.

заній подъ 1489 ст. уложенія о наказ. вовсе не требуется, чтобы истязанія эти подвергали жизнь истязуемаго опасности [5]). Но еще съ большею силою и опредѣленностью высказывается это положеніе въ рѣшеніи общаго собранія 4, 5 и межеваго департаментовъ правительствующаго сената, состоявшемся 13 марта 1881 года и 15 января 1882 года по дѣлу о ксендзѣ Осипѣ Бѣлявскомъ, обвинявшемся въ причиненіи истязанія крестьянкѣ Козловской [6]). Рѣшеніе это настолько интересно и по особенностямъ разсматриваемаго случая близко подходитъ къ нашему случаю, что я позволю себѣ, въ интересахъ полноты очерка, напомнить въ краткихъ чертахъ содержаніе этого прекраснаго рѣшенія, въ составленіи котораго близкое участіе принималъ покойный сенаторъ Зарудный.

Дѣло заключалось въ томъ, что въ домѣ ксендза Бѣлявскаго пропали подушка и два шелковыхъ платка, въ кражѣ которыхъ была заподозрѣна крестьянка Козловская, и вотъ Бѣлявскій, желая вынудить сознаніе въ кражѣ, распорядился высѣчь Козловскую розгами чрезъ посредство трехъ его служителей, которые и исполнили его приказаніе въ присутствіи его самого, при чемъ послѣдствіемъ такого наказанія была трехдневная болѣзнь Козловской. Ковенская палата уголовнаго и гражданскаго суда нашла въ означенныхъ дѣйствіяхъ Бѣлявскаго признаки преступленія—истязанія, но по жалобѣ Бѣлявскаго дѣло перешло въ сенатъ, и такъ какъ по дѣлу возбуждались вопросы, имѣющіе серьезное юридическое значеніе, то дѣло поступило на разсмотрѣніе общаго собранія 4, 5 и межеваго департаментовъ сената. Разсмотрѣвъ это дѣло, сенатъ между прочимъ нашелъ, что «составъ преступнаго дѣянія Бѣлявскаго столь сложенъ, что едва ли можетъ быть подведенъ подъ какую либо статью уложенія о нак., составленнаго въ 1845 году. Въ дѣйствіяхъ Бѣлявскаго усматриваются: и личное оскорбленіе, и обида дѣйствіемъ, и физическое насиліе, и причиненіе истязаній, имѣвшихъ для потерпѣвшей личности послѣдствіемъ трехдневную ея болѣзнь, и самоуправство, и мщеніе за дѣйствія недоказанныя, и пытка, такъ какъ истязаніе произведено надъ ней съ цѣлью обнаружить кражу подушки и двухъ шелковыхъ платковъ, и тѣлесное наказаніе женщины въ то время, когда она имѣла періодическую, ежемѣсячно возобновляющуюся болѣзнь, а извѣстно, что въ такое время такого рода наказанія не могутъ быть признаны ничѣмъ инымъ, какъ только истязаніемъ, и, наконецъ, въ дѣйствіяхъ Бѣлявскаго обнаруживается прямое нарушеніе яснаго и положительнаго закона, воспрещающаго подвергать лицъ женскаго пола тѣлеснымъ наказаніямъ, т. е., явное нарушеніе въ высшей степени важныхъ для огражденія обществен-

---

[5]) Рѣшенія Уголов. Кассац. Департ. 1869 г., № 552, по д. Юдина; 1871 г., № 84, по д. Комаровскаго; 1873 г., № 631, по д. Хрѣнова; 1874 г., № 595, по д. Алексѣева; 1884 г., № 29, по д. Андрученко и др...

[6]) Рѣшеніе это напечатано въ Журналѣ Гражданскаго и Уголовнаго права за 1883 г., № 5, стр. 89—98.

ной нравственности законовъ и распоряженій правительства» [7]). Въ виду этихъ данныхъ и по разсмотрѣніи подлежащихъ статей уложенія и устава о наказаніяхъ, предусматривающихъ разнаго рода побои и насиліе надъ человѣческою личностью, сенатъ пришелъ къ тому выводу, что нашему уголовному праву неизвѣстно дѣленіе истязаній на тяжкія и легкія, такъ что выраженіе въ 1489 ст. уложенія о наказ. «тяжкихъ, подвергающихъ жизнь опасности» относится только къ побоямъ, но не къ истязаніямъ, и что для примѣненія 1489 ст. улож. о наказ. вовсе не требуется, чтобы истязаніемъ были вызваны болѣе или менѣе важныя послѣдствія для здоровья потерпѣвшаго [8]), и далѣе, что между истязаніями и оскорбленіемъ дѣйствіемъ существуетъ рѣзкое различіе, доказываемое между прочимъ сравненіемъ между собою статей 1541 и 1542 уложенія о наказ. 1866 года, изъ которыхъ по послѣдней виновный въ самовольномъ лишеніи кого либо свободы, сопровождавшемся истязаніями или мученіями (также безъ подраздѣленія ихъ на тяжкія и легкія) подвергается наказанію по 1489 ст. уложенія о наказ., тогда какъ по статьѣ 1541 для виновнаго въ лишеніи свободы, сопровождавшемся оскорбительнымъ для задержаннаго обращеніемъ, возвышаются только на одну степень наказанія, опредѣленныя въ ст. 1540 улож. о наказ. [9]). Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ общее собраніе 4, 5 и межеваго департаментовъ сената, признавая въ дѣяніяхъ ксендза Бѣлявскаго всѣ признаки преступленія—истязанія, предусмотрѣннаго 1489 ст. уложенія о наказ., утвердило приговоръ ковенской палаты уголовнаго и гражданскаго суда, подвергнувъ Бѣлявскаго лишенію всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ Томскую губернію [10]). Мы привели здѣсь это рѣшеніе сената потому, что оно обстоятельно разрѣшаетъ данный вопросъ и въ составленіи его принималъ ближайшее участіе пользовавшійся вполнѣ заслуженнымъ авторитетомъ въ юридическомъ мірѣ покойный сенаторъ Зарудный, а также потому, что случай, послужившій предметомъ этого рѣшенія, во многомъ представляетъ громадное сходство съ разсматриваемымъ нами случаемъ. Не можемъ здѣсь не замѣтить, что общее собраніе 4, 5 и межеваго департаментовъ, высказывая означенный взглядъ на значеніе истязанія, осталось вѣрнымъ взглядамъ, высказаннымъ тѣмъ же общимъ собраніемъ еще въ 1857 году по дѣлу о дворянинѣ, обвинявшемся въ наказаніи розгами крестьянки Кучеровой [11]). Послѣдняя была наказана розгами для вынужденія у нея указанія украденныхъ у дворянина денегъ и вещей, и хотя послѣдствіемъ такого насилія надъ Кучеровой не было ни увѣчья, ни

---

7) Журналъ Гражд. и Уголов. права, 1883 г., № 5, стр. 91.

8) Ibid., стр. 95.

9) См. также рѣшенія Угол. Кассац. Департ. 1869 г., № 552, по д. Юдина 1871 г., № 84 по д. Комаровскаго; 1874 г., № 595 по д. Алексѣева и др.

10) Журналъ Гражд. и Уголовнаго права, 1883 г., № 5, стр. 98.

11) Сборникъ рѣшеній Правительствующаго Сената, т. II, ч. 3 и 4, № 1228

тяжкихъ ранъ, однако сенатъ, постановившій свое рѣшеніе еще задолго до отмѣны тѣлеснаго наказанія для женщинъ, нашелъ въ дѣяніи подсудимаго признаки истязанія и, въ виду безнравственности и жестокости дѣянія, приговорилъ его къ высшему изъ наказаній, указанныхъ въ 1960 ст. улож. о наказ. 1845 г. (т. е. 1489 ст. улож. о наказ.).

Если теперь мы сравнимъ оба означенныхъ случая, послужившихъ предметомъ рѣшеній общаго собранія сената, съ разсматриваемымъ нами случаемъ, то едва ли мы ошибемся, сказавъ, что послѣдній по особенной безнравственности и жестокости дѣянія подсудимаго и продолжительности и силѣ физическихъ и нравственныхъ страданій потерпѣвшей, а также по вліянію насилія на здоровье послѣдней, находившейся въ то время на 6 мѣсяцѣ беременности, и по опасности дикой расправы для жизни ея, далеко оставляетъ за собою не только случаи, бывшіе на разсмотрѣніи общаго собранія 4, 5 и межеваго департаментовъ правительствующаго сената, но и многіе другіе случаи, когда либо бывшіе предметомъ судебнаго разсмотрѣнія. Поэтому то приговоръ варшавской судебной палаты по дѣлу Кончевскаго и долженъ быть признанъ не отвѣчающимъ индивидуальнымъ особенностямъ даннаго случая и установившимся въ жизни и судебной практикѣ взглядамъ на значеніе истязанія, и вмѣстѣ съ тѣмъ не основаннымъ на точномъ смыслѣ закона, разграничивающаго особый родъ посягательства на тѣлесную неприкосновенность въ формѣ истязанія отъ другихъ родственныхъ съ нимъ преступныхъ дѣяній. Судебная палата, какъ мы видѣли, къ дѣянію Кончевскаго примѣнила 1533 статью уложенія о наказ. и мотивировала это главнымъ образомъ тѣмъ, что, согласно заключенію врачебнаго отдѣленія губернскаго правленія, побои не имѣли вліянія ни на исходъ родовъ, ни на смерть Малицкой и, вообще, не имѣли послѣдствіемъ своимъ опасности для жизни Малицкой. Если, дѣйствительно, судебнымъ слѣдствіемъ не удалось положительно установить причинную связь между побоями и преждевременными родами и смертью Малицкой, то едва ли это обстоятельство можетъ имѣть какое либо вліяніе на разрѣшеніе вопроса о примѣненіи къ данному случаю 1489 или 1533 ст. уложенія о наказ., потому что для понятія истязанія совершенно безразлично, была ли послѣдствіемъ его смерть жертвы или преждевременные роды, такъ какъ присутствіе этихъ условій, не измѣняя состава преступленія, усиливаютъ только отвѣтственность виновнаго по 1490 и 1491 ст. уложенія о нак. Что касается требованія для признанія наличности истязанія—опасности для жизни нанесенныхъ потерпѣвшему побоевъ, то, какъ мы видѣли, и это требованіе совершенно излишнее и не вытекаетъ изъ точнаго разума закона и сущности понятія посягательства на тѣлесную неприковенность въ формѣ истязанія. Въ виду этихъ соображеній, слѣдуетъ придти къ тому положительному выводу, что совершенно неправильно преступное дѣяніе Кончевскаго судебною палатою не признано истязаніемъ и подведено подъ статью 1533 уложенія о наказ., тѣмъ болѣе, что 1533 статья

помѣщается въ главѣ шестой X раздѣла, озаглавленной «объ оскорбленіяхъ чести», а въ частности—въ отдѣленіи второмъ этой главы, носящемъ названіе «о непосредственныхъ личныхъ оскорбленіяхъ», такъ что для примѣненія этой статьи уложенія о наказ. необходимо было бы установить, что Кончевскимъ при нанесеніи имъ побоевъ Малицкой имѣлось въ виду нанести ей единственно непосредственное личное оскорбленіе, чего уже никакъ нельзя предполагать въ дѣяніи Кончевскаго, такъ какъ всѣ обстоятельства дѣла говорятъ противъ этого, и нѣтъ въ дѣлѣ ни одного намека на то, чтобы Кончевскій, причиняя Малицкой указанныя насильственныя дѣйствія, имѣлъ цѣлью нанести ей только личное оскорбленіе. Для достиженія этой цѣли не требовалась бы ни та ужасная обстановка, среди которой нанесены были побои Малицкой, ни участіе въ этомъ дѣлѣ еще какихъ то двухъ постороннихъ человѣкъ, и даже судебная палата, признавшая дѣяніе Кончевскаго предусмотрѣннымъ 1533 статьей улож. о наказ., мотивомъ преступленія признала—месть, которую Кончевскій питалъ къ Малицкой за неисполненіе ею его желаній. Такимъ образомъ, и логическое и систематическое толкованіе закона также приводитъ къ тому несомнѣнному выводу, что преступное дѣяніе Кончевскаго не можетъ быть подведено подъ статью 1533 уложенія о наказ., какъ имѣющую совершенно опредѣленный и самостоятельный характеръ, отличный отъ характера и признаковъ истязанія.

Замѣчательно, что варшавская судебная палата при разрѣшеніи означеннаго дѣла отказалась отъ того взгляда, который она ранѣе того высказывала по однороднымъ дѣламъ. Возьмемъ, напримѣръ, дѣло о помѣщикѣ Радомской губерніи Шидловскомъ, который, заподозрѣвъ крестьянку Францишку Сукенисъ въ кражѣ у него 10 руб. и желая вынудить у ней сознаніе въ кражѣ, приказалъ своему управляющему отвести Сукенисъ въ сарай и тамъ высѣчь ее, вслѣдствіе чего Сукенисъ, какъ положительно отказывавшаяся отъ сознанія, была отведена въ сарай и, при помощи 5 человѣкъ крестьянъ, наказана ременною плетью до 10 ударовъ, пока не указала, что деньги передала своей родственницѣ Юзефѣ Сукенисъ, которой, въ виду несознанія, также дано было плетью до 4 ударовъ. Варшавская судебная палата въ означенныхъ дѣяніяхъ Шидловскаго и другихъ признала истязанія, наказуемыя по 1489 статьѣ улож. о наказ., хотя эти истязанія не грозили опасностью для жизни потерпѣвшихъ, и этотъ приговоръ судебной палаты былъ утвержденъ уголовнымъ кассаціоннымъ департаментомъ 17 ноября 1877 года. Случай этотъ, какъ видимъ, во многомъ аналогичный съ разсматриваемымъ нами случаемъ, и очень жаль, что судебная палата при разрѣшеніи дѣла Кончевскаго оставила этотъ совершенно правильный и согласный съ закономъ взглядъ на характеръ и значеніе истязанія, какъ преступленіе sui generis. Насъ не интересуетъ въ данномъ случаѣ, какому наказанію подвергся Кончевскій за свое преступное дѣяніе, а весь интересъ заключается въ принципіальной сторонѣ дѣла, такъ какъ крайне важно, чтобы каж-

дое преступное дѣяніе получало въ судѣ надлежащую юридическую квалификацію, причемъ всякаго рода колебанія и неустойчивость судебной практики по тому или другому вопросу должны вредно отражаться на интересахъ правосудія, подрывая прежде всего уваженіе къ закону и довѣріе къ охраняющимъ его судебнымъ органамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что дѣйствительная жизнь представляетъ массу такихъ, повидимому, однородныхъ случаевъ, которые, однако, не могутъ быть подведены подъ одну мѣрку, и по такимъ дѣламъ, въ виду индивидуальныхъ особенностей каждаго отдѣльнаго случая, конечно, замѣчается нѣкоторое разнообразіе судебныхъ рѣшеній, которое не только не можетъ быть поставлено суду въ вину, но даже составляетъ непремѣнное условіе и принадлежность всякаго хорошо организованнаго суда. Но отсюда тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ, чтобы однородное по обстоятельствамъ дѣла, обстановкѣ, намѣренію и цѣлямъ преступное дѣяніе вызывало въ судебной практикѣ различную юридическую квалификацію. Поэтому то и необходимо въ такихъ случаяхъ, при разрѣшеніи вопроса о констатированіи въ преступномъ дѣяніи признаковъ истязанія, самымъ подробнымъ и тщательнымъ образомъ разсмотрѣть всѣ обстоятельства дѣла, а особенно обстановку преступнаго дѣянія, намѣреніе и цѣль, которую преслѣдуетъ виновный, а также тяжесть физическихъ и нравственныхъ страданій жертвы, и только тогда уже можно безошибочно опредѣлить характеристическіе признаки того или другаго преступнаго дѣянія.

Съ этой точки зрѣнія, признавая истязаніе преступленіемъ sui generis, мы не можемъ не выразить сожалѣнія, что новый проектъ уголовнаго уложенія совершенно игнорируетъ истязаніе, какъ самостоятельное sui generis преступное дѣяніе, подводя его подъ общую мѣрку тѣлесныхъ поврежденій—«особо мучительнымъ способомъ» [12]). Повидимому, проектъ въ этомъ случаѣ слѣдуетъ примѣру австрійскаго законодательства, которое, какъ извѣстно, сводитъ съ одной стороны извѣстный рядъ поврежденій подъ общую уголовную рубрику «тяжкихъ тѣлесныхъ поврежденій» (schwere körperliche Beschädigung), а съ другой стороны опредѣляетъ тѣ обстоятельства, присутствіе коихъ возвышаетъ мѣру наказанія, и вотъ въ числѣ этихъ отягчающихъ вину обстоятельствъ по § 155, между прочимъ, указываются такія, «если поврежденіе сопровождалось особенными мученіями для потерпѣвшаго» [13]). Какъ уже выше достаточно приходилось намъ доказывать, самостоятельный характеръ истязанія, какъ преступленія sui generis, какъ по внѣшнимъ, такъ и внутреннимъ признакамъ, рѣзко отличающимъ его отъ тѣлесныхъ поврежденій другаго рода, едва ли подлежитъ какому либо сомнѣнію. Поэтому нельзя не присоединиться къ мнѣнію Московскаго Юридическаго Общества [14]),

[12]) Проектъ особенной части уголовнаго уложенія—глава вторая, ст. 17, п. 5.

[13]) См. по этому поводу у Гофмана—«Учебникъ Судебной Медицины»—переводъ проф. Сорокина съ 3-го изд., стр. 249 и 259.

[14]) Юридическій Вѣстникъ, 1886 г., октябрь (№ 10), стр. 343—344.

вполнѣ правильно высказавшагося при разсмотрѣніи проекта особенной части уголовнаго уложенія за необходимость выдѣленія въ особое преступленіе тѣлеснаго поврежденія посредствомъ истязанія, оцѣнка коего должна быть отлична отъ тѣлеснаго поврежденія, «учиненнаго особо мучительнымъ способомъ». Можно надѣяться, что при окончательной редакціи проекта уголовнаго уложенія это замѣчаніе Московскаго Юридическаго Общества будетъ принято во вниманіе, и истязаніе, какъ преступленіе sui generis, займетъ самостоятельное мѣсто въ новомъ уголовномъ уложеніи.

Игорь Тютрюмовъ.

КРЕСТЬЯНСКІЙ ПОЗЕМЕЛЬНЫЙ БАНКЪ ВЪ 1888 ГОДУ.

Дѣятельность крестьянскаго поземельнаго банка, открывшаго свои операціи въ 1883 г., съ самаго начала и во все послѣдующее время его существованія привлекала къ себѣ вниманіе общественнаго мнѣнія. Причина этого понятна: крестьянскій банкъ по своей идеѣ явился или, по крайней мѣрѣ, долженъ былъ явиться учрежденіемъ для поднятія благосостоянія нашихъ народныхъ массъ путемъ увеличенія размѣровъ ихъ землевладѣнія. Всѣмъ памятно, какіе оживленные толки и въ печати и въ обществѣ вызывались до открытія крестьянскаго банка отсутствіемъ у насъ системы мелкаго поземельнаго государственнаго кредита. Учрежденіе крестьянскаго банка призвано было, повидимому, удовлетворить этой назрѣвшей потребности, и вмѣстѣ съ другими мѣрами правительства, какъ то: сложеніемъ части выкупныхъ платежей съ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, уничтоженіемъ подушной подати,—давало основаніе думать, что правительство твердо рѣшило пойти на помощь нуждамъ мелкаго крестьянскаго землевладѣнія.

Однако, съ самаго начала дѣятельности крестьянскаго банка, многимъ изъ возлагавшихся на него надеждъ суждено было не осуществиться: извѣстно, въ какія тѣсныя рамки была сразу поставлена дѣятельность этого полезнаго по идеѣ учрежденія. Затѣмъ, открытіе въ 1886 г. операцій дворянскаго поземельнаго банка, для дѣятельности котораго, въ противоположность крестьянскому, сразу предоставлены были громадныя средства, должно было, конечно, еще болѣе разочаровать всѣхъ тѣхъ, кому дороги интересы мелкаго крестьянскаго землевладѣнія. Поневолѣ приходилось считаться съ существованіемъ одновременнаго покровительства государства интересамъ совершенно противоположнаго свойства: съ одной стороны, весьма умѣренное, сказали бы мы, робкое покровительство мелкому крестьянскому землевладѣнію; и съ другой—щедрое покровительство интересамъ крупнаго помѣстнаго землевладѣнія. Очевидно, что одновременное существованіе того и другаго рода покровительства въ жизни должно было явиться вещью неосуществимою. И факты какъ разъ оправ-

дали это. Операціи крестьянскаго банка, и безъ того поставленнаго въ очень невыгодныя условія, стали особенно замѣтно сокращаться именно съ 1886 г., т. е. года учрежденія дворянскаго банка. Если судить объ этомъ уменьшеніи хотя бы только по одному числу сдѣлокъ, въ ссудахъ по которымъ совѣтомъ банка по разнымъ причинамъ было отказано, то даже съ этой точки зрѣнія сокращеніе операцій крестьянскаго банка является значительнымъ. Такъ въ 1883 г. (годъ открытія банка) процентъ сдѣлокъ, въ ссудахъ по которымъ было отказано, къ числу сдѣлокъ, по которымъ ссуда была разрѣшена, составлялъ 7. Затѣмъ, при несомнѣнномъ ростѣ числа сдѣлокъ, % этотъ въ 1884 г. понизился до 4,8; а въ 1885 г. до 4,2. Съ 1886 г. сразу замѣчается какъ паденіе числа сдѣлокъ, по которымъ ссуды были разрѣшены (1,318 сдѣлокъ въ 1886 г. противъ 1,556 въ 1885 г.), такъ въ особенности увеличеніе процента неразрѣшенныхъ сдѣлокъ къ разрѣшеннымъ. Именно, въ 1886 г. неразрѣшенныя сдѣлки составляютъ уже 6,8% разрѣшенныхъ; въ 1887 г. (при уменьшеніи числа разрѣшенныхъ сдѣлокъ противъ 1886 г. на 9,7%) уже 8,1% и, наконецъ, въ 1888 г.—цѣлыхъ 12,7%! Въ то же время дѣятельность дворянскаго банка все разросталась, и, какъ извѣстно, апоѳеозомъ четырехлѣтняго его существованія были льготы, оказанныя правительствомъ заемщикамъ дворянскаго банка въ 1889 г.,—льготы совершенно исключительнаго характера, отмѣченныя даже въ Высочайшемъ по этому поводу рескриптѣ заботою правительства о дворянствѣ, какъ первомъ и передовомъ сословіи Россіи. Такое положеніе дѣлъ, конечно, далеко отъ одинаковости заботъ правительства о нуждахъ крупнаго и мелкаго землевладѣнія. Для всякаго очевидно, что законодательный актъ, облегчившій обязательства заемщиковъ дворянскаго банка, распространившій эти облегченія не только на будущія, но и на прошедшія времена; поставившій дворянское землевладѣніе и его задолженность въ совершенно особыя, исключительно благопріятныя условія,—что такой актъ характеризуетъ собою рѣзкій поворотъ, въ смыслѣ исключительнаго покровительства интересамъ крупнаго землевладѣнія.

Въ самомъ дѣлѣ, вглядываясь внимательно въ дѣятельность крестьянскаго банка, въ узаконенія, которыми она регулировалась съ его открытія, и въ тѣ нововведенія, какія внесены въ нихъ послѣдующими мѣропріятіями правительства, замѣчаешь одно, ясно проходящее стремленіе: увеличеніе заботливости объ интересахъ банка, проявляющееся въ созданіи новыхъ мѣръ къ понудительному взысканію недоимокъ, къ огражденію банка отъ потерь при продажѣ недоимочныхъ участковъ, и т. п., и никакой почти заботы объ облегченіи положенія заемщиковъ банка. Всякій отчетъ послѣдняго всегда обыкновенно начинается съ заявленія о все увеличивающейся необходимости осторожнаго веденія операцій, хотя тутъ же откровенно заявляется, что эта осторожность имѣетъ своимъ послѣдствіемъ сокращеніе самихъ операцій. Въ результатѣ такого, такъ сказать, односторонняго отношенія къ дѣлу и является то, что дѣятель-

ность крестьянскаго банка, на который справедливо возлагалось много надеждъ, годъ отъ году становится, какъ мы видѣли, все ничтожнѣе.

Но 1888 г., о которомъ мы намѣрены поговорить, превзошелъ въ этомъ отношеніи всѣ предыдущіе годы. По словамъ самого отчета банка за 1888 г., этотъ годъ «вслѣдствіе нѣкоторыхъ особенностей, сопровождавшихъ ходъ дѣлъ банка, займетъ, вѣроятно, видное мѣсто въ исторіи крестьянскаго поземельнаго банка». Мнѣніе это совершенно справедливо, но мы позволимъ себѣ не согласиться на счетъ причинъ этого явленія. Соглашаясь вполнѣ, что осуществленныя или подготовленныя существенныя дополненія изданныхъ о крестьянскомъ банкѣ законовъ ставятъ дѣятельность его на «новую» почву, мы сомнѣваемся, чтобы почва эта была «твердою» въ желательномъ смыслѣ этого слова, и чтобы 1888 г. занялъ свое «видное» мѣсто въ дѣятельности крестьянскаго банка, только благодаря одному изданію новыхъ узаконеній о немъ. На самомъ дѣлѣ, гораздо болѣе виднымъ отличіемъ дѣятельности банка въ 1888 г. является колоссальное сокращеніе его операцій. Число разрѣшенныхъ въ 1888 г. сдѣлокъ было, правда, больше, чѣмъ въ 1887 г., именно: 1,217 въ 1888 г. и 1,190 въ 1887 г. Но въ 1887 г. ссудъ разрѣшено на 7,938,028 рублей, а въ 1888 г. только на 5,411,314 рублей, другими словами, за одинъ только годъ размѣръ операцій сократился ни много, ни мало на цѣлыхъ 32%! Вотъ это способно дѣйствительно дать 1888 г. «видное мѣсто въ исторіи крестьянскаго поземельнаго банка».

Что касается собственно твердости почвы, за которую сталъ будто бы крестьянскій банкъ, съ изданіемъ новыхъ узаконеній о способахъ продажи недоимочныхъ участковъ, о мѣрахъ понудительнаго взысканія недоимокъ, закона о товариществахъ,—то прежде всего это еще дѣло будущаго: на дѣятельности крестьянскаго банка въ 1888 г. эти мѣры могли отразиться или очень слабо, или совсѣмъ не отразились еще. Но очевидно одно: что имѣютъ они отразиться въ смыслѣ еще бо̀льшаго сокращенія операцій этого учрежденія, такъ какъ, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ статей закона о товариществахъ, они направлены для огражденія интересовъ банка, и безъ того ведущаго свою операціи крайне осторожно. Въ этомъ смыслѣ можно, пожалуй, сказать, что дѣятельность крестьянскаго банка стала на «твердую» почву. Но желательна ли *такая* перемѣна,—это, конечно, подлежитъ сомнѣнію. Также подлежитъ сомнѣнію, чтобы новыя узаконенія могли дѣйствительно принести хотя бы ту пользу, которой отъ нихъ ожидаютъ, именно обезпечивали бы банку лучшую платежеспособность его заемщиковъ и гарантировали болѣе правильное поступленіе текущихъ платежей и недоимокъ. Положимъ, что банку легче будетъ справляться съ продажей недоимочныхъ участковъ, на неудобство каковыхъ продажъ находимъ не мало сѣтованій въ отчетѣ банка за 1888 г. (стр. 12 и 13). Но врядъ ли мѣры понудительнаго взысканія недоимокъ улучшаютъ платежеспособность заемщиковъ банка, и мы въ этомъ отношеніи не склонны раздѣлять оптимистическихъ воззрѣній отчета за 1888 г.

Случай съ Серебрянско-Рубежанскимъ товариществомъ Бахмутскаго уѣзда, разсказанный въ этомъ отчетѣ, долженъ быть по истинѣ отнесенъ къ числу чуть ли не волшебныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, на этомъ товариществѣ числилось недоимокъ по платежамъ банку 5 т. руб. На мѣсто пріѣзжаетъ членъ совѣта банка, призываетъ по совѣту исправныхъ плательщиковъ становаго, и... товарищество немедленно вноситъ 3,000 рублей. Слѣдуетъ ли, однако, отсюда, что пріѣздъ становаго всегда будетъ оказывать такое по истинѣ магическое дѣйствіе: нѣтъ у крестьянъ денегъ для уплаты банку за пріобрѣтенную землицу; пріѣзжаетъ становой, дѣлаетъ «распоряженіе», и деньги появляются... Поэтому мы полагаемъ, что въ результатѣ новыхъ административныхъ мѣръ воздѣйствія будетъ все увеличиваться прискорбный фактъ продажи крестьянской земли, а не улучшеніе платежеспособности. Поэтому же врядъ ли можетъ быть признано правильнымъ высказанное въ отчетѣ за 1888 г. мнѣніе, будто «правильному поступленію платежей нерѣдко не столько вредятъ неурожаи и другія бѣдствія, сколько отсутствіе внутренняго согласія между заемщиками, недостатокъ организаціи сбора платежей и тому подобное». «Когда крестьяне предоставлены, читаемъ мы далѣе въ отчетѣ, сами себѣ и не встрѣчаютъ никакихъ внѣшнихъ побужденій къ платежу, заботливость ихъ о послѣднемъ нерѣдко усыпляется, а болѣе или менѣе отдаленная перспектива продажи земли не служитъ для нихъ достаточно энергичнымъ побужденіемъ къ предупрежденію накопленія недоимокъ... При большей энергіи взысканія, несогласія могли бы быть парализуемы, и общность интересовъ стала бы ощутительнѣе; но безъ этого существующая рознь ослабляетъ заботливость о платежной исправности» (стр. 15 отчета). Въ этихъ словахъ сказывается, между прочимъ, общая тенденція послѣдняго времени, — тенденція наложенія опеки на всѣ стороны крестьянской жизни. Тенденція эта во всѣхъ отношеніяхъ возвращаетъ насъ къ старому, увы!—едва ли доброму времени, а въ дѣятельности учрежденія для мелкаго поземельнаго кредита является дѣломъ далеко не безопаснымъ для самаго его существованія.

Что же, однако, на самомъ дѣлѣ вліяетъ на несомнѣнное всетаки возрастаніе недоимочности заемщиковъ крестьянскаго банка, на послѣдовавшее вслѣдствіе этого сокращеніе его операцій, и нѣтъ ли другихъ, болѣе дѣйствительныхъ мѣръ, чѣмъ понудительное взысканіе недоимокъ, которыя способны были бы поднять платежеспособность заемщиковъ?

На вопросъ о причинахъ сокращенія операцій, по отношенію къ 1888 г., мы находимъ нѣсколько соображеній въ самомъ отчетѣ. Именно, по примѣру прежнихъ лѣтъ, указывается на дѣятельность дворянскаго банка, на пониженіе % по ссудамъ частными земельными банками, на уменьшеніе вслѣдствіе этого расположенія къ продажѣ имѣній, и т. п. Но все это, наряду съ упадкомъ хлѣбныхъ цѣнъ и паденіемъ арендныхъ цѣнъ на землю, имѣло мѣсто и прежде. Гораздо существеннѣе указаніе отчета на то, что «совѣтъ банка имѣлъ предъ собою факты значитель-

наго накопленія недоимокъ и необходимости продажи» и что «совокупность всѣхъ этихъ этихъ обстоятельствъ привела совѣтъ къ мысли о необходимости особой осторожности въ разрѣшеніи ссудъ, къ рѣшимости допускать только тѣ сдѣлки, въ которыхъ невысокая цѣна и прочія благопріятныя условія были очевиднѣе». Но такъ ли это? Такъ ли ужъ высокъ % недоимокъ, чтобы учрежденіе, призванное помогать мелкому землевладѣнію, за одинъ только годъ должно было сократить сво операціи на 32%? Въ томъ же отчетѣ на 1888 г. мы находимъ, что сумма недоимокъ къ окладу платежей 1888 года составляетъ $22_{,21}$%. Это во всякомъ случаѣ еще не такая большая недоимки, чтобы банкъ *старался* сокращать свои операціи, и чтобы дѣятелямъ его могла придти въ голову мысль, что для такого сокращенія весьма полезнымъ средствомъ могло бы быть требованіе отъ крестьянъ большихъ доплатъ (стр. 5 отчета). Что накопленіе недоимокъ является слѣдствіемъ причинъ, ничего общаго не имѣющихъ съ раздорами и несогласіями, яко бы существующими между покупщиками, доказываетъ, между прочимъ, такой крупный фактъ, какъ то, что недоимки прежнихъ лѣтъ, показанныя въ отчетѣ за 1887 г. въ суммѣ 1,107,783 руб., за исключеніемъ одной четвертой части, были уплачены въ 1888 г.; именно поступило отъ плательщиковъ—752,914 р. и списано на счетъ платежей съ участковъ, оставшихся за банкомъ, 86,091 р. Самъ отчетъ (стр. 7 и 8) свидѣтельствуетъ, что «такое успѣшное поступленіе недоимокъ прошлыхъ лѣтъ объясняется урожаемъ», другими словами болѣе благопріятными условіями, въ которыхъ очутилось крестьянское хозяйство послѣ урожайнаго года.

Давно уже указывалось и не подлежитъ сомнѣнію, что главными причинами недоимочности плательщиковъ крестьянскаго банка является черезчуръ большая высота взимаемаго имъ %, трудность доплатъ изъ собственныхъ средствъ и, наконецъ, то, что кредитъ банка недостаточно долгосроченъ. Въ самомъ дѣлѣ, крестьянскій банкъ взимаетъ при ссудахъ на $24\frac{1}{2}$ года $8\frac{1}{2}$%; при ссудахъ на $34\frac{1}{2}$ г.—$7\frac{1}{2}$%. Въ тоже время платежи въ дворянскомъ банкѣ достигаютъ только $5\frac{1}{4}$%; а въ частныхъ акціонерныхъ банкахъ $6\frac{1}{2}$% (при ссудахъ на 48 л.) и 6% при ссудахъ на 61 годъ. Очевидно, что плательщики крестьянскаго банка поставлены въ наиболѣе невыгодныя условія; при этомъ еще крестьяне получаютъ изъ банка ссуды наличными деньгами и оставляютъ такимъ образомъ всю прибыль отъ реализаціи выпущенныхъ подъ залогъ ихъ земель свидѣтельствъ въ распоряженіи банка. Поэтому весьма своевременными являются ходатайства многихъ губернскихъ собраній, какъ, напримѣръ, Тамбовскаго, Рязанскаго и Смоленскаго, объ уменьшеніи % по обязательствамъ заемщиковъ крестьянскаго банка. Особенно знаменательными эти ходатайства являются еще и потому, что губернскія земскія собранія, какъ извѣстно, состоятъ въ громадномъ большинствѣ изъ дворянъ, для которыхъ, на первый взглядъ, такое пониженіе % являлось бы нежелательнымъ, и ходатайство которыхъ какъ-то не вяжется

со льготами, дарованными въ области государственнаго поземельнаго кредита имъ самимъ. Значитъ, есть въ самой жизни вѣскія причины, способныя вызвать такія явленія, и крестьянскому банку слѣдовалъ бы принять къ свѣдѣнію голоса людей, во всякомъ случаѣ компетентныхъ въ знаніи мѣстныхъ условій своихъ губерній.

Что касается втораго пункта, т. е. величины доплатъ, то изъ отчетовъ крестьянскаго банка видно, что съ каждымъ годомъ онѣ къ сожалѣнію ростутъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ 1883 г. онѣ равнялись въ среднемъ $9,_{9}\%$ покупной цѣны; въ 1884 г.—$13,_{6}\%$; въ 1885 г.—$16,_{58}\%$; въ 1886 г.—$16,_{9}\%$; въ 1887 г.—$18,_{6}\%$ и, наконецъ, въ злополучномъ 1888 г.—21%! Уже изъ одного роста доплатъ можно придти къ заключенію, что первоначальная цѣль, для которой былъ созданъ крестьянскій банкъ, «облегчать крестьянамъ всѣхъ наименованій способы къ покупкѣ земли въ тѣхъ случаяхъ, когда владѣльцы земли пожелаютъ продать, а крестьяне пріобрѣсти»,—что цѣль эта, говоримъ мы, мало по малу забываются, такъ какъ способы пріобрѣтенія земли какъ разъ, наоборотъ, затрудняются. Понятно, что увеличеніе размѣровъ доплатъ, составляющее само по себѣ большое зло, вліяетъ въ то же время на уменьшеніе платежеспособности крестьянъ: вынужденные добывать необходимыя для доплаты средства на сторонѣ, у частныхъ лицъ, часто подъ высокіе проценты, плательщики крестьянскаго банка всегда находятся между Сциллой и Харибдой, имѣя двухъ кредиторовъ, изъ которыхъ каждый требуетъ своевременныхъ уплатъ, а частный кредиторъ расположенъ, конечно, относиться еще менѣе милостиво, чѣмъ государство. Увеличеніе размѣра доплатъ влечетъ за собою еще другое зло: выгодами отъ существованія банка при этомъ могутъ, конечно, воспользоваться скорѣе болѣе состоятельные крестьяне, на которыхъ увеличеніе размѣра доплатъ отражается не такъ чувствительно. Въ отчетѣ банка за 1888 г. высказывается мысль, что послѣднее обстоятельство на самомъ дѣлѣ не имѣетъ мѣста, и что увеличеніе размѣра доплатъ въ частности въ 1888 г. произошло отъ того будто бы, что операціи банка были особенно велики въ губерніяхъ, въ которыхъ существуютъ большіе заработки (sic), или гдѣ при покупкѣ играетъ не малую роль растущій на землѣ лѣсъ, на который и ложится большая часть доплатъ. Но, если это отчасти и справедливо, то вѣрно также и то, что въ губерніяхъ степныхъ и черноземныхъ, въ которыхъ въ 1888 г. замѣчается особенное увеличеніе доплатъ, число сдѣлокъ значительно сократилось: именно въ 1887 г. оно составляло до 50% всего числа сдѣлокъ, а въ 1888 г. только 40%. Затѣмъ, обращаясь къ наиболѣе недоимочнымъ губерніямъ, видимъ, что большинство ихъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, въ которыхъ въ 1888 г. произошло значительное увеличеніе доплатъ. Такъ, напримѣръ, Оренбургская губернія, въ которой отношеніе недовзноса къ окладу составляетъ $92,_{02}\%$, уплачивала въ 1888 г. на $4,_{92}\%$ больше доплатъ, чѣмъ въ 1887 г.; въ Воронежской губ. $\%$ недовзноса равенъ $50,_{41}$, а увеличеніе

доплатъ $8_{,61}$ %; въ Курской губерніи соотвѣтствующія цифры суть— $53_{,32}$ % и $13_{,94}$ %; въ Екатеринославской — $32_{,28}$ % и $9_{,39}$ % и т. д. Слѣдовательно, между увеличеніемъ размѣра доплатъ и увеличеніемъ недоимочности существуетъ, повидимому, прямая зависимость. Въ 1888 г. доплаты особенно были увеличены при формѣ покупокъ сельскими обществами и значительно понижены при покупкахъ отдѣльными лицами. Такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи дѣятельность банка за 1888 г. является съ тенденціей покровительства частнымъ лицамъ, такъ какъ, конечно, исполненіе ими обязательствъ предъ банкомъ болѣе гарантировано, чѣмъ при мірской или товарищеской формѣ покупки. На стр. 33 отчета за 1888 г. помѣщена табличка, доказывающая вѣрность высказаннаго взгляда. Такъ въ 1887 г. доплаты при покупкахъ сельскими обществами составляли 7 руб. 93 к. на душу; въ 1888 г. онѣ равняются уже 9 руб. 20 к., за то доплаты отдѣльныхъ лицъ составляли 112 руб. 96 к. на душу въ 1887 году, а въ 1888 году, понизились до 87 руб. 2 коп. Правда, въ тоже время доплаты нѣсколько уменьшились при покупкѣ земли товариществами; но это уменьшеніе крайне ничтожно, всего 24 коп. на душу. Что касается самихъ доплатъ, то послѣднія, какъ извѣстно, раздѣляются на единовременныя и на разсрочиваемыя. Въ этомъ отношеніи 1888 г. былъ также неблагопріятенъ для заемщиковъ крестьянскаго банка: единовременныя доплаты составляли въ этомъ году $81_{,87}$ % общей суммы доплатъ; въ то время, какъ напримѣръ, въ 1887 г., онѣ составляли только $78_{,62}$ % общей суммы. Другими словами, доступъ къ пріобрѣтенію земли при помощи крестьянскаго банка былъ обставленъ въ 1888 г. гораздо бо́льшими затрудненіями, чѣмъ въ прошлые годы.

Наконецъ, что касается недостаточной долгосрочности кредита, оказываемаго крестьянскимъ поземельнымъ банкомъ, то это обстоятельство, конечно, является также однимъ изъ неблагопріятныхъ условій, вредно дѣйствующихъ на его операціи. Смоленское губернское земское собраніе 1890 г. постановило ходатайствовать о пониженіи %, взимаемаго крестьянскимъ банкомъ. Но если бы прямое пониженіе по финансовымъ соображеніямъ было признано невозможнымъ, собраніе ходатайствуетъ о пониженіи % посредствомъ удлиненія срока займа на $44\frac{1}{2}$ г. или $54\frac{1}{2}$ г. [1]). Такое ходатайство является какъ нельзя болѣе своевременнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, дворянскій банкъ выдаетъ ссуды на 36 лѣтъ и 7 мѣсяцевъ и на 48 лѣтъ; частныя акціонерныя общества на 48 лѣтъ и 61 годъ, а крестьянскій банкъ всего на $24\frac{1}{2}$ и $34\frac{1}{2}$ года. Чѣмъ долгосрочнѣе поземельный кредитъ, тѣмъ выгоднѣе онъ для заемщиковъ, такъ какъ облегчаетъ исполненіе ими обязательствъ по ихъ долгамъ. Между тѣмъ, даже при тѣхъ неблагопріятныхъ срокахъ, которые установлены для крестьянскаго банка, зло увеличивается еще тѣмъ, что съ теченіемъ вре-

[1]) Корреспонденція изъ Смоленска въ № 32 «Русск. Вѣдом.» за 1890 г.

мени количество ссудъ на $34^1/_2$ года начинаетъ уменьшаться. Особенно это замѣтно въ 1888 году. Такъ, въ 1887 г. на сроки въ $24^1/_2$ года приходилось $10_{,85}\%$ общей суммы ссудъ, а на сроки въ $34^1/_2$ года — $89_{,15}\%$; въ 1888 г. ссуды на $34^1/_2$ года составляютъ $82_{,89}\%$; на $24^1/_2$ г.—$17_{,11}\%$. Это есть, конечно, одно изъ слѣдствій осторожнаго веденія банкомъ своихъ операцій, но слѣдствіе далеко не желательное.

Переходимъ къ обзору другихъ сторонъ дѣятельности крестьянскаго банка въ 1888 году, изъ котораго мы увидимъ, какъ послѣдовательно проводится имъ принципъ осторожности въ веденіи своихъ операцій, а какъ ничего не дѣлается, съ другой стороны, для облегченія положенія плательщиковъ. Но прежде скажемъ нѣсколько словъ о сдѣлкахъ, въ ссудахъ по которымъ было отказано. Такихъ сдѣлокъ въ 1888 г. было 154. Въ этомъ числѣ по 85 сдѣлкамъ ссуды представлялись «необезпеченными»: 1) по 58 сдѣлкамъ или продажныя цѣны были очень велики и не соотвѣтствовали доходности земли, или земли оказывались очень плохаго качества, или онѣ были обременены на продолжительные сроки арендными контрактами, платежи по которымъ не покрывали взносовъ по ссудѣ банка. Въ сдѣлкахъ, говорится далѣе въ отчетѣ, которыя имѣли быть заключены на эти земли, «высокая цѣна являлась нерѣдко результатомъ конкурренціи между сосѣдними крестьянами, въ которой сплошь и рядомъ бо́льшую роль играло желаніе одержать побѣду надъ другими, чѣмъ нужда (sic) въ землѣ». Такая аргументація представляется намъ нѣсколько рискованной и во всякомъ случаѣ слишкомъ субъективной, чтобы служить основаніемъ для отказа въ выдачѣ ссуды. 2) По семи сдѣлкамъ обнаружилось полное отсутствіе солидарности между членами товариществъ; 3) по 11 сдѣлкамъ продаваемая земля оказалась чрезвычайно плохаго качества и малодоходна; 4) по одной сдѣлкѣ банкъ считалъ рискованнымъ выдать ссуду крестьянамъ, извѣстнымъ за ненадежныхъ плательщиковъ, и т. д.

За всѣмъ тѣмъ, въ 1888 г. совѣтомъ банка разрѣшено 1,206 ссудъ. Покупщиками по нимъ являлось 28,578 домохозяевъ, въ составѣ 94,832 душъ мужскаго пола. Пріобрѣтено ими 206,369 дес. земли за 7,332,121 р., изъ которыхъ 5,278,236 разрѣшены въ ссуду, а остальная сумма составляла доплату покупщиковъ изъ собственныхъ средствъ. Изъ общаго числа купленной земли приходилось на долю: 1) 338 сельскихъ обществъ—96,610 дес., съ ссудой банка въ 2,484,672 р. и доплатой въ 867,045 р.; 2) 596 товариществъ — 110,687 десятинъ, съ ссудой въ 2,721,478 руб. и доплатой въ 1,116,888 руб. и 3) 222 отдѣльныхъ домохозяевъ—4,076 десятинъ, съ ссудой въ 72,086 р. и доплатой въ 69,952 рубля.

Выданы были ссуды въ 1888 году по 1,057 сдѣлкамъ, по которымъ пріобрѣтено 190,463 дес. земли за 6,501,460 р., при чемъ ссуда банка составляла 5,133,539 руб., а остальные 1,367,920 руб. составляли доплату покупщиковъ. Обращаясь къ распредѣленію выданныхъ ссудъ по

губерніямъ, видимъ, что среди губерній, въ которыхъ операціи банка, какъ по числу ссудъ, такъ и по суммѣ ихъ были особенно значительны, преобладали: покупки сельскими обществами въ Смоленской и Тульской губерніяхъ, а товариществами—въ губерніяхъ Волынской, Минской, Подольской, Тверской и Харьковской. Въ губерніяхъ Виленской, Кіевской, Ковенской, Полтавской и Черниговской не было ни одного случая пріобрѣтенія сельскими обществами. Наконецъ, въ губерніяхъ Витебской, Могилевской и Новгородской покупки сельскими обществами и товариществами не представляли значительнаго преобладанія другъ надъ другомъ.

Среднее количество пріобрѣтенной на каждую мужскую душу земли составляло въ 1888 г.—$2_{,34}$ дес.; средняя покупная сумма на душу—79 руб. 95 коп.; средняя цѣна десятины земли—34 руб. 14 коп. Распредѣляя покупки по формѣ пріобрѣтенія, видимъ, что, какъ и въ прошлые года, при покупкахъ сельскими обществами на каждую душу приходится меньше десятинъ, чѣмъ при покупкахъ товариществами, и что больше всего въ среднемъ приходится при покупкахъ отдѣльными лицами. Такъ, при покупкахъ сельскими обществами на душу приходится $1_{,88}$ дес.; при товарищескихъ—$2_{,92}$ дес. и при покупкахъ отдѣльными лицами—$4_{,51}$ дес. Что касается покупной цѣны, какъ на душу, такъ и на десятину, то въ 1888 г. она понизилась сравнительно съ предыдущимъ годомъ; но кромѣ того замѣчается паденіе цѣнъ на землю за все время существованія банка. Такъ, въ 1883 г. цѣна десятины въ среднемъ была — 52 руб. 52 коп.; въ 1884 г. — 52 руб. 49 коп.; въ 1885 г.—52 руб.; въ 1886 г.—45 руб. 55 коп.; въ 1887 г.—41 р. 73 коп. и въ 1888 г.—34 руб. 14 коп. Объясненіе послѣднему явленію кроется не въ общемъ фактѣ пониженія цѣнъ на землю, а въ томъ, что дѣятельность крестьянскаго банка особенно расширяется въ губерніяхъ съ землями весьма малоцѣнными и уменьшается въ губерніяхъ центральныхъ, съ дорогими землями. Это есть, конечно, одно изъ послѣдствій черезчуръ осторожнаго и, сказали бы мы, односторонняго веденія банкомъ своихъ дѣлъ. Извѣстно вообще, что нужда крестьянъ въ землѣ особенно чувствительна въ центральныхъ губерніяхъ, и само собою понятно также, что дѣятельность банка можетъ быть плодотворнѣе тамъ, гдѣ земля дорога, и гдѣ населенію безъ его помощи обойтись труднѣе, чѣмъ тамъ, гдѣ она дешева, гдѣ ее легче пріобрѣсти и безъ содѣйствія банка. Перенесеніе центра тяжести дѣятельности банка въ губерніи съ дешевой землей составляетъ, конечно, большой шагъ назадъ и нисколько не отвѣчаетъ тѣмъ задачамъ, для которыхъ банкъ былъ созданъ.

Что касается прежняго экономическаго положенія покупщиковъ, пріобрѣвшихъ въ 1888 г. землю съ помощью крестьянскаго банка, то оказывается, что 29% ихъ были или безземельными или безусловно малоземельными, т. е. имѣли на душу не болѣе $1^1/_2$ дес.; въ 1887 г. та же группа составляла $33,_7$% всего числа покупщиковъ. Вторая группа, съ надѣломъ отъ $1^1/_2$ до 3 дес., составляла въ 1888 г. 42%, а въ

1887 г.—42,7% всего числа покупщиковъ. Наконецъ третья группа, съ надѣломъ болѣе 3-хъ дес. на душу, составляла въ 1888 г. 29% всего числа покупщиковъ, а въ 1887 г. — 23,5%. Такимъ образомъ, дѣятельность банка въ 1888 г. въ этомъ отношеніи также представляется менѣе плодотворной, такъ какъ группа крестьянъ съ бо́льшимъ земельнымъ обезпеченіемъ представлена въ этомъ году въ бо́льшей цифрѣ, чѣмъ въ 1887 г.; въ то же время группы крестьянъ безземельныхъ или съ надѣломъ до 3-хъ десятинъ на душу представлены въ цифрахъ соотвѣтственно меньшихъ. Въ отчетѣ, правда, внесена поправка о покупщикахъ губерній малонаселенныхъ или съ плохаго качества землею, и послѣ внесенія такой поправки всѣ они раздѣляются только на двѣ группы: 1) безземельныхъ и имѣющихъ незначительные надѣлы и 2) имѣющихъ болѣе 3 дес. на душу. При такой поправкѣ оказывается, что число безземельныхъ и малоземельныхъ составляло въ 1888 г. 55,37% всего числа душъ, купившихъ землю съ содѣйствіемъ банка; но въ виду того, что остается неизвѣстнымъ способъ вычисленія, путемъ котораго отчетъ приходитъ къ такому результату, представленныя выше сравнительныя цифры сохраняютъ свое значеніе и характеризуютъ дѣятельность банка съ менѣе выгодной стороны, чѣмъ въ 1887 г. Къ тому же прискорбному заключенію мы придемъ, если будемъ разсматривать % отношеніе пріобрѣтеннаго каждой группой количества земли. Въ 1887 году группа безземельныхъ или съ надѣломъ до $1^1/_2$ десят. на душу пріобрѣла 33,5% всей купленной въ этомъ году земельной площади; въ 1888 г. на долю этой же группы приходится только 28%. Группа съ надѣломъ отъ $1^1/_2$ до 3 десятинъ на душу пріобрѣла въ 1887 г.—36,1%, а въ 1888 г. — 35,8% всей земли. Наконецъ группа, съ надѣломъ болѣе 3 десят. на душу, въ 1887 году пріобрѣла 30,4%, а въ 1888 г. — 36,2% всей пріобрѣтенной съ помощью крестьянскаго банка земли. Какія бы поправки ни вносить въ вычисленія,—представленныя цифры сохраняютъ свой далеко не утѣшительный смыслъ.

Одной изъ наиболѣе симпатичныхъ сторонъ дѣятельности крестьянскаго банка было содѣйствіе его переселеніямъ. Въ отчетѣ за 1888 г. прямо заявляется, что содѣйствіе это было незначительно, главнымъ образомъ, въ виду будто бы ясно сказавшихся безпорядковъ въ переселенческихъ товариществахъ, каковые безпорядки банкъ надѣется устранить примѣненіемъ закона 30-го мая 1888 г. о товариществахъ. Та же самая мысль высказывалась и въ отчетѣ за 1887 г., но тамъ указывалось на то, что безпорядки, о которыхъ идетъ рѣчь, происходили отъ отсутствія въ этомъ году закона о товариществахъ. Конечно, въ теченіе полугода своего существованія новый законъ о товариществахъ врядъ-ли могъ проявить свое благодѣтельное дѣйствіе, въ смыслѣ усиленія дѣятельности банка въ переселенческомъ дѣлѣ. Но какъ бы тамъ ни было,—поможетъ новый законъ или нѣтъ, — фактъ тотъ, что въ 1888 г. содѣйствіе банка дѣлу переселенія было еще меньше, чѣмъ въ 1887 г. Такъ, хотя число душъ,

воспользовавшихся въ 1888 г. ссудами банка для переселеній, составляло, какъ и въ 1887 г., 9% къ общему числу душъ, воспользовавшихся ссудами, но въ 1887 г. переселенцами пріобрѣтено $21_{,47}$% всей купленной съ содѣйствіемъ банка земельной площади, а въ 1888 г. — только $20_{,06}$%. Общее увеличеніе размѣра доплатъ изъ собственныхъ средствъ имѣло мѣсто и въ переселенческихъ сдѣлкахъ. Въ то время, какъ въ 1887 г. доплаты переселенцевъ составляли $21_{,3}$% общей покупной суммы, приходившейся на ихъ долю, въ 1888 г. эта цифра составляетъ $22_{,6}$%. Весьма понятно, что тенденція сокращать операціи банка путемъ увеличенія размѣра доплатъ должна особенно невыгодно отражаться на переселенческихъ сдѣлкахъ, въ которыхъ можетъ быть рекомендована только самая большая снисходительность. Годъ отъ году такія сдѣлки сокращаются, и въ каждомъ почти отчетѣ крестьянскаго банка констатируется, что въ данномъ году содѣйствіе переселенію было меньше, чѣмъ въ предыдущемъ.

Мы не будемъ разсматривать остальныхъ частей отчета, касающихся прежней принадлежности отчужденныхъ при посредствѣ крестьянскаго банка земель, ихъ задолженности, способа веденія на нихъ хозяйства до ихъ продажи и т. п., потому что въ этомъ отношеніи отчетъ за 1888 г. повторяетъ тоже самое, что и отчетъ за 1887 г. [2]). Скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ объ общемъ впечатлѣніи, производимомъ дѣятельностью крестьянскаго банка за 1888 годъ. Мы видѣли, что онъ значительно, на цѣлыхъ 32%, сократилъ свои операціи; что не менѣе значительно увеличился размѣръ доплатъ; что въ большей, противъ прежнихъ лѣтъ, мѣрѣ банкъ приходилъ на помощь менѣе нуждающимся въ землѣ группамъ крестьянъ; что содѣйствіе его переселеніямъ было также меньше; что, наконецъ, онъ уменьшилъ количество ссудъ на $34^1/_2$ года и перенесъ центръ тяжести своей дѣятельности въ такія губерніи, гдѣ легко пріобрѣтать землю и безъ его содѣйствія. Съ другой стороны, ничего не сдѣлано для облегченія положенія покупщиковъ — крестьянъ, а положеніе это, какъ мы видѣли, признано тяжелымъ такими компетентными учрежденіями, какъ земскія собранія. Все это, конечно, есть слѣдствіе все болѣе и болѣе усиливающейся осторожности въ веденіи банкомъ своихъ операцій. Надо полагать, что и новыя узаконенія, на которыя банкъ возлагаетъ такія надежды, врядъ-ли увеличатъ его операціи; да и не на то они направлены: главная цѣль ихъ состоитъ въ большемъ обезпеченіи интересовъ банка. При такихъ условіяхъ дѣятельность крестьянскаго банка, говоря по просту, мало по малу сводится на «нѣтъ», а возникаетъ сомнѣніе въ самой цѣлесообразности дальнѣйшаго его существованія. Однако, вѣренъ-ли путь, избранный банкомъ? Мы, конечно, далеки отъ мысли, чтобы крестьянскій банкъ сталъ учрежденіемъ благо-

---

[2]) См. нашу замѣтку объ отчетѣ за 1887 г. въ библіографіи январьской книжки Юридическаго Вѣстника за 1890 г.

творительнымъ; у государства, конечно, не столько лишнихъ средствъ, чтобы оно могло бросать ихъ зря. Конечно, крестьянскій банкъ, какъ и всякое государственное учрежденіе, долженъ дѣйствовать съ извѣстной степенью осмотрительности. Но онъ не долженъ злоупотреблять послѣдней и класть одну осторожность въ основу своей дѣятельности. На нашихъ глазахъ произошелъ въ 1889 г. безпримѣрный въ своемъ родѣ переворотъ въ характерѣ дѣятельности другаго такого же государственнаго учрежденія: мы разумѣемъ дворянскій банкъ. Въ его дѣятельности не только не замѣчается никакой осторожности, но, напротивъ того, наблюдается необыкновенная, такъ сказать, стремительность. Процентъ, взимаемый имъ, былъ и такъ меньше %, взимаемаго крестьянскимъ банкомъ, но въ 1889 г. онъ былъ еще пониженъ, и заемщикамъ дворянскаго банка была дарована цѣлая масса матеріальныхъ льготъ. Мы не хотѣли-бы разсматривать этотъ актъ, какъ актъ благотворительности со стороны государства. Но если его появленіе, предположимъ, вызывалось насущными потребностями всего государства, то врядъ-ли кто станетъ сомнѣваться, что въ интересахъ этихъ же потребностей не въ меньшей степени находится не сокращеніе, а наоборотъ, возможно большее расширеніе дѣятельности крестьянскаго банка. Нужда народа въ землѣ велика, а лучше всего удовлетворить ее онъ можетъ, конечно, только при помощи государства. Мы видѣли выше, въ чемъ заключаются коренные недостатки въ постановкѣ дѣятельности крестьянскаго банка, именно: въ чрезмѣрной высотѣ процента, громадной величинѣ доплатъ покупщиковъ изъ собственныхъ средствъ и недостаточной долгосрочности его кредита. На улучшеніе этихъ то сторонъ и надо обратить вниманіе, потому что при той постановкѣ, какую дѣло мелкаго поземельнаго кредита имѣетъ теперь, кредитъ этотъ мало оправдываетъ названіе государственнаго. Если нельзя совсѣмъ уничтожить доплаты, то надо ихъ сдѣлать минимальными: только при этомъ условіи могутъ пріобрѣтать землю крестьяне, дѣйствительно нуждающіеся въ ней. Процентъ слѣдуетъ понизить, на первыхъ порахъ, хотя бы до нормы, взимаемой частными обществами. И, наконецъ, не менѣе важно удлинить сроки, на которые выдаются ссуды. Одними же мѣрами понудительнаго взысканія недоимокъ, продажей пріобрѣтенныхъ участковъ и т. п.—ничего не сдѣлаешь.

Викторъ Гурвичъ.

ПРАВО НЕЗАКОННЫХЪ ДѢТЕЙ НА СОДЕРЖАНІЕ ОТЪ РОДИТЕЛЕЙ.

Право незаконныхъ дѣтей вообще, и происшедшихъ отъ прелюбодѣянія въ особенности, требовать содержанія отъ родителя, состоящаго въ бракѣ.

Недавно, московскій окружный судъ, по V гражданскому отдѣленію, разрѣшилъ, кажется, еще не затронутый судебною практикою вопросъ: «обязанъ ли женатый отецъ давать содержаніе своимъ незаконнымъ дѣтямъ, происшедшимъ отъ прелюбодѣянія»? Утвердительное разрѣшеніе этого вопроса окружнымъ судомъ отчасти можетъ служить отвѣтомъ на статью В. Волжина «о противозаконномъ сожитіи», помѣщенную въ апрѣльской книжкѣ Юридическаго Вѣстника за 1890 годъ. Почтенный авторъ, упрекая «законодательство въ невѣрности отправной точки зрѣнія», печалясь объ участи «несчастной, обольщенной, юной и неопытной дѣвицы», подтрунивая надъ богатыми и знатными женщинами, свои толкованія основалъ не на точномъ смыслѣ закона, а на комментаріяхъ, и ставъ, поэтому, на невѣрную точку отправленія, приходитъ къ нѣсколькимъ невѣрнымъ выводамъ. Какъ мы понимаемъ, основныя положенія автора статьи «о противозаконномъ сожитіи» таковы: а) сожитіе незамужней съ неженатымъ не есть преступленіе, и статью 994 слѣдовало бы исключить изъ уложенія о наказаніяхъ (стр. 460); б) требуя содержанія для себя и для ребенка, мать на судѣ «есть въ одно и то же время и подсудимая и лицо потерпѣвшее отъ преступленія и гражданскій истецъ» (стр. 648); в) опредѣляя обезпеченіе и содержаніе по 2 ч. 994 ст. уложенія о наказаніяхъ, судъ обязанъ установить размѣръ содержанія отдѣльно для ребенка и матери, которая сохраняетъ свое право, до выхода въ замужество и послѣ смерти ребенка (стр. 352); г) карая гражданскимъ взысканіемъ не женатаго, ст. 994 и 1585 улож. о наказ. совершенно освобождаютъ женатыхъ прелюбодѣевъ отъ обязанности давать содержаніе своимъ незаконнымъ дѣтямъ (стр. 550 и 551); д) право взысканія обезпеченія по ст. 994 улож. о нак. пресѣкается истеченіемъ общей земской давности;

е) предметъ иска объ обезпеченіи содержаніемъ незаконныхъ дѣтей и ихъ матери есть требованіе о вознагражденіи за вредъ и убытки, подлежащее разрѣшенію на основаніи ст. 684 X т. ч. 1 (стр. 662).

Мы думаемъ, что выводы г. Волжина безусловно противорѣчатъ общему смыслу законовъ уголовныхъ и гражданскихъ.

Любо- и прелюбодѣяніе есть порокъ, оскорбляющій общественную нравственность. Государство обязано не только физически, но и нравственно воспитывать гражданъ. Какъ любо-, такъ и прелюбодѣяніе, идучи въ разрѣзъ съ ученіемъ церкви, будучи противно и нравственности и благопристойности, вводя въ соблазнъ и развращая юношество, лишая человѣка добраго имени, вводя разладъ въ семейство, нарушаютъ постановленія законовъ, ограждающихъ общественную нравственность и, уже по одному этому, не могутъ встрѣтить со стороны государства индиферентнаго отношенія.

Исключить ст. 994 изъ свода карательныхъ законовъ, значило бы поощрить развратъ. Женщина, предъявляющая по 994 ст. улож. о наказ. требованіе объ обезпеченіи себя и прижитаго въ незаконной связи ребенка, есть, по закону, преступница и потому не можетъ считаться на судѣ лицомъ потерпѣвшимъ отъ преступленія. Если такая мать въ процессѣ и играетъ роль гражданскаго истца, то не потому, что она лицо потерпѣвшее, а потому, что въ силу кровной связи съ рожденнымъ младенцемъ она естественный его опекунъ. Нѣтъ ребенка, нѣтъ права на искъ. Преступленіе никакихъ гражданскихъ правъ порождать не можетъ, потому что, по ст. 699 X т. ч. 1, гражданскія права пріобрѣтаются не иначе, какъ способами въ законахъ дозволенными. На этомъ основаніи любо- и прелюбодѣйствующая женщина не въ правѣ требовать что либо для себя отъ соучастника въ преступленіи. Хотя во 2 ч. ст. 994 улож. о наказ. отецъ и обязывается обезпечить содержаніе незаконнаго младенца и его матери, но такая обязанность вытекаетъ изъ особыхъ правоотношеній дѣтей и родителей. Вообще, жизнь есть высшее благо, и давая жизнь, отецъ не причиняетъ своему ребенку ни вреда, ни убытковъ, и потому обязанность содержать незаконнаго ребенка и его мать не соотвѣтствуетъ понятію объ обязанности, налагаемой ст. 684 X т. ч. 1, вознаградить за вредъ и убытки. Право женщины, вступившей въ незаконную связь, по ст. 994 улож. о нак., поставлено въ зависимость отъ того: родила она младенца, или нѣтъ. Умеръ ребенокъ, мать теряетъ право на содержаніе, и судъ вовсе не обязанъ опредѣлять отдѣльно размѣръ содержанія для матери. Рожденіе есть послѣдствіе общаго согласія отца и матери, и уже по одному этому нѣтъ основанія—обязанность отца давать содержаніе матери своего незаконнаго ребенка пріурочивать къ обязанности вознаградить за вредъ и убытки. Ниже будетъ сказано, почему отецъ обязанъ содержать своихъ незаконныхъ дѣтей, и 2 ч. ст. 994 уложенія о нак. предусматриваетъ случай, когда, вслѣдствіе отказа отца, происшедшій отъ незаконной связи младенецъ находится у матери. Родители, т. е. какъ отецъ, такъ и

мать, силою законовъ гражданскихъ, обязываются давать содержаніе своимъ дѣтямъ, безразлично—законнымъ и незаконнымъ, и если незаконнаго ребенка содержитъ одна мать, то она можетъ требовать въ свое распоряженіе тѣхъ средствъ, которыя отецъ, по своему состоянію, тратилъ бы на ребенка, если бы содержалъ его самъ; затѣмъ, лично для себя, мать можетъ требовать возмѣщенія той трудоспособности, которую она теряетъ, замѣняя собою незаконному ребенку и отца. Вотъ начало, порождающее права матери. Только жена можетъ требовать отъ мужа содержанія лично для себя. На этомъ основаніи обязанность отца давать содержаніе незаконному ребенку и его матери должна пресѣкаться не выходомъ ея въ замужество, не истеченіемъ земской давности, но достиженіемъ со стороны ребенка совершеннолѣтія, его смертью и, наконецъ, при существующихъ законахъ о наслѣдованіи, смертью отца. Пока ребенокъ живъ, пока онъ не достигъ совершеннолѣтія и не признанъ гражданскими правоспособнымъ, онъ нуждается въ содержаніи отъ матери; въ случаѣ выхода матери въ замужество, мужъ матери незаконнаго ребенка не обязанъ его содержать, и мать, по 2 ч. 994 улож. о наказ., не теряетъ права на содержаніе отъ бывшаго съ нею въ незаконной связи отца ребенка. Если же отвѣтственность, налагаемая по 2 ч. ст. 994 улож. о наказ., не есть наказаніе за преступленіе, если это даже не вознагражденіе за вредъ и убытки, причиненные преступнымъ дѣяніемъ, если это, какъ будетъ сказано ниже, есть обязанность, установленная законами гражданскими, то, сказать правду, этому закону не мѣсто въ уложеніи о наказаніяхъ. Въ сущности, право, установленное 2 ч. ст. 994 улож. о нак., не есть законъ новый, это просто перепечатка, въ болѣе ясной и точной редакціи, содержанія ст. 172 X т. ч. 1. Законы гражданскіе X т. ч. 1 на столько устарѣли и отстали отъ требованій жизни, что едва ли позволительно пенять, если благодаря кодификаціи, поправка закона гражданскаго попала въ сводъ законовъ уголовныхъ.

Въ худшемъ положеніи, конечно—съ точки зрѣнія законовъ уголовныхъ, находятся дѣти, происшедшія отъ прелюбодѣянія; уложеніе о наказаніяхъ игнорируетъ даже ихъ существованіе. Прелюбодѣяніе есть преступленіе, наказуемое по статьѣ 1585 улож. о нак., которая не предусматриваетъ никакихъ гражданскихъ послѣдствій на случай рожденія дѣтей. Оно понятно. Во первыхъ, не дѣло карательныхъ законовъ разрѣшать вопросы чисто гражданскаго свойства, и это положеніе, за рѣдкими исключеніями, послѣдовательно проведено въ уложеніи о наказаніяхъ; во вторыхъ, прелюбодѣяніе, при кодификаціи уложенія, отнесено къ преступленіямъ противъ правъ семейственныхъ и преслѣдуется не иначе, какъ по жалобѣ оскорбленнаго супруга. Но оскорбленный супругъ не имѣетъ отношенія къ дѣтямъ, рожденнымъ отъ прелюбодѣянія, не обязанъ ихъ содержать и не въ его видахъ искать что либо въ пользу чужихъ дѣтей,—поэтому-то ст. 1585 уложенія, установивъ норму наказанія, не касается вопроса о гражданскихъ обязанностяхъ виновныхъ въ отношеніи

къ незаконнымъ дѣтямъ. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы молчаніе уголовнаго закона позволительно было толковать въ смыслѣ лишенія незаконныхъ дѣтей права на содержаніе отъ родителей. Это значило бы, что уголовный законъ, обязывая неженатаго содержать дѣтей, прижитыхъ съ незамужнею, въ то же время освобождаетъ отъ этой обязанности прелюбодѣйствующихъ, совершившихъ однородное и при томъ еще строже наказуемое дѣяніе. Далѣе послѣдовательность требовала бы освободить неженатаго отъ обязанности содержать дѣтей, происшедшихъ отъ связи его съ замужнею. Это будутъ тоже дѣти, рожденныя отъ прелюбодѣянія, наказуемаго по ст. 1585 улож. о наказ. Наконецъ, освобождая отца, нѣтъ основанія не освободить и мать, и тогда пришлось бы остановиться на томъ, что дѣти, происшедшія отъ прелюбодѣянія, находятся внѣ закона и что никто не обязанъ ихъ кормить.

Такое положеніе вещей, очевидно, невозможно.

Мы настаиваемъ на томъ, что дѣти, происшедшія отъ прелюбодѣянія, силою уложенія о наказаніяхъ не лишены права на содержаніе отъ родителей; что супруги, вступившіе въ прелюбодѣйную связь, не освобождены отъ обязанности содержать и воспитывать своихъ незаконныхъ дѣтей; что ст. 1585 улож. о наказ. не предусматриваетъ возможности рожденія дѣтей отъ прелюбодѣянія и потому не разрѣшаетъ вопроса о принадлежащихъ имъ гражданскихъ правахъ, и что искъ дѣтей, происшедшихъ отъ прелюбодѣянія, о возложеніи на родителей обязанности давать имъ содержаніе, не будетъ въ противорѣчіи съ общимъ смысломъ уголовныхъ законовъ.

Трудно объяснить, почему у насъ сложилось предубѣжденіе, будто бы законы гражданскіе, опредѣляя обязанности мужей къ женамъ и родителей къ дѣтямъ, касаются исключительно дѣтей, рожденныхъ въ законномъ бракѣ и ограничиваются только отрицаніемъ всѣхъ гражданскихъ правъ дѣтей незаконныхъ. Такъ ли это? Прежде всего нужно замѣтить, что по приложенію къ статьѣ 211 X тома части 1, незаконныя дѣти состоятъ въ первой степени плотскаго родства съ своими родителями. По силѣ ст. 205, 210 уст. дух. консист. и 37 X т. ч. 1 дѣтямъ незаконнымъ, наравнѣ съ законными, воспрещается вступать въ бракъ съ своими родителями; ни одинъ священникъ не повѣнчаетъ отца съ его незаконною дочерью, ни одинъ прокуроръ не задумается преслѣдовать ихъ за кровосмѣшеніе. Слѣдовательно, законъ одинаково признаетъ личную, кровную связь родителей съ дѣтьми законными и незаконными. Гражданскія какъ имущественныя, такъ и личныя взаимныя правоотношенія родителей и дѣтей изложены въ X т. ч. 1, въ раздѣлѣ второмъ: «о союзѣ родителей и дѣтей и о союзѣ родственномъ».—Раздѣлъ этотъ, въ свою очередь, подраздѣляется на три главы, изъ коихъ глава первая дѣлитъ дѣтей на законныхъ, незаконныхъ и усыновленныхъ; глава вторая говоритъ вообще о власти родительской въ личныхъ отношеніяхъ, о власти родительской по имуществу и о взаимныхъ

обязанностяхъ родителей и дѣтей и, наконецъ, глава третья — о союзѣ родственномъ. Такимъ образомъ законы гражданскіе въ главѣ первой раздѣла втораго X т. ч. 1, подраздѣливъ дѣтей, сообразно съ ихъ происхожденіемъ, и указавъ отличительные признаки дѣтей законныхъ, незаконныхъ и усыновленныхъ, въ слѣдующей затѣмъ, второй главѣ, не дѣлаютъ никакого различія между дѣтьми и, обобщая права и обязанности дѣтей и родителей, силою ст. 172, одинаково возлагаютъ на родителей личную обязанность давать всѣмъ, безъ изъятія, несовершеннолѣтнимъ дѣтямъ пропитаніе, одежду, воспитаніе, доброе и честное, по своему состоянію. И такъ какъ законъ, подраздѣливъ въ одной главѣ дѣтей на виды, въ слѣдующей главѣ обобщаетъ ихъ, не дѣлаетъ исключеній и не даетъ предпочтенія ни одному изъ этихъ видовъ, то, значитъ, все сказанное во второй главѣ, одинаково относится до всѣхъ видовъ дѣтей, о которыхъ говорится въ главѣ первой. Толкованіе, будто бы ст. 172 имѣетъ въ виду только дѣтей законныхъ, будетъ одинаково произвольнымъ, какъ и толкованіе обратное. Относясь вообще строго къ дѣтямъ незаконнымъ, законы гражданскіе съ точностью перечисляютъ ограниченія въ ихъ правахъ, и силою ст. 136, 138, 1,113 и 1,127 X т. ч. 1, лишивъ незаконныхъ дѣтей права на фамильное имя отца и законное послѣ обоихъ родителей наслѣдство, обязываютъ ихъ приписываться къ податнымъ сословіямъ. Это правило общее для всѣхъ, кого законъ признаетъ незаконными дѣтьми. Если бы дѣйствительно законы гражданскіе имѣли въ виду лишать дѣтей, происшедшихъ отъ прелюбодѣянія, еще права на содержаніе отъ отца, или отъ матери, то объ этомъ было бы постановлено въ числѣ ограниченій. Такого ограниченія въ законѣ нѣтъ; слѣдовательно, нѣтъ основанія видѣть то, чего нѣтъ. Наоборотъ, коль скоро законы гражданскіе относятъ постановленія о дѣтяхъ, происшедшихъ отъ прелюбодѣянія, къ числу законовъ о союзѣ родителей и дѣтей; коль скоро, по ст. 136, отецъ незаконнорожденнаго называется его отцемъ; коль скоро признаются плотское родство и личная связь между незаконными дѣтьми и ихъ родителями, не исключая тѣхъ, которые состоятъ въ бракѣ, то уже послѣдовательность требуетъ, чтобы личная связь, т. е. плотское родство, влекло за собою личныя обязанности. Этою-то послѣдовательностью объясняется, почему въ ст. 172 X т. ч. 1, говоря о личныхъ обязанностяхъ родителей, законъ не дѣлаетъ исключеній и обобщаетъ дѣтей. На этомъ основаніи нельзя не признать, что силою ст. 172 X т. ч. 1 отецъ, хотя бы онъ и состоялъ въ бракѣ, обязывается своимъ дѣтямъ, происшедшимъ отъ прелюбодѣянія, давать пропитаніе, одежду и воспитаніе, доброе и честное, по своему состоянію. Обязанность эта въ силу спеціальнаго закона (ст. 172) продолжается до совершеннолѣтія дѣтей, и потому не можетъ быть рѣчи о прекращеніи ея за истеченіемъ земской давности. Что касается вопроса о размѣрѣ содержанія, при спорѣ дѣтей противъ отца, состоящаго въ бракѣ, то при разрѣшеніи его слѣдовало бы принять во вниманіе, что

если ст. 172 X т. ч. 1 не дѣлаетъ различія между обязанностями родителей въ отношеніи дѣтей законныхъ и незаконныхъ, то и содержаніе послѣднимъ должно быть опредѣлено по состоянію отца, сообразно съ числомъ, возрастомъ дѣтей законныхъ и общественнымъ положеніемъ матери незаконнаго ребенка. И какія, въ самомъ дѣлѣ, можно бы пріискать нравственныя или законныя основанія къ отказу дѣтямъ, рожденнымъ въ прелюбодѣяніи, въ правѣ на пропитаніе, одежду и воспитаніе отъ своего отца, хотя бы имѣющаго законную семью? Незаконныя дѣти, по естественному порядку своего происхожденія, не нарушаютъ закона о святости брака, не вторгаются въ чужую семью и, если имѣютъ къ этой семьѣ отношеніе, то лишь по волѣ и винѣ главы этой семьи. Поэтому то законъ, какъ выраженіе человѣческой справедливости, въ ст. 172 X. т. ч. 1, не дѣлаетъ различія между дѣтьми законными и незаконными. Стало быть, не законъ, но предразсудокъ лишаетъ дѣтей, происшедшихъ отъ прелюбодѣянія, права на содержаніе отъ отца.

Въ заключеніе остается сказать нѣсколько словъ о процессуальной сторонѣ дѣла.

Искъ къ отцу дѣтей, происшедшихъ отъ прелюбодѣянія, о правѣ на содержаніе, имѣетъ, конечно, тѣсную связь съ обвиненіемъ его въ прелюбодѣяніи и можетъ быть присоединенъ къ уголовному производству, если въ судѣ уголовномъ возбуждено преслѣдованіе. Но преслѣдованіе за прелюбодѣяніе, безъ жалобы оскорбленной супруги, не можетъ быть возбуждено. Уголовное преслѣдованіе не возбуждается и въ другихъ еще случаяхъ, предусмотрѣнныхъ въ ст. 16 уст. угол. суд., и тогда, по ст. 18, всякій гражданскій искъ, хотя бы неразрывно связанный съ совершеніемъ преступленія, вчинается не иначе, какъ въ порядкѣ гражданскаго суда, который обязанъ установить фактическую сторону дѣла на основаніи правилъ устава гражд. суд. о повѣркѣ доказательствъ. Поэтому, если возбужденіе преслѣдованія противъ отца, виновнаго въ прелюбодѣяніи, зависитъ не отъ его незаконныхъ дѣтей, а отъ воли третьяго лица,—если третье лицо такого преслѣдованія не возбуждаетъ, то, по точному смыслу ст. 18 уст. угол. суд., незаконныя дѣти, съ просьбою о возстановленіи нарушенныхъ гражданскихъ правъ, могутъ обратиться непосредственно въ судъ гражданскій.

Н. Зачинскій.

МОСКОВСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЪ 1887—89 Г.

(Изъ протоколовъ засѣданій Общества).

ГОДЫ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ И ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ

Засѣданіе 23 февраля 1887 г. (годичное).

Засѣданіе открыто въ 9 часовъ вечера подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя и почетнаго члена Общества **С. А. Муромцева**, при товарищѣ секретаря **Н. А. Морозовѣ**. Присутствовали: почетные члены **А. М. Фальковскій** и **А. И. Чупровъ**; дѣйствительные: **А. Ф. Акуловъ, А. И. Аммонъ, Н. И. Андросовъ, Н. М. Астыревъ, К. В. Бабановскій, И. П. Боголѣповъ, П. С. Братановскій, М. И. Брунъ, И. А. Вернеръ, С. И. Викторскій, В. Г. Вилленцъ, Ю. С. Гамбаровъ, М. Я. Герценштейнъ, В. А. Гольцевъ, В. Н. Григорьевъ, В. Ф. Дерюжинскій, Г. А. Джаншіевъ, Н. К. Доробецъ, Д. А. Дриль, Н. А. Каблуковъ, М. М. Ковалевскій, Л. В. Малининъ, кн. Ф. В. Мещерскій, Н. І. Нерсесовъ, А. С. Никитенко, Н. П. Побѣдимовъ, В. М. Пржевальскій, Н. И. Ржондковскій, И. Н. Сахаровъ, Ф. Д. Селивачевъ, В. В. Сиротининъ, А. Н. Филипповъ, Н. Я. Фрейндъ, А. М. Хоткевичъ и М. Я. Шиллингъ.**

I.

Секретарь Общества прочелъ отчетъ слѣдующаго содержанія:

Мм. Гг.!

Приступая къ обзору дѣятельности Московскаго Юридическаго Общества за истекшій двадцать четвертый годъ его существованія, я прежде всего остановлю Ваше вниманіе на той оцѣнкѣ, которую работы Общества по обсужденію проекта новаго уголовнаго уложенія еще разъ встрѣтили со стороны составителей проекта. Почетный членъ нашего Общества Н. С. Таганцевъ, присутствовавшій въ засѣданіи Общества 21 апрѣля прошлаго года, выразилъ отъ имени коммиссіи искреннюю

признательность Московскому Юридическому Обществу за тщательный разборъ труда коммиссіи и за цѣнныя замѣчанія на отдѣльныя его статьи, которыми составители проекта много разъ имѣли случай пользоваться и согласно которымъ коммиссіей внесены многія измѣненія въ первоначальную редакцію. Съ искреннимъ удовольствіемъ отмѣчаемъ въ лѣтописи нашего общества этотъ знакъ просвѣщеннаго вниманія кодификаціонной коммиссіи къ голосу русскихъ юристовъ, составляющаго отрадное исключеніе изъ общаго порядка законодательныхъ работъ, и смѣемъ надѣяться, что Московское Юридическое Общество, имѣющее среди своихъ членовъ столько выдающихся представителей теоретическаго и практическаго правовѣдѣнія, своими трудами по обсужденію вновь поступившихъ на его разсмотрѣніе частей проекта окажетъ посильную помощь коммиссіи и немаловажную услугу русскому обществу.

Въ теченіе истекшаго года на Ваше разсмотрѣніе поступилъ раздѣлъ о посягательствахъ имущественныхъ. Глава 33: Похищеніе чужаго имущества, и банкротство по новой части проекта, встрѣтили разборъ въ рефератахъ гг. дѣйствительныхъ членовъ Общества: Д. Г. Тальберга, С. И. Викторскаго и Н. А. Морозова, а также въ замѣчаніяхъ по поводу выслушанныхъ рефератовъ, представленныхъ въ 4-хъ засѣданіяхъ, посвященныхъ обсужденію новой части проекта уголовнаго уложенія. Можно съ увѣренностью предполагать, что другіе отдѣлы поступившаго на Ваше разсмотрѣніе проекта, какъ представляющіе высокую теоретическую и практическую важность, въ ближайшемъ будущемъ встрѣтятъ столь же внимательную критику, какъ и только что названные.

Помимо обсужденія законодательнаго проекта, Общество въ своей научной дѣятельности продолжало развиваться въ томъ же направленіи, какъ и въ предыдущіе годы, удѣляя свое вниманіе насущнымъ вопросамъ практической жизни и выдающимся научнымъ явленіямъ. Среди нѣкоторыхъ неблагопріятныхъ условій Общество за истекшій годъ неоднократно возбуждало интересъ интеллигентной публики къ темамъ, затронутымъ въ его засѣданіяхъ; и вопросы права, этики, общественнаго воспитанія и народной экономіи изъ тѣсной аудиторіи Московскаго Юридическаго Общества переходили въ широкую сферу печати и становились предметомъ разсужденія и мышленія обширнаго круга лицъ.

Въ засѣданіяхъ Общества за истекшій годъ были доложены слѣдующіе рефераты:

1) Дѣйств. чл. *М. Я. Герценштейномъ*: Организація земельнаго кредита. Положеніе о государственномъ дворянскомъ банкѣ.

2) Дѣйств. чл. *Н. И. Ржондковскимъ*: Фактическая несостоятельность. Толкованіе статьи 656 уст. о векс. по прод. 7 марта 1879 г.

3) Дѣйств. чл. *А. А. Исаевымъ*: Процессъ переложенія податей.

4) Дѣйств. чл. *В. Ф. Левитскимъ*: О чиншевомъ владѣніи.

5) Дѣйств. чл. *М. И. Брунемъ*: Обзоръ кассаціонныхъ рѣшеній

гражданскаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената за 1885 годъ.

6) Дѣйств. чл. *Н. А. Вокачемъ*: О земскомъ избирательномъ правѣ крупныхъ землевладѣлицъ, по цензу которыхъ служитъ мировымъ судьей мужъ или сынъ.

7) Дѣйств. чл. *Д. П. Лебедевымъ*: Юридическіе знаки собственности въ Россіи.

8) Почетн. чл. *С. А. Муромцевымъ*: О нѣкоторыхъ спорныхъ вопросахъ изъ практики гражданскаго суда.

9) Дѣйств. чл. *В. М. Михайловскимъ*: О политическихъ ученіяхъ во Франціи въ XV столѣтіи.

10) Дѣйств. чл. *Д. Г. Тальбергомъ*: О похищеніи по проекту уголовнаго уложенія.

11) Дѣйств. чл. *С. И. Викторскимъ*: О похищеніи по проекту уголовнаго уложенія.

12) Дѣйств. чл. *Н. А. Морозовымъ*: О банкротствѣ по проекту уголовнаго уложенія.

13) Дѣйств. чл. *Г. А. Джаншіевымъ*: Вопросы адвокатской дисциплины.

14) Дѣйств. чл. *И. В. Маляревскимъ*: Исправительное воспитаніе порочныхъ и отсталыхъ дѣтей.

15) Дѣйств. чл. *В. Г. Окороковымъ*: Движеніе въ западной Европѣ и Америкѣ противъ общественнаго разврата и его легализированныхъ учрежденій, и вліяніе этого движенія на законодательства.

Направленію и характеру дѣятельности Юридическаго Общества и его Статистическаго Отдѣленія соотвѣтствовало содержаніе *Юридическаго Вѣстника*. Журналъ Общества продолжалъ пользоваться сочувствіемъ сравнительно обширнаго, для научнаго русскаго органа, круга читателей и содѣйствіемъ талантливыхъ и ученыхъ сотрудниковъ.

Библіотека Общества продолжала обогащаться приношеніями отъ правительственныхъ учрежденій и частныхъ лицъ, которымъ мы обязаны за это искренней признательностью.

Въ истекшемъ отчетномъ году Общество понесло чувствительную потерю въ лицѣ своего почетнаго члена, профессора пражскаго университета д-ра *Карла Эсмарха*. Покойный профессоръ состоялъ почетнымъ членомъ Юридическаго Общества лишь съ марта прошлаго года, но связь его съ русской юридической мыслью была гораздо продолжительнѣе и представляла собою очень рѣдкое явленіе въ западно-европейской юридической литературѣ. Истекшій годъ унесъ съ собою не мало замѣчательныхъ представителей науки права,—укажу только на такія крупныя утраты, какъ Georg Waitz въ Германіи, Ch. Laurent въ Бельгіи и Jean Demolombe во Франціи,—но и потеря болѣе скромнаго труженика науки, какимъ былъ Эсмархъ, отмѣчена съ прискорбіемъ органами германской и австрійской юридической литературы. Намъ пріятно прибавить,

что всѣ отзывы, какіе намъ приходилось читать о нашемъ покойномъ сочленѣ, не только превозносятъ его трудолюбіе и научную добросовѣстность, но и рисуютъ намъ его какъ чрезвычайно симпатичнаго и благороднаго человѣка. Такъ отзываются о Карлѣ Эсмархѣ и тѣ молодые русскіе ученые, которые въ немъ всегда находили нравственную поддержку и доброе гуманное отношеніе. По полученіи извѣстія о смерти проф. Эсмарха, г. предсѣдателемъ Общества была послана телеграмма семейству покойнаго съ выраженіемъ соболѣзнованія.

Въ лицѣ Владиміра Николаевича *Щепкина* Московское Юридическое Общество утратило симпатичнаго члена и добросовѣстнаго литературнаго работника, снабжавшаго въ послѣдніе годы органъ Общества, Юридическій Вѣстникъ, интересными статьями и замѣтками по политико-экономическимъ и статистическимъ вопросамъ.

На годовомъ собраніи 3 марта 1886 г. избраны слѣдующія должностныя лица: предсѣдателемъ *С. А. Муромцевъ*, товарищами предсѣдателя *В. А. Гольцевъ* и *В. М. Пржевальскій*, секретаремъ *Г. Б. Іоллосъ*, товарищами секретаря *Н. А. Морозовъ* и *С. И. Викторскій*, казначеемъ *М. Я. Шиллингъ*, библіотекаремъ *А. Ф. Акуловъ*.

Списокъ почетныхъ членовъ Общества украсился именами проф. А. И. Чупрова, сенатора С. И. Зарудnаго и проф. Карла Эсмарха.

Въ число дѣйствительныхъ членовъ избраны въ 1886—1887 отчетномъ году:

Бабановскій Константинъ Викторовичъ.
Русскихъ Николай Александровичъ.
Ходскій Леонидъ Владиміровичъ.
Добротворскій Николай Александровичъ.
Гронскій Павелъ Ефимовичъ.
Иллюстровъ Іоакимъ Ивановичъ.
Сахаровъ Иванъ Николаевичъ.
Посниковъ Александръ Сергѣевичъ.
Тальбергъ Дмитрій Германовичъ.
Доробецъ Николай Константиновичъ.
Зильберштейнъ Аркадій Львовичъ.
Дерюжинскій Александръ Ѳедоровичъ.
Маляревскій Иванъ Васильевичъ.
Розовъ Александръ Ивановичъ.
Окороковъ Владиміръ Гавріиловичъ.
Толмачевъ Василій Васильевичъ.
Лопатинъ Геннадій Яковлевичъ.
Вилленцъ Владиміръ Григорьевичъ.
Соболевскій Василій Михайловичъ.
Шмитъ Осипъ Эдуардовичъ.

Почетныхъ членовъ къ 23 февраля состоитъ 20, дѣйствительныхъ 287.

Заканчивая отчетъ о дѣятельности Общества за прошедшій годъ, я

позволю себѣ еще только напомнить Вамъ, милостивые государи, что 20 января будущаго 1888 года исполнится 25 лѣтъ со дня основанія Московскаго Юридическаго Общества,—четверть вѣка, совпадающая и съ эпохой многихъ великихъ и коренныхъ преобразованій въ народной жизни Россіи, и съ періодомъ броженія, поворота къ старому, глубокаго разочарованія, охватившаго широкіе слои русскаго общества. Въ зависимости отъ внутренняго состоянія русскаго общества находилась и дѣятельность старѣйшаго Юридическаго Общества Россіи, бо́льшая или меньшая энергія въ его работахъ; никогда слова неправды и защита антисоціальныхъ интересовъ не находили сочувствія въ Вашей средѣ, никогда гуманность, справедливость и культура не переставали быть идеалами Общества, поддерживавшими надежду, когда вокругъ насъ, казалось, мракъ бралъ перевѣсъ надъ свѣтомъ и своекорыстные интересы всплывали наружу подъ покровомъ общественныхъ нуждъ. Пусть же не покинетъ насъ энергія, желаніе работать на пользу родины, именно теперь, когда расширяется сфера законодательства, когда общество наиболѣе нуждается въ разумной оцѣнкѣ и критикѣ всякаго новаго мѣропріятія въ области суда, матеріальнаго права и народнаго хозяйства. Доброе и разумное, которое Вамъ удастся сдѣлать, не пропадетъ.

II.

Доложенъ отчетъ Статистическаго Отдѣленія Общества (см. Протоколы Статистическаго Отдѣленія).

III.

Доложенъ отчетъ казначея Общества о приходѣ и расходѣ денегъ за 1886 годъ слѣдующаго содержанія:

ПРИХОДЪ.	Предполагалось по бюджету.	Въ дѣйствительности.
1) Остатокъ отъ прошлаго года	25 р. 73 к.	25 р. 73 к.
2) Членскіе взносы	2,300 » — »	2,140 » — »
3) % по купонамъ 11-ти билетовъ	110 » — »	110 » — »
4) За выданные дипломы	— » — »	3 » — »
Итого . . .	2,435 р. 73 к.	2,278 р. 73 к.
За вычетомъ расхода		2,261 » 95 »
Имѣется въ остаткѣ къ 1 января 1887 г.		16 р. 78 к.

РАСХОДЪ.	Предполагалось по бюджету.	Въ дѣйствительности.
Первая категорія.		
1) Жалованье дѣлопроизводителю	120 р. — к.	120 р. — к.
2) » унт. оф. Павлову	132 » — »	132 » — »
3) Плата времен.-наемн. служителямъ . . .	8 » — »	25 » 50 »

4) Праздничныя	52 »	— »	50 р — к.
5) Страхованіе билетовъ	10 »	— »	11 » 20 »
6) Храненіе билетовъ	3 »	— »	6 » 60 »
7) Хозяйст. расх. Общ., Отд. и коммиссій .	30 »	— »	16 » — »
8) Почтовые и канцелярскіе	20 »	— »	1 » 87 »
9) Объявленія въ газетахъ	20 »	»	16 » — »
10) Государственный налогъ по купонамъ . .	— »	— »	4 » 25 »
Вторая категорія.			
1) Библіотека Общества.	200 »	— »	85 » 40 »
2) «Редакція Юридическаго Вѣстника»:			
На покрытіе дефицита 1884 г.	93 »	13 »	93 » 13 »
Дополнительное пособіе на 1885 г. . . .	200 »	— »	200 » — »
Пособіе на 1886 годъ	1,500 »	— »	1,500 » — »
Итого . .	2,388 р.	13 к.	2,261 р. 95 к.

Въ кассѣ общества:

Билетами 5% внутр. втораго съ выигр. займа, числомъ одиннадцать, №№ серіи съ 19814 по 19823 билета 37 и № 08153/42 на сумму по номинальной цѣнѣ . . . . . 1,100 руб.
(на храненіи въ Моск. Куп. Банкѣ, квитанція 1 декабря 1882 г. № 23856).

Билетъ Московскаго Учетнаго Банка отъ 29 октября 1886 года № 30666 на деньги, собранныя на премію имени В. Н. Лешкова . . . . . 454 »

Общество, утвердивъ этотъ отчетъ, выразило казначею Общества М. Я. Шиллингу благодарность за многолѣтнее и добросовѣстное исполненіе своихъ обязанностей.

IV.

Доложенъ и утвержденъ отчетъ библіотекаря Общества слѣдующаго содержанія:

Въ истекшемъ году поступило въ библіотеку Общества и занесено въ инвентарный каталогъ всего 67 названій сочиненій, въ 101 томѣ, при 9 дублетахъ; изъ этого числа почти половина, а именно 33 названія, въ 48 томахъ, при 4 дублетахъ, приходится на Статистическое Отдѣленіе. Это обстоятельство, если взять во вниманіе сравнительно недавнее открытіе Статистическаго Отдѣленія, доказываетъ несомнѣнный прогрессъ въ пополненіи библіотеки послѣдняго. Изъ числа всѣхъ поступившихъ въ библіотеку Общества изданій, какъ продолжающихся, такъ и законченныхъ, какъ правительственныхъ, такъ земскихъ и иныхъ учрежденій, обращаетъ на себя вниманіе, между прочимъ, слѣдующія: Полное Собраніе Свода Законовъ, Сводъ статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уго-

ловнымъ, далѣе не поставленный нами въ счетъ — проектъ уголовнаго уложенія «съ объясненіями къ нему редакціонной коммиссіи» — въ нѣсколькихъ экземплярахъ; затѣмъ 11 названій изданія московскаго архива министерства юстиціи, труды коммиссіи для осмотра фабрикъ и заводовъ, сборники статистическихъ свѣдѣній по губерніямъ: Тамбовской, Курской, Саратовской, Воронежской, Рязанской, Таврической и Бессарабской; «Матеріалы» по статистикѣ народнаго хозяйства въ губерніяхъ: С.-Петербургской (4 выпуска), Вятской, и другія изданія земствъ, представляющія собою цѣнный матеріалъ для изученія современнаго русскаго народнаго хозяйства и статистики.

При библіотекѣ имѣется *алфавитный писанный* каталогъ, дающій возможность безъ затрудненія отыскать намѣченную книгу. Для приведенія библіотеки въ надлежащій видъ, желательно, во первыхъ, *пополненіе* ея въ количественномъ и качественномъ отношеніи; во вторыхъ, дальнѣйшее и окончательное приведеніе ея въ порядокъ съ формальной стороны—и прежде всего — составленіе *систематическаго печатнаго* каталога. Не касаясь перваго требованія, выполненіе котораго въ болѣе или менѣе короткое время встрѣчаетъ препятствія съ финансовой стороны, составленіе печатнаго систематическаго каталога, къ которому можно было бы приступить уже теперь, требуетъ отсрочки по условіямъ, представляемымъ частію матеріальнымъ составомъ библіотеки, частію—весьма неудовлетворительнымъ для занятій помѣщеніемъ ея. Что касается состава библіотеки, то—главнымъ образомъ, отъ случайности поступленія книгъ, въ настоящемъ каталогѣ встрѣчаются такія разрозненныя изданія, которымъ недостаетъ или начала, или продолженія, или конца, такъ что они должны быть или пополнены, или же нѣкоторыя изъ нихъ, въ виду ихъ совершенной безполезности для пользованія, должны быть *исключены* изъ библіотеки, въ которой они лишь занимаютъ собою нужное мѣсто; по этой же послѣдней причинѣ должны быть исключены и нѣкоторыя отдѣльныя книги, не представляющія и сами по себѣ ни научнаго, ни литературнаго интереса. Такимъ образомъ, составленію систематическаго печатнаго каталога, чтобы въ него не вносить разрозненнаго и безполезнаго матеріала, должно предшествовать окончательное упорядоченіе и нѣкоторое пополненіе внутри наличнаго состава библіотеки—что, по нашему мнѣнію, потребовало бы незначительныхъ затратъ, и затѣмъ—нѣкоторая очистка состава исключеніемъ изъ него ненужнаго балласта. Само собою разумѣется, что для всего этого требуется подготовительная работа въ самомъ помѣщеніи библіогеки,—работа, состоящая въ провѣрочной ревизіи всего наличнаго состава библіотеки, въ отборѣ ненужнаго матеріала, вопросъ объ исключеніи котораго долженъ, конечно, быть рѣшенъ или черезъ бюро Общества, или избранной для этого коммиссіей. Но, задавшись такой подготовительной работой еще въ самомъ началѣ истекшаго года, мы, на первыхъ же порахъ, встрѣтились съ тѣмъ препятствіемъ, о которомъ упомянули выше и которое

зависитъ отъ занимаемаго библіотекой помѣщенія, для *дневныхъ* занятій, въ будничные дни, недоступнаго по причинѣ сосѣдства его съ залой правленія и совѣта, въ воскресные дни—весьма неудобнаго по причинѣ производящихся въ томъ же помѣщеніи справокъ и разбора дѣлъ архива и казначейства правленія; даже въ каникулярное время—какъ это случилось съ нами прошлымъ лѣтомъ—мы встрѣтили препятствія, частію отъ происходившей здѣсь ремонтировки, частію же опять по причинѣ разбора архивныхъ дѣлъ. *Вечерняя* же работа въ библіотекѣ въ сказанномъ ревизіонномъ направленіи, при отсутствіи требуемаго для этого большаго освѣщенія, положительно немыслима, и ее по необходимости приходится вести урывками и съ выжиданіемъ удобныхъ случаевъ, отъ чего и вопросъ о каталогѣ остается пока вопросомъ желаемаго будущаго.

Затѣмъ, отмѣчая съ своей стороны изъ году въ годъ продолжающійся фактъ малаго числа требованій изъ библіотеки,—фактъ, обусловливающійся, по нашему мнѣнію, главнымъ образомъ, недостаточностію ея состава, я позволю себѣ, въ заключеніе, обратить вниманіе Общества и на ту крайнюю неаккуратность возвращенія получаемыхъ изъ библіотеки книгъ, которая составляетъ, какъ и первый фактъ, такое же хроническое явленіе. Изъ просмотрѣнныхъ и сдѣланныхъ нами выписокъ изъ каталоговъ выдачи за прошлое время оказывается, что нѣкоторыя отдѣльныя книги, а также тома изданій до сихъ поръ не возвращены въ библіотеку, начиная съ 1865 года, такъ что они уже не могли войти въ настоящій алфавитный каталогъ, законченный въ третьемъ году, и ихъ нужно считать навсегда потерянными для библіотеки. Въ виду такого печальнаго явленія, своею долею уже вредно отозвавшагося на составѣ библіотеки, можетъ быть было бы не безполезнымъ установленіе какого либо обязательнаго срока для возвращенія книгъ, такъ какъ единоличныя мѣры библіотекаря, сводящіяся лишь къ «напоминанію при случаѣ»,—мѣры, не санкціонированныя авторитетомъ постановленія Общества, во всякомъ случаѣ, съ большею вѣроятностію будутъ оставаться безсильными, чѣмъ при наличности обязательнаго постановленія; такимъ срокомъ библіотекарь считаетъ возможнымъ принять 6 мѣсяцевъ.

Общество приняло предложеніе г. библіотекаря о 6-мѣсячномъ срокѣ для пользованія книгами изъ библіотеки Общества.

V.

Доложены и утверждены:

А. *Отчетъ о состояніи дѣлъ редакціи «Юридическаго Вѣстника»*.

В. *Отчетъ ревизіонной коммиссіи* по состоянію дѣлъ редакціи Юридическаго Вѣстника, состоящей изъ почетнаго члена А. М. Фальковскаго, И. М. Волкова и Д. А. Дриля, слѣдующаго содержанія:

1887 года, февраля 12 дня, на основаніи постановленія Юридическаго Общества, члены ревизіонной коммиссіи, по разсмотрѣніи дѣлъ редакціи

Юридическаго Вѣстника, нашли отчетность вполнѣ правильною, и полагаютъ, что независимо отъ пособія, назначеннаго редакціи по прошлогоднему бюджету, можетъ быть внесена сумма въ 60 р. въ видѣ платы за 10 экземпляровъ сверхъ нормальныхъ 200, разосланныхъ гг. членамъ Юридическаго Общества.

При докладѣ этихъ отчетовъ мѣсто предсѣдателя занялъ товарищъ предсѣдателя В. А. Гольцевъ.

По предложенію предсѣдательствовавшаго *В. А. Гольцева*, Общество выразило благодарность завѣдывавшимъ редакціею Юридическаго Вѣстника за тѣ улучшенія, которыя замѣчаются въ веденіи журнала. *С. А. Муромцевъ* указалъ, что то положеніе, которое въ настоящее время занимаетъ журналъ Общества, зависитъ въ значительной мѣрѣ отъ того дѣятельнаго участія, которое принимаютъ въ веденіи журнала нѣкоторые члены Общества, ближайшіе сотрудники журнала. Кромѣ двухъ лицъ, до настоящаго времени вносившихъ денежныя пособія на веденіе журнала, съ 1887 года еще нѣсколько сотрудниковъ журнала выразило желаніе участвовать въ дѣлѣ изданія журнала не только своими научными трудами, но и матеріальной поддержкой изданія въ видѣ опредѣленнаго ежегоднаго денежнаго взноса или пая, именно: М. М. Ковалевскій, Н. И. Андросовъ, Н. А. Каблуковъ, Д. А. Дриль, Г. Б. Іоллосъ и М. Я. Герценштейнъ. Взносы эти съ прежними двумя составятъ сумму 1,600 руб. ежегодно. Считая необходимымъ довести объ этомъ до свѣдѣнія Общества, редакція Юридическаго Вѣстника предлагаетъ выразить означеннымъ лицамъ благодарность.

Предложеніе это было принято Обществомъ единогласно.

VI.

Предсѣдатель Общества доложилъ о личномъ составѣ Общества, объяснивъ, что въ напечатанный къ настоящему засѣданію списокъ членовъ не вошли, согласно уставу Общества, всѣ члены, которые не вносили членскихъ взносовъ въ теченіе 2 лѣтъ, но что по примѣру прежнихъ лѣтъ лица эти могутъ быть вновь внесены въ списокъ, если внесутъ всю недоимку, числящуюся за ними.

VII.

Предсѣдатель доложилъ отчетъ о капиталѣ съѣзда русскихъ юристовъ слѣдующаго содержанія:

1881 февраля 24 получено изъ банка по вкладному билету капитала съ процентами	1,383 р. 62 к.
Израсходовано на уплату за редакціонные труды по изданію «Трудовъ» перваго съѣзда	300 » — »
Осталось	1,083 р. 62 к.

1882 августа 27 наросло процентовъ	49 р. — к.
Итого	1,132 р. 62 к.
Изъ этой суммы израсходовано въ 1882 году:	
На печатаніе книги «Первый съѣздъ русскихъ юристовъ». .	596 р. 15 к.
На печатаніе двухъ портретовъ	240 » — »
На вознагражденіе корректоровъ.	60 » — »
На отправку книгъ въ Петербургъ.	3 » 69 »
Итого израсх. въ 1882 г.	899 р. 84 к.
1883 января 1 оставалось прежняго капитала.	232 » 78 »
Поступило выручки отъ продажи книги въ 1882 г. . . .	52 » 95 »
Итого	285 р. 73 к
1884 января 1 наросло % въ 1883 г.	15 » 47 »
Поступило выручки отъ продажи книги въ 1883 г. . . .	20 » 01 »
Итого	321 р. 21 к.
1885 января 1 наросло % въ 1884 г.	17 » 38 »
Поступило выручки отъ продажи книги въ 1884 г. . . .	9 » 80 »
Итого	348 р 39 к.
1886 февраля 23 наросло %.	20 » 96 »
Поступило выручки отъ продажи книги въ 1885 г. . . .	12 » 60 »
Итого. . . .	381 р. 95 к.

По предложенію предсѣдателя Общество постановило: для увеличенія процентовъ на капиталъ съѣзда, обратить его въ государственныя процентныя бумаги.

VIII.

Предсѣдатель доложилъ, что Общество послѣ смерти своего почетнаго члена и предсѣдателя В. Н. Лешкова постановило образовать по подпискѣ капиталъ, проценты съ котораго должны быть употребляемы на выдачу студентамъ преміи имени В. Н. Лешкова за сочиненія по полицейскому праву. Такъ какъ въ настоящее время капиталъ этотъ достигъ суммы 454 р., и такъ какъ преміи за студенческія сочиненія не должны быть очень велики, слѣдовательно къ будущему году проценты на этотъ капиталъ уже будутъ достаточны для учрежденія преміи, то предсѣдатель предложилъ поручить бюро Общества, по соглашенію съ юридическимъ факультетомъ Московскаго Университета, выработать къ будущему годичному собранію Общества правила о выдачѣ премій.

В. М. Пржевальскій предложилъ для большаго увеличенія процентовъ на этотъ капиталъ обратить его въ государственныя процентныя бумаги.

Предложенія эти были приняты единогласно.

IX.

Доложенъ предполагаемый бюджетъ Общества на 1887 годъ слѣдующаго содержанія:

ПРИХОДЪ.

1) Остатокъ отъ прошлаго года	16 р. 78 к.
2) Членскіе взносы	2,300 » — »
3) % по купонамъ 11-ти билетовъ	55 » — »
4) За дипломы	— » — »
Итого	2,371 р. 78 »

РАСХОДЪ.

Первая категорія.

1) Жалованье дѣлопроизводителю	120 р. — »
2) » служителю	132 » — »
3) Плата временно-наемнымъ служителямъ	20 » — »
4) Праздничныя	50 » — »
5) Страхованіе билетовъ	11 » — »
6) Храненіе билетовъ	7 » — »
7) Хозяйств. расх. Общества, Отдѣл. и коммиссіи	30 » — »
8) Почтовые и канцелярскіе расходы	20 » — »
9) Объявленія въ газетахъ	20 » — »

Вторая категорія.

1) Библіотека Общества	200 » — »
2) «Редакція Юридическаго Вѣстника»:	
Дополнительное пособіе на 1886 годъ	60 » — »
Пособіе на 1887 годъ	1,500 » — »
Итого	2,170 р. — к.
Остатокъ	201 » 78 »

Предсѣдатель Статистическаго Отдѣленія А. И. Чупровъ заявилъ, что Статистическое Отдѣленіе признало необходимымъ напечатать свои труды по согласованію программъ земскихъ статистическихъ изслѣдованій, а потому онъ отъ имени Отдѣленія и проситъ Общество ассигновать на расходы по напечатанію этихъ трудовъ 60 руб.

Какъ бюджетъ на 1887, такъ и испрашиваемая Статистическимъ Отдѣленіемъ сумма приняты Обществомъ, со внесеніемъ 60 руб. Статистическому Отдѣленію 3-й статьей второй категоріи бюджета.

X.

Предсѣдатель доложилъ поступившія предложенія объ избраніи въ почетные члены трехъ лицъ.

А) Предложеніе гг. членовъ: С. А. Муромцева, А. И. Чупрова, Д. А. Дриля, А. М. Фальковскаго, В. М. Пржевальскаго, В. А. Гольцева, Н. О. Нерсесова, Г. А. Джаншіева, Н. А. Каблукова, Н. А. Морозова, С. И. Викторскаго, А. М. Хоткевича, Л. В. Малинина, А. И. Аммона, А. Н. Филиппова, И. Н. Сахарова, В. Ф. Дерюжинскаго и М. Я. Герценштейна объ избраніи въ почетные члены профессора Московскаго Университета *Максима Максимовича Ковалевскаго*. Предложеніе это слѣдующаго содержанія:

«Три года тому назадъ Московское Юридическое Общество, избирая въ свои почетные члены сэра Генри Сомнера Мэна, руководилось желаніемъ почтить въ немъ важнѣйшаго западнаго представителя историко-сравнительнаго направленія въ юриспруденціи. Настало время выразить вновь свое сочувствіе этому направленію юридическаго знанія въ лицѣ самаго выдающагося, наиболѣе талантливаго и наиболѣе извѣстнаго своими учеными трудами представителя его въ Россіи. Говоря такъ, нижеподписавшіеся указываютъ Обществу на профессора Московскаго Университета Максима Максимовича Ковалевскаго. Почетная извѣстность Максима Максимовича, какъ преподавателя государственнаго права и какъ автора замѣчательныхъ произведеній по исторіи этого права («Исторія Полицейской Администраціи въ Англіи», «Полиція рабочихъ въ Англіи», «Юрисдикція налоговъ во Франціи» и «Общественный строй Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ») и несомнѣнныя заслуги его въ области историко-сравнительнаго правовѣдѣнія, выразившіяся въ такихъ капитальныхъ трудахъ, каковы «Общинное Землевладѣніе», «Современный Законъ и Обычай» и «Первобытное право» — сочиненіе въ скоромъ времени долженствующее стать достояніемъ англійской литературы, служатъ вполнѣ достаточнымъ основаніемъ для настоящаго предложенія; Московское Юридическое Общество, среди котораго Максимъ Максимовичъ въ теченіе десяти лѣтъ является однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ по обилію сдѣланныхъ имъ сообщеній, имѣетъ право считать себя компетентнымъ цѣнителемъ его ученыхъ заслугъ. Нижеподписавшіеся полагаютъ, что Общество въ извѣстной мѣрѣ исполнитъ только свой долгъ, украсивъ списокъ своихъ почетныхъ членовъ именемъ Максима Максимовича Ковалевскаго».

Б) Предложеніе гг. членовъ: А. И. Чупрова, С. А. Муромцева, И. И. Янжула, Н. А. Каблукова, М. Я. Герценштейна, Г. Б. Іоллоса, В. А. Гольцева, Н. О. Нерсесова, Н. Г. Ржондковскаго, В. Ф. Дерюжинскаго, С. И. Викторскаго, Г. А. Джаншіева, М. И. Бруна, Л. В. Малинина, В. М. Пржевальскаго, Н. А. Морозова и М. М. Ковалевскаго, объ избраніи въ почетные члены извѣстнаго спеціалиста по государственнымъ нау-

камъ, бывшаго профессора Вѣнскаго Университета *Лоренца фонъ-Штейна*, слѣдующаго содержанія:

«Имѣемъ честь предложить въ почетные члены Общества извѣстнаго спеціалиста по государственнымъ наукамъ, бывшаго профессора Вѣнскаго Университета *Лоренца фонъ-Штейна*. Избраніемъ въ это почетное званіе Общество выразитъ заслуженное уваженіе знаменитому автору «Ученія объ управленіи», «Науки о финансахъ» и «Исторіи акціонернаго движенія во Франціи», замѣчательному профессору и извѣстному покровителю молодыхъ русскихъ и славянскихъ ученыхъ, отправляющихся заграницу для довершенія образованія».

Затѣмъ А. И. Чупровъ произнесъ рѣчь, въ которой указывалъ на наилучшія заслуги Лоренца фонъ-Штейна въ области финансоваго и полицейскаго права и политической экономіи, а также на то вниманіе и покровительство, которое Лоренцъ фонъ-Штейнъ оказываетъ русскимъ молодымъ ученымъ.

М. М. Ковалевскій, вполнѣ присоединяясь къ высказанному А. И. Чупровымъ, въ свою очередь указалъ на его научную дѣятельность какъ юриста, а именно на его лекціи по исторіи права, отличающіяся тѣми же достоинствами и смѣлостью обобщенія, какъ и другіе его труды.

В) Предложеніе гг. членовъ: Г. А. Джаншіева, П. А. Столповскаго, В. А. Гольцева, А. М. Хоткевича, Д. А. Дриля, М. Я. Герценштейна, кн. Ф. В. Мещерскаго, В. В. Сиротинина, И. П. Побѣдимова, Н. И. Ржондковскаго, Н. О. Нерсесова, А. Ф. Акулова, С. И. Викторскаго, В. Ф. Дерюжинскаго, Л. В. Малинина и М. И. Бруна объ избраніи въ почетные члены сенатора *Дмитрія Александровича Ровинскаго*.

«Двадцать пять лѣтъ тому назадъ, въ январѣ 1862 года, имѣло мѣсто событіе первостепенной исторической важности. Въ содержаніи и направленіи работъ по судебной реформѣ совершился коренной переломъ. Благовѣстъ свободы, раздавшійся 19 февраля 1861 года, прямо или косвенно отозвался на всѣхъ проявленіяхъ общественной жизни и на всѣхъ начинаніяхъ того времени. Сказался онъ также и на работахъ по судебной реформѣ. Эпохѣ частичныхъ улучшеній, робкихъ начинаній, безплоднаго пережевыванія плодовъ худосочной бюрократіи пришелъ конецъ. Сокрытые дотолѣ за семью печатями результаты и выводы европейской науки и цивилизаціи получили доступъ въ Россіи. Страшныя «и спеціально запрещенныя» дотолѣ слова: несмѣняемая магистратура, независимая адвокатура, судъ присяжныхъ, стали входить въ нашъ оффиціальный обиходъ, не вызывая болѣе прежняго паническаго страха. Проводниками новыхъ идей, акклиматизаторами новыхъ институтовъ, были прикомандированные къ государственной канцеляріи юристы, и въ томъ числѣ почетные члены нашего Общества, ветераны судебной реформы: С. И. Зарудный и Н. И. Стояновскій. Въ частности популяризаторомъ и горячимъ поборникомъ суда присяжныхъ, былъ вызванный изъ

Москвы, губернскій прокуроръ (нынѣ сенаторъ) Дмитрій Александровичъ Ровинскій. Онъ привезъ изъ Москвы записку, которая послужила точкою отправленія для дальнѣйшихъ работъ по организаціи суда присяжныхъ. Съ большимъ остроуміемъ и знаніемъ жизни опровергалъ онъ, въ своей обстоятельной запискѣ, которая и теперь читается съ интересомъ, всѣ возраженія, приводимыя противъ суда присяжныхъ. Указывалось между прочимъ на то, что народъ русскій недостаточно развитъ юридически, что онъ относится равнодушно къ преступленіямъ, особенно противъ чужой собственности. На это возраженіе Д. А. даетъ слѣдующій отвѣтъ: «и дѣйствительно, говоритъ онъ, кража всѣхъ родовъ и всѣхъ видовъ, начиная отъ ежедневной порубки въ казенныхъ лѣсахъ, и мелкой экономіи казенныхъ дровъ и провіанта, и кончая колоссальными подрядами на строительныя работы и всякія поставки, кража составляетъ въ общественной жизни нашей самое обыкновенное явленіе. Многіе виды ея освящены обычаемъ, другіе даже узаконились отъ давности. Но такой странный порядокъ вовсе не зависитъ отъ неразвитости народныхъ массъ, которыя ни въ одномъ государствѣ не могутъ еще похвалиться «ни юридическимъ образованіемъ, ни высшею способностью къ тонкому анализу и логическимъ выводамъ». Да если юридическое образованіе и высшая способность къ тонкому анализу и дѣйствительно составляютъ удѣлъ однихъ иностранцевъ, то почему эти господа, перебравшись на нашу почву, такъ скоро осваиваются съ нашими порядками, смѣтами, доходными статьями и экономіями, и такъ быстро теряютъ и юридическое образованіе, и высшую способность къ тонкому анализу? Причина этой грязи, продолжалъ Д. А., коренится гораздо глубже. Въ большинствѣ случаевъ человѣкъ остороженъ тогда, когда за поступками его слѣдитъ общество, у котораго есть возможность законнымъ путемъ порицать и наказывать его. Какой же осторожности можно ожидать отъ человѣка тамъ, гдѣ общественное мнѣніе еще не совсѣмъ сложилось, и гдѣ попытка надзора со стороны общества еще такъ недавно преслѣдовалась, наравнѣ съ скопомъ и заговоромъ? Правительство должно дать законный исходъ общественному мнѣнію, имъ самимъ затронутому и возбужденному. Оно должно заставить общество—разбирать и осуждать поступки собственныхъ членовъ; оно должно, посредствомъ такого суда, слить свои интересы съ нуждами общества. Говорятъ, что введеніе такого суда у насъ было бы нынѣ преждевременно, и что народу и обществу предстоитъ прежде всего юридическое развитіе и т. д. Мы же, напротивъ того, твердо убѣждены, заключаетъ г. Ровинскій, что такой судъ,—строгій, гласный и всѣми уважаемый, долженъ *предшествовать* всякому юридическому развитію и общества, и самихъ судей, что только въ немъ народъ *научится* правдѣ, и перестанетъ открыто признавать кражу за самое обыкновенное дѣло».—Здѣсь не мѣсто входить въ подробную оцѣнку дальнѣйшей дѣятельности Д. А. Ровинскаго по поставленію Уставовъ 20 ноября. Достаточно теперь отмѣтить, что онъ

можетъ быть по всей справедливости признанъ иниціаторомъ или *родоначальникомъ русскаго суда присяжныхъ*.

Въ виду изложеннаго, нижеподписавшіеся имѣютъ честь предложить къ избранію въ почетные члены Московскаго Юридическаго Общества *сенатора Дмитрія Александровича Ровинскаго*».

XI.

Происходила баллотировка шарами лицъ, предложенныхъ въ почетные члены Общества, и по окончаніи ея оказались избранными:

Максимъ Максимовичъ Ковалевскій.

Лоренцъ фонъ-Штейнъ.

Дмитрій Александровичъ Ровинскій.

XII.

Происходило избраніе должностныхъ лицъ Общества и были избраны: предсѣдателемъ Общества почетный членъ его *С. А. Муромцевъ;* товарищами предсѣдателя — дѣйствительные члены *В. А. Гольцевъ* и *В. М. Пржевальскій*; секретаремъ Общества—дѣйствительный членъ *Г. Б. Іоллосъ*; товарищами его—дѣйствит. члены *Н. А. Морозовъ* и *Л. В. Малининъ;* библіотекаремъ—дѣйств. членъ *А. Ф. Акуловъ;* казначеемъ—дѣйств. чл. М. Я. Шиллингъ.

Засѣданіе закрыто въ 11 часовъ вечера.

Засѣданіе 4 марта 1887 г.

Засѣданіе открыто въ $8^1/_2$ ч. подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя и почетнаго члена Общества С. А. Муромцева, при секретарѣ Г. Б. Іоллосѣ. Присутствовали: поч. членъ А. И. Чупровъ и дѣйствительные члены: А. Ф. Акуловъ, кн. Ѳ. В. Мещерскій, М. Я. Шиллингъ, А. М. Хоткевичъ, И. Н. Сахаровъ, В. В. Сиротининъ, С. А. Щепотьевъ, А. И. Розовъ, Л. В. Малининъ, Г. К. Шлезингеръ, Д. А. Дриль, А. А. Исаевъ, М. Я. Герценштейнъ, Н. А. Морозовъ, М. А. Саблинъ и В. Н. Григорьевъ.

Читанъ и утвержденъ протоколъ годичнаго засѣданія.

Предложены къ баллотировкѣ въ дѣйствительные члены Общества: гг. Дунаевъ, Тарасовъ, Козловскій, Харузинъ и Любенковъ.

Дѣйств. чл. А. А. Исаевымъ былъ представленъ докладъ: «Какъ измѣряется тягость налоговъ?» Референтъ полагаетъ, что степень тягости налоговъ слѣдуетъ оцѣнивать не съ точки зрѣнія отдѣльнаго лица, а съ точки зрѣнія всего народнаго хозяйства, не устанавливая притомъ неизмѣннаго мѣрила, на основаніи котораго налогъ можетъ поглощать извѣстную часть годоваго дохода страны. Признавъ несостоятельными теоріи Лероа Болье и Лоренца Штейна, г. Исаевъ указалъ на то, что суще-

ствуетъ два условія, въ связи съ которыми можно опредѣлить налогоспособность отдѣльныхъ государствъ. Условія эти: уровень потребностей населенія и цѣли, на которыя затрачиваются налоги.

Для измѣренія уровня потребностей большинства народа референтъ останавливается на статистическихъ данныхъ относительно потребленія мяса, сахара, чая и кофе въ Соединенныхъ Штатахъ, Великобританіи и Россіи, констатируетъ затѣмъ разность между заработной платой въ Соединенныхъ Штатахъ и Германіи, при чемъ считаетъ возможнымъ заработную плату въ той и другой странѣ выразить въ абсолютныхъ цифрахъ 48 и 16 шиллинговъ въ недѣлю, и указываетъ, наконецъ, что въ то время, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ трата рабочаго на пищу составляетъ $^1/_3$ заработка, она составляетъ $^2/_3$ заработка въ Пруссіи. Переходя ко второму изъ названныхъ имъ основныхъ факторовъ налогоспособности, референтъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что въ то время, какъ въ Англіи процентъ непроизводительныхъ затратъ, подъ которыми референтъ разумѣетъ издержки на войско, флотъ и погашеніе государственнаго долга, постепенно понижается, въ Россіи за послѣднее десятилѣтіе замѣчается увеличеніе непроизводительныхъ затратъ съ 55 до 60% всѣхъ государственныхъ расходовъ.

Какъ на условія 2 порядка, въ связи съ которыми можно опредѣлить размѣры обремененія народа податями, референтъ указываетъ на ростъ народонаселенія и народнаго имущества (капитала). Населеніе всего быстрѣе растетъ въ Соединенныхъ Штатахъ и всего медленнѣе во Франціи, по росту же капитала страны первое мѣсто занимаютъ Соединенные Штаты, Англія, за ними слѣдуетъ Франція, для которой при незначительномъ приростѣ населенія требуется сравнительно меньшее возрастаніе капитала, наконецъ Пруссія и на послѣднемъ мѣстѣ Россія. Къ этимъ четыремъ условіямъ, на основаніи которыхъ измѣряется тягость налоговъ, референтъ считаетъ нужнымъ присоединить 2 дальнѣйшихъ: степень производительности труда и характеръ внутренней политики государства. Изъ размѣра примѣненія пара къ промышленности г. Исаевъ дѣлаетъ выводъ о громадномъ увеличеніи производительности труда за послѣднія 35 лѣтъ, имѣвшемъ, однако, своимъ послѣдствіемъ усиленіе неравенства въ распредѣленіи продукта труда. Доля, причитающаяся землевладѣнію и капиталу, становится все большей, уменьшается доля, причитающаяся личному труду, что, по мнѣнію г. референта, вытекаетъ изъ существующей организаціи производства. Другимъ признакомъ увеличенія производительности труда можетъ служатъ развитіе желѣзно-дорожной сѣти: референтъ приводитъ данныя, свидѣтельствующія, что за послѣднія 35 лѣтъ протяженіе желѣзныхъ дорогъ увеличилось на 182% въ Соед. Королевствѣ, на 515% въ Германіи, на 850% во Франціи, на 1,236% въ Англіи и на 3,500% въ Россіи. Громадный процентъ увеличенія желѣзно-дорожнаго пути въ Россіи объясняется, однако, тѣмъ, что въ 1850 г. у насъ только начинается желѣзнодорож-

ная эра. Наконецъ, по отношенію къ 6 признаку для измѣренія тягости налоговъ: внутренней политикѣ страны, референтъ отмѣчаетъ, что въ послѣдніе годы во всѣхъ странахъ посвящается большое вниманіе интересамъ массы населенія, расширяются политическія права народа, развивается фабричное законодательство и проявляется стремленіе возложить большую часть податнаго бремени на состоятельные классы. Однако, по мнѣнію референта, все сдѣланное до сихъ поръ законодательствомъ можно назвать робкими попытками; главная творческая работа принадлежитъ будущему. И въ той странѣ эта работа будетъ идти самымъ ускореннымъ ритмомъ, гдѣ населеніе будетъ пользоваться самой широкой политической свободой, гдѣ высокое умственное развитіе будетъ удѣломъ всѣхъ гражданъ и гдѣ всего слабѣе вліяніе сословныхъ преданій и интересовъ. Референтъ въ заключеніе располагаетъ упомянутыя въ докладѣ страны въ слѣдующемъ убывающемъ по степени налогоспособности порядкѣ: Соединенные Штаты, Франція, Великобританія, Пруссія и Россія.

Почетнымъ членомъ А. И. Чупровымъ сдѣланы референту слѣдующія замѣчанія: изъ шести условій, въ связи съ которыми докладчикъ полагаетъ возможнымъ измѣреніе тягости налоговъ, только первыя два представляются основными, остальныя представляютъ рядъ указаній на степень благосостоянія и уровень потребностей страны. Оппонентъ не считаетъ доказаннымъ существованіе взаимной связи или соподчиненности между отдѣльными моментами, избранными референтомъ для опредѣленія благосостоянія; еще меньше можно согласиться съ тѣмъ, что статистическія данныя, приведенныя въ рефератѣ, представляютъ пригодный матеріалъ для финансовой политики. Указавъ на неточность статистики потребленія, оппонентъ подвергаетъ критикѣ данныя о заработной платѣ, немыслимыя въ абсолютной формѣ въ виду значительныхъ отклоненій по отдѣльнымъ отраслямъ производства и отдѣльнымъ мѣстностямъ и въ виду недостаточности существующихъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ. Мнѣніе свое о предложенномъ въ рефератѣ способѣ измѣренія тягости налоговъ оппонентъ резюмируетъ въ словахъ: способъ этотъ представляетъ формулу съ 6 неизвѣстными, отличающуюся меньшей точностью и практической пригодностью, нежели осуждаемое референтомъ положеніе Лероа-Больё.

Возражая А. И. Чупрову, *референтъ* указалъ на сборникъ Mulhall'a, какъ на источникъ статистическихъ свѣдѣній, приведенныхъ имъ относительно народнаго потребленія и размѣра заработной платы. Соглашаясь съ замѣчаніемъ А. И. Чупрова, что приведенныя въ рефератѣ пріемы измѣренія не представляютъ точнаго мѣрила, онъ настаиваетъ на особенно существенномъ значеніи того фактора, который имъ названъ внутренней политикой, въ виду того, что при прогрессивныхъ идеяхъ въ управленіи государство развиваетъ налогоспособность народа и возвращаетъ странѣ налоги въ видѣ производительныхъ затратъ.

Послѣ нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ замѣчаній и поправокъ *А. И. Чу-*

прова, на которыя послѣдовало возраженіе референта, *предсѣдатель Общества*, выразивъ въ лицѣ А. А. Исаева благодарность иногороднимъ членамъ, поддерживающимъ живую связь съ Московскимъ Юридическимъ Обществомъ, объявилъ засѣданіе закрытымъ въ $10^1/_2$ ч.

Засѣданіе 9 марта 1887 г.

Засѣданіе открыто въ $8^1/_2$ час. вечера подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Общества, почетнаго члена **С. А. Муромцева**, при товарищѣ секретаря **Л. В. Малининѣ**, въ присутствіи почетнаго члена **А. М. Фальковскаго**, и дѣйствительныхъ членовъ **А. Ф. Акулова, М. И. Бруна, Н. А. Морозова, кн. Ѳ. В. Мещерскаго, В. Ф. Дерюжинскаго, гр. Л. А. Камаровскаго, А. М. Хотневича и М. Я. Шиллинга.**

Читанъ и утвержденъ протоколъ предъидущаго засѣданія.

Дѣйствительный членъ *Л. А. Камаровскій* прочиталъ докладъ «объ учрежденіи между государствами Литературнаго Союза». Содержаніе этого доклада слѣдующее: Въ то время, какъ политическіе интересы и національный антагонизмъ глубоко раздѣляютъ государства, вопросы соціальные и экономическіе заставляютъ заключать международные союзы, которые ведутъ къ объединенію не только въ территоріальномъ отношеніи, но и въ смыслѣ нормъ права. Къ союзу почтовому и телеграфному присоединился теперь союзъ литературный, поставившій себѣ цѣлью защиту правъ литераторовъ и художниковъ, общую и единообразную для всѣхъ безъ различія. Вопросъ о разработкѣ однообразныхъ способовъ охраненія литературныхъ правъ возникъ еще на Брюссельскомъ частномъ литературномъ конгрессѣ 1868 г. Во время всемірной выставки въ Парижѣ 1878 г. состоялся подъ предсѣдательствомъ Виктора Гюго съѣздъ писателей и издателей, положившій основаніе Литературному Обществу, нынѣ называемому «Association littéraire et artistique internationale». Оно поставило себѣ задачей защищать начала «духовной собственности» (propriété intellectuelle), съ этою цѣлію издаетъ свой журналъ и устраиваетъ ежегодные съѣзды. На шестомъ съѣздѣ въ Бернѣ въ 1883 г. былъ выработанъ предварительный текстъ конвенціи изъ 10 статей, въ которыхъ предлагается государствамъ вступить въ унію для охраны правъ авторовъ. Но далѣе этого частная иниціатива идти не могла. Общество обратилось къ содѣйствію правительства союзной Швейцаріи. По приглашенію этого послѣдняго, большинство государствъ согласились на учиненіе уніи. Однако Мексика, Сен-Доминго и Никарагуа отвѣтили, что вопросъ этотъ для нихъ неинтересный. Греція созналась, что она даже не имѣетъ закона, охраняющаго произведенія ума. Данія, Соединенные Штаты и Россія остались въ сторонѣ отъ этого движенія. Осенью 1884 г. представители 12 государствъ собрались въ Бернѣ на первую дипломатическую конференцію для выработки основаній литературнаго союза. Работы были продолжительны и трудны. Приходилось считаться съ противорѣчивыми

законоположеніями и юридической практикой въ различныхъ государствахъ. Конференція выработала проектъ конвенціи изъ 21 статьи, въ которой государствамъ предлагается учрежденіе *литературнаго союза* съ единымъ и спеціальнымъ для этого органомъ—*международнымъ бюро*. Въ заключительномъ протоколѣ конференціи было выражено желаніе, чтобы авторы пользовались охраною своихъ произведеній въ продолженіе всей ихъ жизни, а послѣ ихъ смерти—ихъ наслѣдники или управомоченные въ теченіе не менѣе 30 лѣтъ и чтобы право на переводы было вполнѣ уравнено съ правомъ воспроизведенія вообще. Проектъ конвенціи былъ принятъ сочувственно правительствами, и осенью 1885 г. была созвана въ Бернѣ вторая конференція, давшая литературному союзу окончательную форму. На этой конференціи участвовали представители 16 государствъ и между ними Соединенные Штаты, Испанія и Италія; представители Великобританіи, пассивно присутствовавшіе въ прошломъ году (ad audiendum et referendum), теперь принимали участіе во всѣхъ преніяхъ. Отсутствовали Австро-Венгрія и Россія. На этой конференціи дано было названіе новому союзу—*Union internationale pour la protection des oeuvres littéraires et artistiques*. Въ предѣлахъ Литературнаго Союза основнымъ принципомъ признается одинаковая охрана иностранныхъ авторовъ съ туземными. Мѣсту появленія произведеній дано предпочтеніе надъ національностью; авторское право распространяется вообще на всѣ произведенія, относящіяся къ областямъ литературы, искусствъ, и наукъ, независимо отъ способа ихъ созданія или воспроизведенія; упомянуто даже о фотографіи и хореографіи (балетъ и т. п.), если этого рода произведенія защищаются государствами. Конвенція даетъ *переводамъ* 10 лѣтній охранительный срокъ. Срокъ этотъ считается съ конца года появленія оригинала. Авторомъ сочиненія считается лицо, чье имя на немъ выставлено. Для произведеній анонимныхъ и псевдонимныхъ права авторовъ переносятся на ихъ издателей. Международное Бюро Литературнаго Союза пребываетъ въ Бернѣ. Оно собираетъ всѣ свѣдѣнія, относящіяся до авторскаго права, и печатаетъ ихъ во всеобщее свѣдѣніе; оно же производитъ подготовительныя работы для будущихъ конференцій. Издержки на содержаніе бюро (60000 фр.) распредѣляются между государствами по установленному порядку. Устройство уніи измѣняется по единогласному рѣшенію всѣхъ членовъ ея. Поступленіе и выходъ изъ уніи дѣлаются чрезъ заявленіе объ этомъ Швейцарскому правительству. Осенью 1886 г. состоялась въ Бернѣ третья дипломатическая конференція изъ делегатовъ отъ 12 государствъ, занятія которой ограничивались чисто формальной стороной дѣла. Предсѣдатель конференціи Дрозъ между прочимъ высказалъ сожалѣніе объ отсутствіи въ союзѣ государствъ славянскихъ народностей, дѣлающихъ громадные шаги впередъ въ литературѣ, искусствѣ и наукахъ, и выразилъ вмѣстѣ съ тѣмъ надежду, что въ будущемъ ихъ правительства придутъ къ убѣжденію, что охрана авторскихъ правъ представляетъ лучшее условіе для преуспѣянія литературы и искус-

ства. Слѣдующая конференція назначена въ Парижѣ чрезъ 4—6 лѣтъ. Литературный Союзъ, въ составъ котораго вошли наиболѣе передовыя государства, охватываетъ въ настоящее время территорію съ 500 милл. жителей. Закрывая конференцію 1885 г., предсѣдатель Дрозъ указалъ, что регулированъ теперь одинъ изъ наиполезнѣйшихъ и труднѣйшихъ вопросовъ международнаго права. Авторское право получаетъ новое признаніе. Литературный Союзъ окажетъ большое вліяніе на развитіе человѣческой мысли и послужитъ къ развитію солидарности между народами.

А. М. Фильковскій замѣтилъ: хотя величайшіе геніи человѣческой мысли работали безмездно для человѣчества, тѣмъ не менѣе для поощренія обыденной умственной дѣятельности ученыхъ, литераторовъ и художниковъ весьма важно охраненіе ихъ произведеній на извѣстный срокъ. Поэтому нельзя не привѣтствовать движенія въ этомъ смыслѣ законодательства вообще и международнаго въ особенности. Еще на первомъ съѣздѣ русскихъ юристовъ былъ поднятъ объ этомъ вопросъ. Тѣмъ не менѣе, нельзя не сознаться, что умственная дѣятельность направляется на служеніе не только народу, но и всему человѣчеству, поэтому произведенія авторовъ нельзя приравнивать къ праву собственности. Оно принадлежитъ праву сингулярному. Созданныя нормы Литературнаго Союза къ охраненію авторскихъ правъ относятся къ частному международному праву. Подобныя нормы желательны вообще и въ другихъ явленіяхъ частнаго права въ международныхъ отношеніяхъ, такъ какъ эти частныя права создаютъ и публичное право.

С. А. Муромцевъ сказалъ, что интересъ реферата сосредоточивается на историческомъ движеніи авторскаго права. Когда мы изучаемъ древнѣйшее право вообще и открываемъ факты отдаленнаго отъ насъ прошедшаго, мы часто упускаемъ, что современная исторія повторяетъ на нашихъ глазахъ тоже самое, но только въ другихъ формахъ. Въ древнѣйшее время первобытныя общества были военными союзами болѣе мелкихъ группъ; и въ настоящее время международные союзы суть союзы военные. Организація мирныхъ интересовъ въ настоящее время, такъ же какъ и прежде стоитъ на второмъ планѣ и вступаетъ въ борьбу съ военнымъ состояніемъ общества. Достаточно прослѣдить главные факты изъ исторіи литературной собственности въ международномъ союзѣ, чтобы убѣдиться, что каждый народъ вступаетъ въ этомъ случаѣ въ союзъ на столько, на сколько союзомъ оберегаются его интересы; развитіе идетъ путемъ взаимныхъ уступокъ. Эти уступки создаютъ извѣстный порядокъ вещей, съ которымъ сживается общество и не можетъ уже представить другаго положенія и порядка вещей. Такимъ образомъ, исторія международнаго соглашенія и въ вопросѣ о литературной собственности есть не только исторія интересовъ, но и исторія *справедливости*. Прошлая культура вліяетъ на образованіе новыхъ отношеній.

Л. А. Камаровскій замѣтилъ, что въ теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ возникло четыре международныхъ союза и теперь уже возбуждены во-

просы объ образованіи союзовъ желѣзнодорожнаго, санитарнаго, военнаго, международныхъ судовъ и т. п. Эти союзы будутъ служить развитію сознанія, что отдѣльныя государства только члены человѣчества, и укрѣпленію между народами идеи справедливости и мира.

В. Ф. Дерюжинскій выразилъ пожеланіе, чтобы и Россія примкнула къ международному литературному союзу, такъ какъ теперь уже русская литература, искусство и научныя изслѣдованія обратили на себя вездѣ за границей вниманіе и стоятъ на высокой степени развитія.

Засѣданіе закрыто въ 10½ часовъ вечера.

Засѣданіе 20 апрѣля 1887 года.

Засѣданіе открыто въ 8½ часовъ вечера подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя Общества **В. М. Пржевальскаго**, при товарищѣ секретаря **Л. В. Малининѣ** и въ присутствіи 14 членовъ.

Читанъ и утвержденъ протоколъ предшествующаго засѣданія.

Г. А. Джаншіевъ прочелъ рефератъ «*Къ совершеннолѣтію новаго суда*» (см. «Русскія Вѣдомости» 1887 года, № 109).

Предсѣдательствующій выразилъ докладчику отъ лица Общества благодарность за интересную группировку фактовъ и прекрасную иллюстрацію, сдѣланную имъ въ своемъ рефератѣ, къ тому судебному порядку, который осужденъ и исторіей и лучшими людьми русскаго общества.

В. Н. Бензенгръ прочелъ рефератъ: «Антропологическіе пріемы изслѣдованія въ примѣненіи къ явленіямъ преступности». Сдѣлавъ краткій очеркъ новѣйшаго развитія антропологіи и ея главныхъ подраздѣленій, референтъ перешелъ къ примѣненію ея къ изученію явленій преступности. Въ настоящее время цѣлая антропологическая школа признаетъ, что преступники и умопомѣшанные—суть двѣ формы мозговаго паденія. Изученіе череповъ преступниковъ, на которое было обращено вниманіе «парижскаго антропологическаго общества», и впервые Брока, показало, что черепа преступниковъ отличаются недостаткомъ равновѣсія между развитіемъ лобной и теменной частей. Ученикъ Брока, Манувріе, основываясь на томъ, что мозгъ есть центръ, управляющій всѣми функціями организма, первый старался показать, что изученіе только головы не поведетъ къ столь же плодотворнымъ результатамъ, какихъ можно достигнуть, подвергнувъ такому же изслѣдованію и другія части человѣческаго тѣла, въ особенности тѣ, которыя находятся въ связи съ главнѣйшими функціями организма. Исходя изъ этихъ соображеній, Манувріе предпринялъ изученіе черепа, челюсти и бедра и провелъ свое изслѣдованіе чрезъ всю серію позвоночныхъ животныхъ, различныхъ человѣческихъ расъ, изучилъ, наконецъ, строеніе этихъ частей скелета у преступниковъ и замѣчательныхъ людей. Большая работа въ томъ же направленіи произведена была

недавно Коръ и Русселемъ, изучившими до 200 череповъ бретонскихъ каторжниковъ. Заключительный выводъ этихъ ученыхъ таковъ: черепа преступниковъ отличаются преобладаніемъ горизонтальнаго развитія, они по преимуществу короткаго типа и въ большинствѣ случаевъ носятъ слѣды значительной ассимметріи частей. Въ заключеніе своего реферата докладчикъ упомянулъ о трудахъ итальянскихъ антропологовъ, между прочимъ Ломброзо, проф. въ Римѣ, Серджи и другихъ.

Предсѣдательствующій отъ имени Общества благодарилъ докладчика за сдѣланное сообщеніе.

Засѣданіе закрыто въ 11 часовъ вечера.

Засѣданіе 28 сентября 1887 года.

Засѣданіе открыто въ 8½ часовъ вечера подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя и почетнаго члена **С. А. Муромцева**, при секретарѣ **Г. Б. Іоллосѣ**. Присутствовали: почетный членъ **А. М. Фальковскій** и дѣйствительные члены: **Н. И. Ржондковскій, И. М. Волковъ, Д. А. Дриль, Н. А. Морозовъ, Н. В. Баснинъ, Н. И. Андросовъ, кн. С. М. Крапоткинъ, Н. А. Каблуковъ, Н. А. Зачинскій, Л. Е. Мандельштамъ, М. И. Брунъ, Н. Л. Борхартъ, В. И. Розенблюмъ, В. Г. Вилленцъ, кн. Ф. В. Мещерскій, Н. Я. Фрейндъ, В. Е. Станицкій, А. М. Хоткевичъ, С. А. Щепотьевъ и М. Я. Шиллингъ.**

Читанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

Предсѣдатель Общества сообщилъ о полученныхъ на его имя письмахъ почетныхъ членовъ: Лоренца фонъ-Штейна и сенатора С. И. Зарудняго, выражающихъ Обществу благодарность за избраніе.

Доложено отношеніе министерства иностранныхъ дѣлъ, обращающагося къ Московскому Юридическому Обществу съ просьбой дать свой отзывъ по вопросу о возобновленіи литературно-художественной конвенціи съ Франціей.

Предсѣдатель заявилъ, что дѣйствительный членъ графъ Камаровскій въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій сдѣлаетъ по этому предмету особый докладъ.

Общество приступило къ обсужденію поставленнаго на его разсмотрѣніе вопроса о правѣ собственности на крестьянскую усадебную осѣдлость. Лица, заинтересованныя судьбою нѣсколькихъ десятковъ крестьянскихъ семействъ въ Самарской губерніи, обратились къ Московскому Юридическому Обществу съ слѣдующими вопросами:

1) Кому принадлежитъ земля, составляющая крестьянскую усадебную осѣдлость, въ томъ случаѣ, если помѣщикъ не воспользовался даннымъ ему § 79 мѣстнаго положенія великороссійскаго трехлѣтнимъ срокомъ для перенесенія крестьянскихъ усадебъ?

2) Распространяется ли на этотъ случай земская давность? Съ какого времени слѣдуетъ считать эту давность: со дня ли уничтоженія крѣ-

постнаго права и введенія уставной грамоты, или же со дня прекращенія трехлѣтняго срока?

3) Въ правѣ ли послѣдній владѣлецъ требовать удаленія крестьянъ и снесенія ихъ усадебъ на счетъ крестьянъ же?

Докладчикъ *кн. С. М. Крапоткинъ* выразилъ: По § 79 «Положенія» помѣщикъ обязанъ кончить переселеніе въ 3 года. Въ лежащемъ предъ нами конкретномъ случаѣ, владѣлица, при разверстаніи угодій съ бывшими своими временно обязанными, потребовала переноса крестьянскихъ усадебъ, и требованіе это было удовлетворено съѣздомъ мировыхъ посредниковъ на основаніи § 79 Положенія великороссійскаго, подъ тѣмъ, конечно, условіемъ, чтобы всѣ затраты по переселенію совершались на счетъ помѣщика. Помѣщица своевременно не воспользовалась разрѣшеніемъ съѣзда, но въ 1866 г. отъ нея послѣдовало заявленіе въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе объ обязательномъ выкупѣ крестьянами ихъ надѣла въ тѣхъ границахъ, которыя были установлены упомянутымъ постановленіемъ съѣзда. Главное выкупное учрежденіе утвердило выкупъ и такимъ образомъ въ данныя на владѣнія крестьянъ не была внесена часть земли, которою они фактически владѣли и которая находилась подъ ихъ усадьбами. Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1873 г., имѣніе, о которомъ идетъ рѣчь, перешло въ новыя руки, но лишь въ 1885 г., когда во владѣніе вступило новое, уже 4 лицо, выступилъ вопросъ, занимающій теперь судебныя учрежденія, въ той формулировкѣ, какъ онъ поставленъ на обсужденіе Общества. Существеннѣйшій вопросъ, по мнѣнію докладчика, слѣдующій: на основаніи какихъ законовъ разрѣшается это дѣло?— Несомнѣнно, на основаніи Положенія 19 февраля, такъ какъ право крестьянъ имъ создано. Въ Положеніи не сказано, какія послѣдствія влечетъ за собою неисполненіе требованія 3-хъ лѣтняго срока; но очевидно, что если первый владѣлецъ не воспользовался своимъ правомъ,—имъ не могли воспользоваться его преемники. Если въ надѣлъ, въ замѣнъ усадебъ, прибавилось что нибудь, то объ этомъ, а не объ усадьбѣ, можетъ быть рѣчь. Что касается договора, на который указываетъ новый владѣлецъ, то ошибка со стороны крестьянъ не можетъ лишить ихъ пріобрѣтеннаго права. Ссылаться же на договоръ, какъ на обстоятельство, прерывающее давность, невозможно потому, что самая давность не примѣнима къ этому крестьянскому владѣнію: крестьяне пріобрѣли свои усадьбы не на основаніи давности,—на этомъ основаніи они только могли бы потерять ее.

А. М. Фальковскій, вполнѣ раздѣляя мнѣніе докладчика въ той части, которая касается права собственности помѣщика, высказываетъ ту мысль, что интересы крестьянъ могутъ быть защищены на основаніи 521 ст. законовъ гражданскихъ, такъ какъ помѣщикъ не могъ продать земли, собственность на которую имъ не пріобрѣтена.

С. А. Щепотьевъ дополняетъ фактическія подробности дѣла: переселеніе при 1 владѣльцѣ не было осуществлено, вслѣдствіе невозможности

найти подходящее мѣсто. Крестьяне владѣли землею съ прошлаго вѣка. Дѣло уже нѣсколько разъ разсматривалось въ судѣ. Въ іюлѣ текущаго года былъ произведенъ на мѣстѣ опросъ окольныхъ людей, которые показали, что спорная земля была въ непрерывномъ владѣніи крестьянъ и что это владѣніе никогда со времени выкупа не было стѣснено какими либо обязательными отношеніями къ владѣльцамъ занадѣльной земли имѣнія. Окончательнаго рѣшенія по этому дѣлу еще не послѣдовало. Разбирательство его предстоитъ въ скоромъ времени. Очевидно, что кардинальнымъ вопросомъ въ этомъ дѣлѣ является вопросъ о правѣ помѣщика или его преемника воспользоваться разрѣшеніемъ съѣзда мировыхъ посредниковъ касательно переселенія крестьянъ съ мѣста ихъ осѣдлости по прошествіи трехлѣтняго срока, предоставленнаго ст. 79 мѣстнаго положенія.

В. А. Зачинскій присоединяется къ мнѣнію кн. Крапоткина, но приходитъ къ нему съ другой точки отправленія. Усадебная и всѣ другія земли крестьянъ входили въ составъ надѣла, они могли быть уменьшены, если превышали норму. Переселеніе усадебъ есть своего рода разверстаніе угодій, отведенныхъ крестьянамъ. Лишь тогда, когда помѣщикъ указалъ крестьянамъ новыя усадьбы, переселеніе, какъ актъ обмѣна или разверстанія, можетъ совершиться, и помѣщикъ пріобрѣтаетъ право собственности на землю. Въ конкретномъ случаѣ, крестьянамъ достаточно было защищаться своимъ правомъ,—имъ не было надобности предъявлять искъ объ уничтоженіи купчихъ крѣпостей.

И. М. Волковъ полагаетъ, что ни земская давность, ни спеціальный 3-хъ лѣтній срокъ не измѣняютъ вопроса о правѣ собственности: послѣднее осталось у помѣщика. Рѣчь можетъ идти о правѣ перенесенія усадебъ, если предположить, что не было выкупа. Но съ указа 1883 г. всѣ крестьянскія земли выкуплены и выкупъ распространяется на всѣ мѣста крестьянской осѣдлости, на которыхъ крестьянъ засталъ указъ 1883 года.

Далѣе въ преніяхъ приняли участіе гг.: А. М. Фальковскій, Н. В. Баснинъ, Н. Л. Борхартъ, В. И. Розенблюмъ, Н. Я. Фрейндъ и Н. Д. Зачинскій. Съ согласія Общества, слово было предоставлено также присутствовавшему въ качествѣ посторонняго посѣтителя, бывшему предсѣдателю юхновской земской управы, г. Гулевичу, сказавшему, что право крестьянъ основывается на Положеніи. Нынѣшній владѣлецъ, какъ не дворянинъ, не могъ купить усадебной осѣдлости, за прежними же владѣльцами право окончилось съ 1869 г. Рѣшеніе сената, утвердившаго постановленіе съѣзда, не измѣняетъ дѣла, такъ какъ сенатъ входилъ лишь въ разсмотрѣніе его процессуальной стороны. Ораторъ указалъ подходящій прецедентъ изъ практики смоленскаго суда. Одно лицо пріобрѣло путемъ покупки до 3,000 десятинъ занадѣльной земли. Но планы, какъ и въ разсматриваемомъ случаѣ, оказались невѣрными. Въ черту занадѣльной земли была включена часть отошедшей въ надѣлъ кресть-

янамъ. Рѣшеніе суда послѣдовало благопріятное для крестьянъ. Планы были исправлены, а земля, которою крестьяне и ранѣе фактически пользовались, осталась за ними.

Послѣ резюме предсѣдателя, отмѣтившаго различіе какъ въ окончательныхъ выводахъ, такъ и въ аргументаціи высказанныхъ въ Обществѣ мнѣній, было приступлено къ голосованію, давшему слѣдующій результатъ: Московское Юридическое Общество единогласно признало, что пропускъ трехлѣтняго срока, установленнаго ст. 79 мѣстнаго положенія великороссійскаго, для перенесенія крестьянскихъ усадебъ, лишаетъ помѣщика и его преемниковъ права переселенія крестьянъ изъ ихъ усадебной осѣдлости; затѣмъ большинствомъ голосовъ Юридическое Общество высказало убѣжденіе, что право собственности на крестьянскую усадебную осѣдлость, въ случаѣ, если помѣщикъ не воспользовался своевременно предоставленнымъ ему правомъ для перенесенія крестьянскихъ усадебъ, должно быть признано за крестьянами, предполагая даже, что выкупъ совершенъ ранѣе, чѣмъ истекъ срокъ для такого переселенія, и въ выкупную сдѣлку не была внесена фактическая усадебная осѣдлость крестьянъ.

Засѣданіе закрыто въ 11 часовъ.

Засѣданія 12 и 26 октября и 9 ноября 1887 года.

Отчетъ объ этихъ засѣданіяхъ въ извлеченіи напечатанъ въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» 1888 года № 1, стр. 149—159.

Засѣданіе 11 января 1888 года.

Засѣданіе открыто въ $8^1/_2$ ч. веч. подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя и почетнаго члена **С. А. Муромцева**, при секретарѣ **Г. Б. Іоллосѣ**. Присутствовали: почетный членъ **А. М. Фальковскій** и дѣйствительные члены: **Н. И. Ржондковскій, кн. Θ. В. Мещерскій, Л. В. Малининъ, М. И. Брунъ, М. Я. Шиллингъ, А. М. Хоткевичъ, Н. Л. Борхартъ, А. Н. Филипповъ и Н. А. Морозовъ**.

Читанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

Секретарь Общества доложилъ о вновь поступившихъ въ библіотеку книгахъ и 2 тетрадяхъ матеріаловъ по обычному праву, собранныхъ г. Племянниковымъ. Постановлено: благодарить г. Племянникова за пожертвованныя имъ въ библіотеку общества рукописи и поручить дѣйствительному члену Общества А. Н. Филиппову разсмотрѣть содержаніе рукописей и представить Обществу отзывъ о томъ, представляется ли возможнымъ опубликованіе нѣкоторыхъ изъ заключающихся въ нихъ матеріаловъ по обычному праву.

Общество имѣло сужденіе о характерѣ предстоящаго годичнаго собранія, совпадающаго съ 25-лѣтіемъ Московскаго Юридическаго Общества.

Бюро Общества предоставлено назначить на 13 марта публичное годичное собраніе, въ которомъ, кромѣ исторической записки о дѣятельности Общества, имѣютъ быть произнесены рѣчи по наиболѣе выдающимся вопросамъ, входящимъ въ кругъ занятій Юридическаго Общества и Статистическаго его Отдѣленія.

Засѣданіе закрыто въ $9^1/_2$ ч.

Засѣданіе 1 февраля 1888 года.

Засѣданіе открыто въ $8^1/_2$ ч. вечера подъ предсѣдательствомъ почетнаго члена и предсѣдателя **С. А. Муромцева**, при секретарѣ **Г. Б. Іоллосѣ** и его товарищѣ **Л. В. Малининѣ**, въ присутствіи дѣйствительныхъ членовъ Общества: **В. М. Пржевальскаго, А. Н. Филиппова, С. С. Хрулева, Д. Н. Стефановскаго, С. Н. Цемша, В. Г. Вилленца, А. Э. Штейнфинкеля, П. В. Маркова, С. И. Викторскаго, А. К. Вульферта, М. И. Бруна, Н. И. Ржондковскаго, А. Ф. Акулова, Н. А. Зачинскаго, кн. Ѳ. В. Мещерскаго, В. И. Розенблюма, Н. Л. Борхарта, М. Я. Шиллинга, А. С. Никитенко, А. М. Хоткевича, Н. Я. Фрейнда, Н. А. Морозова.**

Читанъ и утвержденъ протоколъ предшествующаго засѣданія.

Предсѣдатель Общества сообщилъ о смерти почетныхъ членовъ Общества: *С. И. Зарудnаго*, *Франческо Каррара и сэра Генри Мена* и произнесъ краткую рѣчь, посвященную ихъ памяти. Общество, стоя, выслушало слѣдующую резолюцію: «Московское Юридическое Общество съ глубокимъ прискорбіемъ выслушало извѣстіе о кончинѣ своихъ почетныхъ членовъ: *Сергѣя Ивановича Зарудnаго*, славнаго государственнаго дѣятеля эпохи преобразованія русскаго суда; *Сэра Генри Мена*, знаменитаго историка-юриста, столь много содѣйствовавшаго своими трудами научной постановкѣ правовѣдѣнія; *Франческо Каррара*, ученаго вождя классической школы уголовнаго права въ Италіи и славнаго профессора и адвоката, и постановляетъ занести о томъ въ свои протоколы».

А. Н. Филипповъ доложилъ Обществу, что разсмотрѣнный имъ по предложенію Общества разный матеріалъ по обычному праву, собранный г. Племянниковымъ, представляетъ собою значительный интересъ и цѣну, такъ какъ онъ собранъ г. Племянниковымъ изъ разныхъ малодоступныхъ провинціальныхъ изданій, въ родѣ мѣстныхъ Губернскихъ Вѣдомостей, памятныхъ книжекъ и т. п. *Предсѣдатель* доложилъ Обществу, что г. Племянниковъ выразилъ желаніе пожертвовать Обществу какъ собранный имъ матеріалъ по обычному праву, такъ и значительную часть своей библіотеки по особому списку, въ которомъ значится 75 названій разныхъ сочиненій юридическаго содержанія. Общество постановило принять пожертвованіе и благодарить г. Племянникова.

Секретарь Общества доложилъ Обществу о поступленіи новыхъ книгъ: 1) отъ *А. Н. Зерцалова* нѣсколько экземпляровъ его сочиненія

«Новыя данныя о земскомъ соборѣ 1648—1649 гг.»; 2) отъ тайнаго совѣтника *Стояновскаго* «Гражданское уложеніе Цюрихскаго кантона»; 3) отъ *Д. Я. Самоквасова* «Сборникъ обычнаго права».

Баллотировкой избраны въ дѣйствительные члены Общества гг. *Позняковъ*, *Марковъ* и *Хрущовъ*.

А. К. Вульфертъ доложилъ Обществу свой рефератъ, посвященный памяти умершаго почетнаго члена Общества *Франческо Каррара*, напечатанный въ № 8 «Юридическаго Вѣстника» 1888 года.

Н. И. Ржондковскій сдѣлалъ докладъ «О наказуемой недобросовѣстности» (по поводу ст. 519 проекта уголовнаго уложенія). По мнѣнію докладчика, редакціонная коммиссія упустила изъ виду въ главѣ 24 проекта новаго уложенія о наказаніяхъ (о злоупотребленіи довѣріемъ, воровскія сдѣлки, обманы и т. п.) еще нѣкоторые другіе факты недобросовѣстности, которые несомнѣнно носятъ всѣ признаки преступной недобросовѣстности. Кто не знаетъ, напримѣръ, какъ нѣкоторыя лица проживаютъ сотни рублей въ одинъ вечеръ, тратятъ тысячи на роскошныя вещи, проигрываютъ на тотализаторѣ и т. п., между тѣмъ какъ долговъ не платятъ? Можно ли кредитора при такихъ условіяхъ утѣшать тѣмъ соображеніемъ, что его должникъ не торговецъ и сохраняетъ полную свободу распоряжаться своимъ имуществомъ, какъ это дѣлаетъ въ своихъ объясненіяхъ редакціонная коммиссія? Можно ли легкомыслію, расточительность, мотовство, вообще недобросовѣстность при сознательной неуплатѣ долга прощать должнику потому только, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ должниковъ не крупныхъ, а сравнительно мелкихъ? Послѣдніе также могутъ надѣлать не мало зла и, напрактиковавшись въ мелкихъ правонарушеніяхъ, перейти къ крупнымъ. Если крупныхъ должниковъ признаютъ несостоятельными, то нельзя мелкихъ должниковъ при наличности извѣстныхъ фактовъ вовсе оставлять безнаказанными, ибо это означало бы отступленіе отъ признаваемой самой коммиссіей необходимости упрочить довѣріе въ обществѣ, укрѣпить кредитъ. Поэтому референтъ предлагалъ назначить уголовную кару для всѣхъ виновныхъ въ сокрытіи или легкомысленномъ расходованіи собственнаго имущества, когда таковое должно идти на покрытіе предъявленныхъ къ нимъ обязательствъ, которыя они признаютъ лично и которыя присуждены съ нихъ гражданскимъ судомъ. Такимъ наказаніемъ, помимо, конечно, гражданской отвѣтственности, могутъ быть замѣчаніе, предостереженіе, выговоръ и т. п.

В. М. Пржевальскій указалъ на отсутствіе момента, съ котораго начинается недобросовѣстность должника, а потому находилъ выводы референта едва ли справедливыми.

С. М. Викторскій обратилъ вниманіе на нецѣлесообразность подобнаго рода наказаній, какъ замѣчаніе, выговоръ, предостереженіе. Какъ для должника, такъ и для кредитора подобныя мѣры едва ли принесутъ пользу, а между тѣмъ судьи будутъ завалены массой работы.

С. А. Муромцевъ, согласившись съ оппонентами, указалъ на вѣрность идеи, на которой остановился референтъ, ибо истецъ вмѣстѣ съ матеріальными интересами требуетъ отъ суда, къ которому онъ обратился, и возмѣщенія за тѣ безпокойства, за тѣ нематеріальные ущербы, которые причинила ему сторона, нарушившая довѣріе. Поэтому развитіе, въ смыслѣ требованія правой стороной, *судебныхъ издержекъ*, какъ возмѣщенія за нематеріальные интересы, за причиненное безпокойство должникомъ, будетъ прямымъ, болѣе дѣйствительнымъ средствомъ наказанія такого легкомысленнаго или недобросовѣстнаго должника, чѣмъ наказаніе въ формѣ предостереженія или выговора.

Н. И. Ржондковскій замѣтилъ, что не одна строгая уголовная тенденція руководила имъ при представленіи своего доклада, но и желаніе какъ нибудь уврачевать все болѣе и болѣе развивающееся зло недобросовѣстнаго отношенія мелкихъ должниковъ къ своимъ кредиторамъ, а это уврачеваніе можетъ произойти, по его мнѣнію, только при посредствѣ уголовнаго наказанія въ той или иной формѣ, такъ какъ уголовная кара заключаетъ въ себѣ элементъ нравственнаго осужденія, сопровождаемый извѣстнаго рода санкціей.

Засѣданіе закрыто въ 11 часовъ вечера.

Засѣданія 8 и 15 февраля 1888 г.

Засѣданія открыты были въ $8^1/_2$ ч. подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя и поч. члена **С. А. Муромцева**, при секретарѣ **Г. Б. Іоллосѣ**. Присутствовали: почетный членъ **А. М. Фальковскій** и дѣйствительные: **М. А. Хрущовъ, Н. Я. Фрейндъ, А. С. Никитенко, Н. Л. Борхартъ, А. М. Хоткевичъ, Е. Н. Тарновскій, князь Ѳ. В. Мещерскій, М. Я. Шиллингъ, П. А. Столповскій, Н. И. Ржондковскій, А. Ф. Акуловъ, А. К. Вульфертъ, Е. В. Пассекъ, М. И. Брунъ, М. К. Каблукова, Л. В. Малинивъ, Д. А. Дриль, А. Л. Зильберштейнъ, П. В. Марковъ, А. Э. Штейнфинкель, Г. А. Джаншіевъ, С. С. Хрулевъ, Д. Н. Стефановскій, Н. А. Морозовъ, Н. А. Каблуковъ, А. Н. Филипповъ, Ѳ. А. Саввей-Могилевичъ, А. В. Шиловъ и Г. К. Шлезингеръ.**

Читанъ и утвержденъ протоколъ предъидущаго засѣданія.

Избранъ въ дѣйствительные члены Общества Владиміръ Ивановичъ Масляниковъ.

Д. А. Дриль изложилъ свой рефератъ: «Генетическій анализъ одного замѣчательнаго случая преступности въ связи съ ученіями антропологической школы уголовнаго права». Референтъ формулировалъ основныя положенія своего сообщенія въ слѣдующихъ 6 тезисахъ.

I) Теорія французскаго психіатра Могель'я о физическомъ и нравственномъ вырожденіи породы, вызываемомъ неблагопріятными окружающими условіями, бросила яркій свѣтъ на природу преступности.

II) Непосредственное изученіе преступника, начатое Gall'емъ и изученіе тонкихъ формъ душевнаго разстройства, ведущее свое начало отъ ученія Ph. Pinel'я о маніи безъ бреда, постепенно развиваясь, привели

къ сходнымъ результатамъ—признанію сродства между душевными разстройствами и преступностью, которыя обыкновенно развиваются на общей почвѣ болѣе или менѣе подвинувшагося впередъ физическаго и нравственнаго вырожденія породы.

III) Теоріи Féré и проф. Benedict'a, сводящія источникъ преступности къ различнымъ формамъ органическаго оскудѣнія и физіологической бѣдности, раскрываютъ широкія общественныя точки зрѣнія и выдвигаютъ на первый планъ широкія мѣры предупрежденія вырожденія породы.

IV) Почти вѣковой ходъ историческаго развитія изслѣдованій преступности на почвѣ наблюденія явленій живой дѣйствительности приводитъ къ убѣжденію о необходимости коренной реформы, на которую указывалъ и проф. Benedict на Антверпенскомъ конгрессѣ, въ юридическомъ образованіи, направленномъ на изученіе наукъ общественныхъ.

V) Ménétrier не больной въ собственномъ смыслѣ: онъ представляетъ собою порочную и недостаточную психо-физическую организацію. О невмѣняемости для него не можетъ быть и рѣчи.

VI) Примѣненіе къ Ménétrier, какъ и къ другимъ подобнымъ преступникамъ, смертной казни вовсе не вызывается необходимостью. Также нецѣлесообразно и назначеніе пожизненныхъ каторжныхъ работъ, какъ и вообще всѣхъ напередъ опредѣленныхъ наказаній. Система такихъ наказаній, повидимому, не имѣетъ за себя никакихъ разумныхъ основаній; она вполнѣ произвольна и крайне вредна: все должно зависѣть отъ указаній послѣдующей за началомъ наказанія дѣйствительности.

Въ засѣданіи 15 февраля происходили пренія по докладу Д. А. Дриля. Въ преніяхъ приняли участіе члены Общества, гг. Вульфертъ, Фальковскій, Стефановскій, Каблуковъ и Джаншіевъ.

А. М. Фальковскій замѣтилъ, что интересъ реферата Д. А. Дриля заключается въ связи его съ современнымъ научнымъ движеніемъ, стремящимся провести въ уголовное право данныя опытнаго и естественнаго изслѣдованія *преступности*, и въ безграничной преданности референта къ излюбленному имъ предмету его талантливыхъ научныхъ работъ.

Но положенія доклада обоснованы, главнымъ образомъ, теоріями, заимствованными изъ области знанія, хотя и не чуждаго правовѣдѣнію, но идущаго въ разрѣзъ съ юридическими доктринами объ инкриминаціи тѣхъ или другихъ человѣческихъ дѣяній.

Антрополого-позитивная школа уголовнаго права, при настоящемъ развитіи соціологіи, едва ли можетъ разсчитывать на практическое примѣненіе вырабатываемыхъ ею началъ. Несомнѣнно только то, что новое ученіе не пройдетъ безслѣдно въ дѣлѣ общественной гигіены и народнаго воспитанія.

Кромѣ физическаго и нравственнаго вырожденія, душевнаго разстройства и органическаго оскудѣнія, референтъ неоднократно указываетъ и на другіе факторы преступности; слѣдовательно, для полноты ихъ изслѣдованія недостаточно изученіе *патологическихъ* явленій, но необходимо

и знаніе *нормальныхъ* условій нравственной жизни человѣка и разнообразныхъ человѣческихъ союзовъ.

Примѣненіе новой теоріи объ инкриминаціи, подъ знаменемъ *гуманности*, устраненіе изъ уголовнаго законодательства *всѣхъ наперед̀ъ опредѣленныхъ наказаній* и постановка ихъ въ зависимость отъ указаній *послѣдующей дѣйствительности*, едва ли желательны.

Средства врачеванія преступности и нравственнаго обновленія преступниковъ недостаточны и ненадежны, и установленію *неопредѣленнаго* лишенія личной свободы посредствомъ содержанія въ тюрьмѣ, лѣчебницѣ и гдѣ бы то ни было, могъ бы позавидовать самъ Драконъ.

А. К. Вульфертъ не хочетъ отрицать огромнаго значенія Мореля, который произвелъ реформу въ области психо-патологіи. Но все, что можно привести изъ работы Мореля по отношенію къ уголовному праву, сводится къ тому, что преступникъ *можетъ быть* вырожденнымъ, дегенеративнымъ лицомъ, подобно тому, какъ преступникъ *можетъ* быть психически больнымъ лицомъ. Между тѣмъ, замѣчаетъ г. Вульфертъ, цитируя изъ 1 вып. сочиненія г. Дриля стр. 5, 16, 85, 89—90, для г. Дриля преступникъ *всегда* вырожденный и болѣзненный человѣкъ. Затѣмъ, указывая на одно полемическое замѣчаніе Мореля противъ Эскироля, ораторъ находитъ, что «тайники растительной дѣятельности» Д. А. Дриля имѣютъ много общаго съ тѣмъ мѣстомъ Эскироля, противъ котораго полемизируетъ Морель. По мнѣнію Мореля, говоритъ г. Вульфертъ, преступленія могутъ быть совершены какъ преступниками, такъ и больными людьми. Folies morales составляютъ, по Морелю, одинъ изъ классовъ наслѣдственныхъ душевныхъ болѣзней. При этомъ Морель отличаетъ крайнюю степень психическаго вырожденія и вырожденіе частичное (dégénération complète и dégénération partielle); между тѣмъ для г. Дриля вырожденіе, въ какой бы степени оно ни выражалось, является какъ бы однороднымъ.

Что же касается теоріи дегенераціи, то она, по мнѣнію г. Вульферта, остается пока очень темной: не выяснено еще главное — генезисъ дегенераціи. Въ засѣданіи медико - психологическаго Общества въ Парижѣ спеціалисты не могли сойтись въ объясненіи генезиса вырожденія. Маньянъ настаивалъ на дегенераціи въ самомъ широкомъ смыслѣ. Бушаръ находилъ, что дегенерація у дѣтей происходитъ отъ фетальныхъ болѣзней (болѣзней зародыша).

«Можно ли, спрашиваетъ ораторъ, внести эту, пока столь темную, теорію дегенераціи въ область уголовнаго права и практическую область уголовнаго правосудія»?

Переходя затѣмъ къ указанію референта на рѣчь проф. Бенедикта, г. Вульфертъ сказалъ, что Бенедиктъ давно уже мечетъ громы и молніи противъ «метафизической школы». Его классификація преступниковъ имѣетъ для насъ значеніе и потому, что она касается также дегенеративныхъ лицъ. Вотъ эта классификація: 1) homo nobilis; 2) homo ty-

picus (классъ, въ которомъ возможны преступники); 3) homme-canaille, гдѣ различаются также и категоріи: a) brutalis и b) perfidus. Подвиды: α) homo vitiosus и β) и homo criminalis, съ подраздѣленіями, среди которыхъ въ одномъ фигурируетъ нормальный, въ другомъ дегенеративный человѣкъ. Въ заключеніе оппонентъ указалъ на то, что Бенедиктъ стоитъ за крайнія мѣры противъ преступниковъ, которыя отвергаются референтомъ.

Д. А. Дриль въ своемъ возраженіи замѣтилъ, что А. К. Вульфертъ мелкія контроверсы между сторонниками школы принимаетъ за противорѣчія въ самомъ ученіи. Такое же ложное представленіе объ антропологической школѣ можно получить изъ статьи оппонента о Римскомъ конгрессѣ. Что касается указанія на противорѣчія ученія той школы, къ которой примыкаетъ референтъ, съ ученіемъ Мореля, то почтенный противникъ забываетъ, что науки прогрессируютъ уже. Эскироль въ ученіи о мономаніяхъ развиваетъ дальше основанія, положенныя Пинелемъ. Во многихъ мѣстахъ книги Мореля можно видѣть, что авторъ связываетъ преступность съ вырожденіемъ. Какъ Дарвинъ не доходилъ до своихъ конечныхъ выводовъ, такъ и Морель въ своихъ фактическихъ основаніяхъ гораздо шире, чѣмъ онъ формулируетъ. Никогда онъ, референтъ, не думалъ отрицать разнообразныхъ степеней вырожденія. Если генезисъ вырожденія и не установленъ безспорно, то во всякомъ случаѣ онъ даетъ болѣе прочное основаніе, чѣмъ то, которымъ руководствуется классическая школа и уголовная практика. Ломброзо не высказывалъ кабинетной теоріи, онъ наблюдалъ факты: наблюденія расширялись, нѣкоторыя гипотезы отпадали, но это не значитъ, чтобы выводы школы были произвольны. Говоря о необходимости классификаціи преступленій, говоря, что особенности преступленій указываютъ на особенности преступниковъ, Ломброзо и его послѣдователи не могли говорить, что вырожденіе всегда однородно.

Д. Н. Стефановскій высказывается противъ употребляемаго референтомъ выраженія: психологія преступности: это физіологія или психопатологія. Теорія новѣйшихъ физіологовъ, какъ и френологія Галля, именно слаба тѣмъ, что не обращаетъ вниманія на психологическіе принципы, на самосознаніе.

Засѣданіе 22 февраля 1888 г.

Засѣданіе открыто въ 8½ часовъ вечера подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя и почетнаго члена Общества **С. А. Муромцева**, при товарищѣ секретаря **Н. А. Морозовѣ**, въ присутствіи почетнаго члена **А. М. Фальковскаго** и дѣйствительныхъ: **А. Ф. Акулова, Н. Л. Борхарта, М. И. Бруна, А. П. Вяткина, Г. А. Джаншіева, Н. А. Зачинскаго, П. В. Леонова, Л. В. Малинина, кн. Ѳ. В. Мещерскаго, А. С. Никитенко, В. М. Пржевальскаго, Н. И. Ржондковскаго, В. И. Розенблюма, В. В. Сиротинина, А. Н. Филиппова, З. Я. Фрейнда, А. М. Хоткевича, М. А. Хрущева** и **М. Я. Шиллинга**.

Доложенъ и утвержденъ соединенный протоколъ предшествующихъ двухъ засѣданій.

Доложено о поступленіи новыхъ книгъ въ библіотеку Общества: «Расколъ-старообрядство»—А. С. Пругавина и «Лекціи по уголовному праву»—Н. С. Таганцева, выпускъ 2—отъ авторовъ.

Дѣйствительный членъ *Г. А. Джаншіевъ* прочиталъ рефератъ: Воспоминаніе объ умершемъ почетномъ членѣ Общества Сергѣѣ Ивановичѣ Зарудномъ, какъ дѣятелѣ по крестьянской и судебной реформѣ.

Дѣйствительный членъ *А. Н. Филипповъ* сдѣлалъ сообщеніе о ученыхъ и литературныхъ трудахъ С. И. Зарудnаго.

Засѣданіе закрыто въ 11 часовъ вечера

Засѣданіе 7 марта 1888 года (годичное).

Засѣданіе открыто въ $9^1/_2$ ч. веч. подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя и почетнаго члена Общества С. А. Муромцева, при секретарѣ Г. Б. Іоллосѣ. Присутствовали: почетные члены: Э. Н. Сумбулъ, А. М. Фальковскій и А. И. Чупровъ и дѣйствительные: А. Ф. Акуловъ, Н. И Андроссовъ, Г. В. Бертгольдтъ, И. П. Боголѣповъ, В. Я. Бобковъ, Н. Л. Борхартъ, М. И. Брунъ, И. А. Вернеръ, С. И. Викторскій, Н. А. Вокачъ, М. Я. Герценштейнъ, В. А. Гольцевъ, Г. А. Джаншіевъ, Д А. Дриль, А. Ф. Зачинскій, Н. А. Звѣревъ, А. Л. Зильберштейнъ, Н. Н. Игумновъ, Н. А. Каблуковъ, Н. А. Карышевъ, гр. Л. А. Камаровскій, И. В. Лебедевъ, М. А. Лебедевъ, А. А. Мануиловъ, П. В. Марковъ, В. И. Масляниковъ, кн. Ѳ. В. Мещерскій, Н. А. Морозовъ, В. Г. Короковъ, Е. В. Пассекъ, И. П. Побѣдимовъ, В. М. Пржевальскій, В. С. Пругавинъ, Н. А. Путилинъ, Н. И. Ржондковскій, М. А. Саблинъ, И. Н. Сахаровъ, Е. Н. Тарновскій, С. И. Филатовъ, Ю. И. Фрейманъ, А. М. Хотневичъ, М. Я. Шиллингъ, А. В. Шиловъ и А. К. Штейнфинкель.

I.

Предсѣдатель Общества, открывая засѣданіе, привѣтствовалъ Общество съ исполнившимся двадцатипятилѣтіемъ его дѣятельности.

II.

Секретарь Общества доложилъ слѣдующій отчетъ о состояніи и дѣятельности Общества въ истекшемъ году:

Мм. Гг.

Обозрѣвая дѣятельность Московскаго Юридическаго Общества за истекшій 25-ый годъ его существованія, я не могу остановить вашего вниманія на столь же выдающихся моментахъ, какимъ, напримѣръ, въ предыдущіе годы было ваше участіе въ обсужденіи новой кодификаціи уголовнаго права: я могу лишь констатировать, что направленіе и характеръ нашихъ занятій остались тѣ же, что не порвалась живая связь

съ потребностями жизни и общества въ широкомъ его понятіи, что научные вопросы и научныя контроверсы, дебатировавшіеся въ этихъ стѣнахъ, пользовались живымъ вниманіемъ членовъ Общества и посторонпихъ лицъ, присутствовавшихъ на засѣданіяхъ. Къ числу отрадныхъ явленій въ истекшемъ году нужно отнести участіе Общества въ обсужденіи вопроса такой огромной важности, какъ проектъ защиты заброшенныхъ дѣтей, которому посвящены были три засѣданія. Каково бы ни было мнѣніе каждаго изъ васъ въ отдѣльности о цѣлесообразности того или другаго изъ принятыхъ въ Обществѣ основаній регламентаціи дѣтской защиты, самая постановка вопроса и живое его обсужденіе составляютъ безспорно полезное дѣло, доброе начинаніе, и мы должны быть признательны тому благородному филантропическому учрежденію, которое, обратившись за содѣйствіемъ къ Московскому Юридическому Обществу, дало намъ поводъ къ обсужденію такихъ серьезныхъ принципіальныхъ темъ, какъ защита слабыхъ и роль государства, частныхъ союзовъ и индивидуальнаго милосердія въ смягченіи соціальныхъ неурядицъ. Изъ правительственныхъ учрежденій къ содѣйствію Московскаго Юридическаго Общества въ истекшемъ году обращалось министерство иностранныхъ дѣлъ, пожелавшее выслушать мнѣніе нашего Общества по вопросу о заключеніи литературной конвенціи съ Франціей. По приглашенію уважаемаго предсѣдателя, почтенный сочленъ нашъ графъ Л. А. Камаровскій составилъ по этому предмету докладъ, который, къ сожалѣнію, не могъ быть доложенъ въ засѣданіяхъ Общества вслѣдствіе закрытія Московскаго Университета. Изъ частныхъ лицъ къ Юридическому Обществу въ истекшемъ году обращались за совѣтомъ крестьяне двухъ деревень Самарской губерніи, и это обращеніе дало Обществу основаніе обсуждать въ двухъ засѣданіяхъ вопросъ «о правѣ крестьянъ на ихъ усадебную осѣдлость».

Если въ количественномъ отношеніи, по числу прочитанныхъ въ засѣданіяхъ рефератовъ, дѣятельность Общества нѣсколько понизилась противъ предыдущихъ лѣтъ, то я долженъ напомнить вамъ, что причиной этого печальнаго явленія является не ослабленіе научнаго и общественнаго интереса среди нашихъ сочленовъ, а исключительныя событія въ жизни Московскаго Университета. Закрытіе Университета прекратило на два мѣсяца и дѣятельность тѣсно связаннаго съ нимъ Московскаго Юридическаго Общества, т. е. отняло у Общества почти одну треть нашего нормальнаго, академическаго года.

Въ засѣданіяхъ Общества за истекшій годъ были доложены слѣдующіе рефераты:

Дѣйств. чл. *А. А. Исаевымъ* «Какъ измѣрять тягость налоговъ»?

Графомъ Л. А. Камаровскимъ «О заключеніи между народами литературнаго союза».

В. Н. Бензенгромъ «Антропологическій принципъ въ примѣненіи къ изслѣдованію преступности».

А. К. Вульфертомъ «Памяти Франческо Каррара».

Н. И. Ржондковскимъ «О наказуемой недобросовѣстности».

Д. А. Дрилемъ «Генетическій анализъ одного замѣчательнаго случая преступности, въ связи съ ученіями антропологической школы уголовнаго права».

Г. А. Джаншіевымъ «Памяти С. И. Зарудnаго».

А. Н. Филипповымъ «Литературная дѣятельность С. И. Зарудnаго».

Органъ Московскаго Юридическаго Общества, Юридическій Вѣстникъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, былъ вѣрнымъ отраженіемъ вашей дѣятельности, помѣщая на своихъ страницахъ статьи по теоретической и практической юриспруденціи въ широкомъ смыслѣ этого слова. Отраднымъ явленіемъ, заслуживающимъ быть отмѣченнымъ въ этомъ отчетѣ, является сотрудничество въ журналѣ иностранныхъ ученыхъ, изъ которыхъ Цезарь Ломброзо въ истекшемъ году помѣстилъ въ Юридическомъ Вѣстникѣ нигдѣ еще не опубликованное изслѣдованіе объ эпилепсіи и преступленіи, а Энрико Ферри прислалъ редакціи статью «Психологія убійцы», имѣющую быть напечатанной въ одной изъ ближайшихъ книгъ журнала. И въ томъ и въ другомъ случаѣ журналъ обязанъ искренней благодарностью Д. А. Дрилю, содѣйствовавшему привлеченіемъ къ участію въ Юридическомъ Вѣстникѣ двухъ выдающихся итальянскихъ ученыхъ, плодотворному единенію русской и западно-европейской научной мысли.

Библіотека Общества въ истекшемъ году, какъ и въ предыдущіе годы, получила изъ разныхъ правительственныхъ мѣстъ и отъ частныхъ лицъ многочисленныя приношенія.

Списокъ почетныхъ членовъ украсился именами Лоренца фонъ-Штейна, Максима Максимовича Ковалевскаго и сенатора Дмитрія Александровича Ровинскаго.

Съ 23 марта 1887 года по 15 февраля 1888 года включительно въ число членовъ Юридическаго Общества избраны:

Харузинъ Михаилъ Николаевичъ.
Дунаевъ Александръ Никифоровичъ.
Козловскій Сергѣй Александровичъ.
Тарасовъ Иванъ Ивановичъ.
Любенковъ Левъ Львовичъ.
Ключевскій Василій Осиповичъ.
Кутлеръ Николай Николаевичъ.
Стефановскій Димитрій Николаевичъ.
Хрулевъ Степанъ Степановичъ.
Цемицъ Сергѣй Николаевичъ.
Штейнфинкель Адольфъ Эммануиловичъ.
Мануиловъ Александръ Аполлоновичъ.
Пассекъ Евгеній Вячеславовичъ.
Миклашевскій Иванъ Николаевичъ.

Тарновскій Евгеній Никитичъ.
Позняковъ Григорій Александровичъ.
Хрущовъ Михаилъ Александровичъ.
Марковъ Петръ Васильевичъ.
Сибилевъ Валеріанъ Даниловичъ.
Селивановъ Алексѣй Васильевичъ.
Масляниковъ Владиміръ Ивановичъ.
Лебедевъ Иванъ Васильевичъ.

Въ истекшемъ году Общество понесло тяжелыя утраты въ лицѣ трехъ своихъ почетныхъ членовъ: сенатора Сергѣя Ивановича Зарудnаго, Франческо Каррара и сэра Генри Мэна.

Имя Сергѣя Ивановича, славнаго труженика судебной реформы и ученаго юриста, недолго украшало списокъ нашихъ почетныхъ членовъ: Сергѣй Ивановичъ избранъ 10 марта 1886 года. Я напомню вамъ только, что избраніе его состоялось наканунѣ двадцатипятилѣтія судебной реформы, что эта высшая почесть, которую можетъ оказать ученое Общество и которую высоко цѣнилъ покойный нашъ сочленъ, была мотивирована желаніемъ отмѣтить заслуги почетнаго и неутомимаго дѣятеля, «стремившагося внести въ нашу государственную жизнь основные элементы права и правды». Послѣ тѣхъ прочувствованныхъ и краснорѣчивыхъ рѣчей, которыя были уже посвящены въ нашемъ Обществѣ памяти С. И. Зарудnаго, я могу ограничиться выраженіемъ скорби о потерѣ, понесенной нами и всѣмъ русскимъ обществомъ, лишившимся въ нашемъ покойномъ членѣ одного изъ рѣдкихъ, къ сожалѣнію, людей, умѣющихъ вносить пониманіе гражданскаго долга въ служебныя обязанности, умѣющихъ упорно трудиться на благо своей родины и отдыхающихъ отъ служебныхъ трудовъ за научными, литературными и художественными занятіями.

Въ *Франческо Каррара* классическая школа уголовнаго права оплакиваетъ своего признаннаго вождя, Италія одного изъ славныхъ своихъ сыновей, боровшагося за осуществленіе въ своемъ отечествѣ и за предѣлами его принциповъ правды и гуманности. Нашъ почтенный сочленъ А. К. Вульфертъ очертилъ уже здѣсь выдающіяся стороны таланта и замѣчательные моменты дѣятельности этого величайшаго, какъ называютъ его его соотечественники и ученики, юриста послѣ Бекаріа. Московское Юридическое Общество теряетъ въ покойномъ одного изъ немногихъ и самыхъ знаменитыхъ своихъ почетныхъ членовъ.

Третья великая утрата—смерть Генри Сомнера Мэна, скончавшагося въ январѣ нынѣшняго года на 66 году жизни. Тотъ, который лучше всѣхъ насъ въ состояніи былъ бы дать здѣсь оцѣнку научной дѣятельности Мэна, М. М. Ковалевскій, къ прискорбію нашему, удаленъ изъ нашей среды. Огромныя заслуги творца сравнительнаго метода въ правовѣдѣніи особенно понятны намъ по результатамъ, достигнутымъ нашими русскими его послѣдователями, но не менѣе цѣнится значеніе автора

«Древняго закона», «Исторіи учрежденій», «Деревенскихъ общинъ» и мн. др.—въ его отечествѣ, гдѣ до него почти неизвѣстны были труды германской исторической школы, гдѣ Савиньи, Эйхгорна или Мауера юристы едва знали по имени. Даже въ Германіи труды Мэна не прошли безслѣдно и дали замѣтный толчекъ той новой плеядѣ нѣмецкихъ юристовъ, которая стремится охватить въ своемъ изученіи законы и народные обычаи всѣхъ народовъ. Самая мѣткая оцѣнка его дѣятельности сдѣлана была послѣ его смерти въ Times, назвавшей сэра Генри Мэна «блестящимъ» выразителемъ того великаго движенія современной мысли, которое сдѣлало эволюцію ключемъ знанія, а сравнительный методъ — ключемъ исторіи.

Я не хочу, однако, кончать свой отчетъ грустными вспоминаніями. Миръ праху достойныхъ дѣятелей науки и общества, но живые пусть живутъ и дѣйствуютъ по мѣрѣ силъ своихъ на пользу родины и для осуществленія великихъ цѣлей человѣчества. Эти замѣчательные старики: Мэнъ, въ 66 лѣтъ собирающійся начать чтеніе совершенно новаго курса въ Кембриджскомъ университетѣ, Каррара, въ 83 года не прекращавшій научной работы и не потерявшій интереса къ вопросамъ своего времени, должны быть для насъ ободряющимъ и укрѣпляющимъ примѣромъ въ такой серьезный моментъ нашего Юридическаго Общества, какъ наступившая теперь для него новая четверть вѣка. Мы заключаемъ сегодня 25-ый годъ существованія Московскаго Юридическаго Общества, дѣятельность котораго совпадаетъ и съ великими, и съ печальными эпохами въ государственной и общественной жизни Россіи. Въ теченіе всего времени своего существованія Общество было учрежденіемъ, сближавшимъ теоретика съ практикомъ, аудиторію съ ораторами, интеллигентнаго человѣка съ интеллигентнымъ человѣкомъ. Нужно ли говорить, какое огромное значеніе подобное сближеніе, притомъ на почвѣ идеальныхъ научныхъ и соціальныхъ интересовъ, имѣетъ именно у насъ въ Россіи, при слабомъ развитіи у насъ общественности, при отсутствіи разумнаго сочетанія интеллигентныхъ силъ съ административной и законодательной дѣятельностью бюрократіи, при слабомъ развитіи свободныхъ союзовъ? Гдѣ въ такой мѣрѣ возможно у насъ прямое и искреннее выраженіе мнѣній и честный споръ, ведущій къ истинѣ? Пожелаемъ же, чтобы дѣятельность Московскаго Юридическаго Общества и въ наступающей новой четверти вѣка его существованія распространялось на все большія сферы, чтобы Общество росло, процвѣтало и вызывало къ себѣ сочувствіе честныхъ и любящихъ свою родину людей. Vivat, crescat, floreat!

III.

Секретарь Статистическаго Отдѣленія доложилъ отчетъ о состояніи и дѣятельности Отдѣленія въ истекшемъ году (см. «Юридическій Вѣстникъ» 1889 г., № 6—7, стр. 372—374).

IV.

Доложенъ и утвержденъ отчетъ *Казначея Общества* о приходѣ и расходѣ денегъ за 1887 годъ:

ПРИХОДЪ.	Предполагалось по бюджету.	Въ дѣйствительности.
1) Остатокъ отъ прошлаго года	16 р. 78 к.	16 р. 78 к.
2) Членскіе взносы	2,300 » — »	1,970 » — »
3) % по купонамъ 11-ти билетовъ	52 » — »	52 » 25 »
4) За выданные дипломы	— » — »	— » — »
Итого. .	2,371 р. 78 к.	2,039 р. 03 к.
За вычетомъ расхода		2,015 » 84 »
Имѣется въ остаткѣ къ 1 января 1888 г.		23 р. 19 к.

РАСХОДЪ.	Предполагалось по бюджету.	Въ дѣйствительности.
Первая категорія.		
1) Жалованье дѣлопроизводителю.	120 р. — к.	70 р. — к.
2) » унт. оф. Павлову	132 » — »	132 » — »
3) Плата времен.-наемн. служителямъ . . .	20 » — »	13 » 75 »
4) Праздничныя	50 » — »	62 » 25 »
5) Страхованіе билетовъ	11 » — »	13 » 40 »
6) Храненіе билетовъ	7 » — »	1 » 38 »
7) Хозяйст. расх. Общ., отд. и коммиссій .	30 » — »	22 » — »
8) Почтовые и канцелярскіе	20 » — »	13 » 04 »
9) Объявленія въ газетахъ	20 » — »	— » — »
10) Телеграммы	— » — »	10 » 32 »
Вторая категорія.		
1) Библіотека Общества	200 » — »	57 » 70 »
2) «Редакція Юридическаго Вѣстника»:		
Дополнительное пособіе на 1886 г. . . .	60 » — »	60 » — »
Пособіе на 1887 г.	1,500 » — »	1,500 » — »
Дополнительное пособіе на 1887 г. . . .	— » — »	60 » — »
Итого .	2,170 р. — к.	2,015 р. 84 к.

Въ кассѣ Общества:

Билетами 5% внутр. втораго съ выигр. займа, числомъ одиннадцать, №№ $\frac{\text{серіи съ 19814 по 19823}}{\text{билета 37}}$ и № $\frac{08153}{42}$

на сумму по номинальной цѣнѣ . . . . . 1,100 р. — к.

(на храненіи въ Моск. Куп. Банкѣ, квитанція 1 декабря 1882 г. № 23856).

Билетъ Московскаго Учетнаго Банка, отъ 29 октября 1887 года № 31240, на деньги, собранныя на премію имени В. Н. Лешкова . . . . . 471 р. 26 к.

Капиталъ съѣзда юристовъ въ 4 банковыхъ билетахъ 100 рублеваго достоинства съ % съ 1 марта 1887 года.

Утверждая отчетъ, Общество постановило выразить казначею *М. Я. Шиллингу* благодарность за многолѣтнее исполненіе имъ его обязанностей.

V.

Библіотекарь Общества *А. Ф. Акуловъ* доложилъ слѣдующій отчетъ о состоянія библіотеки Общества въ 1887 году:

«Въ истекшемъ году въ библіотеку Общества поступило книгъ болѣе сравнительно съ ближайшими прошлыми годами, взятыми отдѣльно, главнымъ образомъ, благодаря книгамъ, полученнымъ изъ Румянцевской библіотеки и пожертвованнымъ г. Племянниковымъ. Тогда какъ въ отчетномъ 1882 году поступило 33 названія въ 62 томахъ, въ 1884 — 48 названій въ 67 томахъ, въ 1886 — 72 названія при 104 томахъ, въ истекшемъ году принято и включено въ инвентарный каталогъ 203 названія разныхъ книгъ, брошюръ, тетрадей и проч., всего 352 тома, изъ которыхъ на Статистическое Отдѣленіе приходится 57 названій въ 121 томѣ. По произведенной мною провѣркѣ всего наличнаго состава библіотеки, количество находящихся въ ней книгъ, къ концу настоящаго отчетнаго года, заключающаго собою первое 25-лѣтіе существованія нашего Общества, можно опредѣлять, по алфавитному и инвентарному каталогамъ, цифрою около 720 названій въ 1,570 томахъ».

«При повѣркѣ библіотеки, имѣющаяся въ ней коллекція книгъ на иностранныхъ языкахъ, не помѣщенная въ алфавитный каталогъ при его составленіи, включена мною въ таковой во всемъ ихъ наличномъ количествѣ».

«По вопросу составленія систематическаго печатнаго каталога, относительно котораго не разъ выражалось желаніе членами Общества, мною констатирована столь значительная случайность состава библіотеки, разрозненность книгъ и нѣкоторыхъ изданій, что это обстоятельство, въ связи со скудостію большинства отдѣловъ и рубрикъ, на которые распадается весь библіотечный матеріалъ, дѣлаетъ въ настоящее время систематизацію каталога и печатаніе его, по моему мнѣнію, высказанному и въ прошлогоднемъ моемъ отчетѣ, нецѣлесообразною затратою труда и денежныхъ средствъ, впредь по крайней мѣрѣ до пополненія разрозненныхъ изданій и очистки библіотеки отъ накопившагося въ ней безполезнаго матеріала. Въ видѣ же временной мѣры, для большаго удобства членовъ Общества въ пользованіи библіотекой, а также и съ цѣлію предоставленія имъ возможности ознакомленія съ пробѣлами въ ея составѣ

въ видахъ содѣйствія къ его пополненію, я счелъ нужнымъ—къ единственному имѣющемуся экземпляру алфавитнаго рукописнаго каталога, прибавить, посредствомъ его переписки, еще два экземпляра, что потребовало затраты 7 руб. 20 коп.».

«Что касается мѣръ, имѣющихъ цѣлію улучшеніе состава библіотеки въ количественномъ и качественномъ отношеніяхъ, то ихъ въ настоящее время, по моему мнѣнію, можно свести: 1) къ постоянной мѣрѣ — пріобрѣтенію черезъ покупку нужныхъ книгъ и изданій, не имѣющихся въ библіотекѣ, 2) къ покупкѣ книгъ, не достающихъ въ находящихся въ библіотекѣ разрозненныхъ изданіяхъ и 3) къ очисткѣ библіотеки отъ накопившагося ненужнаго матеріала. — Относительно покупки неимѣющихся въ библіотекѣ книгъ и изданій,—такъ какъ по самому существу дѣла и въ силу § 3 постановл. Общества 14 февраля 1883 года «о порядкѣ расходованія денегъ, назначенныхъ на библіотеку», библіотекарь долженъ въ этомъ случаѣ только сообразоваться съ заявленными требованіями членовъ Общества и не можетъ имѣть личной иниціативы ни въ выборѣ книгъ, ни въ опредѣленіи направленія и характера пополненія библіотеки, онъ не можетъ, за отсутствіемъ таковыхъ требованій, ставить въ настоящемъ своемъ отчетѣ вопроса объ ассигнованіи какой либо опредѣленной суммы для этой цѣли.—Что же касается пополненія разрозненныхъ изданій,—такъ какъ это относится лишь къ улучшенію status quo наличнаго состава библіотеки, — библіотекарь считаетъ себя компетентнымъ теперь же заявить о необходимости ассигновки спеціально на этотъ предметъ, а также и на переплетъ нѣкоторой части книгъ, опредѣленной цифры, по крайней мѣрѣ не менѣе 100 рублей. Затѣмъ, по отношенію къ мѣрѣ отрицательнаго свойства, т. е. исключенію изъ библіотеки тѣхъ книгъ и изданій, которыя представляются безполезными и ненужными для нея или по своей крайней разрозненности, не могущей быть пополненной, или же по своему содержанію, нельзя не признать, что мѣра эта, полезная и сама по себѣ, для поднятія качественнаго состава библіотеки, является въ настоящее время прямо необходимой вслѣдствіе наступающей тѣсноты и недостатка мѣста въ шкафахъ. Но такъ какъ вопросъ объ исключеніи изъ библіотеки всего того, что въ ней должно быть признано ненужнымъ, насколько мнѣ извѣстно, ни разу еще не возбуждался въ нашемъ Обществѣ и наравнѣ съ вопросомъ о выборѣ, съ цѣлію покупки, новыхъ изданій, по своей серьезности, не можетъ быть предоставленъ единоличному разрѣшенію библіотекаря, то, пользуясь настоящимъ случаемъ, я просилъ бы Общество высказаться о практическомъ разрѣшеніи этого вопроса. Къ сожалѣнію, та мѣра, которую я, для сокращенія процедуры очистки библіотеки, по совѣту и съ согласія г. Предсѣдателя Общества, намѣренъ былъ примѣнить въ заключеніе ревизіи всей библіотеки, пользуясь свободою дневныхъ занятій въ ея помѣщеніи во время лѣтнихъ каникулъ, — а именно, отобраніе представляющагося безполезнымъ матеріала, съ тѣмъ,

чтобы, по обозрѣніи его потомъ членами Общества, оно санкціонировало его исключеніе, — мнѣ не удалась по причинѣ начавшейся въ то время (въ первыхъ числахъ августа) ремонтировки въ помѣщеніи библіотеки. Такъ какъ, вообще, за исключеніемъ каникулярнаго времени и праздничныхъ дней, это помѣщеніе становится недоступнымъ для дневныхъ занятій, требующихъ дневнаго свѣта, то въ настоящее время библіотекарю, по моему мнѣнію, остается лишь одно средство скорѣйшей очистки библіотеки—это составленіе по каталогу и при совмѣстномъ участіи приглашенныхъ для этого двухъ или трехъ членовъ Общества списка предполагаемыхъ къ исключенію книгъ, съ цѣлію представленія потомъ этого списка на утвержденіе самого Общества; самое же отобраніе и исключеніе изъ инвентаря книгъ могло бы затѣмъ быть произведено библіотекаремъ съ первымъ наступленіемъ болѣе длинныхъ весеннихъ дней».

«Упомянувъ о встрѣтившемся мнѣ препятствіи со стороны помѣщенія библіотеки, я имѣлъ въ виду главнымъ образомъ, этимъ живымъ примѣромъ, обратить особое вниманіе Общества на все болѣе и болѣе увеличивающуюся неудовлетворительность этого помѣщенія, требующую неотмѣннаго принятія какихъ либо мѣръ. Своимъ двухлѣтнимъ опытомъ я вполнѣ убѣдился, что помѣщеніе нашей библіотеки, занятое архивомъ и дѣлами правленія и казначейства университета и съ недавняго времени особымъ отдѣленіемъ для студенческой врачебной консультаціи, въ обычный періодъ засѣданій нашего Общества, исключаетъ почти всякую возможность регулярныхъ дневныхъ занятій, необходимыхъ какъ при общей, такъ и при частичной реорганизаціи въ размѣщеніи библіотечнаго матеріала и даже для простаго поддержанія порядка въ библіотекѣ, оставляетъ для этого библіотекарю лишь такъ сказать экстраординарное время— лѣтнія каникулы и праздничные дни, а во все остальное время даетъ ему возможность только по вечерамъ совершать формальную работу записыванія въ инвентарный каталогъ вновь поступившихъ книгъ. Къ тому же, если пополненіе библіотеки будетъ продолжаться даже и въ настоящихъ своихъ скромныхъ размѣрахъ, есть большая вѣроятность предполагать, что для вновь поступающихъ книгъ скоро не останется свободнаго мѣста въ наличныхъ шкафахъ и за пріобрѣтеннымъ въ 3 году пятымъ шкафомъ въ непродолжительномъ времени потребуется шестой, который, при теперешнемъ загроможденіи помѣщенія библіотеки, некуда будетъ поставить».

«Наконецъ, нельзя не признать желательнымъ принятіе соотвѣтствующихъ мѣръ и противъ случайности поступленія книгъ, являющейся главною и постоянною причиною скопленія въ библіотекѣ безполезнаго по своей разрозненности матеріала. При настоящемъ порядкѣ вещей, нерѣдки случаи, что изъ цѣлаго многотомнаго сочиненія получается лишь одна или двѣ книги, а изъ ежемѣсячнаго изданія—двѣ или три части вмѣсто 12 годовыхъ. Такъ какъ библіотека наша пополняется фактически—главнымъ образомъ — или путемъ обмѣна изданій Общества на

изданія другихъ ученыхъ Обществъ и разныхъ учрежденій, или же путемъ даровыхъ поступленій книгъ, то, если невозможно регулировать послѣдній источникъ пополненія библіотеки, мнѣ кажется, нельзя сказать того же относительно перваго источника».

VI.

Подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя *В. А. Гольцева* доложены:

А) Отчетъ о состояніи дѣлъ редакціи Юридическаго Вѣстника за 1887 годъ.

Б) Отчетъ ревизіонной коммиссіи по состоянію дѣлъ редакціи Юридическаго Вѣстника слѣдующаго содержанія: «1888 года февраля 24 дня, на основаніи постановленія Юридическаго Общества, члены ревизіонной коммиссіи: *А. М. Фальковскій*, *В. Н. Бензенгръ* и *Н. И. Ржондковскій* нашли отчетность вполнѣ правильною и полагаютъ, что сверхъ обычнаго пособія, выдаваемаго Юридическимъ Обществомъ редакціи Юридическаго Вѣстника изъ суммъ Общества, въ теченіе 1888 г. можетъ быть выдана сумма въ 300 руб. на погашеніе части дефицита, образовавшагося въ 1886 и 1887 годахъ.

Общество, утвердивъ отчеты редакціи и ревизіонной коммиссіи и предложеніе послѣдней, вмѣстѣ съ тѣмъ по предложенію предсѣдательствующаго выразило благодарность редакторамъ Юридическаго Вѣстника и членамъ Общества, принимавшимъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ редакціи.

VII.

Предсѣдатель доложилъ о личномъ составѣ Общества, объяснивъ, что изъ списка членовъ, согласно уставу Общества, исключены тѣ лица, которыя не вносили членскихъ взносовъ въ теченіе двухъ лѣтъ, и предложилъ по примѣру прежнихъ лѣтъ вносить въ списки членовъ всѣхъ тѣхъ исключенныхъ изъ него лицъ, которыя уплатятъ членскіе взносы за прошедшее время.

Общество утвердило списокъ членовъ и приняло сдѣланное предложеніе.

VIII.

Предсѣдатель доложилъ, что Общество имѣетъ одиннадцать билетовъ 2-го внутренняго съ выигрышами займа на сумму по номинальной цѣнѣ 1,100 руб. Въ прошедшіе годы со стороны нѣкоторыхъ членовъ Общества поступали заявленія о болѣе доходномъ помѣщеніи нашего капитала путемъ обмѣна выигрышныхъ билетовъ на другія бумаги, но предложенія членовъ обычно отклонялись на томъ основаніи, что капиталъ обращенъ въ выигрышные билеты по желанію жертвователей, и потому би-

леты эти не могутъ быть обмѣниваемы на какіе либо другіе. Но по тщательной справкѣ въ дѣлахъ Общества оказалось, что лишь два билета составляютъ пожертвованія, остальные же пріобрѣтены по постановленію самого Общества на деньги, образовавшіяся изъ остатковъ кассы Общества. А потому Предсѣдатель предложилъ, не желаетъ ли Общество сдѣлать какое либо постановленіе по этому предмету.

По выслушаніи сдѣланныхъ замѣчаній, постановлено: оставить означенный капиталъ по прежнему въ выигрышныхъ билетахъ.

IX.

Сужденіе объ учрежденіи преміи имени В. Н. Лешкова постановлено отложить до будущаго года.

X.

Разсмотрѣнъ и утвержденъ бюджетъ Общества на 1888 годъ.

ПРИХОДЪ.

1) Остатокъ отъ прошлаго года	23 р.	19 к.
2) Членскіе взносы	2,300 »	— »
3) % по купонамъ 11-ти билетовъ	52 »	25 »
4) За дипломы	— »	— »
Итого	2,375 р.	44 к.
За вычетомъ предполагаемаго расхода	2,520 »	— »
Недостанетъ	144 р.	56 к.

РАСХОДЪ.

Первая категорія.

1) Жалованье дѣлопроизводителю	170 р.	— к.
2) » унт. оф. Павлову	132 »	— »
3) Плата временно-наемнымъ служителямъ	20 »	— »
4) Праздничныя	50 »	— »
5) Страхованіе билетовъ	11 »	— »
6) Храненіе билетовъ	7 »	— »
7) Хозяйств. расх. Общества, Отдѣл. и коммиссій.	30 »	— »
8) Почтовые и канцелярскіе расходы	20 »	— »
9) Объявленія въ газетахъ	20 »	— »

Вторая категорія.

1) Библіотека Общества	200 »	— »
2) «Редакція Юридическаго Вѣстника»:		
Пособіе на 1888 годъ	1,560 »	— »
На покрытіе дефицита	300 »	— »
Итого	2,520 р.	— к.

XI.

Доложены:

1) Предложеніе членовъ Общества: С. Муромцева, Э. Сумбула, Г. Іоллоса, В. Гольцева, В. Пржевальскаго, Н. Морозова, А. Фальковскаго, Д. Дриля, гр. Л. Камаровскаго, М. Бруна, Н. Звѣрева, И. Сахарова, С. Викторскаго и Гр. Джаншіева объ избраніи въ почетные члены Общества профессора Московскаго Университета *Алексѣя Степановича Павлова*, въ знакъ глубокаго уваженія къ его заслугамъ передъ русскою юридическою наукою, сказавшимся въ трудахъ его по каноническому праву и по исторіи русскаго права, и въ ознаменованіе той связи съ Университетомъ и въ частности съ его юридическимъ факультетомъ, которую Общество всегда высоко цѣнило и которая оказывала благотворное вліяніе на дѣятельность Общества.

2) Предложеніе членовъ Общества: А. Чупрова, В. Гольцева, В. Пржевальскаго, гр. Л. Камаровскаго, Н. Путилина, И. Боголѣпова, А. Фальковскаго, И. Сахарова, Н. Каблукова, С. Викторскаго и Гр. Джаншіева объ избраніи въ почетные члены Общества *Александра Дмитріевича Градовскаго* и *Василія Ивановича Сергѣевича*, многолѣтняя и плодотворная дѣятельность которыхъ на поприщѣ русской юридической науки пользуется давно уже громкою и вполнѣ заслуженною извѣстностью.

В. А. Гольцевъ указалъ заслуги означенныхъ лицъ предъ русскою наукою.

3) Предложеніе членовъ Общества: С. Муромцева, Гр. Джаншіева, А. Фальковскаго, В. Гольцева, Д. Дриля, Н. Андросова, гр. Л. Камаровскаго, Н. Путилина, В. Бобкова, И. Боголѣпова, П. Маркова, И. Сахарова, В. Пржевальскаго, М. Саблина, Г. Іоллоса, М. Герценштейна, Н. Морозова, Н. Вокача, М. Бруна, кн. Ѳ. Мещерскаго, А. Акулова, Г. Бертгольдта, И. Побѣдимова, Н. Ржондковскаго, М. Лебедева, М. Шиллинга, С. Филатова, И. Лебедева, Н. Борхарта, Э. Сумбула, Ю. Фреймана, В. Масленникова, Н. Каблукова и С. Щепотьева объ избраніи въ почетные члены Общества присяжнаго повѣреннаго *Алексѣя Михайловича Унковскаго*, ученаго публициста, и экономиста *Алексѣя Адріановича Головачова* и сенатора *Виктора Антоновича Арцимовича*. Предложеніе изложено въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Въ виду истекшаго 25-лѣтія существованія Московскаго Юридическаго Общества, мысль невольно останавливается на времени и обстоятельствахъ, коимъ оно обязано своимъ возникновеніемъ. По свидѣтельству его перваго исторіографа В. Н. Лешкова, ближайшею причиною основанія Общества была судебная реформа; но, какъ показываетъ исторія самой судебной реформы, она въ свою очередь обязана своимъ развитіемъ и благополучнымъ завершеніемъ главнымъ образомъ состоявшемуся въ 1861 году великому акту освобожденія крестьянъ съ землею. Всѣ вышеозначенныя предлагаемыя въ по-

четные члены лица принимали живое участіе въ работахъ по освобожденію крестьянъ и судебной реформѣ. А. М. Унковскій, будучи въ 1858 г. тверскимъ губернаторомъ, предводителемъ дворянства, совмѣстно съ А. А. Головачевымъ, первые выдвинули и поставили на твердую почву вопросъ объ освобожденіи крестьянъ съ землею, имѣвшій дотолѣ очень неопредѣленный характеръ, подъ наименованіемъ «усадебной осѣдлости». Они же составили извѣстную всеподданнѣйшую записку, въ коей, развивая подробно планъ надѣленія крестьянъ землей, вмѣстѣ съ тѣмъ выставляли, какъ необходимыя условія успѣшнаго дѣйствія крестьянской реформы, установленіе независимости суда, суда присяжныхъ, свободы печати и проч. Въ дальнѣйшей своей дѣятельности А. М. Унковскій не мало послужилъ идеѣ новаго суда честнымъ прохожденіемъ въ теченіе 20 лѣтъ многотрудной и исполненной многихъ соблазновъ и опасностей адвокатской карьеры, а А. А. Головачовъ своимъ честнымъ и талантливымъ публицистическимъ перомъ выступалъ не разъ на защиту либеральныхъ основъ реформъ прошедшаго царствованія и здравыхъ началъ экономической науки и въ продолженіе многихъ лѣтъ неустанно работаетъ въ разныхъ отрасляхъ общественныхъ наукъ и принимаетъ живое участіе въ занятіяхъ нашего Общества. Участіе В. А. Арцимовича въ крестьянской реформѣ началось вызовомъ его по Высочайшему повелѣнію изъ Калуги въ Петербургъ въ 1859 году для участія въ работахъ коммиссіи для составленія проекта о мировыхъ посредникахъ, а послѣ составленія положенія о крестьянахъ, В. А. по должности калужскаго губернатора не мало способствовалъ приведенію въ дѣйствіе положенія 19 февраля, согласно его духу. Съ открытіемъ новыхъ судовъ В. А., въ качествѣ одного изъ первыхъ сенаторовъ уголовнаго кассаціоннаго департамента, участвовалъ въ первыхъ кассаціонныхъ истолкованіяхъ судебныхъ уставовъ, имѣвшихъ цѣлью неукоснительное утвержденіе въ дѣятельности новаго суда гуманныхъ началъ, положенныхъ въ его основаніе».

А. И. Чупровъ поддерживалъ это предложеніе.

4) Предложеніе членовъ Статистическаго Отдѣленія Общества: гг. А. Чупрова, М. Саблина, Е. Тарновскаго, В. Григорьева, Г. Познякова, И. Боголѣпова, И. Янжула, И. Вернера, Н. Карышева, Н. Каблукова, В. Пругавина, В. Гольцева, Г. Іоллоса, М. Герценштейна и С. Щепотьева объ избраніи въ почетные члены предсѣдателя Статистическаго Совѣта, сенатора Петра Петровича Семенова, какъ выдающагося представителя русской статистической науки и практики и дѣятеля по освобожденію крестьянъ.

А. И. Чупровъ поддерживалъ это предложеніе, указавъ на заслуги П. П., какъ организатора оффиціальной статистики, и на то уваженіе, какимъ пользуется онъ въ средѣ европейскихъ статистиковъ.

5) Предложеніе гг. членовъ: Н. Андроссова, Д. Дриля, М. Герценштейна, Г. Іоллоса, Н. Каблукова, Е. Тарновскаго, М. Саблина, И. Вернера, В. Пругавина, Н. Путилина, И. Боголѣпова, В. Бобкова, Н. Морозова, Лебедева, Гр. Джаншіева, А. Фальковскаго, М. Бруна, гр. Л. Камаров-

ского, А. Зачинскаго и В. Окорокова объ избраніи въ почетные члены профессора римскаго университета по кафедрѣ уголовнаго права *Энрико Ферри*.

Д. А. Дриль указалъ на значеніе Э. Ферри, какъ одного изъ видныхъ представителей новой позитивной школы уголовнаго права, на его дѣятельность, какъ ученаго, профессора, законодателя и адвоката.

По произведенной баллотировкѣ шарами всѣ предложенныя лица оказались избранными въ почетные члены Общества.

XII.

Общество приступило къ избранію должностныхъ лицъ, при чемъ по запискамъ оказались избранными: предсѣдателемъ общества—*С. А. Муромцевъ*, товарищами предсѣдателя: *В. А. Гольцевъ* и *В. М. Пржевальскій*, секретаремъ *Н. А. Морозовъ*, казначеемъ *М. Я. Шиллингъ* и библіотекаремъ *А. Ѳ. Акуловъ*; избраніе же товарищей секретаря по запискамъ не состоялось, почему по произведенной шарами баллотировкѣ оказались избранными *А. И. Аммонъ* и *Л. В. Малининъ*.

Передъ избраніемъ секретаря, Общество, по предложенію предсѣдателя, выразило сожалѣніе объ отказѣ отъ баллотировки бывшаго секретаря Общества *Г. Б. Іоллоса* и благодарность за двухлѣтнее исполненіе имъ этой должности.

Засѣданіе 13 марта 1888 года (торжественное).

Засѣданіе открыто въ актовомъ залѣ Императорскаго Московскаго Университета въ 12 ч. 45 минутъ дня предсѣдателемъ и почетнымъ членомъ Общества С. А. Муромцевымъ, при секретарѣ Н. А. Морозовѣ; въ присутствіи почетныхъ членовъ А. А. Головачева, А. С. Павлова, Э. Н. Сумбула, А. М. Фальковскаго, А. И. Чупрова, и дѣйствительныхъ членовъ: А. Ф. Акулова, Н. М. Андроссова, Н. В. Баснина, Г. В. Бертгольдта, И. П. Боголѣпова, П. С. Братановскаго, Н. В. Борхардта, М. И. Бруна, И. М. Волкова, А. К. Вульферта, М. Я Герценштейна, М. Г. Гольденвейзера, В. А. Гольцева, Г. А. Джаншіева, Д. Н. Доброхотова, Д. А. Дриля, Н. А. Зачинскаго, Н. А. Звѣрева, Н. П. Зыкова, І. И. Иллюстрова, Г. Б. Іоллоса, М. К. Каблуковой, Н. А. Каблукова, гр. Л. А. Камаровскаго, Н. А. Карышева, В О. Ключевскаго, И. С. Курилова, Л. В. Малинина, А. А. Мануилова, кн. Ѳ. В. Мещерскаго, Н. І. Нерсесова, Н. С. Никитенко, Е В. Пассека, И. П. Побѣдимова, И. Х. Померанцева, В. М Пржевальскаго, В. С. Пругавина, Н. А. Путилина, Н. И. Ржондковскаго, В. И. Розенблюма, М. А. Саблина, Ѳ. А. Савей-Могилевича, И. Н. Сахарова, В. В. Сиротинина, П. А. Столповскаго, Н. С. Тростянскаго, М. П. Фролова, А. И. Харламповича, М. А. Хрущова, М. Я. Шиллинга, А. В. Шилова, А. Э. Штейнфинкеля, С. А. Щепотьева и Н. В. Юнгфера.

1) Прочитанъ распорядительный протоколъ бюро Общества.

2) Предсѣдателемъ Общества, почетнымъ членомъ *С. А. Муромцевымъ* прочитана рѣчь: «Прошлое Московскаго Юридическаго Общества».

3) Провозглашены имена лицъ, избранныхъ въ почетные члены Общества въ годичномъ засѣданіи Общества 7 марта 1888 г.

4) Прочитаны полученныя привѣтствія.

5) Дѣйствительнымъ членомъ *Г. А. Джаншіевымъ* прочитана рѣчь: «Какъ возникло Московское Юридическое Общество».

6) Дѣйствительнымъ членомъ *П. А. Столповскимъ* произнесена рѣчь: «Первый съѣздъ русскихъ юристовъ».

7) Товарищемъ предсѣдателя Общества, *В. М. Пржевальскимъ* прочитана рѣчь: «Реформа уголовнаго законодательства».

8) Почетнымъ членомъ *А. М. Фальковскимъ* прочитана рѣчь: «Наше будущее гражданское уложеніе».

9) Предсѣдателемъ Статистическаго отдѣленія и почетнымъ членомъ Общества *А. И. Чупровымъ* прочитана рѣчь: «Значеніе статистики для правовѣдѣнія и ея успѣхи въ Россіи за послѣднее время» [1]).

10) Постановлено благодарить учрежденія и лицъ, прислвшихъ привѣтствія.

Засѣданіе закрыто въ $4^1/_2$ часа пополудни.

Засѣданіе 23 марта 1888 года.

Засѣданіе открыто въ 8 час. 15 м. веч. подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя **В. М. Пржевальскаго**, при секретарѣ **Н. А. Морозовѣ** и товарищѣ секретаря **А. И. Аммонѣ**. Присутствовали дѣйствительные члены: **А. Ф. Акуловъ, Н. Л. Борхартъ, В. Г. Вилленцъ, Г. А. Джаншіевъ, Д. Н. Доброхотовъ, Д. А. Дриль, Н. А. Зачинскій, Н. П. Зыковъ**, графъ **Л. А. Камаровскій, П. В. Марковъ**, князь **Ѳ. В. Мещерскій, А. С. Никитенко, Н. И. Ржондковскій, Н. Я. Фрейндъ, А. М. Хоткевичъ, С. Н. Цемшъ, Н. Н. Чеботаревскій** и **М. Я. Шиллингъ**.

1) Доложены и утверждены протоколы засѣданія 22 февраля, 7 и 13 марта.

2) Доложены бумаги, полученныя предсѣдателемъ Общества.

а) Письмо почетнаго члена А. Д. Градовскаго отъ 16 марта слѣдующаго содержанія: «М. Г. Сергѣй Андреевичъ! Позвольте принести Вамъ и черезъ посредство Ваше, Московскому Юридическому Обществу мою глубокую признательность за лестное для меня избраніе почетнымъ членомъ его. Признаніе слабыхъ заслугъ моихъ послужило для меня утѣшеніемъ и поощреніемъ. Вниманіе почтеннаго Общества утѣшило меня въ нынѣшнемъ болѣзненномъ состояніи моемъ; оно же, надѣюсь, поощритъ меня къ новымъ трудамъ, когда возстановятся силы мои. Къ чувству живой признательности позвольте присоединить желаніе о процвѣтаніи нашего Московскаго Общества на многіе годы. Съ лучшими чувствами остаюсь преданный Вамъ А. Градовскій».

б) Письмо почетнаго члена Общества В. И. Сергѣевича отъ 21 марта

---

1) Рѣчи и привѣтствія, выслушанныя въ этомъ засѣданіи, напечатаны въ Юридическомъ Вѣстникѣ 1888 года.

слѣдующаго содержанія: «М. Г. Сергѣй Андреевичъ! Съ великимъ удовольствіемъ узналъ я изъ письма Вашего отъ 11 марта сего года объ избраніи меня Московскимъ Юридическимъ Обществомъ въ свои почетные члены. Прошу Васъ передать Обществу мою глубокую благодарность. Примите и пр. В. Сергѣевичъ».

3) Доложена телеграмма, полученная дѣйствительнымъ членомъ Общества Г. А. Джанціевымъ отъ почетнаго члена В. А. Арцимовича, слѣдующаго содержанія: «Прошу принять и передать почтенному Юридическому Обществу мою искреннѣйшую благодарность за оказанную мнѣ честь. Викторъ Арцимовичъ».

4) Заявлены къ баллотировкѣ въ дѣйствительные члены Общества: *Перевощиковъ*, Дмитрій Петровичъ, помощникъ присяжнаго повѣреннаго—гг. Муромцевымъ и Бруномъ; *Пассекъ*, Алексѣй Вячеславовичъ, помощникъ присяжнаго повѣреннаго—ими же; *Кругликовъ*, Георгій Николаевичъ, мировой судья—г. Муромцевымъ: *Семеновъ*, Владиміръ Алексѣевичъ, мировой судья—имъ же; *Гончаровъ*, Петръ Сергѣевичъ, мировой судья—г. Муромцевымъ; *Бееръ*, Владиміръ Алексѣевичъ, мировой судья—имъ же; *Шильдбахъ*, А. Константиновичъ, мировой судья—имъ же; *Фреде*, Вячеславъ Георгіевичъ, канд. правъ—г. Ржондковскимъ.

5) Доложено о поступленіи новыхъ книгъ въ библіотеку Общества.

6) Дѣйствительный членъ графъ *Л. А. Камаровскій* доложилъ рефератъ „*О съѣздѣ Института международнаго права въ Гейдельбергѣ осенью 1887 г.*“ (напечатано въ Юридич. Вѣстникѣ 1888 г., № 4).

По предложенію предсѣдателя, докладчику была выражена Обществомъ благодарность за сообщенныя свѣдѣнія.

7) Дѣйствительнымъ членомъ *Д. Н. Доброхотовымъ* былъ прочитанъ рефератъ „*О дуэляхъ*“. Исходя изъ той мысли, что поединокъ изъ за оскорбленія чести не былъ извѣстенъ древности и, будучи порожденіемъ эпохи среднихъ вѣковъ, является въ настоящее время остаткомъ грубаго предразсудка, полагающаго, будто честь можно возстановить насиліемъ,—референтъ находилъ, что дуэли не могутъ быть терпимы въ современномъ обществѣ и должны въ уголовномъ кодексѣ разсматриваться какъ обыкновенные случаи убійства.

Н. А. Зачинскій полагалъ, что начало дуэли слѣдуетъ искать въ рѣшимости людей предоставить свой споръ на судъ Провидѣнія, и выражалъ взглядъ, что чувство чести, будучи вполнѣ субъективнымъ, не допускаетъ общей для всѣхъ мѣрки, и что поэтому необходимо мириться съ поединкомъ, являющимся въ данномъ случаѣ единственнымъ исходомъ.

Н. И. Ржондковскій выразилъ мысль, что необходимо наблюденіемъ убѣдиться, не представляютъ ли совершаемые взгляды общества на дуэль нѣкотораго поворота къ лучшему; быть можетъ даже въ той сферѣ общества, гдѣ дуэли чаще всего до сихъ поръ симпатизировали, она не встрѣчаетъ болѣе такого сочувствія, которое вызывало бы необходимость сохранять дуэли въ законодательствѣ.

Г. А. Джаншіевъ, принимая на себя роль средневѣковаго advocatus diaboli, соглашался съ референтомъ въ его практическихъ выводахъ, но въ то же время ставилъ на видъ, что дуэль является шагомъ впередъ въ дѣлѣ личной мести, будучи подчинена извѣстнымъ правиламъ и свидѣтельствуя о болѣе высокой оцѣнкѣ нравственныхъ благъ.

Н. Н. Чеботаревскій вообще заявлялъ сочувствіе докладчику въ его желаніи отнять у дуэли ея привилегированный характеръ и находилъ, что поединокъ ничѣмъ не оправдывается съ нравственной стороны и является отжившимъ предразсудкомъ, особенно въ средѣ военныхъ, притомъ у насъ въ Россіи даже и укоренившимся вслѣдствіе одной подражательности.

Д. А. Дриль развивалъ ту мысль, что дуэль есть переживаніе изъ эпохи самоуправства, еще не утратившее корней въ общественномъ мнѣніи и оказывающее, несмотря на требованія морали, сильное вліяніе на отдѣльную личность; все это, а также различіе обстановки дуэли отъ обстановки простаго убійства, напримѣръ, соглашеніе участниковъ, заставляло оппонента думать, что приравненіе дуэли къ убійству будетъ несправедливо.

Напротивъ, г. *Чеботаревскій*, возражая предшествующему оратору, отказывался признать за дуэлью право на существованіе въ современномъ обществѣ и видѣть въ приведенныхъ г. Дрилемъ различіяхъ обстоятельства, оправдывающія созданіе изъ дуэли особаго вида преступленія.

По этому поводу между нѣкоторыми изъ высказавшихся передъ тѣмъ лицъ завязались оживленныя пренія, въ которыхъ принялъ участіе и самъ референтъ, вообще отстаивавшій свои положенія.

Предсѣдательствующій *В. М. Пржевальскій*, въ заключеніе преній, указалъ на односторонность исторической части реферата, выразившуюся въ излишнемъ возвышеніи порядковъ древности въ ущербъ средневѣковымъ, и затѣмъ, перейдя къ главной темѣ реферата, признавалъ дуэль зломъ, но отказывался видѣть въ ней порожденіе одной тупости и насилія, а напротивъ, указывалъ на искренній мотивъ чести, на одинаковость риска для обѣихъ сторонъ, и другія особенности, выгодно отличающія дуэль отъ убійства и дѣлающія несправедливымъ смѣшеніе этихъ двухъ понятій.

Референту была выражена предсѣдателемъ, отъ имени Общества, благодарность за сообщеніе прочитаннаго доклада, и, по заключительномъ обмѣнѣ мнѣній между докладчикомъ и нѣкоторыми изъ вышеупомянутыхъ оппонентовъ,—засѣданіе закрыто въ 11½ часовъ вечера.

Засѣданіе 28 марта 1888 года.

Засѣданіе открыто въ 8¼ ч. в. подъ предсѣдательствомъ тов. предсѣдателя **В. М. Пржевальскаго**, при секретарѣ **Н. А. Морозовѣ**; присутствовали: почетные члены: **А. А. Головачевъ** и **А. М. Фальковскій**, и дѣйствительные: **А. Ф. Акуловъ, А. И. Аммонъ, В. Н. Бензенгръ, Н. Л. Борхартъ, М. И. Брунъ, В. Г. Вилленцъ, М. Я. Герценштейнъ, Д. Н. Доброхотовъ, Д. А. Дркль, А. Н. Дунаевъ, В. Н. Иваненко, І. И. Иллюстровъ, Г. Б. Іоллосъ, М. К. Каблукова, Н. А. Каблуковъ, И. С. Куриловъ, Л. В. Малининъ, кн. Ѳ. В. Мещерскій, В. М. Нечаевъ, А. С. Никитенко, В. Г. Окороковъ, А. В. Погожевъ, Н. И. Ржондковскій, В. И. Розенблюмъ, В. К. Ротъ, В. Е. Станицкій, Д. Н. Стефановскій, П. А. Столповскій, Е. Н. Тарновскій, А. М. Хоткевичъ, С. С. Хрулевъ, М. А. Хрущевъ, С. Н. Цемшъ, М. Я. Шиллингъ, В. А. Шиловъ, А. Е. Штейнфинкель** и **Н. Л. Ясинскій.**

1) Доложенъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 23 марта.

2) Доложено письмо, полученное предсѣдателемъ Общества С. А. Муромцевымъ отъ предсѣдателя Общества призрѣнія неимущихъ дѣтей П. Н. Обнинскаго, въ которомъ онъ проситъ довести до свѣдѣнія членовъ Юридическаго Общества пріятную новость, что право входа въ мастерскія оффиціально разрѣшено министерствомъ для избранныхъ участковыхъ членовъ Общества защиты дѣтей. Указывая затѣмъ, что такимъ исходомъ Общество обязано теоретической разработкѣ вопроса въ засѣданіяхъ Юридическаго Общества и что такимъ образомъ въ юбилейному вѣнку этого послѣдняго прибавился еще одинъ лавръ, П. Н. Обнинскій проситъ еще разъ выразить членамъ Юридическаго Общества благодарность за оказанную услугу.

3) Избраны въ дѣйствительные члены Общества: *Д. П. Перевощиковъ*, *А. В. Пассекъ*, *Г. Н. Крупликовъ*, *В. А. Семеновъ*, *П. С. Гончаровъ*, *В. А. Бееръ*, *А. К. Шильдбахъ* и *В. Г. Фреде*.

4) Заявлены къ баллотировкѣ въ дѣйствительные члены: гг. *Кобылинъ* Георгій Мартыновичъ, помощникъ присяжнаго повѣреннаго—Г. А. Джанціевымъ; *Наумовъ* Михаилъ Дмитріевичъ, помощникъ присяжнаго повѣреннаго—Л. В. Малининымъ и Н. А. Морозовымъ; *Шатковскій* Михаилъ Романовичъ, помощникъ присяжнаго повѣреннаго—М. А. Хрущевымъ и Н. А. Морозовымъ.

5) Дѣйствительный членъ *Д. А. Дриль* изложилъ свой рефератъ: *Пьянство, его слѣдствія и законодательныя мѣры противъ него*, развивая слѣдующія положенія:

а) Отравленіе алкоголемъ повышаетъ импульсивность, ослабляетъ вліяніе предвидѣнія будущаго и задерживательную силу высшихъ психическихъ функцій надъ функціями низшими, и вообще въ большей или меньшей мѣрѣ разстраиваетъ обычно правильное теченіе душевной жизни, а потому, при совершеніи преступленій въ состояніи опьяненія, оно должно быть разсматриваемо какъ обстоятельство, само по себѣ склонное вліять

въ направленіи ослабленія и даже полнаго устраненія уголовной отвѣтственности.

б) Острое и хроническое отравленіе алкоголемъ часто дѣлаетъ человѣка опаснымъ для его окружающихъ; послѣднее (хронич. алкоголизмъ) постепенно все болѣе и болѣе деградируетъ человѣка и дѣлаетъ его менѣе приспособленнымъ къ совмѣстной жизни. Сверхъ того оно можетъ и дѣйствительно могущественно вліяетъ на судьбы послѣдующихъ поколѣній въ направленіи физическаго и нравственнаго вырожденія, а слѣдовательно и въ направленіи усиленія ихъ предрасположеній къ преступленіямъ. Поэтому такія отравленія должны быть разсматриваемы, независимо отъ совершенныхъ подъ ихъ вліяніемъ преступленій и проступковъ, какъ дѣйствія, запрещенныя закономъ и влекущія за собою болѣе или менѣе строгія мѣры противодѣйствія.

в) Наказанія за пьянство должны быть назначаемы, въ зависимости отъ индивидуальныхъ особенностей случаевъ, въ размѣрѣ отъ кратковременнаго ареста и небольшихъ денежныхъ взысканій до заключенія на неопредѣленное время въ особо устраиваемыя исправительно-лѣчебныя заведенія.

г) Сверхъ того привычные пьяницы, какъ лица, представляющія серьезныя разстройства ихъ душевной дѣятельности, въ большинствѣ случаевъ должны быть подвергаемы интердикціи на все время рѣзко выраженнаго вліянія ихъ предшествующихъ злоупотребленій.

д) Продолжительность времени пребыванія пьяницъ въ лѣчебницахъ (лишенныхъ карательнаго характера) также не должна зависѣть отъ ихъ воли, и насильственное ихъ задержаніе въ ней само по себѣ не должно давать мѣста обвиненію въ противозаконномъ лишеніи свободы, если только случай такого задержанія не представляетъ какихъ-либо особыхъ осложненій.

е) Въ виду пагубности вліянія алкоголизма на благосостояніе общества въ настоящемъ и будущемъ, торговля вредными сортами спиртныхъ напитковъ должна быть отмѣняема до возможной степени, и государство должно отказаться отъ взгляда на акцизъ съ такихъ напитковъ, какъ на выгодную и безвредную сторону дохода.

ж) Массовой алкоголизмъ имѣетъ свои глубокія причины, по большей части лежащія въ неудовлетворительности множества жизненныхъ положеній, а потому, наряду съ собственно карательно-исправительными мѣрами, необходимы и широкія мѣры предупрежденія.

з) Улучшеніе воспитанія и распространеніе истинно нравственныхъ понятій въ обществѣ могло бы сыграть могущественную роль въ борьбѣ съ алкоголизмомъ.

В. Н. Бензенгръ замѣтилъ, что въ докладѣ своемъ референтъ нарисовалъ слишкомъ мрачную картину вреда и распространенія пьянства. При научной характеристикѣ общественныхъ явленій необходимо употребленіе возможно точныхъ выраженій, общепризнанныхъ терминовъ. Между тѣмъ, референтъ безпрестанно употребляетъ такіе термины, какъ *пья-*

ница, развратникъ, человѣкъ, вращавшійся въ дурномъ обществѣ, но значеніе этихъ словъ очень эластично и они врядъ ли могутъ быть названы научными терминами. Затѣмъ важно избѣгать научныхъ предразсудковъ въ родѣ предразсудка о вредѣ единокровныхъ браковъ. Точно также далеко не вполнѣ установившимся представляется мнѣніе о безусловной болѣзненности поколѣнія отъ больныхъ родителей. Изъ фактовъ, приводимыхъ Грелемъ, на котораго ссылается и референтъ, можно видѣть и противное. Далѣе, важенъ также и вопросъ о границѣ между острымъ и хроническимъ алкоголизмомъ. Но все это вопросы спеціально медицинскіе, дебатамъ о которыхъ мѣсто въ медицинскихъ, а не юридическихъ обществахъ. Что же касается вопроса о пьянствѣ, какъ явленіи общественномъ, то нельзя не замѣтить, что трудно указать время и мѣсто, когда бы и гдѣ бы не было пьянства; но какъ мы видимъ, оно не помѣшало развитію человѣчества, въ которомъ замѣчается никакъ не регрессъ и деградація, а прогрессивное движеніе. Является еще вопросомъ—вредно ли вообще употребленіе крѣпкихъ напитковъ. Возбуждающія средства въ разныхъ видахъ существовали и существуютъ всегда и вездѣ, и употребленіе ихъ оказывается физіологическою потребностью. Самъ референтъ указываетъ факты, изъ которыхъ видно, что употребленіе возбуждающихъ средствъ является иногда необходимостью, когда употребляющій ихъ можетъ сказать: «не я пью, а лихо піе». Мы, врачи, въ цѣломъ рядѣ болѣзней считаемъ лучшимъ средствомъ стаканъ хорошаго бургонскаго вина. Несомнѣнно, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ пьянство приводитъ къ преступленію, безобразіямъ, противъ него должны быть приняты мѣры; несомнѣнно, что употребленіе хлѣбнаго вина и абсента вредно, но умѣренное употребленіе вина не можетъ считаться опаснымъ и наказуемымъ, такъ какъ самое возбужденіе иногда необходимо.

В. К. Ротъ высказалъ, что вполнѣ присоединяется къ мнѣнію референта относительно вреда алкоголизма, хотя и могъ бы сдѣлать возраженіе противъ нѣкоторыхъ подробностей доклада, имѣющихъ спеціально медицинскій характеръ. Вопросъ о вредѣ алкоголизма и распространенности его уже не составляетъ вопроса въ средѣ врачей; что касается общественныхъ средствъ для борьбы съ нимъ, то въ этомъ они не компетентны, и выработка ихъ должна принадлежать юристамъ.

Докторъ *Миноръ*, также присоединяясь къ мнѣнію референта о вредѣ алкоголизма, указалъ, что онъ выступалъ съ сообщеніемъ объ алкоголизмѣ на съѣздѣ психіатровъ съ цѣлью выяснить необходимость устройства для хроническихъ алкоголиковъ особыхъ лѣчебницъ, и съѣздъ согласился съ нимъ, что пьянство въ большинствѣ случаевъ есть болѣзнь, и что государство, въ виду вреда отъ пьяницъ лично и черезъ появленіе отъ нихъ болѣзненнаго потомства, должно принять мѣры къ огражденію общества отъ этой болѣзни.

Д. А. Дрилъ, въ отвѣтъ В. Н. Бензенгру, сказалъ, что онъ употреблялъ такіе термины, какіе встрѣчалъ въ исторіяхъ болѣзней, которыми

пользовался. Термины: пьяница и развратникъ для всѣхъ понятны, примѣненіе же ихъ есть вопросъ индивидуальной оцѣнки каждаго даннаго случая. Мнѣніе о вредѣ алкоголизма и его наслѣдственности не можетъ быть названо научнымъ предразсудкомъ. Оно не есть мнѣніе только ученыхъ людей. Во всѣхъ государствахъ масса людей, обращая вниманіе на явленія алкоголизма, приходятъ къ однимъ и тѣмъ же результатамъ. Указаніе на существованіе пьянства въ прежнее время не имѣетъ значенія. Между прежнимъ и настоящимъ пьянствомъ существуетъ большая разница. Прежде оно было распространено лишь въ высшихъ классахъ общества, хорошо обставленныхъ въ матеріальномъ отношеніи, и, кромѣ того, тогда употреблялись болѣе питательные и менѣе вредные напитки, какъ медъ, пиво, виноградное вино. Теперь же оно распространяется въ массахъ населенія, дурно обставленныхъ, плохо питающихся и употребляющихъ такія напитки, какъ хлѣбное вино съ сивушнымъ масломъ и разныя водки. Никто не говоритъ противъ употребленія возбуждающихъ средствъ, какъ средствъ врачебныхъ, а дѣло идетъ объ опасномъ и постоянномъ отравленіи алкоголемъ, губительно дѣйствующемъ какъ на отдѣльныхъ лицъ, такъ и на ихъ нисходящихъ.

В. Н. Бензенгръ и *Д. А. Дриль* обмѣнялись еще нѣсколькими замѣчаніями, послѣ чего пренія по реферату были отложены до одного изъ слѣдующихъ засѣданій, и засѣданіе закрыто въ 12 часовъ ночи.

Засѣданіе 11 апрѣля 1888 года.

Засѣданіе открыто въ $8^1/_2$ ч. веч. подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя и почетнаго члена Общества **С. А. Муромцева**, при секретарѣ **Н. А. Морозовѣ** въ присутствіи 23 дѣйств. членовъ.

Дѣйствительный членъ, *Г. А. Джаншіевъ* доложилъ свой рефератъ: «по поводу 25-лѣтъ отмѣны тѣлеснаго наказанія» (17 апрѣля 1863—1885 г.).

Засѣданіе 16 мая 1888 года.

Засѣданіе открыто въ 8 часовъ веч. подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя и почетнаго члена **С. А. Муромцева**, при секретарѣ **Н. А Морозовѣ**, въ присутствіи почетнаго члена **А. М. Фальковскаго** и дѣйствительныхъ: **Н. И. Ржондковскаго, кн. Ѳ. В. Мещерскаго, Н. А. Зачинскаго, В. В. Сиротинина, П. А. Столповскаго, А. Ф. Акулова, Г. Н. Кругликова, В. А. Беера, Д. А. Дриля, Г. Б. Іоллоса, Н. А. Каблукова, А. Э. Штейнфинкеля, В. М. Нечаева, А. Л. Зильберштейна, В. А. Гольцева, Л. В. Малинина и Н. А. Звѣрева.**

1) *Предсѣдатель* довелъ до свѣдѣнія Общества о кончинѣ дѣйствительнаго члена Общества, Николая Ивановича Зибера. Общество стоя выслушало и утвердило слѣдующую резолюцію: «Московское Юридическое Общество съ чувствомъ глубокаго прискорбія принимаетъ извѣстіе о кончинѣ Николая Ивановича Зибера, высоко цѣня его заслуги, какъ выда-

ющагося теоретика-экономиста и соціолога, и постановляетъ занести о томъ въ свой протоколъ».

2) Читаны и утверждены протоколы засѣданій 28 марта и 11 апрѣля 1888 г.

3) Избраны въ дѣйствительные члены Общества: *Г. М. Кавелинъ*, *М. Д. Наумовъ* и *М. Р. Шатковскій*.

4) Дѣйствительный членъ *А. Л. Зильберштейнъ* доложилъ рефератъ: «*Изъ области новѣйшихъ теченій въ юриспруденціи и этикѣ*».

Предметъ реферата составляло изложеніе статей проф. Колера «Die Entwickelung im Recht» и Іеринга «Die Gastfreundschaft im Alterthum». Первая работа является представительницей эволюціонистическаго міросозерцанія, проникающаго въ послѣднее время широкой струей въ научное правовѣдѣніе. Почва для воспринятія идей эволюціонизма въ философіи права отчасти была подготовлена обобщеніями исторической школы, которой въ этомъ отношеніи принадлежитъ великая заслуга выработки идеи закономѣрнаго развитія. Но въ трудахъ Савиньи и его послѣдователей идея эта носитъ характеръ метафизическаго обобщенія, основаннаго на апріорныхъ разсужденіяхъ, и научной реализаціи достигнуть не могла. Благодаря ненаучности своихъ пріемовъ, историческая школа уподобляетъ право организму, правильно, невозмутимо выростающему и развивающемуся изъ нѣдръ народнаго духа. Совсѣмъ инымъ представляютъ себѣ процессъ образованія права новѣйшія воззрѣнія, охваченныя тенденціей дарвинизма; эти воззрѣнія вносятъ въ теорію образованія права, кромѣ абстрактной идеи закономѣрнаго развитія, предложенной исторической школой, всѣ элементы дарвиновой теоріи: идею борьбы (крупнымъ ея представителемъ является Іерингъ), естественнаго отбора и приспособленія къ средѣ. Проникновенію этихъ идей въ научное правовѣдѣніе значительно содѣйствуетъ разцвѣтъ сравнительно-историческаго метода, приподымающаго завѣсу, за которой скрытъ доисторическій правовой бытъ культурныхъ націй. Статья проф. Колера отражаетъ всѣ эти новѣйшія вѣянія, указываетъ на громадное значеніе сравнительно-историческаго метода, для прослѣженія процесса правовой эволюціи, и рисуетъ идеалы послѣдней. Основная мысль этой статьи заключается въ томъ, что идеаловъ соціальнаго развитія слѣдуетъ искать не въ далекомъ прошломъ, не въ золотомъ, миѳическомъ вѣкѣ древности, а въ грядущемъ, въ дальнѣйшихъ стадіяхъ соціальной эволюціи.

Работа Іеринга представляетъ попытку индуктивнаго оправданія теоріи нравственности, которую этотъ ученый строитъ въ своемъ трудѣ «Zweck im Recht», путемъ изслѣдованія одного чрезвычайно интереснаго явленія античной культуры—института гостепріимства. Это изслѣдованіе, основанное на данныхъ исторіи, языка, миѳологіи и народной психологіи, доказываетъ, что древнее гостепріимство не есть продуктъ нравственнаго чувства, человѣколюбія, а продуктъ интереса. Результаты, къ которымъ Іерингъ приходитъ въ своемъ послѣднемъ трудѣ, подтверждаютъ его

основное воззрѣніе на нравственность: «нравственное не есть нѣчто абсолютное; оно служитъ цѣлямъ человѣческимъ, возникаетъ и исчезаетъ вмѣстѣ съ ними, придающими ему характеръ общественно-предписаннаго; весь нравственный порядокъ міра является цѣлесообразнымъ созданіемъ, имѣющимъ одно назначеніе: способствовать существованію и процвѣтанію общества». Съ взглядами Іеринга на грубый, эгоистическій первоисточникъ нравственныхъ и общественныхъ чувствъ нельзя вполнѣ согласиться. Могучимъ противовѣсомъ его подчасъ неотразимой аргументаціи въ этомъ отношеніи является послѣдній трудъ Вундта: «Die Ethik, eine Untersuchung der Thatsachen und Gesetze des sittlichen Lebens». Это замѣчательное изслѣдованіе старается доказать, что положеніе: «изъ ничего не выйдетъ ничего» имѣетъ такую же силу въ сферѣ нравственныхъ явленій, какъ и въ сферѣ физической, и что эгоизмъ, личный интересъ столь же мало способенъ родить общественное чувство, сколь мало ненависть способна родить любовь.

Рефератъ вызвалъ замѣчанія *В. А. Гольцева*, *А. М. Фалькovскаго*, *Д. А. Дриля* и *С. А. Муромцева*.

Засѣданіе 3 октября 1888 года.

Засѣданіе открыто въ 8 час. вечера подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя **В. А. Гольцева**, при товарищѣ секретаря **Л. В. Малининѣ**, въ присутствіи почетнаго члена **С. А. Муромцева** и дѣйствительныхъ членовъ **В. М. Пржевальскаго, М. А. Саблина, С. И. Викторскаго, І. И. Иллюстрова, кн. Ѳ. В. Мещерскаго, В. В. Сиротинина, М. Я. Шиллинга, Ю. С. Гамбарова, А. Шильдбаха, В. Е. Станицкаго, В. А. Беера, М. К. Каблуковой, Д. А. Дриля, Н. А. Каблукова, В. Ф. Дерюжинскаго, В. Вилленца, П. В. Маркова, И. П. Боголѣпова, В. М. Нечаева, М. И. Бруна, А. С. Никитенко, Н. Я. Фрейнда, А. Н. Филиппова** и **Н. В. Юнгфера**.

1) Предсѣдательствовавшій, открывая засѣданіе, сообщилъ Обществу о безвременной кончинѣ дѣйствительнаго члена Общества *М. Н. Харузина*. Общество почтило память умершаго вставаніемъ, принявъ слѣдующую резолюцію: «Московское Юридическое Общество, цѣня заслуги покойнаго М. Н. Харузина въ дѣлѣ изслѣдованія русскаго обычнаго права, съ глубокимъ прискорбіемъ принимаетъ извѣстіе объ его кончинѣ и постановляетъ занести о томъ въ протоколъ».

2) Дѣйствительный членъ *А. Н. Филиппов*ъ произнесъ слово въ память М. Н. Харузина:

«Всего пять лѣтъ жизни обнимала дѣятельность М. Н. на поприщѣ литературы обычнаго права и публицистики, но безпристрастно оглядывая ея результаты, нельзя не видѣть, что ни одинъ день этой жизни не прошелъ даромъ. Еще на студенческой скамьѣ, М. Н. задумываетъ и совершаетъ 2 далекія поѣздки, въ Вятскій край и на Донъ, для изученія народныхъ юридическихъ обычаевъ, результатомъ чего являются 2 изслѣдованія, изъ коихъ одно было напечатано въ журналѣ нашего

Общества. Еще учась въ университетѣ, М. Н. усердно работаетъ по этнографіи, занимаетъ затѣмъ должность секретаря этнографическаго отдѣла общества любителей естествознанія, гдѣ не только быстро сплачиваетъ вокругъ себя цѣлый кружокъ лицъ, занимающихся обычнымъ правомъ, но и издаетъ обширную и прекрасную программу изученія юридическихъ обычаевъ. Едва окончивъ курсъ, М. Н. Харузинъ отправляется за границу, гдѣ неустанно учится и учится, чтобы, возвратясь на родину, тотчасъ вновь приняться за работу и, въ послѣдній годъ жизни, при томъ на новой трудной дорогѣ — на государственной службѣ въ Балтійскомъ краѣ, гдѣ мы видимъ его въ качествѣ редактора русской оффиціальной газеты и автора многихъ изслѣдованій, касающихся исторической и бытовой дѣйствительности этого края. Главнѣйшіе труды М. Н. относятся къ области обычнаго права. Здѣсь М. Н. былъ у насъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ дѣятелей, которые, во 1-хъ, начали изученіе обычнаго народнаго права, пройдя предварительно строгую юридическую школу и получивъ серьезное образованіе, а во 2-хъ, однимъ изъ тѣхъ, также пока немногочисленныхъ, изслѣдователей, которые изучали обычное право не по тѣмъ матеріаламъ, какіе случайно попадали въ печать, а сами отправлялись за нимъ въ далекія экспедиціи, и тамъ на мѣстѣ, непосредственно наблюдая жизнь, серьезно изучали народные юридическіе обычаи. Послѣднее въ особенности представляется важнымъ, такъ какъ современныя записи обычнаго права страдаютъ многими пробѣлами, пополнить которые можетъ только изслѣдованіе на мѣстѣ, при томъ изслѣдованіе черезъ лицъ, знающихъ литературу предмета съ одной стороны и уважающихъ народныя представленія о правѣ и справедливости — съ другой. Того и другаго довольно часто не достаетъ изслѣдователямъ нашего обычнаго права, и въ этой области М. Н. былъ счастливымъ и рѣдкимъ исключеніемъ. Въ его изслѣдованіяхъ вездѣ чувствуется юристъ образованный, умѣющій подводить изучаемый матеріалъ подъ научныя обобщенія и объясненія; затѣмъ онъ умѣетъ останавливаться на такихъ вопросахъ, которые обыкновенно ускользаютъ отъ вниманія мѣстныхъ собирателей обычаевъ. Таковъ, напримѣръ, въ его Казацкихъ Общинахъ Дона, отдѣлъ, посвященный казацкимъ судамъ и дѣлопроизводству въ нихъ и т. д. Изъ 2-хъ поѣздокъ М. Н. Харузина особенно удачною была поѣздка на Донъ, гдѣ онъ встрѣтилъ къ своему изслѣдованію большое и всеобщее вниманіе; менѣе посчастливилось М. Н. въ Вятской губ., гдѣ онъ, по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, долженъ былъ скоро прекратить свое прекрасно начатое дѣло изученія народныхъ обычаевъ.

Живой умъ, пониманіе настоятельныхъ нуждъ того дѣла или правильнѣе сказать тѣхъ дѣлъ, съ которыми соприкасался М. Н., сказался еще въ 2-хъ работахъ его, а именно въ программѣ для собиранія юридическихъ обычаевъ и въ Указателѣ законовъ для Прибалтійскаго края съ начала XVIII в. до нашихъ дней. Если въ первой ясно и просто указаны вопросы и свѣдѣнія, необходимыя для всякаго изслѣдователя обыч-

наго права, особенно для изслѣдователя мѣстнаго, живущаго вдали отъ нашихъ умственныхъ центровъ и не всегда знающаго о ихъ научныхъ запросахъ, то Указатель законовъ вполнѣ соотвѣтствуетъ настоятельной потребности современной жизни Прибалтійскаго края».

Характеризуя дѣятельность М. Н. на поприщѣ публицистики, А. Н. Филипповъ указалъ на ея отличительныя черты: честность и открытое, горячее отстаиваніе своихъ взглядовъ и убѣжденій, на неустанную энергію, не ослабѣвавшую до послѣднихъ дней жизни покойнаго М. Н., слишкомъ рано и безвременно отнятаго отъ дѣла, которому онъ такъ искренно и вѣрно служилъ.

3) *Предсѣдательствующій* предложилъ Обществу привѣтствовать почетнаго члена Общества Рудольфа фонъ-Іеринга съ исполнившимся семидесятилѣтіемъ его жизни. Предложеніе это принято Обществомъ единогласно.

4) *Предсѣдательствующій* доложилъ Обществу, что на происходившемъ недавно юбилеѣ члена Юридическаго Общества, *В. Н. Бензенгра* принесли ему поздравленіе отъ Общества почетные члены его *С. А. Муромцевъ* и *А. И. Чупровъ*.

5) *Товарищъ секретаря* доложилъ Обществу о поступившихъ книгахъ въ библіотеку Общества: отъ управляющаго главнаго тюремнаго управленія, Галкина-Враскаго «Отчетъ по главному тюремному управленію за 1886 годъ» и отъ него же, какъ предсѣдателя международной тюремной коммиссіи, два бюллетеня этой коммиссіи (Bulletin de la Commission pénitentiaire internationale, Juillet 1887 et Septembre 1887).

Общество постановило благодарить г. Галкина-Враскаго.

6) Предложены къ баллотировкѣ въ члены: почетнымъ членомъ С. А. Муромцевымъ и дѣйствительнымъ членомъ В. М. Пржевальскимъ *Линниченко И. А.*, приватъ доцентъ московскаго университета, и дѣйствительными членами Общества В. А. Гольцевымъ и Л. В. Малининымъ *А. Н. Марковъ*, помощникъ присяжнаго повѣреннаго.

Предсѣдательствующій предложилъ избрать въ члены-корреспонденты итальянскаго ученаго г. Alimena за присланную имъ въ Общество брошюру: «Admonition».

7) Почетный членъ *С. А. Муромцевъ* доложилъ Обществу рефератъ: «*По вопросамъ соціологіи. Къ вопросу о происхожденіи общества. Перениманіе и воспитаніе, какъ формы борьбы за существованіе*».

Въ рефератѣ развивались слѣдующія положенія.

а) Сотрудничество есть основная форма соціальной жизни; все разнообразіе соціальной жизни развивается изъ сотрудничества. Наиболѣе простое и примитивное сотрудничество есть вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе простая и примитивная соціальная форма.

б) Примитивное сотрудничество имѣетъ возможность возникнуть путемъ совокупнаго дѣйствія чисто личныхъ стремленій, ведущихъ нѣсколькихъ индивидовъ къ одновременной чисто личной дѣятельности относи-

тельно одного и того же объекта. Лучшая почва для такого возникновенія сотрудничества — совмѣстная жизнь самца и самки и совмѣстная жизнь молодаго поколѣнія въ семьѣ.

в) Въ дообщественной жизни существуетъ уже нѣкоторое постоянство половыхъ и семейственныхъ узъ, но поступательное развитіе въ томъ же направленіи не согласуется на первыхъ порахъ съ развитіемъ общественности. Безпорядочное половое сожитіе и стадное состояніе есть необходимая ступень въ развитіи общественности. Это состояніе надо представлять себѣ не такимъ, въ которомъ вовсе неизвѣстны брачныя и семейныя узы, но такимъ, въ которомъ они временно ослаблены противъ своего болѣе ранняго состоянія.

г) Общежитіе животныхъ, въ частности общежитіе пчелъ и муравьевъ, не отличается въ чемъ либо принципіально отъ человѣческихъ общежитій. Общежитія животныхъ не объясняются всецѣло однимъ элементомъ семейнаго сожитія, но въ основѣ ихъ лежитъ также элементъ соціологическій.

д) Существенное отличіе сотрудничества отъ дѣятельности одиночной надо искать въ особенностяхъ его эффекта; по строенію же своему сотрудничество есть не что иное, какъ своеобразное сочетаніе одиночныхъ дѣятельностей. Потому первоначальные факторы сотрудничества суть тѣ же факторы одиночной дѣятельности (случай и личная иниціатива, дѣйствія по воспоминанію, вліяніе привычекъ и унаслѣдованныхъ склонностей). Существованіе каждаго даннаго акта сотрудничества предполагаетъ въ группѣ сотрудничающихъ индивидовъ одновременную наличность одинаковыхъ воспоминаній, привычекъ и склонностей; сотрудничество предполагаетъ, что всѣ члены группы владѣютъ нужными для того ассоціаціями идей, что существуетъ въ ихъ средѣ надлежащее соотвѣтствіе въ воспоминаніяхъ, привычкахъ и склонностяхъ этихъ индивидовъ. Потому на первыхъ порахъ это соотвѣтствіе можетъ сохраниться лишь подъ условіемъ равномѣрнаго распредѣленія и развитія однихъ и тѣхъ же воспоминаній, привычекъ и склонностей во всѣхъ индивидахъ, дѣйствующихъ вмѣстѣ.

е) Перениманіе и воспитаніе суть спеціальные факторы соціальной сферы. Ихъ значеніе состоитъ въ томъ, что они открываютъ возможность сотрудничества и при неравномѣрномъ развитіи въ сотрудничающихъ нужныхъ для того воспоминаній, привычекъ и склонностей. Перениманіе состоитъ въ томъ, что индивидъ, менѣе подготовленный къ сотрудничеству, по своей собственной иниціативѣ повторяетъ дѣйствія, которыя совершаются индивидомъ, лучше его подготовленнымъ, и такимъ путемъ усвоиваетъ себѣ пріемы новой для себя дѣятельности и лежащія въ ея основѣ ассоціаціи. То же происходитъ и въ воспитаніи, но иниціатива исходитъ здѣсь отъ индивидовъ, выше стоящихъ. Перениманіе и воспитаніе, принимая эти термины въ наиболѣе широкомъ смыслѣ, составляютъ вмѣстѣ тотъ процессъ, который называется исторической традиціей, историче-

ской филіаціей. Перениманіе и воспитаніе представляютъ намъ развитіе, которое совершается внутри общества. Это—взаимодѣйствіе индивида и соціальной среды. Тенденція этого процесса—взаимное уравненіе, общее нивеллированіе.

ж) Перениманіе есть приспособленіе себя къ другимъ; воспитаніе есть приспособленіе другихъ къ себѣ. Оба процесса суть формы борьбы за существованіе, перенесенной въ область сотрудничества.

Засѣданіе закрыто въ 11 час. вечера.

Засѣданіе 17 октября 1888 года.

Засѣданіе открыто въ 8¼ ч. вечера подъ предсѣдательствомъ тов. предсѣдателя **В. М. Пржевальскаго,** при товарищѣ секретаря **Л. В. Малининѣ.** Присутствовали: почетные члены — предсѣдатель Общества **С. А. Муромцевъ** и **А. М. Фальковскій;** дѣйствительные члены: **Н. И. Ржондковскій, І. И. Иллюстровъ, Н. Л. Борхартъ, В. Н. Иваненко, И. Н. Сахаровъ, М. Я. Герценштейнъ, Е. Н. Тарновскій, В. А. Семеновъ, А. К. Шильдбахъ, В. Е. Станицкій, В. И. Розенблюмъ, Ю. С. Гамбаровъ, Н. А. Каблуковъ, Д. А. Дриль, М. И. Брунъ, Н. А. Зачинскій, П. В. Марковъ, А. Э. Штейнфинкель, М. К. Каблукова, А. И. Розовъ, Л. Е. Мандельштамъ, С. А. Щепотьевъ, Г. Б. Іоллосъ** и **А. Н. Филипповъ.**

1) *Предсѣдательствующій* доложилъ Обществу, что Рудольфъ Іерингъ прислалъ на имя предсѣдателя Общества С. А. Муромцева письмо, въ которомъ онъ благодаритъ Общество за поздравленіе по поводу исполнившагося ему семидесятилѣтія и б) что бюро Общества по поводу исполнившагося 15 октября 1888 г. двадцатипятилѣтія Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи поздравило его слѣдующей телеграммой: «Отъ имени *Московскаго Юридическаго Общества* имѣемъ честь привѣтствовать *Императорское общество любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи* съ исполнившимся двадцатипятилѣтіемъ его широкой дѣятельности, протекшей съ такою пользою для дѣла русскаго народнаго образованія и изслѣдованія жизни русскаго народа и его права».

2) *Товарищъ секретаря* доложилъ о поступившихъ книгахъ въ библіотеку Общества: *Титова* — Юридическіе обычаи села Николы-Перевозъ; *проф. Тарасова* «Краткій очеркъ науки административнаго права» и брошюры «О соціализмѣ»; «Записки западно-сибирскаго отдѣла императорскаго географическаго общества» выпускъ II: «Fragmentum de formula fabiana» изслѣдованіе гг. Pfaff'a и Hofmann'a изд. 1888 г., отъ авторовъ; отъ Высочайше утвержденнаго комитета съѣздовъ представителей учрежденій русскаго земельнаго кредита «Стенографическій отчетъ засѣданій VI съѣзда представителей учрежденій русскаго земельнаго кредита»; отъ департамента министерства юстиціи 4 тома «Сводовъ статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ, производившимся въ 1882 и 1883 годахъ въ судебныхъ учрежденіяхъ, дѣйствующихъ на основаніи Судебныхъ Уставовъ Императора Александра Втораго» и отъ г. *В. П.*

Племянникова книга Титова—Юридическіе обычаи села Николы-Перевозъ и четыре тетради подобраннаго матеріала по обычному праву Россіи.

А. Н. Филипповъ сообщилъ Обществу письмо г. В. П. Племянникова, въ которомъ онъ предлагаетъ Обществу жертвовать отъ 150 до 200 рублей ежегодно на изданіе при *Юридическомъ Вѣстникѣ* или отдѣльно сборника юридическихъ народныхъ обычаевъ Россіи. Общество постановило благодарить жертвователя и поручить бюро Общества обсудить вопросъ объ изданіи собранныхъ и собираемыхъ матеріаловъ по обычному праву Россіи на предложенныя средства.

4) Избраны въ дѣйствительные члены гг. *М. С. Овсянниковъ*, *А. Н. Марковъ* и *И. А. Линниченко*.

Избранъ въ члены соревнователи по предложенію гг. почетнаго члена С. А. Муромцева и дѣйствительныхъ членовъ—В. М. Пржевальскаго и А. Н. Филиппова, г. *В. П. Племянниковъ*.

5) Почетный членъ Общества *С. А. Муромцевъ*, повторилъ кратко главныя основанія своего реферата «*По вопросамъ соціологіи*».

Д. А. Дриль, коснувшись тезиса реферата, что перениманіе и воспитаніе суть формы борьбы за существованіе, перенесенной въ область сотрудничества, рядомъ примѣровъ дѣятельности лицъ историческихъ (Элоиза и Абеляръ, христіанскіе мученики и т. п.) доказывалъ, что поступки и дѣятельность человѣка нерѣдко направляются чувствами, прямо противоположными мотивамъ, изъ которыхъ вытекаетъ борьба за существованіе.

Ю. С. Гамбаровъ сказалъ, что основное положеніе референта, утверждающее происхожденіе человѣческаго общества изъ материнской семьи, замѣняемой безпорядочнымъ половымъ сожитіемъ, неправильно. Безчисленнымъ множествомъ фактовъ свидѣтельствуется о переходѣ матріархата и безпорядочныхъ половыхъ отношеній въ патріархатъ, изъ материнскаго родства семьи переходятъ къ родству по отцу. Мы не имѣемъ движенія отъ патріархата къ безпорядочному половому движенію. Это обстоятельство подрываетъ основное положеніе реферата. С. А. Муромцевъ отрѣшился отъ историческихъ фактовъ и руководствовался въ своемъ изслѣдованіи исключительно методомъ дедуктивнымъ. Факты имъ были взяты только изъ жизни животныхъ и свойствъ человѣческой природы, являющихся при сотрудничествѣ. Эти свойства шатки, они измѣняются, и переносить наши современныя понятія на человѣка дикой эпохи невозможно. Референтъ хочетъ примирить двѣ теоріи—патріархата и матріархата. Но между этими теоріями не существуетъ такой противоположности, которую референтъ придаетъ имъ. Очевидно, референтъ не имѣлъ въ виду даже библейскихъ строеній семьи прошлой человѣческой жизни, постоянно имѣя предъ глазами новые виды семьи, а за ними уже изслѣдованія Мэна, Фримана, Мак Ленана, Бахофэна и друг., которые отрицаютъ только общій характеръ развитія половыхъ сожитій. Мэнъ прямо высказываетъ, что теоріи матріархата и патріархата не безусловны,

что человѣческія общества, имѣющія зародыши прочной расы, развиваются при тѣхъ и другихъ условіяхъ соціальной жизни. Поэтому оппонентъ полагалъ, что лучше дѣлать выводы на основаніи добытыхъ изслѣдователями фактовъ, нежели на положеніяхъ умозрительныхъ.

А. М. Фальковскій замѣтилъ, что попытка приложенія метода положительныхъ наукъ къ соціальнымъ не удается ученымъ. Жизнь общественная слишкомъ сложна, явленія ея нельзя изолировать, какъ это дѣлается съ явленіями въ физикѣ, химіи и математикѣ. Соціальная жизнь стоитъ на одномъ и томъ же уровнѣ еще со времени Аристотеля. Вопросы существа соціологической жизни всегда отличаются гипотетическимъ характеромъ при ихъ изученіи. Оппонентъ затрудняется понять, что сотрудничество есть основная форма соціальной жизни. Сотрудничество есть продуктъ соціальной жизни, а не форма его. Перениманіе и воспитаніе пріучочивать къ борьбѣ за существованіе нельзя, ибо соціальная жизнь не есть жизнь физическая, жизнь животныхъ. Стадная жизнь человѣка была похожа только по формѣ съ животными съ внѣшней стороны, а не по содержанію; и объяснять все механическими законами въ жизни соціальной—значитъ крупно ошибаться.

Н. А. Каблуковъ указалъ, что референтъ въ своихъ объясненіяхъ, касающихся происхожденія общества, не разъ касается до-общественнаго состоянія человѣка. Такой пріемъ употреблялся у экономистовъ, но даетъ невѣрное освѣщеніе человѣческой жизни. У референта такой пріемъ не играетъ роли, какую онъ играетъ при изслѣдованіяхъ экономистовъ, ибо онъ дѣлаетъ свои выводы на основаніи фактовъ, добытыхъ другими изслѣдователями, тогда какъ жизнь экономическая первобытнаго человѣка вся построена на гипотезахъ. Поэтому становится необъяснимымъ, зачѣмъ референтъ останавливается на выводахъ гипотетическихъ, когда весь рефератъ его построенъ на фактахъ, уже добытыхъ изслѣдователями.

В. М. Пржевальскій замѣтилъ, что разрѣшеніе вопроса о первобытномъ человѣкѣ относится къ гипотетической области. Умъ человѣка идетъ къ самому зародышу человѣческой жизни. Референтъ отмѣтилъ двѣ теоріи о первобытномъ бракѣ и происхожденія общества. Самъ С. А. Муромцевъ выбралъ третью теорію, свою, среднюю между вышеуказанными изслѣдователями. Оппоненту же кажется, что та и другая теорія приложимы были къ человѣческимъ обществамъ, смотря по климату, особенностямъ страны и условіямъ жизни того или другаго племени. Какъ у птицъ встрѣчаются самцы, высиживающіе дѣтей, парное спариваніе, уничтоженіе дѣтенышей или уничтоженіе яицъ самки самцомъ, а равно и стадное спариваніе, такъ и въ жизни первобытнаго человѣка было и стадное сожитіе, и спариваніе двухъ индивидовъ, поліандрія и полигамія.

С. А. Муромцевъ на сдѣланныя ему замѣчанія отвѣтилъ, что прочитанное имъ есть лишь часть задуманнаго имъ общаго труда: «Общая соціологія». Онъ не скрываетъ, что задача его—объяснить всю совокуп-

ность явленій соціальной жизни закономъ борьбы за существованіе, но вопросъ о происхожденіи высшихъ проявленій альтруизма имѣетъ быть разработанъ въ позднѣйшихъ главахъ, еще не написанныхъ, почему споръ по этому вопросу представляется въ настоящее время преждевременнымъ. Противоположеніе патріархата и матріархата не тождественно съ противоположеніемъ первобытной семьи и стаднаго сожитія. Въ семьѣ животныхъ связь дѣтенышей съ матерью-самкою сильнѣе, чѣмъ съ отцомъ, въ стадномъ же сожитіи послѣдняя ослабѣваетъ на время. Подъ патріархатомъ же и матріархатомъ разумѣются уже юридическіе системы отношеній, о чемъ не можетъ быть рѣчи по отношенію къ первобытнымъ ступенямъ развитія. Построеніе реферата по вопросу о происхожденіи общества дедуктивно въ той мѣрѣ, въ какой дедуктивно любое построеніе, относящееся къ области историческихъ фактовъ; нѣтъ основанія не пользоваться въ соціологіи фактами изъ жизни животныхъ, разъ соціальная жизнь возникаетъ уже въ животномъ царствѣ. Теоріи матріархата и патріархата, какъ называетъ ихъ оппонентъ, противоположны въ томъ отношеніи, что одна изъ нихъ считаетъ стадное сожитіе необходимою ступенью соціальнаго развитія, другая же видитъ въ немъ форму исключительную, если не болѣзненную. Референту напрасно приписываютъ идею о до-общественномъ состояніи человѣка; онъ предполагаетъ лишь до-общественное состояніе *индивида*, человѣкъ же, по его мнѣнію, есть существо, неразрывное съ общественностью. Если справедливо, что человѣкъ образовался изъ животнаго, то непремѣнно—изъ такого животнаго вида, который уже жилъ въ обществѣ, въ формѣ постояннаго стада.

Предсѣдательствующій выразилъ благодарность отъ имени Общества референту за доложенный рефератъ.

Засѣданіе было закрыто въ $11^1/_2$ часовъ вечера.

Засѣданіе 24 октября 1888 года.

Засѣданіе открыто въ $8^1/_4$ ч. в. подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя и почетнаго члена Общества **С. А. Муромцева**, при товарищѣ секретаря **Л. В. Малининѣ**; присутствовали: почетный членъ **А. М. Фальковскій**; дѣйствительные члены: **кн. Ѳ. В. Мещерскій, І. И. Иллюстровъ, А. С. Никитенко, Н. Я. Фрейндъ, М. Я. Шиллингъ, В. В. Сиротининъ, В. А. Семеновъ, В. Е. Станицкій, А. Ф. Акуловъ, И. М. Волковъ, Г. Н. Кругликовъ, Н. А. Зачинскій, Н. П. Зыковъ, В. И. Розенблюмъ, М. И. Брунъ, С. И. Викторскій, П. В. Марковъ, Н. О. Нерсесовъ, В. Г. Фреде, Н. И. Ржондковскій** и **В. М. Михайловскій**.

1) *Предсѣдатель С. А. Муромцевъ* сообщилъ Обществу о смерти одного изъ старѣйшихъ членовъ Юридическаго Общества *А. И. Хоткевича*. Общество почтило память умершаго вставаніемъ.

2) Предложены въ члены Московскаго Юридическаго Общества: гг. *Миклашевскій* Александръ Николаевичъ, кандидатъ правъ, и *Борисовъ* Иванъ Александровичъ, кандидатъ правъ—С. И. Викторскимъ и Л. В. Малининымъ.

3) Дѣйствительный членъ *В. М. Михайловскій* доложилъ Обществу свой рефератъ «О Судѣ Божьемъ», сущность коего заключается въ слѣдующемъ. Въ числѣ отжившихъ и уже сдаваемыхъ въ архивъ институтовъ различныхъ народовъ одно изъ видныхъ мѣстъ по своей оригинальности занимаетъ Судъ Божій, который особенно широко распространился въ средневѣковой Европѣ отъ Карла Великаго до новыхъ вѣковъ. Внѣшнія проявленія Суда Божьяго обнаруживались въ разныхъ и многочисленныхъ формахъ ордалій. Виды этихъ ордалій самые разнообразные. Употреблялось: а) испытаніе огнемъ. Самая простая форма примѣненія этой ордаліи находится въ Рипуарской Правдѣ, 30 глава, § 1, а именно: обвиняемый долженъ былъ въ одной сорочкѣ прыгать чрезъ зажженный костеръ, или клалъ руку въ пламя костра. Если рука была невредима, и обвиняемый не былъ спаленъ или обожженъ огнемъ, онъ считался оправданнымъ. Извѣстенъ историческій примѣръ прохода чрезъ костры Петра Варфоломея (1099 г.) для доказательства справедливости проповѣди о крестовыхъ походахъ. б) Употреблялось *раскаленное желѣзо и плуги*. По плугамъ ходили, а раскаленное желѣзо держали въ рукахъ и проносили извѣстное пространство. Тѣ лица, которыя оказывались на судѣ при испытаніи невредимыми, считались оправданными. в) *Испытаніе водой:* употреблялась кипящая вода и холодная. Въ салическихъ законахъ есть указанія на кипящую воду. Кипящая вода вливалась въ котелъ, въ него опускалась веревка съ камнемъ или крестомъ на разную глубину, смотря по важности совершеннаго преступленія. Обвиняемый долженъ былъ достать опущенный крестъ или камень. Обвинялся тотъ, на рукѣ котораго находили знаки отъ кипятка. При употребленіи воды холодной поступали очень просто: бросали обвиняемаго въ рѣку, озеро, прудъ и устраивали нарочно водоемы. Если человѣкъ тонулъ, значило— онъ невиненъ. Обыкновенно производили испытаніе этимъ способомъ надъ колдуньями и колдунами. Бросали ихъ связанными въ водоемы. Этотъ видъ ордалій встрѣчается даже въ XVII и XVIII вѣкахъ у разныхъ европейскихъ народовъ. Тогда существовало убѣжденіе, что преступныхъ или святотатственныхъ людей вода не принимала. г) Испытаніе *посредствомъ гаданія - жеребьевки*. Этотъ способъ употреблялся у Фризовъ. Брали прутикъ, на которомъ находился крестъ, смѣшивали его съ другими прутиками безъ изображенія на нихъ крестовъ, предварительно завернувъ ихъ въ шерсть; потомъ вытаскивали прутикъ. Если вытащенный прутикъ былъ съ изображеніемъ креста, тогда обвиняемаго оправдывали. Прутики эти клались иногда въ алтарѣ, и вытаскивать жребій заставляли обыкновенно мальчика. Если обвиняемыхъ было много, то брали 7 прутиковъ, съ знаками на нихъ подсудимыхъ. Давали имъ вытаскивать жребій, причемъ каждый, вытащившій прутикъ съ своимъ знакомъ, считался невиннымъ. д) Ордалія *посредствомъ креста*. Она заключалась въ томъ, что обвиняемыхъ ставили передъ крестомъ, и они должны были стоять до усталости. Тотъ, кто дольше простаивалъ, тотъ и побѣждалъ. Эта

ордалія не привилась и скоро исчезла. е) Ордалія посредствомъ святаго причастія. Эта форма рѣдко употреблялась и была настолько страшна, что, напримѣръ, Генрихъ IV-й отказался принять ее, когда ее предлагалъ ему папа Генрихъ VII-й. ж) *Судебный поединокъ*. Профессоръ М. М. Ковалевскій, касаясь происхожденія поединка, въ своемъ послѣднемъ трудѣ «Осетины», говоритъ, что поединокъ не имѣетъ ничего общаго съ Судомъ Божьимъ. По мнѣнію его, судебный поединокъ родился изъ кровной мести. Референтъ не соглашается съ этимъ мнѣніемъ, ибо поединокъ родился изъ войны. А война употреблялась и даже теперь употребляется, какъ форма Суда Божьяго. Вильгельмъ I-й во время начала войны съ Франціей прямо ссылается на Бога, полагая, что Богъ считаетъ его правымъ. Точно также невозможно было бы объяснить употребленія при поединкахъ такъ называемыхъ *замѣстителей*, когда спорящіе или судящіеся между собою могли замѣнять себя на поединкѣ лицами по своему избранію. Вильдъ, на основаніи своихъ изслѣдованій, утверждаетъ совершенно справедливо, что ордалія посредствомъ судебнаго поединка не есть вымыселъ духовенства, заимствованный у духовенства же и жрецовъ другихъ народовъ, для своихъ корыстныхъ цѣлей, чтобы держать народъ въ своихъ рукахъ. Духовенство только воспользовалось извѣстными существовавшими тенденціями въ обществѣ для своихъ интересовъ, распространивъ формы ордалій при помощи изображеній и символовъ христіанской вѣры. Такимъ образомъ, судебные поединки суть результатъ религіозныхъ воззрѣній народовъ.

У другихъ народовъ встрѣчаются также почти всѣ формы Суда Божьяго. Въ древнемъ мірѣ у Грековъ встрѣчались ордаліи посредствомъ *огня* и раскаленнаго желѣза, на что указываютъ намъ нѣкоторыя трагедіи Софокла. Роже-де-Беллоге говоритъ, что у древнихъ Галловъ времени Юлія Цезаря нѣтъ никакихъ признаковъ Суда Божьяго, но за то онъ встрѣчаетъ ордаліи у Кельтовъ, Валлійцевъ и Ирландцевъ. На островѣ Сардиніи употребляются, какъ ордаліи, нѣкоторые источники, имѣющіе рѣшающую силу и значеніе при спорахъ. Если виновные умываются водой этихъ источниковъ—они слѣпнутъ; если же правые умываются, то еще лучше видятъ. Тэйлоръ въ своей книгѣ о Древнемъ мірѣ указываетъ, что даже въ настоящее время еще существуютъ ордаліи; онъ говоритъ, что въ Нью-Іоркѣ одна Ирландка подверглась Суду Божьему для доказательства своей невинности: ея ребенокъ былъ поставленъ на огонь вверхъ ногами. Выраженіе, «стоять какъ на горячихъ угольяхъ», употребляемое часто нами, есть обломокъ глубокой старины, рисующій прошлую дѣйствительность.

Обращаясь къ народамъ не индоевропейскимъ, мы также встрѣчаемся съ ордаліями. У Бедуиновъ, народа семитическаго происхожденія, существуетъ такая ордалія. Недовольный рѣшеніемъ кади обращается къ верховному судьѣ. Тотъ беретъ ложку, раскаляетъ ее, и самъ кончикомъ языка къ ней прикасается, потомъ опять накаляетъ ложку и даетъ ли-

зать судящемуся. Если есть обжогъ на языкѣ, послѣдній признается виновнымъ, платитъ виру и вознаграждаетъ верховнаго судью. У племени Кассель—употребляется холодная вода: погружаютъ въ воду голову; кто больше выдержитъ, тотъ и побѣждаетъ. На Цейлонѣ употребляется кипятокъ, въ который обвиняемые погружаютъ два пальца. Если кожа сходитъ, человѣкъ признается виновнымъ. У Малайцевъ, на югѣ Суматры, есть испытаніе ордаліей посредствомъ кипятка. Въ кипятокъ опускаютъ кольцо, которое обвиняемый для своего оправданія долженъ безъ вреда для себя вынуть. На островѣ Тиморѣ—тотъ же обычай и судебный поединокъ; у Калмыковъ—ордалія посредствомъ раскаленнаго желѣза, у Тунгутовъ — судебный поединокъ, у Остяковъ употребляется присяга надъ головою медвѣдя. Въ Сѣверозападной Америкѣ, у Команчей, рѣшаются распри судебными поединками; у Австралійцевъ племенныя распри рѣшаются битвою двухъ избранныхъ бойцовъ, а другія мирныя племена присутствуютъ зрителями. У Полинезійцевъ—гаданіе: если совершено преступленіе, то отыскиваютъ преступника посредствомъ воды. Колдуны смотрятъ въ воду и видятъ вора, убійцу и т. п. При неудачѣ опыты гаданія повторяются. Путешественникъ Ленцъ разсказываетъ о цѣломъ рядѣ фактовъ, касающихся ордалій посредствомъ *яда* у разныхъ племенъ Западной Африки. Если подсудимый не умираетъ и дѣло оканчивается рвотой, онъ считается оправданнымъ. Путешественникъ Шютцъ описываетъ ордаліи у племени Баиговы, а именно испытаніе посредствомъ отравы. По мнѣнію этого племени, болѣзнь и смерть не естественны, онѣ всегда насильственны и являются отъ злодѣянія какого либо лица. Заклинатель опредѣляетъ это лицо. Тогда страдающій отправляется къ своему злодѣю, которому должно очиститься посредствомъ отравы. Если дурно кончается, то онъ виновенъ. Но есть и защита. Другой колдунъ, призванный обвиняемымъ, начинаетъ новый процессъ—предлагаетъ отраву обвинителю. Это испытаніе употребляется не только въ области уголовнаго, но и въ гражданскомъ правѣ. У народовъ Конго спорящія стороны отправляются къ вождю. Если онѣ недовольны его рѣшеніемъ, то обращаются къ Суду Божьему, а именно: мальчики, избранные сторонами, принимаютъ ядъ. Судороги мальчика рѣшаютъ, кто изъ сторонъ виноватъ. Ядъ употребляется слабый, и отравленія бываютъ рѣдки. Ордаліи устанавливаютъ правоту въ обществѣ и даютъ средства доказательства. Въ ордаліяхъ отражается міросозерцаніе народа. У Африканскихъ народовъ въ особенности видна эта связь между ордаліями и міросозерцаніемъ человѣка. Дикарь покланяется силамъ природы и придаетъ имъ таинственное значеніе. Истолковывать эти тайны является знахарь—колдунъ. Онъ юристъ и судья. Религіозный элементъ и юридическіе обычаи, все связано вмѣстѣ. Нѣкоторые говорятъ, что у дикихъ нѣтъ собственно религіи, а есть фетишизмъ и суевѣріе, а потому нѣтъ и не можетъ быть Суда Божьяго. Но это невѣрно. Религію должно разсматривать у народовъ съ болѣе обширной точки зрѣнія, нежели съ точки зрѣнія христіанской вѣры. Такимъ

образомъ на ордаліи нужно смотрѣть какъ на извѣстную ступень развитія, которую проходитъ каждый народъ въ своей исторіи и культурѣ.

С. И. Викторскій замѣтилъ, что въ рефератѣ проводится мысль, что судебные поединки есть результатъ религіозныхъ воззрѣній народа. Съ этой мыслью согласиться нельзя. Судебный поединокъ объясняется лучше всего такъ, какъ происхожденіе его объяснилъ М. М. Ковалевскій, т. е. кровною местью.

В. М. Михайловскій отвѣтилъ, что въ средніе вѣка судебный поединокъ безусловно носилъ религіозный характеръ, ибо церковь и духовенство держали все въ своихъ рукахъ. Самый характеръ поединка подъ вліяніемъ исканій правды и религіи измѣняется. Напримѣръ употреблялся поединокъ женщины съ мужчиной. Мужчину ставили въ яму по поясъ, ему давали въ руки дубину, а женщинѣ давали камень. Съ такими орудіями начинался поединокъ. Ловкость и силу парализировали, предоставляя рѣшить на поединкѣ вопросъ чему-то другому, а не исключительно физической силѣ и ловкости. Такимъ образомъ характеръ ордаліи носитъ элементъ сверхъестественности, чего-то таинственнаго, божескаго.

Д. Н. Стефановскій выразилъ, что референтъ не указалъ на отношеніе ордалій къ другимъ доказательствамъ судебнаго процесса. Въ рефератѣ не указано, какимъ образомъ человѣческая жизнь могла находиться въ такомъ противорѣчіи съ законами логики. Основы механики душевной дѣятельности человѣка и тогда и теперь одинаковы. Между тѣмъ мы видимъ, что нелогическій способъ доказательствъ былъ приложенъ къ Суду Божьему, ибо нельзя было и тогда не видѣть отсутствія всякой зависимости между убійствомъ и фактомъ проноса обвиняемымъ раскаленнаго желѣза на извѣстное разстояніе. Очевидно, человѣкъ хотѣлъ все разрѣшить сверхъестественнымъ чудомъ. Не сказалъ референтъ ничего и о психическомъ состояніи испытуемыхъ и о злоупотребленіяхъ, которыя были при ордаліяхъ. Не указано также и причинъ исчезновенія ордалій.

В. М. Михайловскій замѣтилъ, что ордаліи исчезаютъ въ 14 вѣкѣ и замѣняются пытками, когда отъ обвиняемыхъ добиваются всѣми силами сознанія. Такимъ образомъ явилась секуляризація ордалій.

А. М. Фальковскій полагалъ, что въ явленіяхъ общественной жизни есть извѣстнаго рода закономѣрность, но въ фактахъ по однообразію явленій еще нельзя строить общаго закона, какъ это сдѣлалъ референтъ, во-первыхъ потому, что путешественники не всегда вѣрно описываютъ и понимаютъ записанные ими факты и во-вторыхъ—потому, что къ фактамъ отдаленныхъ временъ нельзя примѣнять масштабъ міросозерцанія современнаго человѣка. Изъ матеріала, приведеннаго референтомъ, не видно, чтобы ордаліи были единственной формой процесса и суда.

Засѣданіе закрыто въ 11 часовъ вечера.

Засѣданіе 28 ноября 1888 года.

Засѣданіе открыто въ 8 ч. веч. подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя и почетнаго члена Общества С. А. Муромцева, при и. д. секретаря Л. В. Малининѣ; присутствовали: почетный членъ Общества А. М. Фальковскій и дѣйствительные члены: А. Ф. Акуловъ, С. Н. Викторскій, Н. Л. Борхартъ, А. Г. Гуревичъ, Д. А. Дриль, В. О. Гаркави, Н. П. Зыковъ, В. Н. Иваненко, Г. Н. Кругликовъ, Н. А. Зачинскій, В. И. Масляниковъ, А. Н. Марковъ, М. И. Брунъ, Ѳ. А. Савей-Могилевичъ, кн. Ѳ. В. Мещерскій, А. С. Никитенко, В. А. Панинъ, Г. А. Позняковъ, Н. И. Ржондковскій, Д. Н. Стефановскій, Е. Н. Тарновскій, А. И. Харламповичъ, С. С. Хрулевъ, Н. Я. Фрейндъ, А. Э. Штейнфинкель, Г. К. Шлезингеръ, С. Н. Цемшъ и Н. В. Юнгферъ.

1) Прочитаны и утверждены протоколы 16 мая, 3, 17 и 24 октября.

2) *Предсѣдатель Общества* сообщилъ, что бюро Общества по поводу пожертвованія В. П. Племянникова постановило помѣстить въ Юридическомъ Вѣстникѣ объявленіе, приглашающее лицъ, имѣющихъ матеріалы по обычному праву, обращаться съ ними въ Редакцію Юридическаго Вѣстника для помѣщенія въ печати на пожертвованныя г. Племянниковымъ деньги.

3) *Предсѣдатель Общества* доложилъ, что секретарь Общества Н. А. Морозовъ не можетъ исполнять обязанностей секретаря за выбытіемъ его изъ Москвы, а второй товарищъ секретаря А. И. Аммонъ не можетъ нести своихъ обязанностей по своимъ служебнымъ занятіямъ, почему предложилъ просить гг. дѣйствительныхъ членовъ Общества М. И. Бруна и Д. Н. Стефановскаго о содѣйствіи г. секретарю Общества при составленіи протоколовъ.

Предложеніе принято Обществомъ.

4) Предложены къ баллотировкѣ въ дѣйствительные члены Общества кандидаты правъ Яковъ Федоровичъ *Голубовъ* и Иванъ Тимофеевичъ *Саксъ* по предложенію Л. В. Малинина и С. И. Викторскаго, и присяжный повѣренный Николай Павловичъ *Рождественскій* по предложенію И. Н. Сахарова, А. Н. Маркова и Л. В. Малинина.

5) Избраны въ дѣйствительные члены Общества кандидаты правъ *А. Н. Миклашевскій* и *И. А. Борисовъ*.

6) Доложено отношеніе Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, въ которомъ выражено, что вслѣдствіе полученнаго въ день своего двадцатипятилѣтія привѣтствія отъ Московскаго Юридическаго Общества, означенное Общество сочло своею пріятною обязанностью принести Юридическому Обществу свою искреннюю признательность за высказанныя пожеланія и поздравленія.

7) Доложено отношеніе ректора Императорскаго Московскаго Университета отъ 16 ноября 1888 г., за № 2631, въ которомъ онъ проситъ Общество доставить ему не позднѣе 1 декабря 1888 г. свѣдѣнія о дѣятельности Общества за 1888 годъ для помѣщенія оныхъ въ отчетъ.

8) Дѣйствительный членъ *Д. Н. Стефановскій* доложилъ Обществу свой рефератъ: «По вопросу о чувственномъ убійствѣ», тезисы коего слѣдующіе:

а) Уголовная практика показываетъ, что существуютъ случаи истязаній и убійствъ, совершаемыхъ безъ всякой другой цѣли, кромѣ желанія преступника доставить себѣ своеобразное удовольствіе видомъ страданій своей жертвы. Это стремленіе къ мучительству можетъ быть названо общимъ именемъ «*тираннизма*».

б) Чувственное убійство есть одинъ изъ видовъ тираннизма.

в) Тираннизмъ встрѣчается у дѣтей въ очень раннемъ возрастѣ. Хотя бываютъ случаи проявленія его у личностей въ прочихъ отношеніяхъ нормальныхъ, но въ большинствѣ случаевъ онъ проявляется у лицъ съ тяжелыми общими пораженіями нервной системы, какъ, напр., у идіотовъ, алкоголиковъ, истеричныхъ и эпилептиковъ. Въ исторической жизни человѣчества также извѣстны многочисленныя проявленія тираннизма, какъ у отдѣльныхъ личностей (императоръ Тиверій, Іоаннъ Грозный), такъ и въ народныхъ массахъ (битвы гладіаторовъ).

г) Основной источникъ тираннизма нужно искать, предположительно, въ остаткахъ плотоядныхъ и кровожадныхъ инстинктовъ, которые еще сохраняются, благодаря войнамъ, смертнымъ казнямъ и другимъ условіямъ, у большинства людей. Въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, при задержкѣ развитія прочихъ психическихъ элементовъ, эти инстинкты могутъ пріобрѣсти ненормальную силу и стать преобладающими въ душевномъ строѣ человѣка.

д) Главною предрасполагающею причиною тираннизма слѣдуетъ считать общее органическое вырожденіе, сопровождаемое различными глубокими разстройствами нервной системы. Весьма вѣроятно, что особенная жестокость характера можетъ передаваться наслѣдственно, подобно наслѣдственной наклонности къ помѣшательству, самоубійству и т. п. Важными этіологическими моментами могутъ также служить дурное воспитаніе, алкогольные и др. эксцессы, заразительные примѣры.

е) Въ качествѣ предупредительныхъ мѣръ возможно, между прочимъ, рекомендовать: 1) раціональную постановку воспитанія порочныхъ и преступныхъ дѣтей; 2) частныя и общія мѣры противъ алкоголизма; 3) уменьшеніе публичности судебныхъ процессовъ противъ тираннистовъ и запрещеніе всякой другой прессѣ, кромѣ спеціальной, печатать о преступленіяхъ такого рода; 4) усиленіе наказаній за мучительство животныхъ.

ж) Проявленія тираннизма указываютъ на глубокую, основную нравственную извращенность личности и, въ серьезныхъ случаяхъ, дѣлаютъ ее крайне опасною для общества. Противодѣйствовать имъ едва ли возможно другими мѣрами, кромѣ палліативныхъ. Такими мѣрами могутъ быть или ссылка въ отдаленныя колоніи, или же, въ наиболѣе тяжелыхъ случаяхъ, пожизненное заключеніе въ тюрьму больницу для неизлѣчимо помѣшанныхъ преступниковъ.

Л. В. Малининъ замѣтилъ, что авторъ считаетъ тираннизмъ признакомъ душевнаго разстройства, вырожденія, наслѣдственности, идіотизма и т. п., а вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ его обстоятельствомъ, увеличивающимъ вину. Между тѣмъ душевное разстройство можетъ служить только смягчающимъ обстоятельствомъ, но не наоборотъ.

Г. Н. Кругликовъ высказалъ, что референтъ имѣлъ вѣроятно въ виду серьезность послѣдствій тираннизма, и лишь употребилъ неточное выраженіе, желая провести ту мысль, что преступленія съ тираннистическою окраскою имѣютъ больше важности, чѣмъ тѣ же преступленія, но безъ этой окраски.

Д. Н. Стефиновскій возразилъ, что въ работѣ своей онъ изучалъ проявленія чистаго тираннизма, а вопроса о той примѣси его къ другимъ преступленіямъ, которая можетъ быть увеличивающимъ вину обстоятельствомъ, онъ коснулся только мимоходомъ. Поэтому онъ желалъ бы ограничиться въ преніяхъ обсужденіемъ лишь чистаго тираннизма.

Предсѣдатель Общества *С. А. Муромцевъ* замѣтилъ, что между спорящими нѣтъ принципіальнаго разногласія, такъ какъ референтъ, указывая на опасность тираннистовъ для общества и на необходимость ихъ устраненія, не входитъ въ подробности относительно этого послѣдняго и не проводитъ рѣзкой границы между собственно наказаніемъ и лѣченіемъ, ставя ихъ въ зависимость отъ индивидуальныхъ особенностей каждаго преступника.

Е. Н. Тарновскій сдѣлалъ замѣчаніе, что войны могли имѣть значеніе для развитія тираннизма только въ прошлыя времена, теперь же онѣ не оказываютъ такого вліянія, ибо въ военномъ сословіи не замѣчается особенной тираннистической преступности.

А. М. Фальковскій высказалъ, что немногочисленные, съ трудомъ набранные примѣры тираннизма указываютъ на то, что преступленія такого рода слишкомъ рѣзки и потому едва ли основательно выдѣлять ихъ подъ особенную рубрику чувственнаго убійства. Современная итальянская школа уголовнаго права слишкомъ преувеличиваетъ значеніе преступности и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно неосновательно отвергаетъ наказаніе. По взглядамъ этой школы, которые она впрочемъ скрываетъ, нѣтъ преступниковъ, а есть только больные, которыхъ нужно лѣчить. Она упускаетъ изъ виду, что наслѣдственность и преступленія вовсе не суть роковыя явленія; что нравственные идеалы и религія также могутъ быть средствами исправленія. Преступленія всегда существовали, но добрые инстинкты всегда брали верхъ надъ зломъ. Прогрессъ свое дѣло дѣлаетъ, и человѣчество медленно, но неуклонно совершенствуется, переходя отъ грубой борьбы за существованіе къ мирной борьбѣ разума.

Θ. А. Савей-Могилевичъ возразилъ, что невозможно отвергать существованіе многочисленнаго класса наслѣдственно предрасположенныхъ психопатовъ, которые, однако, могутъ быть признаны таковыми только со стороны спеціалистовъ врачей, а по обыкновенному воззрѣнію счи-

таются простыми преступниками и заключаются въ тюрьмы, хотя настоящее мѣсто для нихъ больницы или особые пріюты.

В. Н. Иваненко высказалъ, что область явленій, взятую референтомъ, можно было бы также распространить и на тѣ случаи, когда люди причиняютъ *душевныя* страданія другимъ и любуются ихъ муками. Существуетъ также болѣзненная наклонность у людей мучить самихъ себя; такъ, напр., азартный игрокъ, умышленно дѣлаетъ иногда промахи, чтобы мучить себя сознаніемъ своего проигрыша. Главную психологическую причину тираннизма можно объяснить иначе, нежели то сдѣлано референтомъ. Весьма вѣроятно, что тираннисты суть люди ненормальные, исполненные внутренняго страданія, которые мучаютъ другихъ для того, чтобы видомъ чужихъ страданій облегчить свои собственныя. Въ каждомъ человѣкѣ существуютъ двѣ дѣятельности: одна изъ нихъ состоитъ изъ процессовъ внѣшняго воспріятія, а другая изъ внутреннихъ чувствъ; послѣдняя имѣетъ главное значеніе. У всѣхъ здоровыхъ людей эта внутренняя дѣятельность лежитъ въ основѣ психической личности. Бываютъ, однако, случаи искаженія или недостатка этой внутренней дѣятельности; такія болѣзни можно было бы назвать *этическими*. Недостатокъ внутренней дѣятельности вызываетъ преобладаніе внѣшняго воспріятія и влечетъ его извращеніе. Такіе больные испытываютъ полную душевную пустоту и постоянно страдаютъ. Примѣромъ можетъ служить Неронъ, который, по мнѣнію датскаго философа Киркегора, былъ постояннымъ страдальцемъ, вслѣдствіе чувства внутренней пустоты, ни чѣмъ не заполнимой. Тираннизмъ, слѣдовательно, слѣдуетъ объяснять не вліяніемъ наслѣдственности, какъ-то дѣлаетъ референтъ, а именно извращеніемъ внѣшняго воспріятія подъ вліяніемъ недостатка внутренней дѣятельности.

Д. Н. Стефановскій, возражая оппонентамъ, высказалъ, на замѣчаніе относительно вліянія войнъ, что онъ имѣлъ въ виду преимущественно прошлыя времена, хотя и теперь войны даютъ просторъ тираннистическимъ наклонностямъ, какъ это видно, напр., изъ поступковъ баши-бузуковъ въ послѣднюю войну съ Турціей. Переходя къ замѣчаніямъ А. М. Фальковскаго, референтъ сказалъ, что упрекъ въ излишней мрачности красокъ имъ не заслуженъ, такъ какъ самый предметъ изученія не обладаетъ привлекательными свойствами; поставивъ своею цѣлью изслѣдованіе зла, онъ и вынужденъ былъ говорить только о злѣ. Примѣры тираннизма вовсе не рѣдки. Судебныя лѣтописи изобилуютъ ими. Референтъ не набиралъ ихъ съ трудомъ, но напротивъ, выбралъ немногіе, причемъ все же старался щадить нравственное чувство слушателей и приподнялъ только край завѣсы. Референтъ не станетъ, конечно, отрицать того, что человѣчество значительно подвинулось на пути прогресса. Вниманіе, которое теперь посвящено изученію преступности и средствъ борьбы съ нею, показываетъ, что человѣчество стало болѣе развито, болѣе чувствительно къ явленіямъ, которыя безмолвно терпѣлись прежде.

Какой нибудь Неронъ въ настоящее время немыслимъ. Референтъ не отрицаетъ также большаго вліянія религіозныхъ и нравственныхъ идеаловъ, какъ средствъ борьбы противъ преступности, но думаетъ, что они часто остаются безсильны противъ явленій преступности, возникающихъ на почвѣ наслѣдственнаго вырожденія. Наслѣдственность есть великая, стихійная сила, которую необходимо контролировать. Эмпирически это дѣлается, но необходимо отнестись къ ней сознательно, такъ какъ отъ этого зависитъ судьба всего грядущаго человѣчества. На общій упрекъ итальянской школѣ относительно отрицанія наказанія, референтъ отказался отвѣчать, такъ какъ считаетъ себя свободнымъ приверженцемъ означенной школы и далеко не раздѣляетъ всѣхъ ея взглядовъ; вопросъ о правѣ наказанія и о его цѣли слишкомъ важенъ и сложенъ; притомъ же референтъ его и не касался въ своей работѣ. Возраженія на замѣчанія послѣдняго оппонента В. Н. Иваненко докладчикъ обѣщалъ представить въ слѣдующемъ засѣданіи, до котораго и были отложены дальнѣйшія пренія.

Засѣданіе закрыто въ $11\frac{1}{2}$ часовъ.

Засѣданіе 5 декабря 1888 года.

Засѣданіе открыто въ $8\frac{1}{2}$ час. вечера подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя и поч. члена Общества **С. А. Муромцева**, при исправлявшемъ обязанности секретаря кн. **Мещерскомъ**; присутствовали: почетный членъ **А. М. Фальковскій** и дѣйствительные члены: **А. Ф. Акуловъ, Н. А. Безръ, Н. Л. Борхартъ, С. И. Викторскій, В. Ѳ. Дерюжинскій, Д. А. Дриль, Н. А. Зачинскій, Н. П. Зыковъ, В. Н. Иваненко, П. В. Марковъ, Г. Н. Кругликовъ, В. М. Пржевальскій, В. И. Розенблюмъ, Ѳ. А. Савей-Могилевичъ, В. А. Семеновъ, А. С. Никитенко, В. Е. Станицкій, Д. Н. Стефановскій, В. Г. Фреде, Н. Я. Фрейндъ, А. И. Харламповичъ, А. К. Шильдбахъ и М. Я. Шиллингъ.**

1) Доложено о поступленіи въ библіотеку Общества книгъ: 1) Обычный порядокъ наслѣдованія у крестьянъ, В. Ф. Мухина и 2) Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи. Книга пятая, 1888 г.

2) Избраны въ дѣйствительные члены гг. Я. Ф. Голубовъ, Н. П. Рождественскій и И. Т. Саксъ.

3) Заявленъ къ баллотировкѣ въ дѣйствительные члены Ф. М. Арнольдъ.

4) Продолжались пренія по реферату *Д. Н. Стефановскаго*: О чувственномъ убійствѣ, доложенному въ прошломъ засѣданіи.

Референтъ, въ отвѣтѣ своемъ на замѣчанія, сдѣланныя въ прошломъ засѣданіи дѣйствительнымъ членомъ В. Н. Иваненко, объяснилъ, что было бы излишнимъ касаться въ рефератѣ фактовъ самоистязанія и причиненія другимъ душевныхъ страданій, такъ какъ эти явленія слишкомъ разширили бы вводимое имъ понятіе «тираннизма» и привели бы къ неясности и сбивчивости. Впрочемъ, для случаевъ самоистязанія съ эротическою окраскою, вродѣ, напр., существовавшаго прежде въ институ-

тахъ «обожанія», референтъ считалъ бы весьма умѣстнымъ установить новый терминъ «пассивизмъ», такъ какъ и этотъ классъ половыхъ извращеній обладаетъ весьма характерными и своеобразными особенностями. Что же касается теоріи, проводимой оппонентомъ, относительно различія двухъ родовъ дѣятельности—органовъ внѣшнихъ чувствъ и дѣятельности внутренней, а также извращенія ихъ у психопатическихъ личностей, то референтъ думаетъ, что теорія эта вполнѣ ошибочна, ибо исходитъ изъ произвольнаго построенія и не основана на научномъ психологическомъ анализѣ. Но даже допустивъ, что она справедлива, все равно нельзя прійти къ какому либо результату, ибо она имѣетъ вполнѣ формальный характеръ, и ею можно объяснять любое душевное извращеніе.

В. Н. Иваненко возразилъ, что главнымъ желаніемъ его было опровергнуть психологическое объясненіе тираннизма, указываемое авторомъ. По мнѣнію оппонента нельзя ссылаться въ этихъ случаяхъ на свидѣтельство сознанія, ибо болѣзненныя влеченія идутъ изъ глубины безсознательнаго и потомъ иллюзорно мотивируются больнымъ, который случайному результату приписываетъ свойства цѣли. Въ основѣ же тираннистическихъ явленій несомнѣнно лежитъ потребность къ проявленію силы, проявленію своей личности и своей власти надъ другою личностью.

Референтъ указалъ, что и этотъ элементъ былъ имъ указанъ, но сводить къ нему одному невозможно такое сложное явленіе, какъ тираннизмъ, ибо оно слагается изъ множества разнообразнѣйшихъ элементовъ. Привести же ихъ всѣ къ одной какой либо причинѣ значило бы не выяснить вопросъ, но только затемнить его.

Д. А. Дриль высказалъ, что референтъ напрасно отказывается отъ солидарности съ новою позитивною школою уголовнаго права, такъ какъ школа эта имѣетъ лишь одно основное положеніе, состоящее въ томъ, что преступника необходимо изучать какъ можно подробнѣе и серьезнѣе; къ этому направленію принадлежитъ и самъ референтъ. Важна лишь эта основа; остальныя же подробности имѣютъ второстепенное значеніе. Послѣдователи новаго направленія уже оказали большое вліяніе на развитіе науки уголовнаго права, и можно надѣяться, что въ будущемъ отношеніе общества къ преступнику значительно измѣнится, подобно тому, какъ измѣнилось съ конца XVIII вѣка отношеніе общества къ помѣшаннымъ, благодаря настойчивости великаго Пинеля. Обращаясь къ отдѣльнымъ частямъ доклада, оппонентъ указалъ на главный, по его мнѣнію, недостатокъ, а именно—смѣшеніе проявленій тираннизма съ явленіями садизма, между тѣмъ какъ первыя всѣ сводятся въ сущности ко вторымъ. Точно также неудачна попытка референта провести границу между импульсивнымъ убійствомъ и тираннизмомъ, такъ какъ въ обоихъ случаяхъ одинаково поражены и чувствительная и двигательная сферы. Затѣмъ оппонентъ перешелъ къ вопросу о предупредительныхъ и карательныхъ мѣрахъ противъ тираннизма, причемъ высказалъ, что въ основѣ борьбы съ преступленіемъ должна лежать реформа воспитанія, и не только порочныхъ

дѣтей, но всего молодаго поколѣнія вообще. Вмѣстѣ съ тѣмъ должны быть приняты самыя широкія мѣры противъ пауперизма, этого растущаго зла нашей цивилизаціи. Государство, вообще говоря, слишкомъ мало вмѣшивается въ народную жизнь и допускаетъ злу развиваться все болѣе. Что касается ссылки и пожизненнаго заключенія, какъ наказаній для тираннистовъ, то оппонентъ находитъ, что ссылка несправедлива, ибо ею заражаются колоніи, куда сплавляются всѣ негодные и опасные элементы; а пожизненное заключеніе тоже неосновательно, ибо невозможно заранѣе предсказать безусловную неисправимость преступника. Поэтому разумнѣе назначать безсрочное заключеніе, съ освобожденіемъ по усмотрѣнію тюремныхъ и судебныхъ властей.

Референтъ возразилъ, что онъ и не отказывался отъ солидарности съ позитивною школою, но считаетъ себя лишь свободнымъ ея приверженцемъ, такъ какъ главное направленіе работъ этой школы антропологическое, тогда какъ его тенденціи устремлены преимущественно въ область психологіи, такъ какъ послѣдняя наука имѣетъ для уголовнаго права несравненно больше значенія, нежели антропологія. Онъ вполнѣ готовъ признать, что многіе случаи тираннизма имѣютъ весьма близкое сходство и связь съ садизмомъ;—что онъ и самъ первоначально держался мнѣнія оппонента, но болѣе внимательное изученіе фактовъ позволило ему раздѣлить, въ практическихъ цѣляхъ, эти двѣ группы явленій и реферировать въ Обществѣ только объ одной, такъ какъ другая, хотя и болѣе знакома ему, но вполнѣ неудобна для устнаго публичнаго обсужденія въ Обществѣ, и можетъ имѣть мѣсто только на страницахъ спеціальнаго журнала. Между тираннизмомъ и импульсивнымъ убійствомъ существуетъ несомнѣнная разница, хотя и невозможно указать точно границу между ними; но это неважно, подобно тому какъ неопредѣленность перехода отъ дня къ ночи не мѣшаетъ намъ однако признать разницу между тѣмъ и другимъ. Относительно необходимости широкой борьбы противъ пауперизма референтъ присоединился къ мыслямъ Д. А. Дриля; по отношенію же къ карательнымъ мѣрамъ остался при своемъ мнѣніи, указавъ, что ссылка, будучи поставлена болѣе раціонально, не грозитъ опасностью заразы для колоній, а пожизненность заключенія необходима въ виду того, что исправимость тираннистовъ малонадежна и трудно ее установить, ибо отсутствуютъ надежные критеріи. Притомъ же система его оппонента допускаетъ возможность обширныхъ злоупотребленій со стороны администраціи, а возвращеніе преступника въ старыя общественныя условія какъ нельзя болѣе благопріятствуетъ рецидиву. Референтъ впрочемъ не отрицаетъ, что для исправившихся преступниковъ необходимо допускать извѣстныя льготы и даже помилованіе.

В. И. Розенблюмъ замѣтилъ, что тираннизмъ, подъ которымъ референтъ разумѣетъ болѣзненное извращеніе присущаго человѣку нормальнаго животнаго инстинкта жестокости и кровожадности долженъ подлежать изслѣдованію психо-патологіи, точно такъ же какъ и вообще извращеніе

другихъ инстинктовъ, напр., половаго. Къ области же соціологіи относится собственно изслѣдованіе тѣхъ причинъ, которыя содѣйствуютъ сохраненію въ человѣкѣ самаго инстинкта кровожадной жестокости, какъ явленія нормальнаго. Во главѣ этихъ причинъ стоитъ несомнѣнно степень развитія цивилизаціи и культуры. Далѣе референтъ неправильно усматриваетъ въ безцѣльности жестокости признакъ болѣзненнаго явленія. И безцѣльная жестокость можетъ быть вполнѣ нормальнымъ проявленіемъ грубости и необузданности характера, вслѣдствіе чего и она можетъ и должна подлежать воздѣйствію уголовной репрессіи.

В. М. Пржевальскій объяснивъ, что онъ не присутствовалъ въ прошломъ засѣданіи, а потому судитъ лишь на основаніи печатныхъ тезисовъ, замѣтилъ, что рефератъ страдаетъ двумя недостатками—съ одной стороны онъ ставитъ вопросъ на метафизическую почву и не даетъ практическаго разрѣшенія, а съ другой вноситъ смѣшеніе въ науку уголовнаго права, ибо о подобныхъ душевныхъ аномаліяхъ судятъ эксперты, а юристы подчиняются ихъ экспертизѣ. Референтъ же не указываетъ совсѣмъ, что̀ такое тираннистъ—больной или преступникъ?

С. И. Викторскій, повторивъ замѣчаніе г. Дриля о близкой связи тираннизма и садизма, указалъ на непригодность термина «чувственное убійство». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обратилъ вниманіе референта на институтъ «*патроната*», который можетъ помочь одному изъ вредныхъ послѣдствій, видимыхъ авторомъ въ отмѣнѣ системы пожизненнаго заключенія.

Референтъ въ послѣднемъ словѣ указалъ на то, что возраженіе товарища предсѣдателя В. М. Пржевальскаго основано на нѣкоторомъ недоразумѣніи, такъ какъ вся его работа имѣетъ чисто научный и практическій характеръ, безъ малѣйшей примѣси какой либо метафизики. Замѣчаніе о необходимости различать юридическія дисциплины отъ психологическихъ справедливо, поскольку рѣчь идетъ о спеціальной разработкѣ тѣхъ и другихъ, и несправедливо, поскольку идетъ рѣчь объ ознакомленіи юристовъ съ новѣйшими успѣхами психопатологіи. На замѣчанія послѣдняго оппонента докладчикъ возразилъ, что имъ лично введенъ терминъ «тираннизмъ», а не чувственное убійство. Послѣдній терминъ и по его мнѣнію неудаченъ. Институтъ патроната не можетъ оказать существенныхъ услугъ дѣлу исправленія преступниковъ, если останутся неизмѣнными соціальныя условія, порождающія этихъ послѣднихъ.

Засѣданіе закрыто въ $11\frac{1}{2}$ часовъ вечера.

Засѣданіе 12 декабря 1888 года.

Засѣданіе открыто въ 8½ часовъ вечера подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя и почетнаго члена Общества **С. А. Муромцева.** при товарищѣ секретаря **Л. В. Малининѣ.** Присутствовали дѣйствительные члены: **А. Ф. Акуловъ, Ю. С. Гамбаровъ, Д. А. Дриль, М. И. Брунъ, Г. Н. Кругликовъ, кн. Ѳ. В. Мещерскій, Л. Е. Мандельштамъ, В. И. Розенблюмъ, Н. И. Ржондковскій, В. В. Сиротининъ и Д. Н. Стефановскій.**

1) Прочитаны и утверждены протоколы засѣданій Общества 28 ноября и 5 декабря 1888 г.

2) *Предсѣдатель Общества* доложилъ письмо г. Племянникова, которымъ онъ извѣщаетъ о переводѣ 150 рублей на изданіе Юридическимъ Обществомъ въ 1889 году матеріаловъ по обычному праву Россіи.

3) Предложены къ баллотировкѣ въ дѣйствительные члены: почет. членомъ С. А. Муромцевымъ, дѣйств. членами Д. А. Дрилемъ, Ю. С. Гамбаровымъ и Г. Н. Кругликовымъ—магистрантъ политической экономіи и бывшій профессоръ Митрофанъ Павловичъ Щепкинъ, дѣйст. членами Л. В. Малининымъ и Н. А. Андроссовымъ—Александръ Ивановичъ Меморскій, прис. пов. и дѣйствит. членами Л. В. Малининымъ, А. В. Шиловымъ и И. И. Андросовымъ—Михаилъ Викторовичъ Бриччи, пом. прис. пов.

4) Дѣйств. членъ *В. И. Розенблюмъ* доложилъ Обществу свой рефератъ: «о неправомѣрномъ обогащеніи по сенатской практикѣ» (напечатано въ Юрид. Вѣсти. 1889 г., № 1). Положенія реферата:

1) Сенатская практика выполнила пробѣлъ законодательства относительно исковъ изъ неправомѣрнаго обогащенія.

2) Сенатъ признаетъ неправомѣрное обогащеніе безусловнымъ основаніемъ для иска, внѣ всякихъ исключеній.

3) Сенатъ не дѣлаетъ различія между отдѣльными видами кондикціи.

4) Ученіе сената представляется вполнѣ цѣлесообразнымъ.

М. И. Брунъ, находя правомѣрность судебнаго творчества, согласился съ цѣлесообразностью отнесенія всѣхъ родовъ кондикцій въ общую группу. У насъ отсутствуетъ институтъ добровольнаго и безвозмезднаго дѣйствія въ чужомъ интересѣ. Даже въ судебной практикѣ это отсутствіе очень часто ощущается. Въ рѣшеніяхъ правительствующаго сената, приведенныхъ подъ 574 ст. X т., ч. I, св. зак. гр., у Боровиковскаго, сенатъ стоитъ на кондикціонной точкѣ зрѣнія. Negotiorum gestio сенатъ не признаетъ. При кондикціонномъ искѣ основаніемъ его является обогащеніе. Иное дѣло иски, вытекающіе изъ дѣятельности въ чужомъ интересѣ; обогатился или не обогатился отвѣтчикъ, во всякомъ случаѣ истецъ можетъ правильно требовать съ отвѣтчика вознагражденія за свои интересы. Изъ общей группы исковъ, вытекающихъ не изъ договоровъ, впослѣдствіи разовьются разнообразные институты.

Ю. С. Гамбаровъ. Положеніе референта слишкомъ общее и противорѣчитъ теоріи о кондикціи. По закону справедливость и правда очень часто основаніемъ исковъ не служатъ. Неосновательное и неправомѣрное

обогащеніе постоянно существуетъ въ обществѣ. Что такое, напр., давность, какъ не обогащеніе одного на счетъ другаго? А между тѣмъ давность необходима въ видахъ блага общества. Кондикціи суть дополненія къ защитѣ собственности. Онѣ примѣняются, когда собственность не можетъ отыскиваться вещными исками, когда защита собственности переходитъ въ защиту личнаго иска. Поэтому, мнѣ кажется, не совсѣмъ правильнымъ различіе иска объ убыткахъ и кондикціяхъ, которое дѣлаетъ референтъ. Когда предметъ собственности не можетъ отыскиваться въ реальномъ видѣ, тогда наступаетъ область примѣненія кондикціи, именно въ формѣ примѣненія иска объ убыткахъ. Очень часто вмѣсто потерянной вещи ищутъ стоимость вещи. Неправильно не дѣлать различія между кондикціями. Въ однихъ случаяхъ, напр., употребляется форма quod ad eos pervenit, въ другихъ случаяхъ, когда лице, владѣвшее внѣ закона моимъ предметомъ, допустило нѣкоторую вину, въ третьихъ, когда лице оказало turpitudo и т. п. Отвѣтственность отвѣтчика не ограничивается тѣмъ, что онъ извлекъ изъ предмета, а распространяется на всю сумму того, что я потерялъ. Поэтому смѣшивать всѣ случаи кондикціи въ одну массу неправильно. На западѣ нигдѣ нѣтъ ученія о распространеніи кондикцій на всѣ случаи обогащенія. Мнѣ кажется правильнѣе возвратиться къ точкѣ зрѣнія, существующей въ литературѣ, что кондикція замѣняетъ иски о собственности. Эти иски субсидіарны.

В. И. Розенблюмъ, присоединяясь къ объясненіямъ М. И. Бруна, не согласился съ мнѣніемъ, высказаннымъ Ю. С. Гамбаровымъ. Теорія римскаго права признаетъ кондикціи какъ институтъ. Кондикція объ обогащеніи на чужой счетъ совсѣмъ самостоятельна. Въ западной литературѣ этотъ вопросъ разработанъ въ брошюрѣ г-жи Берлинъ. Ограниченіе кондикцій, по мнѣнію Берлинъ, напр., turpitudo, при ошибкѣ и т. п. неправильны, а если допущеніе ихъ возможно, то единственно въ случаяхъ исключительныхъ. Берлинъ указываетъ на пользу употребленія кондикцій въ смыслѣ политическомъ: государство не должно становиться въ защиту несправедливости, ибо тотъ, кто воспользовался безъ основанія имуществомъ, долженъ его возвратить его дѣйствительному собственнику. Въ жизни современной играетъ роль вопросъ и о томъ, какія основанія владѣнія были у получателя имущества. Правда, сенатъ слишкомъ далеко заходитъ, требуя, чтобы во всякомъ случаѣ фактическій обладатель имущества доказывалъ основанія своего владѣнія, тѣмъ не менѣе цѣлесообразность практики сената несомнѣнно оправдывается дѣйствительностью.

Ю. С. Гамбаровъ указалъ, что Савиньи, Якобій и друг. діаметрально расходятся съ практикой сената. Важно, конечно, что сенатъ признаетъ кондикціи, но не слѣдуетъ переходить границъ защиты посредствомъ кондикцій. Оппонентъ думаетъ, что сенатъ выражался обще, не точно, имѣя въ виду конкретные случаи, ибо нельзя ставить принципіально защиту неправильнаго обогащенія.

В. И. Розенблюмъ поддерживалъ свои положенія, подкрѣпляя ихъ ссылками на приведенные въ его рефератѣ примѣры.

Засѣданіе закрыто въ 10 часовъ и 45 мин. вечера.

Засѣданіе 19 декабря 1888 г.

Засѣданіе открыто въ $8^1/_2$ часовъ вечера подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя и почетнаго члена Общества **С. А. Муромцева**, при тов. предсѣдателя **В. М. Пржевальскомъ** и тов. секретаря **Л. В. Малининѣ**; присутствовали дѣйствительные члены: **Н. И. Андроссовъ, М. И. Брунъ, В. О. Гаркави, Д. Н. Доброхотовъ, Н. П. Зыковъ, Г. Б. Іоллосъ, Н. И. Ржондковскій, В. И. Розенблюмъ, В. А. Семеновъ, В. В. Сиротининъ**, и **Н. Н. Чеботаревскій**, и въ качествѣ гостя—**М. В. Никольскій.**

1) Предложенъ почетнымъ членомъ С. А. Муромцевымъ и дѣйст. чл. Л. В. Малининымъ къ баллотировкѣ въ дѣйствительные члены Общества юрисконсультъ управленія государственныхъ имуществъ, бывшій присяжный повѣренный Н. С. Анненковъ.

2) Дѣйствительный членъ *Н. Н. Чеботаревскій* доложилъ свой рефератъ «Вавилонскій контрактъ 666 г. до Рож. Хр.», напечатанный въ Юридическомъ Вѣстникѣ за январь 1889 г.

М. В. Никольскій замѣтилъ, что объ этомъ контрактѣ много говорилось въ Археологическомъ Обществѣ, но не съ юридической стороны. Оппонентъ согласенъ съ референтомъ, что контрактъ этотъ отступаетъ отъ обычныхъ контрактовъ, будетъ ли это копія, или подлинникъ. Ему казалось, что по отношенію памятника такой древности не возможны требованія юридическія съ формальной стороны. Мы имѣемъ памятники двухъ эпохъ, временъ царей Надбонидовъ и послѣдующаго времени. Дарственныя записи Вавилонскихъ царей писались на камнѣ, на базальтѣ. Подобные документы писались и на глинѣ. Не существуетъ основанія утверждать, чтобы документы того времени писались только на глинѣ. Торговыя сдѣлки писались исключительно на глинѣ. Если разсматриваемый документъ не подлинникъ, то для чего же была сдѣлана эта копія, для чего нужно было переводить на камень эту копію, когда самый подлинникъ былъ на глинѣ. Необычайность матеріала и объясняется необычайностью самаго акта. Актъ сдѣланъ о продажѣ дома. Вавилоняне вообще были несклонны отчуждать недвижимыя имущества. Ко временамъ Набонидовъ относятся изъ найденныхъ контрактовъ только 7 на продажу земли и ни одного акта о продажѣ дома. Думается, что покупатель по этому исключительному случаю и прибѣгъ къ необычной торжественности самого совершенія сдѣлки: матеріалъ былъ выбранъ твердый, свидѣтелей взято было 23 человѣка, когда обыкновенно ихъ бываетъ два, три и до 15 человѣкъ, наконецъ, необычайная цѣна—3 мины—сумма, громадная по тогдашнему времени. Большею частью покупная цѣна не превышаетъ одной мины; въ одномъ только памятникѣ мы нашли двѣ мины. По этимъ основаніямъ оппонентъ находитъ, что документъ, о которомъ сдѣланъ

докладъ, не можетъ считаться копіей. Копій вообще изъ всѣхъ памятниковъ этой глубокой старины не встрѣчается.

Н. Н. Чеботаревскій возразилъ, что Винеръ приводитъ 5 контрактовъ на базальтѣ и бѣломъ камнѣ и не говоритъ, что это копіи или подлинники. На твердомъ камнѣ не возможно отпечатать слѣды ногтя или приложить печать или изобразить другіе знаки. Самое нахожденіе ногтя на камнѣ показываетъ, что это копія. Обыкновенно, Вавилоняне писали контракты на терракотовыхъ кирпичахъ. Всякій другой матеріалъ употреблялся на копіи. Копіи нужны были для контрагентовъ, какъ это и въ наше время бываетъ. Цѣна, выставленная на документѣ, о которомъ доложено Обществу, не устраняетъ основанія, по которому должно считать его копіей контракта. Мина и двѣ мины встрѣчаются у Ревелью въ договорахъ Вавилонскихъ о наймѣ и продажѣ, и т. п.

М. Н. Никольскій прибавилъ, что подлинное рукоприкладство доказываетъ подлинность акта. Въ данномъ случаѣ въ контрактѣ значится, что актъ писалъ писецъ такой-то. У Вавилонянъ стороны не подписывали актовъ, но писцы удостовѣряли совершеніе ихъ. Очевидно, что писцы эти были чиновниками. Въ данномъ случаѣ писецъ былъ секретаремъ какого-то храма. Подлинность акта и важность его удостовѣрялась этимъ писцомъ. Ноготь и печать не играютъ той роли, какую имъ придаетъ референтъ. Для подлинности акта у Вавилонянъ достаточно было рукоприкладства этихъ важныхъ чиновниковъ. Написанный актъ при спорахъ удостовѣрялся въ подлинности тѣми писцами, которые его писали.

М. И. Брунъ, обративъ вниманія на то, что изъ точнаго текста и перевода контракта видно, что продавецъ отстранилъ себя отъ права собственности, спросилъ референта, не можетъ ли онъ указать, соединяется ли съ этимъ понятіемъ юридическое представленіе, или это только одинъ изъ способовъ описанной сдѣлки.

Н. Н. Чеботаревскій замѣтилъ, что переводъ сдѣланъ точно.

М. Н. Никольскій объяснилъ, что въ этомъ контрактѣ есть дополненіе, не встрѣчающееся въ другихъ контрактахъ, способное объяснить дѣйствительное значеніе сдѣлки — это слово *Zaka*, совпадающее съ еврейскимъ словомъ Zakies, что означаетъ право собственности. Такимъ образомъ, по тексту контракта видно, что вмѣстѣ съ договоромъ продажи продавецъ лишалъ себя и права собственности.

С. А. Муромцевъ указалъ, что было бы интересно опредѣлить, существовало ли у Вавилонянъ ко времени контракта право частной собственности на недвижимое имущество, не былъ ли переходъ недвижимой собственности затрудненъ чѣмъ либо, не потеряло ли недвижимое имущество отъ времени родоваго характера? Въ кирпичѣ, на которомъ написанъ былъ интересный для насъ документъ, есть указанія на остатки родоваго быта и на ограниченіе права собственности. Присутствіе свидѣтелей при совершеніи акта въ этомъ отношеніи очень характерно. При актахъ отчужденія въ этихъ свидѣтеляхъ слѣдуетъ видѣть выразителей

другихъ функцій, нежели наши свидѣтели. Они являлись судьями и ручателями того, что данная сдѣлка совершится. Это—свидѣтели пособники и въ то же время представители стараго порядка вещей. Они даютъ согласіе на сдѣлку. Они, обыкновенно, *родственники* того, кто продаетъ имущество. Возможность продать есть у собственника, но ему нужно согласіе сородичей. Таково было значеніе свидѣтелей въ прежнее время, а потомъ отъ времени силою жизни это значеніе свидѣтелей падало и они стали являться простою формальностью. М. Н. Никольскій указалъ, что самая купля-продажа дома у Вавилонянъ была рѣдкимъ явленіемъ. Послѣднее обстоятельство можетъ подтверждать, что отчужденіе недвижимаго имущества у нихъ было затруднено.

Н. Н. Чеботаревскій отвѣчалъ, что ему никогда не приходилось встрѣчать въ источникахъ, чтобы у Вавилонянъ свидѣтелями были родственники продавца. У Оппера прямо говорится, что роль свидѣтелей сначала у нихъ играли судьи, а потомъ судейское значеніе постепенно утратилось и они были при актахъ только для простой формальности. Что касается до отчужденія недвижимой собственности, то таковое было совершенно свободно, потому что въ то время у Вавилонянъ была полнѣйшая индивидуализація въ силу громаднаго развитія торговли. Что же касается до числа свидѣтелей, то оно крайне неопредѣленно. Встрѣчаются контракты на 300 лѣтъ ранѣе, нежели контрактъ, послужившій предметомъ реферата, и число свидѣтелей въ нихъ значительно меньше выставлено, нежели въ послѣдующихъ, что, конечно, уже не можетъ говорить въ пользу родоваго состоянія Вавилонянъ.

М. Н. Никольскій сообщилъ, что былъ ли родовой бытъ у Вавилонянъ—это вопросъ темный. Но родственники встрѣчаются во всѣхъ контрактахъ эпохи Набонидовъ. Участіе близкихъ родственниковъ постоянно, точно также постоянно встрѣчаются однѣ и тѣ же имена. Этихъ лицъ до 800. Собственность недвижимаго имущества отчуждалась весьма рѣдко и самое отчужденіе соединялось съ какими-то затрудненіями.

В. М. Пржевальскій замѣтилъ, что вообще въ религіозныхъ, теократическихъ странахъ весьма туго отчуждали недвижимую собственность въ силу того обстоятельства, что съ землею неразрывны были понятія о домашнихъ богахъ и пенатахъ, а отрѣшаться отъ своихъ боговъ считалось великимъ нечестіемъ и преступленіемъ.

По предложенію предсѣдателя, Общество выразило свою благодарность М. Н. Никольскому за участіе его въ преніяхъ по настоящему реферату.

Засѣданіе было закрыто въ 11 часовъ вечера.

Засѣданіе 16 января 1889 г.

Засѣданіе открыто въ 8 час. вечера подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя и почетнаго члена Общества **С. А. Муромцева**; секретарскія обязанности исполнилъ **М. И. Брунъ**. Присутствовали дѣйствительные члены: **В. М. Пржевальскій, В. А. Гольцевъ, А. И. Аммонъ, И. И. Янжулъ, Ю. С. Гамбаровъ, Н. Я. Фрейндъ, М. К. Каблукова, И. М. Волковъ, А. Н. Филипповъ, М. Я. Шиллингъ, В. А. Семеновъ, В. В. Сиротининъ, М. С. Овсянниковъ, В. Е. Станицкій, Г. Н. Кругликовъ, В. М. Михайловскій, А. Ф. Акуловъ, Н. П. Зыковъ, М. Я. Герценштейнъ, Д. А. Дриль**, гр. **Л. А. Камаровскій, С. А. Алексѣевъ, Н. А. Звѣревъ, В. Ф. Дерюжинскій, А. Г. Гурвичъ, Н. О. Нерсесовъ, Н. А. Каблуковъ, А. А. Мануиловъ, Н. А. Зачинскій, И. П. Боголѣповъ, П. В. Марковъ, Г. Б. Іоллосъ, М. А. Саблинъ, В. И. Розенблюмъ**, кн. **Ѳ. В. Мещерскій, П. А. Столповскій, И. Н. Миклашевскій, Н. Ю. Юнгферъ, Н. И. Ржондковскій, А. Н. Марковъ, Д. И. Доброхотовъ** и **А. Н. Миклашевскій**.

Доложено о поступленіи въ библіотеку Общества, при письмѣ на имя Предсѣдателя Общества отъ Статсъ-Секретаря Куломзина, перваго тома «Журналовъ Комитета Министровъ царствованія Императора Александра I (1802—1810)». Общество поручило предсѣдателю благодарить статсъ-секретаря Куломзина.

Доложено о поступленіи въ библіотеку Общества отъ Н. Ф. Даніельсона книги: Henry Sumner Maine, international law, a serees of lectures delivered before the Combridge-University. Общество постановило благодарить жертвователя.

1) Избраны въ дѣйствительные члены Общества: Митрофанъ Павловичъ *Щепкинъ*, Павелъ Гавриловичъ *Виноградовъ*, Федоръ Михайловичъ *Арнольдъ*, Николай Степановичъ *Анненковъ* и Михаилъ Викторовичъ *Бриччи*.

2) *Предсѣдатель* Общества, указавъ на то, что десять дней тому назадъ исполнилось 200 лѣтъ со дня рожденія Монтескье, сообщилъ, что бюро Общества, принимая во вниманіе то значеніе, которое работы Монтескье имѣлъ для науки и въ государственной теоріи послѣдующаго времени, постановило посвятить первое засѣданіе Общества въ наступившемъ году воспоминаніямъ о знаменитомъ французскомъ мыслителѣ.

3) Гр. *Л. А. Камаровскій* доложилъ рефератъ: «Монтескье, какъ человѣкъ и писатель» (напечатано въ Русской Мысли 1889 г.).

4) *В. Ф. Дерюжинскій* прочиталъ рефератъ о «Духѣ Законовъ» Монтескье (напечатано въ Юридич. Вѣстникѣ 1889 г., № 3).

Предсѣдатель объявилъ о перерывѣ засѣданія на $^1/_4$ часа. Послѣ того засѣданіе возобновлено подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя *В. М. Пржевальскаго*.

5) *В. А. Гольцевъ* прочиталъ нижеслѣдующее предложеніе, подписанное В. М. Соболевскимъ, гр. Л. А. Камаровскимъ, Н. А. Зачинскимъ,

Н. О. Нерсесовымъ, Г. А. Джаншіевымъ, А. С. Посниковымъ, Г. Б. Іоллосомъ, М. Е. Богдановымъ, С. А. Щепотьевымъ, В. Ф. Дерюжинскимъ, А. И. Филипповымъ, В. А. Гольцевымъ, Н. А. Каблуковымъ, М. А. Саблинымъ, М. Я. Герценштейномъ, И. И. Янжуломъ, В. М. Пржевальскимъ, Е. И. Тарновскимъ, А. А. Мануиловымъ, В. А. Уляницкимъ, М. И. Бруномъ, А. Ф. Акуловымъ, М. Я. Шиллингомъ, А. С. Алексѣевымъ, М. К. Каблуковою, И. А. Звѣревымъ, И. П. Боголѣповымъ, П. В. Марковымъ, М. С. Овсянниковымъ, Ю. С. Гамбаровымъ, И. М. Волковымъ, В. А. Семеновымъ, В. М. Михайловскимъ, Г. Н. Кругликовымъ, В. В. Сиротининымъ, В. Е. Станицкимъ, Д. А. Дрилемъ и А. Г. Гурвичемъ.

«Въ январѣ наступившаго года исполнилось десять лѣтъ редактированія «Юридическаго Вѣстника» С. А. Муромцевымъ. Въ теченіе всего этого времени изданіе нашего Общества стояло на высотѣ своей задачи, удовлетворяя насущныя нужды теоретической и практической юриспруденціи. При умѣломъ и компетентномъ руководительствѣ Сергѣя Андреевича Муромцева, благодаря его трудамъ и матеріальнымъ жертвамъ, «Юридическій Вѣстникъ» получилъ заслуженную и прочную извѣстность. Нижеподписавшіеся считаютъ по этому своимъ долгомъ обратиться въ Юридическое Общество съ предложеніемъ выразить почетному члену Общества и редактору нашего изданія С. А. Муромцеву глубокую благодарность Общества».

Общество постановило выразить С. А. Муромцеву свою признательность и занести о томъ въ протоколъ засѣданія.

М. А. Саблинъ прочиталъ отъ имени бюро Статистическаго Отдѣленія Общества слѣдующее обращеніе къ С. А. Муромцеву: «Сергѣй Андреевичъ! Бюро Статистическаго Отдѣленія Московскаго Юридическаго Общества пользуется настоящимъ случаемъ, чтобы выразить Вамъ глубокое сочувствіе и искреннюю признательность за то направленіе, въ которомъ Вы въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ вели журналъ нашего Общества. Подъ Вашимъ просвѣщеннымъ руководствомъ «Юридическій Вѣстникъ», не переставая быть серьезнымъ органомъ практическаго правовѣдѣнія, сдѣлался вмѣстѣ съ тѣмъ едва ли не единственнымъ въ Россіи органомъ по части обществознанія въ широкомъ смыслѣ этого слова. На страницахъ редактируемаго Вами изданія нашли себѣ мѣсто и различныя отрасли публичнаго права, политическая экономія, теоретическая и прикладная, и статистика, въ особенности—статистика Россіи. Съ самыхъ первыхъ годовъ Вашей редакторской дѣятельности, Вы вѣрно оцѣнили ту важную роль, какую начинаетъ играть систематическое изученіе нашего отечества, преимущественно благодаря трудамъ земской статистики, и гостепріимно открыли Вашъ журналъ для трудовъ этихъ тогда еще едва начинавшихъ свое поприще научныхъ дѣятелей; со времени же основанія Статистическаго Отдѣленія, которое совершилось главнымъ образомъ, благодаря Вашей энергіи и иниціативѣ, рѣдкая книжка «Юридическаго

Вѣстника» не заключаетъ въ себѣ одного или нѣсколькихъ статистическихъ трудовъ. Высоко цѣня это постоянное вниманіе къ дорогой намъ отрасли знанія, мы отъ всей души желаемъ, чтобы и на будущее время Вы съ такой же энергіей, талантливостью и искусствомъ выполняли Вашу почтенную задачу». Подписали: А. Чупровъ; М. Саблинъ; И. Вернеръ и В. Григорьевъ.

Д. А. Дриль прочиталъ, по порученію профессоровъ Демидовскаго Юридическаго Лицея И. С. Суворова. В. М. Нечаева, и В. Ф. Левитскаго, слѣдующее привѣтствіе: «Не имѣя возможности лично присутствовать на юбилеѣ многоуважаемаго редактора «Юридическаго Вѣстника», отъ всей души заочно желаемъ дальнѣйшаго процвѣтанія почтенному органу научной юриспруденціи подъ умѣлымъ и просвѣщеннымъ управленіемъ Сергѣя Андреевича Муромцева».

С. А. Муромцевъ просилъ Общество принять отъ него выраженіе его искренней и глубокой благодарности.

А. Н. Миклашевскій предложилъ Обществу изготовить портретъ С. А. Муромцева для раздачи членамъ Общества. Предложеніе принято.

6) *А. С. Алексѣевъ* доложилъ рефератъ: «Политическое ученіе Монтескье и начала современнаго публичнаго права».

7) *Н. А. Звѣревъ* доложилъ рефератъ «Ученіе Монтескье о раздѣленіи властей».

8) *В. М. Пржевальскій* сказалъ. «Мм. Гг. Прочитанные рефераты представили намъ мысли и ученіе Монтескье. Мы слышали, какъ велико значеніе этихъ мыслей и этого ученія. Недаромъ сказалъ Janet, что «Духъ законовъ» есть величайшая изъ книгъ въ области публицистики; сравненіе съ нею можетъ выдержать только «Политика» Аристотеля. Велика сила генія, велика даже тамъ, гдѣ онъ ошибался. Вспомнимъ, что идея политической свободы, смягченія уголовныхъ наказаній, закономѣрности,—вошедшія въ плоть и кровь современнаго человѣчества, у Монтескье изложены со всею прелестью новизны и оригинальности, и притомъ остроумнѣйшимъ языкомъ, какимъ писали немногіе, и мы поймемъ, почему одно слово его поистинѣ стоитъ цѣлыхъ книгъ, написанныхъ бездарными учеными. Вспомнимъ хотя бы сравненіе деспотическаго правительства съ дикарями Луизіаны, которые срубаютъ дерева, чтобы сорвать растущіе на немъ плоды. Сколько страницъ сдѣлалось общими мѣстами, благодаря остроумію и силѣ негодованія, которымъ проникался писатель противъ всего, что уничтожаетъ человѣческую личность и свободу. Монтескье самъ мало искалъ славы, но она пришла сама собою и теперь, черезъ 200 лѣтъ, мы чтимъ память его. Думается, что воспоминаніе о такихъ людяхъ, поучительное всегда, окажется особенно не безплоднымъ въ наше измельчавшее время».

По предложенію предсѣдательствующаго, Общества выразило благодарность гг. докладчикамъ за ихъ рефераты.

Засѣданіе закрыто въ $10^1/_2$ часовъ вечера.

Засѣданіе 23 января 1889 г.

Засѣданіе открыто въ 8 часовъ вечера подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя **В. М. Пржевальскаго**, при исп. об. секретаря **М. И. Брунѣ**. Присутствовали: почетные члены **А. А. Головачевъ**, **С. А. Муромцевъ** и **А. М. Фальковскій**; дѣйствительные члены: **И. Х. Померанцевъ**, **И. А. Зачинскій**, **И. А. Лебедевъ**, **М. П. Щепкинъ**, **И. И. Янжулъ**, **М. А. Лебедевъ**, **Ф. М. Арнольдъ**, **Г. Н. Кругликовъ**, **А. К. Шильдбахъ**, **В. В. Сиротининъ**, **М. Я. Шиллингъ**, **И. И. Шаховской**, кн. **Ѳ. В. Мещерскій**, **Н. Я. Фрейндъ** **В. И. Розенблюмъ**, **С. И. Викторскій**, **Н. И. Ржондковскій**, **В. О. Гаркави** и **А. Н. Миклашевскій**.

1) Доложено о поступленіи въ библіотеку Общества новыхъ книгъ: «Извѣстія Московской Городской Думы», выпускъ XII; «Экономическая дѣятельность Саратовскаго земства», историческая записка С. А. Харизоменова; «Сводъ статистическихъ свѣдѣній по Саратовской губерніи», ч. I; «Сельско-хозяйственный обзоръ Саратовской губерніи за 1888 г.»

2) *И. П. Щепкинъ* прочиталъ докладъ: «Къ вопросу о правѣ собственности города на принадлежащія ему недвижимыя имущества». Референтъ высказалъ слѣдующія четыре положенія:

а) Городовое Положеніе 1875 г., признавшее за русскимъ городомъ право юридическаго лица, содержитъ въ себѣ первое, точно и ясно выраженное право собственности его на принадлежащія ему недвижимыя имущества. Но это право было признано только въ принципѣ и не могло найти себѣ практическаго осуществленія, вслѣдствіе тѣхъ ограниченій, въ которыя въ дѣйствительности было поставлено проектированное Екатериною II «общественное самоуправленіе».

б) Время, послѣдовавшее за изданіемъ Екатерининской Граматы, было неблагопріятно для развитія и упроченія началъ, положенныхъ ею въ основу городскаго самоуправленія. Начала эти вплоть до половины нынѣшняго столѣтія не получили никакого развитія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и право собственности города на принадлежащія ему по закону недвижимыя имущества въ дѣйствительности было весьма ограничено. Законоположенія 12 февраля 1822 г. и 21 марта 1816 г., признававшія за городомъ право собственности на казенныя и другія земли и оброчныя статьи, оставались почти безъ исполненія.

в) «Положеніе» объ общественномъ управленіи города Москвы 1862 г. не внесло никакихъ измѣненій въ смыслѣ расширенія правъ города въ «пользованіи» и «распоряженіи» принадлежавшими ему имуществами. Если же расширеніе это и имѣло мѣсто по отношенію къ нѣкоторымъ имуществамъ, то не въ силу закона, а благодаря лишь доброму согласію между общественнымъ управленіемъ и городскимъ начальствомъ.

г) Значеніе «Городоваго Положенія» 1870 года по «имущественнымъ дѣламъ» города состоитъ въ томъ, что оно, *подтвердивъ* право собствен-

ности города на принадлежащія ему недвижимыя имущества, распространило это право на такъ наз. «выгонныя» земли. Что касается до недвижимыхъ имуществъ, лежащихъ внутри города, то законоположенія 1871 г., 1876 г. и 1883 г. въ значительной степени ограничиваютъ право «пользованія» и «распоряженія» ими со стороны общественнаго управленія.

А. М. Фалькóвскій, указавъ на медленность, съ которой развивалось у насъ дѣло городскаго самоуправленія, благодаря чрезмѣрности централизаціи, остановился на вопросѣ о томъ, зависитъ ли отъ устраненія препятствій къ развитію самоуправленія признаніе за городами полной собственности на городскія имущества. На этотъ вопросъ оппонентъ отвѣчаетъ отрицательно; уподобленіе имущественныхъ правъ юридическихъ лицъ праву собственности физическихъ лицъ не должно доходить до полнаго отождествленія этихъ двухъ категорій правъ. Если бы города вздумали отчуждать улицы и площади, на которыя, однако, по Городовому Положенію, ему принадлежитъ право собственности, то, разумѣется, самые убѣжденные друзья самоуправленія протестовали бы противъ такого пониманія городомъ своихъ имущественныхъ правъ.

С. А. Муромцевъ заявилъ, что право города на его имущества встрѣчаетъ стѣсненія, благодаря разнымъ тенденціямъ и вліяніямъ, которыя опутываютъ городское и земское самоуправленіе. Но мы не уйдемъ отъ этихъ стѣсненій исключительно путемъ борьбы съ этими вліяніями; многое зависитъ и отъ правильнаго выясненія юридическихъ положеній, нормирующихъ отношенія города къ его имуществамъ. Право города на многія изъ его имуществъ не есть право собственности; это есть обладаніе, не подходящее подъ понятіе собственности. Необходимо настаивать на этомъ разграниченіи, которое не усвоено ни закономъ, ни судебной практикой. Городъ, по отношенію къ однимъ предметамъ, есть собственникъ; но отношеніе къ другимъ является не болѣе, какъ одною изъ формъ общаго обладанія, совершенно различнаго отъ права собственности. Здѣсь уже характеръ самого права кладетъ предѣлъ обладанію. Предметами этой второй категоріи городъ не только въ правѣ, но и обязанъ обладать. Для двухъ родовъ имуществъ необходимы двѣ различныя юридическія теоріи. Если не разграничивать этихъ двухъ родовъ имуществъ, всегда можно будетъ ожидать вторженія въ распоряженіе города такими вещами, относительно которыхъ возможно и необходимо полное право собственности. С. А. Муромцевъ не согласился далѣе съ тѣмъ взглядомъ референта, будто контроль государства надъ возведеніемъ разрѣшенныхъ думой городскихъ построекъ есть также одно изъ ограниченій права собственности города на его имущества. Такой контроль не есть ограниченіе права собственности. Всякое частное лицо испытываетъ тотъ же контроль со стороны городской управы, но это не есть ограниченіе собственности; онъ идетъ изъ совершенно другой области, изъ требованій государства и общежитія, которыми опредѣляется сфера гражданскихъ правъ. Поэтому контроль въ принципѣ не долженъ быть отвергаемъ, и вопросъ только

въ томъ, когда, въ какихъ случаяхъ его примѣнять; но это вопросъ политики, а не права.

Н. А. Зачинскій высказался противъ 4-го положенія референта, и въ частности противъ его взгляда на столкновеніе города Москвы съ администраціей по вопросу о правѣ распоряженія зданіями, отведенными подъ помѣщенія полиціи. Оппонентъ различаетъ зданія, составляющія собственность города отъ зданій, право на которыя даровано городу съ извѣстными ограниченіями. При изданіи Гор. Пол. было создано условіе объ отведеніи зданій подъ помѣщенія полиціи; и это условіе должно разсматриваться, какъ ограниченіе, наложенное при договорѣ даренія на одаряемаго контрагента. Эти ограниченія обязательны для города.

В. М. Пржевальскій сказалъ, что судьба Городоваго Положенія 1785 г. во многомъ сходна съ другими предначертаніями Екатерины II, которыя были хороши на бумагѣ, но на практикѣ оказывались непримѣнимыми отчасти вслѣдствіе условій тогдашней жизни. По тѣмъ вольностямъ, которыя обѣщало это положеніе 1785 г., оно опередило даже нынѣшнее; такъ, избирательныя права были поставлены въ зависимость отъ образовательнаго ценза, который отсутствуетъ совершенно въ Положеніи 1870 г. Но Положеніе 1785 г. осталось только бумажнымъ памятникомъ. Что касается Положенія 1870 г., то это послѣдній памятникъ эпохи реформъ, и потому страдаетъ бо́льшими недостатками, чѣмъ другіе великіе памятники эпохи; въ немъ слышится уже вѣяніе другаго духа, духа недовѣрія къ силамъ общественнаго самоуправленія; администрація окружена здѣсь бо́льшими прерогативами, чѣмъ въ земскомъ положеніи; пробѣлы и недомолвки дали возможность еще болѣе съузить предѣлы самоуправленія. Какъ на примѣръ пробѣла оппонентъ указалъ на отсутствіе въ положеніи закона о срокѣ для протеста губернатора, вслѣдствіе чего въ прошломъ году оказался возможнымъ протестъ губернатора противъ учрежденія «совѣта попечителей» черезъ 13 лѣтъ со времени его образованія.—Переходя къ тезисамъ реферата, В. М. Пржевальскій замѣтилъ, что едва ли вѣрно мнѣніе, въ силу котораго Положеніе 1870 г. распространило право собственности города на выгонныя земли; это право признано уже 2 п. 414 ст. I ч. X т. Рѣшеніемъ сената № $195/_{1879}$ г., далѣе, разъяснено, что въ Городовомъ Положеніи рѣчь идетъ только о такихъ выгонахъ, которые были отведены городу изъ пустопорожнихъ казенныхъ земель; на тѣ же выгоны, право на которые установлено крѣпостными актами, размежеваніями и т. п., городъ всегда имѣлъ право собственности.

М. И. Щепкинъ, возражая своимъ оппонентамъ, сказалъ, что онъ далекъ былъ отъ мысли смѣшивать два разряда городскихъ имуществъ, и въ своемъ рефератѣ говорилъ только о тѣхъ имуществахъ, которыя принадлежатъ городу на правѣ собственности. Онъ считалъ своей задачею показать, какъ въ исторіи городскаго самоуправленія отсутствіе закона не мѣшало городу широко пользоваться правами на свои имущества, и

наоборотъ, какъ, не смотря на существованіе закона, признавшаго эти права, послѣднія стѣснялись въ своемъ осуществленіи. Отвѣчая Н. А. Зачинскому, референтъ согласился съ его взглядомъ на существо правъ города на полицейскіе дома, но замѣтилъ, что споръ шелъ не о правахъ города, а о злоупотребленіяхъ, въ силу которыхъ въ полицейскихъ зданіяхъ пріютились учрежденія и расширили свои помѣщенія лица, никакихъ правъ ни на то, ни на другое не имѣвшія. Переходя къ вопросу о правѣ на выгоны, референтъ сказалъ, что онъ имѣлъ въ виду только Москву, гдѣ нѣтъ другихъ выгоновъ, кромѣ полученныхъ отъ казны; всѣ прочіе давно застроены.

А. А. Головачовъ находитъ, что собственность городская ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть приравнена къ частной. Это — общинная собственность; необходимо было бы путемъ законодательства воспретить всякое отчужденіе выгонныхъ земель и вообще городскихъ имуществъ.

В. М. Пржевальскій указалъ на неудобства такого закона; онъ стѣснилъ бы свободу города въ регулированіи улицъ и площадей.

М. П. Щепкинъ замѣтилъ, что Москва не имѣетъ Высочайше утвержденнаго плана, вслѣдствіе чего всякій частный владѣлецъ строился, какъ хотѣлъ. Теперь нужны милліоны для экспропріаціи частныхъ владѣній на общую пользу.

Послѣ нѣсколькихъ замѣчаній въ дополненіе къ тому же вопросу о планѣ Москвы со стороны гг. Фальковскаго, Померанцева, Пржевальскаго и Щепкина, собраніе постановило выразить М. П. Щепкину благодарность за сдѣланный докладъ.

Засѣданіе закрыто въ $10^1/_2$ часовъ вечера.

Засѣданіе 30 января 1889 года.

Засѣданіе открыто въ $8^1/_2$ часовъ вечера подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя и почетнаго члена Общества **С. А. Муромцева**, при товарищѣ секретаря **Л. В. Малининѣ**. Присутствовали: почетные членъ **А. М. Фальковскій**; дѣйствительные члены: **А. Ф. Акуловъ, В. Ф. Дерюжинскій, гр. Л. А. Камаровскій, Г. Н. Кругликовъ, кн. Θ. В. Мещерскій, А. Е. Носъ, Н. И. Ржондковскій, В. А. Ульяницкій и М. Я. Шиллингъ.**

1) Прочитаны и утверждены протоколы засѣданія 12 и 19 декабря 1888 года.

2) Дѣйствительный членъ Общества гр. Л. А. Камаровскій доложилъ свой рефератъ: «О свободѣ плаванія по Суэзскому каналу». Рефератъ напечатанъ въ журналѣ «Русская Мысль» 1889 года.

Засѣданіе закрыто въ 10 часовъ вечера.

Засѣданіе 6 февраля 1889 г.

Засѣданіе открыто въ 8 часовъ вечера подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя и почетнаго члена Общества **С. А. Муромцева**, при товарищѣ предсѣдателя— **В. А. Гольцевѣ** и товарищѣ секретаря **Л. В. Малининѣ**. Присутствовали: почетные члены Общества: **А. А. Головачовъ, В. Д. Спасовичъ** и **А. М. Фальковскій**; дѣйствительные члены Общества: **А. А. Акуловъ, Ф. М. Арнольдъ, М. И. Брунъ, И. П. Боголѣповъ, С. И. Викторскій, П. Г. Виноградовъ, А. К. Вульфертъ, А. П. Вяткинъ, М. Я. Герценштейнъ, Ю. С. Гамбаровъ, Т. Т. Глушановскій, М. С. Гольденвейзеръ, А. Г. Гуревичъ, А. Ф. Дерюжинскій, Д. А. Дриль, Н. А. Звѣревъ, А. Л. Зильберштейнъ, Н. П. Зыковъ, Г. Б. Іоллосъ, М. К. Каблукова, Н. А. Каблуковъ**, гр. **Л. А. Камаровскій, Г. Н. Кругликовъ, Г. М. Кобылинъ, Н. А. Карышевъ, И. А. Линнечико, П. В. Леоновъ, М. А. Лебедевъ, В. Ф. Левитскій, П. В. Марковъ, А. Н. Марковъ, И. Н. Миклашевскій, А. Н. Миклашевскій, Р. Р. Минцловъ, В. М. Михайловскій, А. С. Никитенко, В. А. Панинъ, И. Х. Померанцевъ, Н. И. Ржондковскій, В. И. Розенблюмъ, М. А. Саблинъ, И. Т. Сакъ, В. А. Семеновъ, В. В. Сиротининъ, В. Е. Станицкій, П. А. Столповскій, А. Н. Филипповъ, Н. Я. Фрейндъ, М. Я. Шиллингъ** и **И. И. Янжулъ**.

1) Прочитаны и утверждены протоколы засѣданій Общества 30 декабря 1888 г., 16 и 23 января 1889 г.

2) *Предсѣдатель* отъ лица Общества привѣтствовалъ почетнаго члена Общества, В. Д. Спасовича, какъ ученаго криминалиста, труды котораго въ свое время внесли и оживили русскую науку уголовнаго права, какъ историка и публициста, отличающагося широтою своихъ взглядовъ; какъ талантливаго профессора, высоко цѣнившаго не только умственную, но и нравственную связь съ своими слушателями, какъ славнаго адвоката, съ именемъ котораго связаны защита свободы убѣжденій и печатнаго слова.

В. Д. Спасовичъ доложилъ свой рефератъ: «Объ устройствѣ гминъ и о гминныхъ судахъ въ губерніяхъ бывшаго Царства Польскаго» (напечатано въ Юридич. Вѣстникѣ за 1889 годъ, № 4) и въ заключеніе благодарилъ Общество за оказанный ему пріемъ.

Засѣданіе закрыто въ $11\frac{1}{2}$ ч. вечера.

Засѣданіе 27 февраля 1889 г.

Засѣданіе открыто въ $8\frac{1}{2}$ часовъ вечера подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя и почетнаго члена Общества **С. А. Муромцева**, при товарищѣ секретарѣ **Л. В. Малининѣ**; въ присутствіи 16 членовъ Общества.

Дѣйствительный членъ А. Н. Филипповъ доложилъ свой рефератъ: «Значеніе Сперанскаго въ исторіи русскаго законодательства первой половины XIX вѣка».

БИБЛІОГРАФІЯ.

В. И. Сергѣевичъ. *Русскія юридическія древности, томъ I. Территорія и населеніе. Спб. 1890 г., стр. XII+517. Ц. 3 р.*

Новая книга В. И. Сергѣевича представляетъ собою *историческое* явленіе въ нашей историко-юридической литературѣ. Вмѣстѣ съ авторомъ она имѣетъ за собою свое историческое прошлое. Чтеніе и изученіе этой книги немыслимо безъ припоминанія, хотя бы поверхностнаго, этого прошлаго, а также основнаго воззрѣнія автора на государственное развитіе древней Руси. «Наша древность, пишетъ авторъ въ предисловіи (стр. V) представляетъ медленную, но постоянную смѣну явленій. Въ юридическомъ бытѣ московскаго государства можно найти слѣды глубокой старины, но въ цѣломъ московскіе порядки отрицаютъ старину». Въ этой старинѣ автору виднѣются и зачатки политической свободы, и система судебныхъ доказательствъ, изъ которой въ Англіи родился безсмертный *институтъ суда присяжныхъ* [1]). Эти свѣтлыя стороны нашей старины были задавлены вліяніемъ византійскихъ идей, византійскаго права и татарскаго безправія. Москва въ свою очередь задавила «зачатки правильно организованной политической свободы», ясно обозначившіеся въ республиканскомъ строѣ Новгорода и Пскова. Отсюда два періода въ нашей исторіи права: 1) до образованія московскаго государства—*безграничное* господство личной свободы (наряду съ *правильно* организованной политической свободой въ Новгородѣ [2]) и Псковѣ); 2) съ образованіемъ московскаго государства—подавляющее господство цѣлаго, которое всякое проявленіе личной свободы, даже законное, считаетъ подозрительнымъ и опаснымъ, вторгается даже въ интимную область человѣческой мысли и совѣсти. Таково основное воззрѣніе В. И. Сергѣевича

1) Ср. мнѣніе *Ѳ. М. Дмитріева* о народномъ происхожденіи судныхъ мужей удѣльнаго порядка (Ист. судебн. инстанцій. М. 1859, стр. 41); *В. И. Сергѣевичъ* Лекціи и изслѣд. по ист. рус. права. Спб. 1883, стр. 28, 35, 53, 57; см. также здѣсь на стр. 50 о медленной смѣнѣ юридическихъ явленій въ древней Руси.

2) Ср. *Б. Н. Чичерина* Област. учр. Россіи. М. 1856, стр. 24; *К. Д. Кавелина*. Сочин. т. III, стр. 472.

на исторію нашего права. Взглядъ В. И. Сергѣевича сложился подъ вліяніемъ толчковъ, данныхъ Б. Н. Чичеринымъ и славянофилами съ одной и новыми увлеченіями С. М. Соловьева съ другой. «Вѣче и князь» (М. 1867) создало автору положеніе въ нашей юридической литературѣ, пошедшее съ тѣхъ поръ crescendo. Вѣче и народная масса съ ея историческою ролью пришли къ нему отъ *славянофиловъ*, господство личности и договоръ—отъ *Б. Н. Чичерина* (Дух. и дог. гр. вел. и уд. кн. въ Русскомъ Вѣстникѣ 1856 г. и въ Опыт. по ист. рус. пр. М.), при чемъ господство личности въ древней Руси у него соединилось съ господствомъ «кулачнаго права». Отъ славянофильской общины и Чичеринскаго замѣчанія противъ усиленнаго значенія, какое стали придавать родовымъ отношеніямъ, В. И. Сергѣевичъ пришелъ къ отрицанію рода у славянъ въ историческую пору («въ историческую эпоху Рюриковичей родъ не существовалъ, какъ учрежденіе съ опредѣленными правами и обязанностями его членовъ» В. и К. стр. 44, срв. Н. И. Костомаровъ т. XII Спб. 1872, стр. 39). Вмѣсто рода дѣйствуетъ лицо, вмѣсто родовыхъ отношеній — кулачное право, вмѣсто очереди или наслѣдованія по закону—договоръ. А. Д. Градовскій первый, если не ошибаюсь, настойчиво привѣтствовалъ книгу В. И. Сергѣевича, отказываясь вмѣстѣ съ нимъ отъ рода и частноправности (Рус. Юрид. Др. стр. 255) въ древней Руси (см. его «полит., истор. и администр.» Спб. 1871; статья о книгѣ «Вѣче и князь» была написана въ 1868 г.); онъ же призналъ за истину замѣчаніе В. И. Сергѣевича о значеніи татарскаго ига, которое разбило русское вѣче и самостоятельное рѣшеніе важнѣйшихъ общественныхъ вопросовъ смѣнило молчаливымъ исполненіемъ воли сильнаго завоевателя (см. В. и К., стр. 21). Въ своей «Исторіи мѣстнаго управленія» (Спб. 1868) А. Д. Градовскій обратилъ замѣчаніе В. И. Сергіевича въ своеобразную формулу: «великіе князья постепенно становились къ своимъ подданнымъ въ такое же отношеніе, въ какомъ монгольскіе ханы стояли по отношенію къ нимъ самимъ... съ паденіемъ монгольскаго владычества князья явились наслѣдниками ханской власти, слѣдовательно, и тѣхъ правъ, которыя съ нею соединялись». Блестящая статья Н. И. Костомарова на формулѣ А. Д. Градовскаго построила цѣлую теорію. Н. И. Костомаровъ далъ крайнее развитіе мысли о политическомъ перерожденіи Руси подъ вліяніемъ татарщины; онъ доказывалъ полное отсутствіе всякихъ монархическихъ задатковъ въ сѣверо-восточной Руси до татаръ, а съ татарскимъ завоеваніемъ явленіе быстраго и крупнаго переворота, когда *демократическое* начало древней Руси внезапно должно было померкнуть предъ началомъ *монархическимъ* (Начало единодержавія въ древней Руси. Вѣст. Евр. 1870). Исходя изъ положеній В. И. Сергѣевича чрезъ посредство А. Д. Градовскаго, Н. И. Костомаровъ разошелся съ первымъ въ вопросѣ о значеніи національностей отдѣльныхъ славянскихъ племенъ (федеративная теорія). Такъ со времени появленія книги «Вѣче и Князь», вопросъ о первенствующей роли договора и значеніи татарскаго вліянія привлекаетъ

къ себѣ постоянное вниманіе историковъ А. Д. Градовскій вполнѣ призналъ первенствующую роль договора въ политической жизни древней Руси; С. А. Петровскій (О сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго. Москва 1876) настойчиво повторилъ ту же мысль въ чичеринской окраскѣ; отчасти принялъ ее П. Мрочекъ-Дроздовскій въ своей книгѣ «Областное управленіе Россіи XVIII вѣка» (М. 1876): говоримъ—отчасти, потому что онъ только копировалъ А. Д. Градовскаго. Что касается до вопроса о татарскомъ вліяніи, то Ѳ. И. Леонтовичъ принялся изучать право монгольское; Г. Ф. Блюменфельдъ («О формахъ землевладѣльческихъ въ древней Руси» Зап. Новорос. унив. XL, стр. 165, 257), нашелъ, что татарское завоеваніе составляетъ эпоху въ исторіи русскаго землевладѣнія, что оно внесло къ намъ институтъ родоваго крѣпостничества. Д. А. Корсаковъ (Ж. М. Н. П. 1889, № 10, с. 294) мѣстничество, помѣстную систему, организацію приказовъ, общественный строй—все выводитъ изъ подъ непосредственнаго вліянія татарщины. Итакъ, В. И. Сергѣевичъ не одиноко стоитъ въ нашей историко-юридической литературѣ. Къ нему примыкаетъ цѣлый рядъ статей и изслѣдованій. Одна изъ самыхъ послѣднихъ диссертацій по исторіи русскаго государственнаго права пользуется трудами г. Сергѣевича въ самыхъ важныхъ пунктахъ (М. А. Дьяконовъ, «Власть московскихъ госуд.» Спб. 1889, стр. 172—174, 181, 199, 200, 214; авторъ этой дѣльной книги сторонникъ византійскаго происхожденія *идеи* московскаго самодержавія). В. И. Сергѣевичъ и въ новомъ своемъ сочиненіи не утратилъ того живаго задора, какимъ отличались русская наука и литература 60-хъ гг. Трудъ В. И. Сергѣевича сильно отзывается лучшими сторонами славянофильской доктрины, и весь его основной взглядъ на исторію русскаго права есть прозаическое переложеніе поэтической формулы К. С. Аксакова (сочин. т. I, стр. 147 по изд. М. 1861): «два царства, столь близко знакомыя Россіи по различнымъ отношеніямъ, падаютъ въ это время: падаетъ Византія, разваливается Орда; но *соблазнительная теорія* византійскаго императора и *соблазнительная практика* татарскаго хана сильно дѣйствуютъ на великаго князя московскаго и оставляютъ на немъ слѣды. Онъ не сдѣлался ни грекомъ, ни татариномъ; онъ только невольно принялъ на себя оттѣнки, данные исторіей». В. И. Сергѣевичъ и проч. рѣшительно не пошли дальше этой формулы, принявъ ее откровеннѣе, чѣмъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, который, воспитавшись на этой Аксаковской формулѣ, всетаки играетъ въ отрицаніе татарскаго вліянія. Въ своей рецензіи на упомянутое уже нами новое изслѣдованіе по исторіи русскаго государственнаго права К. Н. Бестужевъ-Рюминъ (Жур. М. Н. П. 1889 г., № 12, с. 393) не безъ ироніи пишетъ, что большинство изслѣдователей ясно видѣло, что «въ созданіи идеала царской власти *первое* мѣсто принадлежитъ вліянію Византіи (а второе?)... правда, были голоса, иногда даже въ публикѣ очень авторитетные (т. е. В. И. Сергѣевичъ, А. Д. Градовскій, Н. И. Костомаровъ), которые видѣли вліяніе татарское; многіе

приняли этотъ взглядъ, какъ ни страненъ казался онъ для людей, понимающихъ дѣло, понимающихъ, что «*бусурманскимъ*» вліяніемъ нельзя объяснить созданія идеаловъ въ Русской землѣ». Далѣе К. Н. Бестужевъ-Рюминъ признаетъ татарское вліяніе на практическія учрежденія. Но вѣдь и К. С. Аксаковъ говоритъ не о монгольскихъ идеалахъ, а о монгольской практикѣ и хочетъ высказать въ сущности ту мысль, что къ чистой душѣ русскаго народа византійская политическая доктрина могла присосаться не иначе, какъ съ помощью типическаго татарскаго образца, завертѣвшагося предъ глазами московскихъ князей въ ханской ставкѣ. Не признать это—также наивно, какъ думать, что славянофилы были продолжателями дѣла Н. М. Карамзина (срв. М. Кояловича), славянофилы, для которыхъ государство есть лишь необходимое зло, для которыхъ *общество* (община) есть носитель жизненнаго идеала, а не *отдѣльныя лица*, славянофилы, которымъ въ первомъ пунктѣ пришелъ на помощь горячій противникъ славянофиловъ В. С. Соловьевъ, признавшій, что «единственный истинный смыслъ, который можетъ заключаться въ основной славянофильской идеѣ, состоитъ лишь въ томъ, что для русскаго народа, какъ христіанскаго, государство не есть высшій практическій идеалъ» («Вѣстн. Евр.» 1889 г., № 11, с. 371). Нечего и оговариваться о томъ, что самыми опасными противниками В. И. Сергѣевича явились представители историко-юридической школы московскаго университета. Читатели, надѣемся, также помнятъ, что В. И. Сергѣевичъ былъ однимъ изъ содѣйствовавшихъ популяризаціи *сравнительно-историческаго метода* въ русскомъ правѣ.

Такъ какъ живое пониманіе древности, по совершенно основательному замѣчанію В. И. Сергѣевича, дается только при помощи чтенія первоисточниковъ, то авторъ и ввелъ въ свои «Р. Ю. Д.» всѣ необходимыя выдержки изъ историческихъ и историко-юридическихъ памятниковъ, напечатавъ ихъ для наглядности съ новой строки. Книга является такимъ образомъ не только ученымъ сочиненіемъ, но и учебнымъ пособіемъ. *Первая часть* (стр. 1—92, меньшая по объему) разсматриваетъ государственную территорію древней Руси. Интереса непосредственной новизны она, конечно, *не* представляетъ (какъ и вторая бо́льшая часть, стр. 93—517). Утверждая попрежнему, что «волостной порядокъ государственнаго устройства продолжался у насъ до возникновенія московскаго государства» (стр. 47), что древнѣйшія волости суть государства [3]) (стр. 3, 8), и при томъ государства совершенно самостоятельныя (стр. 34), авторъ настаиваетъ на полномъ отсутствіи политической цѣльности отдѣльныхъ племенъ (стр. 9) и на городовомъ устройствѣ политически обособленныхъ волостей (стр. 10, 36; ср. «Вѣче и князь», стр. 29). О

[3]) Вопреки частноправности Б. Н. Чичерина, взглядъ котораго, какъ видно далѣе въ текстѣ, не остался все-таки безъ значительнаго вліянія на В. И. Сергѣевича.

важномъ значеніи землевладѣнія въ древней Руси авторъ повторяетъ тоже (стр. 6), что было сказано въ книгѣ «Вѣче и князь» (стр. 27), утверждая, что «земля, находящаяся въ предѣлахъ волости, составляетъ собственность ея жителей и прежде всего жителей ея главнаго города» (стр. 5). Неизмѣннымъ остался и взглядъ В. И. Сергѣевича на «удѣлъ», какъ исконное юридическое явленіе со времени сыновей Святослава Игоревича (стр. 13), хотя самъ же онъ признается, что въ древней Руси до второй половины XIV в. самого термина *не* встрѣчается. Въ двадцать три года, протекшихъ со времени выхода въ свѣтъ книги «Вѣче и князь», авторъ все еще не приглядѣлся къ понятію исторической перспективы, все еще остался повиненъ въ томъ, въ чемъ совершенно основательно обвинялъ его А. Д. Градовскій (отсутствіе историческаго движенія и изображеніе междукняжескихъ отношеній съ точки зрѣнія покоя), и подъ однообразнымъ покровомъ внѣшности не замѣчаетъ живую смѣну политическихъ явленій въ древней Руси (единовластіе, очередь, удѣлъ, московское самодержавіе). Про историческую дѣятельность волостнаго *населенія* авторъ замѣчаетъ только, что она несомнѣнна (стр. 14). Неправильно понимая «удѣлъ», неясно представляя себѣ историческую дѣятельность волостнаго населенія, авторъ рѣзко подчеркиваетъ политическую особность волостей, говоря, что «эта древность была нашимъ дѣйствующимъ правомъ въ теченіе многихъ вѣковъ, во все то время, пока продолжали существовать отдѣльныя княженія» (стр. 37). Однако это— только смѣлая гипотеза, превратившаяся въ простое вѣрованіе автора. За то по истинѣ блестящи тѣ страницы первой части, гдѣ авторъ излагаетъ свой взглядъ на дѣятельность Ивана Калиты и полемизируетъ съ комическимъ мнѣніемъ Д. И. Иловайскаго, у котораго Иванъ Калита является одареннымъ всѣми «тѣми качествами, которыми обыкновенно бываютъ одарены основатели могущественныхъ государствъ» (стр. 52). Эта полемика должна составить гордость автора книги «Вѣче и князь», хотя въ укорѣ о приспособленности Ивана Калиты къ владычеству иноплеменниковъ какъ будто сквозитъ небольшая крайность, особенно, если припомнимъ характеръ политики князя Александра Ярославича Невскаго по отношенію къ Ордѣ. «Всякая мысль о *государственномъ* могуществѣ Москвы была совершенно чужда этому князю» (т. е. Калитѣ), говоритъ В. И. Сергѣевичъ (стр. 52). «Калита есть основатель противогосударственнаго порядка, а не могущества и славы Москвы.... Лишенный качествъ государя и политика, Иванъ обладалъ свойствами добраго семьянина. Онъ любилъ свою жену и дѣтей, и думалъ не о величіи московскаго государства, а о безбѣдномъ устройствѣ этихъ дорогихъ его сердцу существъ» (стр. 58, 59). Такимъ образомъ отзвукъ чичеринской частноправности въ дѣятельности московскихъ князей оказался роковымъ для мнѣнія Д. И. Иловайскаго.

Вторая часть даетъ обзоръ «населенія» подъ рубриками «несвободные», «свободное населеніе», «дворовые чины» и «дьяки», соотвѣтству-

ющими четыремъ отдѣльнымъ главамъ. Самое заглавіе «населеніе», данное второй книгѣ, гдѣ рѣчь идетъ не объ этнографическомъ составѣ, а соціальныхъ группахъ, нѣсколько сомнительно по своей умѣстности. Детальная разработка спеціальныхъ вопросовъ по древне-русскимъ соціальнымъ группамъ требуетъ мелочной и обширной критики, требуетъ отвѣта цѣлою книгой, поэтому ограничимся лишь нѣсколькими бѣглыми замѣчаніями. Вслѣдъ за К. Д. Кавелинымъ и Б. Н. Чичеринымъ В. И. Сергѣевичемъ (стр. 161) признаетъ отсутствіе сословій въ до-Московской Руси. До образованія московскаго государства все населеніе представляло единообразную массу безъ всякихъ сословныхъ перегородокъ; ступени качественнаго различія одного и того же рода свободныхъ людей не были замкнуты и покоились на экономическихъ условіяхъ. Съ образованіемъ московскаго государства началось распаденіе всего населенія на отдѣльные чины (с. 163) съ особыми правами и обязанностями и особыми наименованіями. Эта схема далеко не отличается точностью и требуетъ поправокъ. Ей можно сдѣлать тотъ же упрекъ, который былъ высказанъ по отношенію къ дѣленію В. И. Сергѣевичемъ исторіи древне-русскаго права на два періода: она слишкомъ неподвижна для до-московской Руси. Въ эпоху до образованія московскаго государства можно явственно различить два послѣдовательно смѣнявшихъ другъ друга основанія для различія сословныхъ группъ: 1) завоеваніе и 2) хозяйственный договоръ съ княземъ [4]) (XIII — XV вв.). Чины же московскаго государства основываются главнымъ образомъ на принудительной разверсткѣ государственныхъ повинностей: основной фактъ не право, а *тягло* служилое, городское и земельное. Впрочемъ, В. И. Сергѣевичъ и самъ признается (стр. 196), что исторія государственныхъ повинностей служилаго и тяглаго населенія очень мало у насъ разработана, при чемъ высказываетъ основательную мысль о *неравномѣрномъ* распредѣленіи этихъ повинностей. Свои гипотезы авторъ отстаиваетъ очень горячо, нерѣдко очень остроумно; полемизируя съ мнѣніемъ одного извѣстнаго историческаго писателя по поводу происхожденія крѣпостнаго права, В. И. Сергѣевичъ пишетъ: «великіе князья московскіе *все могутъ*, они могутъ и крестьянъ, занявшихъ деньги къ ростъ, приравнять къ кабальнымъ холопамъ, хотя бы эти крестьяне и не дали на себя служилыхъ кабалъ» (стр. 260). Это—очень характерная фраза, автобіографическая черта, дающая ключъ къ разумѣнію различныхъ толкованій автора. У В. И. Сергѣевича апріорность занимаетъ довольно выдающееся мѣсто, а вмѣстѣ съ нею недостаточность чутья реальной дѣйствительности. Это сильно уже замѣтно на его общемъ историко-юридическомъ взглядѣ, частнѣе обнаруживается въ отдѣльныхъ толкованіяхъ. Только ученый, принадлежащій до извѣстной степени къ *матеріалистической школѣ* исторіи, можетъ до тонкостей понимать и

4) Читателямъ, конечно, извѣстно, что это дѣленіе принадлежитъ В. О. Ключевскому.

цѣнить мотивы и нормы отжившаго права. Вотъ отчего нерѣдко чистые юристы, *не практики*, совершенно лишены возможности понять реальную подкладку правовыхъ явленій. Вотъ отчего В. И. Сергѣевичъ и могъ сказать, что великіе князья Московскіе *все могутъ*. Въ томъ и дѣло, что не все. Если бъ они *все* могли, то не было у насъ исторіи права, а лишь рядъ анекдотовъ изъ исторіи произвола; если бъ они *все могли*, то московская государственная казна не страдала бы отъ безденежья въ теченіе всего XVII вѣка. Давно ясна та простая истина, что ни историкъ права, ни историкъ культуры ни на минуту не должны сходить съ почвы реальной дѣйствительности [5]). На стр. 97 авторъ совершенно основательно начинаетъ изслѣдованіе о холопахъ вопросомъ о томъ, какія «права» принадлежатъ господину по отношенію къ его обѣльному или полному холопу? Совершенно вѣрно замѣчаетъ далѣе В. И. Сергѣевичъ, что всѣ опредѣленія Русской Правды проникнуты одной общей мыслью, что *рабъ есть частная собственность, не субъектъ, а объектъ правъ*. Но переходя къ толкованію 58 й статьи, В. И. Сергѣевичъ начинаетъ доказывать, что законъ можетъ преслѣдовать раба, вызывать къ суду, приговорить по суду къ смертной казни или назначить публичное тѣлесное наказаніе (стр. 106 — 109). Авторъ выводитъ отсюда, что «рабы вызываются къ суду, какъ обвиняемые, еще въ XII вѣкѣ!» «Объясненія ихъ выслушиваются, продолжаетъ авторъ, и судъ можетъ признать раба невиновнымъ въ ударѣ, онъ можетъ найти, что рабъ былъ вызванъ нанести ударъ, защищаясь. Въ случаѣ виновности раба, судъ могъ приговорить его или къ тѣлесному наказанію или къ платежу штрафа». Мы думаемъ, что дѣло объясняется проще: законъ запрещалъ оскорбленному свободному человѣку убить раба-оскорбителя *только* потому, что этимъ причинялся *экономическій* вредъ господину. Точно также не выдерживаетъ критики толкованіе авторомъ выраженія «убіеніе за голову» въ смыслѣ смертной казни (Лекціи, Спб. 1883, стр. 447). Точно также, по нашему мнѣнію, малодоказательно у В. И. Сергѣевича положеніе о частной земельной собственности у смердовъ, потому что аргументовъ *за* нѣтъ (см. стр. 170 «Русская Правда говоритъ о конѣ смерда, лѣтописи — о пашнѣ», но это ровно ничего не значитъ!). А между тѣмъ это доказывается съ цѣлью оправданія апріорно сложившагося основнаго взгляда. Съ этою же цѣлью доказывается, что «въ концѣ XVI в. послѣдовало общее распоряженіе, отмѣнившее крестьянскій выходъ» (стр. 244, срв. стр. 331). Припомнимъ однако, что еще при Петрѣ I законъ вырабатывался не въ кабинетѣ императора, а въ сутолокѣ ежедневной,

[5]) «Экономическое строеніе общества есть реальное основаніе, на которомъ находятся юридическія и политическія надстройки и которому соотвѣтствуютъ опредѣленныя общественныя формы самосознанія». См. «Русск. Мысль» 1888 г., № 5 въ статьѣ о книгѣ Lippert'a Culturgeschichte der Menschheit in ihrem organischen Aufbau.

будничной жизни. Припомнимъ, что странно было бы искать указа объ основаніи, напр., Помѣстнаго Приказа. Тутъ можно было бы подобрать рядъ случаевъ, когда юридическая норма вырывалась наружу помимо желанія законодателя и лишь только усвоивалась послѣднимъ; законодательство нерѣдко чуетъ выработанную жизнью юридическую норму и долго не умѣетъ подъискать ей подходящій терминъ. Самъ В. И. Сергѣевичъ мѣстами улавливаетъ этотъ практическій ходъ въ развитіи законодательства. Такъ на стр. 138 авторъ замѣчаетъ, что «древняя юридическая мысль имѣла дѣло не съ общими понятіями, а съ *конкретными* явленіями, отсюда эти безконечныя перечисленія, которыми древніе юристы думали исчерпать свой предметъ» или (на стр. 219) «древность вовсе не была занята логическимъ построеніемъ юридическихъ понятій, а потому тогда и было возможно невозможное для насъ» или (на стр. 237) «народная старина продолжаетъ учить на перекоръ указамъ». Вообще книга В. И. Сергѣевича вызываетъ на цѣлый рядъ сомнѣній, размышленій. Въ общемъ это во всякомъ случаѣ очень цѣнная работа, хорошо продуманная, основанная на изученіи всего наличнаго состава изданныхъ источниковъ. Если же нѣкоторыя части книги (отдѣлъ о дворянахъ) [6]) и страдаютъ недомолвками и пряио неточностями, то это вина не автора, а нашей археографіи. Надо думать, что цѣнная работа В. И. Сергѣевича послужитъ живымъ толчкомъ для дальнѣйшихъ занятій по исторіи русскаго права, и мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ продолженія почтеннаго труда В. И. Сергѣевича [7]), единственнаго въ нашей историко-юридической литературѣ.

В. Н. Сторожевъ.

Сборникъ оцѣночныхъ свѣдѣній по крестьянскому землевладѣнію въ Землянскомъ, Задонскомъ, Коротоякскомъ и Нижнедѣвицкомъ уѣздахъ Воронежской губ. (Изданіе Губернскаго Земства, 1889 г., ц. 2 р.).

Уже шесть лѣтъ прошло со времени учрежденія статистическаго бюро Воронежскаго губернскаго земства; всѣ эти шесть лѣтъ руководителемъ дѣйствій бюро былъ энергическій и неутомимый изслѣдователь народнаго быта, видный публицистъ и экономистъ, Ѳ. А. Щербина. Въ настоящее время выпущено имъ въ свѣтъ уже до 15-ти томовъ и выпусковъ, посвященныхъ описанію условій крестьянскаго и частновладѣльческаго хозяйства въ нѣкоторыхъ уѣздахъ губерніи, а также и положенію народнаго образованія въ двухъ изъ обслѣдованныхъ уѣздовъ. На дѣятель-

---

6) Въ другомъ мѣстѣ и гораздо позднѣе намъ еще придется коснуться этой части книги В. И. Сергѣевича.

7) Замѣтимъ, что авторъ по прежнему не избѣгаетъ сравненій. См. напр., стр. 107, 220, 221, 223, 225.

ность воронежскаго бюро менѣе, чѣмъ на чью либо другую дѣятельность, можетъ быть направленъ упрекъ въ рутинерствѣ, въ шаблонномъ выполненіи работъ по какой нибудь разъ установленной программѣ: каждый новый томъ, выходящій изъ подъ пера г. Щербины, или хотя бы только подъ его редакціей, приноситъ массу новаго въ статистическую литературу, не только въ смыслѣ новизны объекта изслѣдованій, но и по самому методу этихъ послѣднихъ и по пріемамъ разработки статистическаго матеріала. Въ бѣглой замѣткѣ рѣшительно невозможно даже перечислить всѣ заслуги г. Щербины въ этомъ отношеніи; оцѣнка всей его дѣятельности, обзоръ всего имъ сдѣланнаго на избранномъ поприщѣ, возможны лишь въ обстоятельной критической статьѣ, къ тому же — обширной, ибо въ ней пришлось бы касаться дѣятельности и прочихъ земско-статистическихъ бюро, сравнить ихъ пріемы изслѣдованій, оцѣнить добытые результаты, выяснить достоинства и недостатки нововведеній въ самыхъ методахъ работъ; поэтому-то появленіе такой статьи не представляетъ собой легкаго дѣла.

Въ обширномъ (75 стран.) введеніи къ Сборнику, заголовокъ котораго приведенъ выше, г. Щербина сдѣлалъ весьма удачный опытъ критическаго обзора дѣятельности прочихъ земско-статистическихъ бюро, главнымъ образомъ — ихъ методовъ оцѣнки земельныхъ угодій. Отдавая должную справедливость отдѣльнымъ попыткамъ поставить этого рода изслѣдованія на твердую почву, авторъ приходитъ, однако, къ слѣдующимъ не совсѣмъ утѣшительнымъ выводамъ: «въ земской статистикѣ не опредѣленъ точно предметъ ея изслѣдованій, не выяснено взаимное соотношеніе основныхъ его частей и не проведено на дѣлѣ, въ самыхъ работахъ, ни то, ни другое. Самыя планомѣрныя, съ научной точки зрѣнія, работы Черниговскаго земства обнимаютъ, по преимуществу, оцѣночную часть земской статистики, при чемъ болѣе существенной части— массовымъ, похозяйственнымъ изслѣдованіямъ—черниговскіе статистики отвели какое-то побочное мѣсто, необязательное значеніе. Самыя разносторонніе и полныя изслѣдованія Московскаго земства совсѣмъ лишены одного общаго, строго проведеннаго плана и отличаются крупными пробѣлами не только въ области оцѣночной статистики, но даже въ отношеніи разработки подворныхъ переписей. Остальныя статистическія бюро не пошли въ этомъ отношеніи дальше иниціаторовъ, — соединяя въ лучшихъ случаяхъ, такъ сказать, только *механически* оцѣночныя и подворныя изслѣдованія». Задача, рѣшеніе которой поставилъ себѣ авторъ въ цитируемомъ Сборникѣ, состоитъ именно въ томъ, чтобы произвесть *химическое* соединеніе (продолжаемъ метафору автора) двухъ указанныхъ родовъ изслѣдованій. Съ этою цѣлью программы статистическаго изслѣдованія названныхъ выше уѣздовъ были объединены г. Щербиной «на основномъ пунктѣ земской статистики—на доходности земельныхъ угодій». Путемъ подворной переписи, говоритъ авторъ, были учтены денежные доходы и расходы населенія, а оцѣночная статистика опредѣлила

валовой и чистый доходъ отъ земли, и въ результатѣ оказалось, что цифры доходности, выведенныя двумя различными путями, почти тождественны.

Отчетливое изложеніе только что цитированнаго «введенія» настраиваетъ читателя Сборника наилучшимъ образомъ: онъ приготовляется къ зрѣлищу еще невиданныхъ имъ перспективъ. Дѣйствительно, трудъ г. Щербины изобилуетъ многими любопытными частностями, въ значительной степени оригинальными; тѣмъ не менѣе, по прочтеніи всего Сборника, даже предрасположенный читатель чувствуетъ себя нѣсколько неудовлетвореннымъ: ему представляется, что г. Щербина какъ будто не кончилъ своей работы, какъ будто самое важное изъ того, что онъ хотѣлъ сказать, еще впереди, а то, что сказано, хотя и весьма любопытно, но не достаточно убѣдительно... Какъ кажется, такое впечатлѣніе получается, главнымъ образомъ, при созерцаніи той огромной массы цифроваго матеріала, надъ которымъ оперируетъ авторъ, считая его заслуживающимъ безусловнаго довѣрія, тогда какъ читатель изъ тѣхъ, который самъ знакомъ съ условіями производства статистическихъ изслѣдованій,—только ожидаетъ еще доказательствъ доброкачественности этого матеріала. Это замѣчаніе относится, главнымъ образомъ, къ даннымъ о крестьянскихъ приходо-расходныхъ бюджетахъ, собираемыхъ при помощи *сплошнаго* подворнаго опроса; въ меньшей степени — къ группировкѣ почвъ на три сорта (четвертый сортъ—внѣ разрядовъ), помощью опять таки одного только опроса крестьянъ, съ опредѣленіемъ урожайности хлѣбовъ *по каждому селенію*, *для каждаго сорта почвы* и *для каждаго изъ воздѣлываемыхъ хлѣбовъ* отдѣльно; отчасти — и къ пріему выясненія площади неудобныхъ земель, лежащихъ подъ оврагами, межниками, «углушками» и проч., опять же при помощи одного опроса,— и т. д. Повторяемъ, всѣ построенные на подобномъ матеріалѣ выводы г. Щербины, сдѣлаются въ высокой степени убѣдительными, если только автору удастся разсѣять нѣкоторыя сомнѣнія относительно доброкачественности его матеріала, — сомнѣнія, которыя овладѣваютъ читателемъ, знакомымъ съ техникой статистическихъ изслѣдованій на мѣстахъ; но г. Щербина до сихъ поръ не даетъ подробныхъ доказательствъ достовѣрности своего матеріала и лишь весьма сжато описываетъ самую технику бюджетныхъ изслѣдованій, имъ практикуемыхъ («Сборникъ», т. IV, вып. I, Задонск. у.).

Мы не теряемъ надежды, что рано или поздно г. Щербина остановится въ своихъ трудахъ поподробнѣе надъ оцѣнкой матеріала, служащаго ему для любопытнѣйшихъ въ методологическомъ отношеніи анализовъ условій крестьянскаго хозяйства; смѣемъ думать, что въ интересахъ самого дѣла, г. Щербинѣ было бы небезполезно реферировать свои новые методы изслѣдованій; успѣшная публичная защита законности этихъ новыхъ пріемовъ изслѣдованій навсегда разсѣяла бы сомнѣнія, о которыхъ было упомянуто выше, и которыя до сихъ поръ не покидаютъ многихъ, даже изъ числа почитателей таланта Ѳ. А. Щербины

Н. А.

Paul Lafargue. *Die Kriminalität in Frankreich von 1840—1886.* Untersuchungen über ihre Entwicklung und ihre Ursachen.

Лафаргъ извѣстенъ какъ талантливый послѣдователь Карла Маркса. Русская читающая публика знаетъ его по переводу его небольшой статьи: «Машина, какъ факторъ прогресса». Въ новомъ своемъ произведеніи Лафаргъ обращается къ области преступленій, изслѣдуя ее въ связи съ другими сторонами общественной жизни.

Лафаргъ ограничиваетъ свое изслѣдованіе Франціей, потому что располагаетъ всѣми ея оффиціальными документами по избранному имъ вопросу, но увѣренъ при этомъ, что «результаты изслѣдованій, сдѣланныхъ въ странѣ съ 38 милліонами жителей, приложимы ко всякимъ другимъ странамъ, достигшимъ той же высоты культурнаго развитія, каковы бы ни были ихъ племенныя различія, ихъ климаты и политическія устройства». Изобразивши ходъ уголовныхъ преступленій во Франціи за періодъ съ 1840 — 1886 г. посредствомъ графическихъ таблицъ, Лафаргъ чрезвычайно облегчаетъ читателю пониманіе тѣхъ выводовъ и обобщеній, какіе онъ дѣлаетъ изъ ряда статистическихъ данныхъ по уголовнымъ преступленіямъ. Выводы же его сводятся къ тому, что «ходъ уголовныхъ преступленій идетъ постоянно повышаясь, но что повышеніе это неравномѣрное, а съ рѣзкими колебаніями». «Какія же причины вызываютъ этотъ ростъ, и что обусловливаетъ колебанія въ ходѣ уголовныхъ преступленій?» вотъ два вопроса, какіе ставитъ Лафаргъ передъ читателемъ.

Вторую часть своей статьи Лафаргъ посвящаетъ критикѣ результатовъ изслѣдованій по этому вопросу, при чемъ онъ начинаетъ съ Кетлэ и Пуассона, сдѣлавшимъ въ 30 и 40 годахъ крупныя изслѣдованія и обобщенія по вопросу объ уголовныхъ преступленіяхъ. «Изслѣдованія ихъ должны были страдать неполнотой, говоритъ Лафаргъ, потому что они могли пользоваться статистическими данными только за нѣсколько лѣтъ, и отчасти односторонностью, потому что оба они, какъ математики, за числами уголовныхъ преступленій не видѣли общественныхъ условій, вызвавшихъ ихъ». Но направленіе, какое они дали своимъ изслѣдованіемъ, было научное. Они изслѣдовали не отдѣльнаго преступника, а уголовныя преступленія вообще.

Новѣйшая школа криминалистовъ, во главѣ которой стоитъ Ломброзо, оставила этотъ путь и сама, такъ сказать, обрекла себя на нѣкоторую узость и недостаточность. Эта школа по мнѣнію Лафарга не только не можетъ отвѣтить на поставленные имъ вопросы, но она ихъ даже не въ состояніи поставить, такъ какъ не видитъ ни роста, ни колебаній въ ходѣ уголовныхъ преступленій, а наблюденія свои дѣлаетъ надъ преступниками исключительно «съ анатомической или патологической точки зрѣнія». Эта школа объясняетъ преступленія атавизмомъ, т. е. возвратомъ къ старому вымершему типу, или къ дикому состоянію. «Но если даже и признать

правильность теоріи атавизма», говоритъ Лафаргъ, «то принимая во вниманіе постоянный ростъ уголовныхъ преступленій, мы можемъ логически умозаключить, что съ прогрессомъ цивилизаціи число дикихъ постоянно увеличивается, что цивилизація, слѣдовательно, есть возвратъ къ дикому состоянію, что самъ Ломброзо почелъ бы абсурдомъ». Но какъ же отвѣчаетъ Лафаргъ на поставленные имъ вопросы?

Онъ придерживается того взгляда, что «вообще общественныя явленія въ каждой странѣ находятся въ тѣсной зависимости отъ ея экономическаго строя», и что, слѣдовательно, «причины этихъ общественныхъ явленій нужно искать въ явленіяхъ экономическихъ». Въ экономическомъ строѣ Франціи за періодъ съ 1840 — 1886 г. произошелъ сильнѣйшій переворотъ. Чрезвычайный ростъ производительныхъ силъ, усиленное потребленіе угля, грандіозное производство желѣза и стали, повышеніе цифръ ввоза и вывоза общественныхъ богатствъ, — вотъ признаки прогресса въ экономическомъ строѣ страны. «Но странно! восклицаетъ Лафаргъ, постоянный ростъ уголовныхъ преступленій рядомъ съ постояннымъ увеличеніемъ производительныхъ силъ! Не случайность ли это? Или же между обоими явленіями существуетъ связь, ставящая одно въ зависимость отъ другаго? Не является ли экономическое развитіе страны главной причиной роста уголовныхъ преступленій?» Лафаргъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно. «Если увеличеніе и усовершенствованіе системъ наказанія», говоритъ онъ, «не могутъ помѣшать постоянному росту уголовныхъ преступленій, то это показываетъ, что преступленія являются у насъ необходимыми продуктами условій, тѣсно связанными со способомъ производства въ капиталистическомъ обществѣ». Но развитіе капиталистическаго производства очень неравномѣрное: иногда оно заходитъ далеко впередъ, но затѣмъ опять останавливается и претерпѣваетъ кризисы, «разрушающіе существованіе тысячъ и милліоновъ индивидуумовъ». «Если правда, говоритъ онъ, что нынѣшнее состояніе уголовныхъ преступленій является слѣдствіемъ способа производства въ капиталистическомъ обществѣ, тогда колебанія въ ходѣ уголовныхъ преступленій должны совпадать съ колебаніями въ производствѣ: число ихъ должно возрастать во времена кризисовъ и уменьшаться во времена процвѣтанія промышленности». Иными словами, ходъ уголовныхъ преступленій опредѣляется процвѣтаніемъ или упадкомъ промышленности. Какъ мѣрило состоянія промышленности, хотя и не совершенное, но наиболѣе точное, Лафаргъ принимаетъ числа ежегодныхъ банкротствъ. Онъ изображаетъ графически ходъ уголовныхъ преступленій и ходъ банкротствъ. Сходство между направленіемъ и колебаніями обѣихъ линій бросается въ глаза, хотя онѣ и не идутъ параллельно. Но какая же причина отклоненій линій уголовныхъ преступленій отъ линіи банкротствъ? Лафаргъ опять таки ищетъ объясненія въ области экономіи и находитъ второй факторъ, сильно вліяющій на число преступленій, а именно цѣну на хлѣбъ. Изобразивши графически измѣненія цѣнъ на хлѣбъ съ 1840—

1886 годъ и сравнивая ее съ двумя вышеупомянутыми линіями, Лафаргъ доказываетъ, что «отступленія линіи уголовныхъ преступленій отъ линіи банкротствъ происходятъ въ томъ случаѣ, если цѣны на хлѣбъ слѣдуютъ по другому направленію, нежели банкротства», т. е. если цѣны на хлѣбъ опускаются въ то время, когда банкротства увеличиваются, и наоборотъ. Если это такъ, то можно напередъ сказать, что ходъ линіи, выражавшей одновременно измѣненія обоихъ факторовъ, банкротствъ и хлѣбныхъ цѣнъ, будетъ гораздо болѣе совпадать съ ходомъ линіи уголовныхъ преступленій, чѣмъ ходъ каждой изъ нихъ въ отдѣльности.

И дѣйствительно, сдѣлавши сравнимыми на основаніи извѣстныхъ математическихъ правилъ линіи банкротствъ съ линіей хлѣбныхъ дѣлъ и соединивъ ихъ въ одну, среднюю, Лафаргъ наглядно доказалъ то, что онъ вывелъ argiogi, т. е. что новая полученная линія идетъ почти параллельно съ линіей уголовныхъ преступленій.

Г—ва.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Противозаконное сожитіе *) (изъ практики новыхъ судебныхъ установленій въ Прибалтійскихъ губерніяхъ). На первыхъ же порахъ дѣятельности мировыхъ судей Прибалтійскаго края они принуждены были столкнуться съ весьма интереснымъ вопросомъ о примиреніи законовъ, дѣйствующихъ во внутреннихъ губерніяхъ, съ законами мѣстными, изложенными въ ч. III свода мѣстныхъ узаконеній губерній Остзейскихъ. Одну изъ такихъ интересныхъ коллизій представляютъ дѣла о противозаконномъ сожитіи неженатаго съ незамужней. Такое незаконное сожитіе предусматривается уложеніемъ о наказ. въ ст. 994. Насъ интересуетъ въ данный моментъ гражданская сторона послѣдствій противозаконнаго сожитія и, главнымъ образомъ, вопросъ о порядкѣ разсмотрѣнія и разрѣшенія этого рода дѣлъ. Во внутреннихъ губерніяхъ разрѣшеніе этихъ дѣлъ двояко, смотря по послѣдствіямъ, сопровождавшимъ противозаконное сожитіе; если противозаконное сожитіе не сопровождалось прижитіемъ ребенка (I ч., 994 ст.), то дѣло о такомъ сожитіи, по силѣ 1002 ст. уст. угол. судопр., подсудно духовному суду, что и разъяснено рѣш. угол. касс. деп. прав. сен. 1868 г. за № 657 по дѣлу Ферстеръ, за № 694 по дѣлу Бетхеръ, 1875 г. за № 511 по дѣлу Рубинова и, наконецъ, рѣш. общ. собр. 1879 г. за № 58; если же незаконное сожитіе сопровождалось прижитіемъ ребенка, и мать этого ребенка предъявляетъ къ своему сожителю искъ объ обезпеченіи какъ самой себя, такъ и незаконноприжитаго ребенка извѣстнымъ содержаніемъ (II ч., 994 ст.), то дѣло о незаконномъ сожитіи подсудно уже свѣтскому суду, который, разрѣшивъ искъ объ обезпеченіи и наложивъ наказаніе, отсылаетъ дѣло въ духовный судъ, на основаніи 1003 ст. уст. уг. судопр., для преданія церковному покаянію.

Иски объ обезпеченіи, вытекающіе изъ ст. 994, подлежатъ разсмо-

*) Редакція проситъ читателя сравнить напечатанную въ этой же книгѣ замѣтку г. Н. Зачинскаго (стр. 385).

трѣнію свѣтскаго суда въ порядкѣ уголовнаго судопроизводства, а не гражданскаго, въ виду 1 ст. уст. гражд. судопр. и 100—195 ст. т. X, ч. I, которыя, опредѣляя обязанности семейственныя, только упоминаютъ о незаконныхъ дѣтяхъ, не установляя въ отношеніи къ нимъ никакихъ обязанностей со стороны родителей,—судомъ же гражданскимъ разрѣшаются только такіе иски, которые проистекаютъ изъ отношеній, основанныхъ на правѣ гражданскомъ (рѣш. угол. касс. деп. 1868 г. за № 657 по дѣлу Ферстеръ). Допуская всетаки по 994 ст. улож. о наказ. обезпеченіе незаконноприжитаго ребенка, законодательство внутреннихъ губерній разсматриваетъ просьбы о такомъ обезпеченіи, какъ просьбы о вознагражденіи за вредъ и убытки, которыя, по силѣ 5 ст. уст. гражд. судопр. и 6 ст. уст. угол. судопр., могутъ быть предъявлены и въ судѣ уголовномъ при самомъ производствѣ дѣла. Такимъ образомъ, искъ объ обезпеченіи неразрывно связывается съ производствомъ уголовнаго дѣла и присужденіе его непосредственно зависитъ отъ обвинительнаго приговора по отношенію къ виновнымъ въ незаконномъ сожитіи. А что законодательство внутреннихъ губерній разсматриваетъ иски объ обезпеченіи незаконноприжитыхъ дѣтей, какъ иски о вознагражденіи за вредъ и убытки, то это подтверждается 663, 664 и 666 ст. т. X ч. I, свода зак. гражд., которыми предусматривается право на обезпеченіе какъ незаконноприжитаго ребенка, такъ и его матери; причемъ статьи эти помѣщены въ отдѣленіи 2, гл. VI, разд. II, кн. II, т. X ч. I, озаглавленномъ «о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные преступленіемъ или проступкомъ».

Совсѣмъ съ инымъ взглядомъ на вопросъ о правѣ незаконноприжитыхъ дѣтей и ихъ матерей на обезпеченіе встрѣчаемся мы въ гражданскомъ правѣ Прибалтійскихъ губерній, гдѣ, какъ извѣстно, дѣйствуетъ совсѣмъ особый т. X св. зак., сводъ мѣстныхъ узаконеній губерній Остзейскихъ. III часть указаннаго только что свода мѣстныхъ узаконеній, заключающая въ себѣ матеріальное гражданское право Остзейскихъ губерній, гражданскіе законы, держится болѣе гуманнаго, чѣмъ законодательство внутреннихъ губерній, взгляда на право незаконнорожденныхъ дѣтей и ихъ матерей и не только не отказываетъ имъ въ признаніи законнаго права на обезпеченіе, а напротивъ того, прямо обязываетъ естественнаго отца къ попеченію объ участи его незаконноприжитаго ребенка и его матери. Въ отношеніи къ незаконнорожденнымъ дѣтямъ въ отдѣленіи второмъ, разд. II, гл. 2, кн. I свода гражданскихъ узаконеній губ. Остзейскихъ, озаглавленномъ «о дѣтяхъ, прижитыхъ въ блудодѣяніи», мы находимъ слѣдующія, дословно приводимыя нами, постановленія: «попеченіе о незаконнорожденномъ и о воспитаніи его лежитъ не только на матери, но и на отцѣ. Послѣдній несетъ этотъ долгъ даже и въ томъ случаѣ, когда онъ не имѣлъ обязанности жениться на матери, или выдать ей приданое, хотя ему и не дается, въ отношеніи къ незаконнорожденному, родительской власти» (ст. 167); «обязанность доставлять незаконнорожденному необ-

ходимыя на его содержаніе и воспитаніе средства, пока онъ не будетъ въ состояніи содержать себя самъ, лежитъ преимущественно на отцѣ» (ст. 168); «содержаніе, слѣдующее незаконнорожденному, лежитъ также и на имуществѣ, оставшемся послѣ его отца. Но родители и родственники послѣдняго свободны отъ всякой въ семъ отношеніи обязанности, развѣ бы они приняли наслѣдство послѣ отца» (ст. 170); «когда отецъ незаконнорожденнаго не въ состояніи его содержать, то обязанность эта переходитъ на мать, а послѣ нея на родственниковъ ея въ восходящей линіи» (ст. 171). Въ отношеніи къ матери незаконнорожденнаго и вообще въ отношеніи къ женщинѣ, состоявшей въ конкубинатѣ, глава 2 кн. I свода гражд. узакон. губ. Остзейскихъ заключаетъ слѣдующія постановленія: «всякое блудодѣяніе лицъ, не связанныхъ между собою дѣйствительнымъ бракомъ, влечетъ за собою гражданскія послѣдствія, состоящія или въ обязательствахъ обольстителя къ обольщенной, или же въ обязательствахъ ихъ обоихъ къ дѣтямъ, если такія ими въ этомъ блудодѣяніи прижиты» (ст. 151); «соблазнившій дѣвицу къ блудодѣянію, забеременѣла ли она отъ того или нѣтъ, обязанъ, по собственному выбору, или жениться на ней, или дать ей приданое» (ст. 152); «если совершеніе брака окажется невозможнымъ вслѣдствіе ли препятствія къ оному, или по другой причинѣ, которая не можетъ быть вмѣнена въ вину обольщенной, именно за существующимъ уже бракомъ обольстителя, или за недопущеніемъ брака его съ обольщенною родителями его, опекунами или начальствомъ,—то обольщенная въ правѣ, несмотря на то, требовать приданаго» (ст. 155); «въ случаѣ смерти обольстителя, обольщенная можетъ требовать приданаго только изъ оставшагося послѣ него имущества» (ст. 156). Сопоставленіе всѣхъ только что приведенныхъ статей не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что гражданское право Прибалтійскаго края признаетъ за незаконнорожденными дѣтьми и ихъ матерями гражданское право на обезпеченіе со стороны естественнаго отца и мужа, а разъ принять это положеніе, необходимо признать, что незаконнорожденнымъ дѣтямъ и ихъ матерямъ неотъемлемо принадлежитъ право иска объ обезпеченіи, и притомъ въ гражданскомъ порядкѣ, т. е. въ порядкѣ гражданскаго судопроизводства, такъ какъ такой искъ проистекаетъ изъ отношеній, основанныхъ на правѣ гражданскомъ.

Изъ вышеизложеннаго вытекаетъ самъ собою тотъ выводъ, что иски объ обезпеченіи незаконноприжитаго ребенка (2 ч. 994 ст. улож.) въ Прибалтійскомъ краѣ должны разрѣшаться въ порядкѣ гражданскаго судопроизводства, а не уголовнаго, какъ во внутреннихъ губерніяхъ, обыкновеннымъ порядкомъ, которымъ разсматриваются всѣ вообще исковыя дѣла, причемъ и подсудность этого рода исковъ опредѣляется суммою взыскиваемаго обезпеченія, на точномъ основаніи 29 ст. уст. гражд. судопр.

Разрѣшивъ такимъ образомъ вопросъ о подсудности и порядкѣ разрѣшенія исковъ объ обезпеченіи незаконнорожденныхъ дѣтей, нельзя однако пройти молчаніемъ вопроса объ уголовной отвѣтственности за незаконное

сожитіе неженатаго съ незамужней (1 ч. 994 ст. улож.). Подобнаго рода проступокъ включенъ въ уложеніе о наказаніяхъ и облагается извѣстнымъ взысканіемъ, хотя и по распоряженію духовнаго начальства, участіе котораго, однако, ограничивается опредѣленіемъ срока церковнаго покаянія и порядка его отбыванія; а уложеніе о наказаніяхъ имѣетъ примѣненіе и въ Прибалтійскомъ краѣ. Теперь и является на очередь вопросъ о порядкѣ возбужденія и производства дѣлъ объ отвѣтственности за незаконное сожитіе. Незаконное сожитіе относится къ числу такихъ проступковъ, которые преслѣдуются независимо отъ жалобъ частныхъ лицъ (рѣш. угол. касс. деп. прав. сен. 1868 года за № 694 по дѣлу Бетхера), почему оно, сдѣлавшись извѣстнымъ судебной власти, мировому судьѣ, или окружному суду, а слѣдовательно и прокурору, не можетъ остаться безъ преслѣдованія. Съ другой стороны, какъ мы уже видѣли, дѣла о противозаконномъ сожитіи, несопровождавшемся прижитіемъ ребенка, или несопровождавшіеся предъявленіемъ иска объ обезпеченіи ребенка (1 ч. 994), по силѣ 1002 ст. уст. угол. судопр., подлежатъ исключительно духовному суду. При условіи предварительнаго разрѣшенія гражданскимъ судомъ иска объ обезпеченіи ребенка, путемъ присужденія исковыхъ требованій, или путемъ примиренія, дѣло о незаконномъ сожитіи въ Прибалтійскомъ краѣ дѣлается всегда подсуднымъ исключительно духовному суду. При этомъ, примѣнительно и даже на основаніи 8 ст. уст. гражд. судопр. и 1005 ст. уст. угол. судопр., на судѣ гражданскомъ, разрѣшившемъ искъ объ обезпеченіи, лежитъ обязанность сообщить духовному начальству по принадлежности о фактѣ незаконнаго сожитія для привлеченія виновныхъ къ законной отвѣтственности по 1 ч. 994 ст. улож. о нак. Къ правильности высказаннаго нами мнѣнія о порядкѣ возбужденія уголовнаго преслѣдованія за незаконное сожитіе убѣждаютъ насъ и рѣш. гражд. касс. деп. прав. сен. 1869 года за № 405, 1872 года за № 819 и 1885 года за № 75, согласно которымъ, если гражданскій судъ при разрѣшеніи какого либо дѣла усмотритъ такое обстоятельство, которое требуетъ уголовнаго преслѣдованія, то онъ обязанъ войти въ разсмотрѣніе вопроса, зависитъ ли разрѣшеніе гражданскаго дѣла отъ разсмотрѣнія сего обстоятельства судомъ уголовнымъ, или нѣтъ, и при утвердительномъ рѣшеніи этого вопроса пріостанавливаетъ производство гражданскаго дѣла, а при отрицательномъ рѣшеніи продолжаетъ разсмотрѣніе гражданскаго дѣла. Такъ какъ въ данномъ случаѣ, при разсмотрѣніи дѣла по иску объ обезпеченіи незаконнорожденнаго въ порядкѣ гражданскаго судопроизводства вопросъ о зависимости исковыхъ требованій отъ уголовнаго обстоятельства—незаконнаго сожитія—долженъ быть, разумѣется, разрѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ, то суду гражданскому нечего и пріостанавливать разсмотрѣніе такого иска и ему остается лишь, разрѣшивъ искъ объ обезпеченіи ребенка, сообщить духовному начальству о привлеченіи къ отвѣтственности виновныхъ за незаконное сожитіе. Разобранный нами вопросъ на первыхъ порахъ дѣятельности мировыхъ уста-

новленій Прибалтійскихъ губерній вызвалъ усиленный обмѣнъ мнѣній о порядкѣ разрѣшенія этого рода дѣлъ, и потому было бы крайне желательно услыхать поскорѣе мнѣніе компетентныхъ юристовъ, — въ гражданскомъ или уголовномъ порядкѣ должны разрѣшаться въ Прибалтійскомъ краѣ иски объ обезпеченіи незаконнорожденныхъ.

В. Харламовъ.

Стачки рабочихъ въ Англіи. Англія, какъ извѣстно, въ послѣднее время сдѣлалась ареной неоднократныхъ стачекъ, едвали не превосходившихъ по размѣрамъ своимъ все, что совершилось въ этой области рабочихъ движеній до сихъ поръ. Въ виду этого пріобрѣтаютъ особый интересъ историческія данныя о стачкахъ въ Англіи, сообщаемыя въ статьѣ М. Зеринга, помѣщенной въ 4-мъ выпускѣ «Handwörterbuch der Staatswissenschaften» — изданіи, замѣтка о которомъ помѣщена въ № 3 «Юридическаго Вѣстника» за текущій годъ.

Несмотря на то, что помѣщающіяся данныя о стачкахъ рабочихъ носятъ отрывочный характеръ и ихъ приходилось собирать изъ газетныхъ замѣтокъ и сообщеній, а также изъ отчетовъ различныхъ товариществъ рабочихъ, всетаки является возможность составить довольно наглядное представленіе объ условіяхъ и причинахъ стачекъ. Въ виду отсутствія полныхъ данныхъ о стачкахъ прежняго времени, авторъ за время до 1869 г. перечисляетъ лишь главнѣйшія стачки съ краткимъ указаніемъ причинъ ихъ и результатовъ, дѣлая это въ табличной формѣ, согласно съ которой мы и приводимъ эти данныя.

Года.	Родъ работы и количество недовольныхъ.	Причина и цѣль стачекъ.	Продолжительность стачекъ (въ мѣсяцахъ).	Удачное или неудачное окончаніе стачекъ.
1802	Кораблестроителей Лондона.	Противъ уменьшенія платы за работу . . .	—	
1823	Кораблестроителей Ньюкастль на Тейнѣ.	Противъ работы учениковъ и по поводу распущенія рабочихъ. Мастерскія были закрыты.	4—5	по обоюдному соглашенію.
1827	Кораблестроителей Лондона.	Ради увелич. платы.	—	да.
1827	Кораблестроителей Ливерпуля.	Противъ уменьшенія платы	$2^1/_2$	соглашеніемъ.
1829	Пильныхъ мастеровъ изъ Шеффильда.	Противъ уменьшенія платы	4	по соглашенію.

1829	Бумагопрядильщиковъ изъ Манчестера.	Противъ уменьшенія платы	6	нѣтъ.
1830	1,800 бумагопрядильщиковъ изъ Аштонъ на Лейнѣ, Дёкинфилда.	Противъ уменьшенія платы	2—3	нѣтъ.
1833	Работники, занимающіеся стройками изъ Ливерпуля.	Для уменьшенія рабочаго времени	6	нѣтъ.
1836	Слесаря Шеффильда.	Для увеличенія платы за работу (мастерскія были закрыты). . .	2½	по соглашенію.
1836—37	Бумагопрядильщиковъ — Глазговъ.	Противъ уменьшенія платы.	4	
1842	Общее возстаніе въ Манчестерѣ.	Для увеличенія платы и введенія народной хартіи.	—	
1844	Углекоповъ Дёргамъ и Ноттингемъ.	Для введенія годовыхъ контрактовъ . .	—	нѣтъ.
1849	Тѣ же.	Для увеличенія платы	—	нѣтъ.
1851	Кораблестроители всего королевства.	Для измѣненій условій работы	3—4	нѣтъ.
1852	3,500 машиностроителей принадлежащихъ къ товарищескимъ обществамъ Манчестера, Лондона и др.; 5,000 мастеровъ и 10,000 чернорабочихъ прекратили работу.	Противъ сдѣльной платы и систематическихъ требованій увеличенія времени ежедневныхъ работъ.	3—6	нѣтъ.
1853—54	Бумагопрядильщиковъ въ Престонѣ (18,000 рабочихъ въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ оставили работу).	Для возстановленія старой платы за работу.	7	нѣтъ.
1857—59	Сапожниковъ Нортгамптаншайра.	Противъ введенія швейныхъ машинъ. .	14	по средствомъ повышенія платы:
1858	Сапожниковъ и точильщиковъ Шеффильда.	Для увеличен. платы.	5	да.
1858—59	Рабочихъ двухъ стеклянныхъ фабрикъ, послѣдовавшая за всеобщимъ прекращеніемъ работъ.	Для уменьшенія часовъ работы подмастерьевъ	6	удачнымъ соглашеніемъ.
1849—59	Произошло 66 маленькихъ возмущеній, между ними 37 среди наборщиковъ, которыхъ поддержали провинціальныя типографическія ассоціаціи. 61 возмущеній были вызваны владѣтелями типографій по случаю попытк и устраненія старыхъ промышленныхъ обычаевъ рабочихъ этихъ городовъ, а остальныя 5 стачекъ произошли по желанію рабочихъ увеличить плату за работу. Въ 29 случаяхъ не была прекращена работа благодаря вліянію ассоціаціи.			

Года.	Родъ работы и количество недовольныхъ.	Причина стачекъ.	Продолжительность стачекъ (въ мѣсяцахъ).	Удачное или неудачное окончаніе стачекъ.
1859—60	Рабочіе строительной промышленности города Лондона въ количествѣ 24,000 человѣкъ прекратили работу.	Требованіе уменьшенія рабочаго времени, безъ уменьшенія платы за работу.	7	нѣтъ.
1861—62	Тѣ же.	Та же причина . .	14	удачнымъ соглашеніемъ.
1852 1855—58 1863—64 1867 1868	Частое прекращеніе работъ въ каменноугольныхъ копяхъ въ Шотландіи, Іоркширѣ; между ними 13-мѣсячная остановка работъ, происшедшая въ Ланкаширѣ ради поднятія платы за работу, а также противъ системы конфискаціи (непринятіе въ разсчетъ тѣхъ телѣгъ, въ которыхъ не хватало вѣсу или находилось много земли и камней). Успѣшное возстаніе 10,000 рабочихъ въ Лидсѣ 1858 г. противъ конфискаціи и одно въ Южномъ Іоркширѣ ради увеличенія платы за работу въ 1864 году. Въ общемъ результаты были благопріятные.			

Года.	Родъ работы и количество недовольныхъ.	Причина стачекъ.	Продолжительность стачекъ (въ мѣсяцахъ).	Удачное или неудачное окончаніе стачекъ.
1865	Возстаніе рабочихъ, занимающихся обработываніемъ желѣзныхъ рудъ въ Стаффордширѣ, всеобщее закрытіе всѣхъ желѣзныхъ и стальныхъ фабрикъ въ Англіи и временное голоданіе 200,000 рабочихъ.	Противъ уменьшенія платы.	4—5	нѣтъ.
1866	12,000 рабочихъ, занимающихся въ рудникахъ Мидлесборо.	Противъ уменьшенія платы.	4½	нѣтъ.
1866	Горшечниковъ, стачка и остановка работъ.	Противъ уменьшенія платы.	—	соглашеніемъ.
1867	Прядильщиковъ въ Штокпортѣ.	Противъ уменьшенія платы.	—	да.

За года 1870—79 насчитываютъ 2,352 остановокъ работы, которыя распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

1870 г.	30	1875 г.	245
1871 »	98	1876 »	229
1872 »	343	1877 »	180
1873 »	365	1878 »	268
1874 »	286	1879 »	308 (до 1 декабря).

Изъ этихъ послѣднихъ чиселъ видно, что въ годахъ 1871 до 1873 количество стачекъ сильно увеличилось, но въ этихъ же годахъ произошло безримѣрное развитіе промышленности. Въ этотъ періодъ времени всѣ стачки кончались благопріятно для рабочихъ, т. е. была возвышена плата за работу съ совмѣстнымъ уменьшеніемъ числа часовъ рабочаго времени и были достигнуты нѣкоторыя другія выгоды. Въ послѣдующихъ же годахъ, хотя фабриканты частью возстановили свои прежнія условія для рабочихъ, стачки однако уменьшались съ каждымъ годомъ. Но когда въ 1878 и 1879 году кризисъ достигъ крайнихъ границъ и уже уменьшенная платата за работу была еще понижена (прядильщикамъ и ткачамъ ее уменьшили на 20%), давленіе на рабочихъ достигло также крайнихъ границъ, то рабочіе возстали противъ этого давленія, хотя въ большинствѣ случаевъ стачки кончались безуспѣшно. Этотъ періодъ времени 1870 — 1879 отличается своею типичностью и только потверждаетъ то, къ чему приводитъ и болѣе древняя исторія стачекъ въ Англіи, а также и въ Америкѣ, а именно, что наибольшее волненіе рабочихъ—борьба за улучшеніе своего существованія—совпадаетъ съ поднятіемъ или паденіемъ промышленности и что благопріятныя исходы бываютъ при поднятіи и безуспѣшныя—при паденіи промышленности. Данныхъ, которыя позволяли бы опредѣлить число стачекъ, количество участниковъ въ нихъ и т. д. по отдѣльнымъ отраслямъ промышленности—очень мало. Удалось лишь выяснить, что наибольшее количество стачекъ за года 1870—79 приходится на долю строительныхъ цеховъ, а именно 598 случаевъ.

Эти стачки распредѣляются на слѣдующія группы:

187	стачекъ	выпадаютъ	на	долю	обойщиковъ и столяровъ.
151	»	»	»	»	каменьщиковъ.
52	»	»	»	»	кирпичниковъ.
40	»	»	»	»	кровельщиковъ.

Нѣкоторыя изъ этихъ стачекъ происходили совмѣстно.

Такъ какъ строительная отросль промышленности состоитъ изъ многихъ составныхъ частей и въ большинствѣ случаевъ каждая часть имѣетъ во главѣ незначительныхъ предпринимателей, то въ большинствѣ случаевъ происходятъ только незначительныя несогласія, но между ними были и болѣе серьезныя и продолжительныя, такъ напримѣръ стачка каменьщиковъ и кирпичниковъ въ Ньюкастлѣ въ 1877 году продолжалась 33 недѣли; въ Киркалди въ 1878 году 36 недѣль. Съ другой стороны

основаніе частыхъ неудовольствій среди рабочихъ этой отрасли промышленности заключается въ томъ, что каждая группа имѣетъ свои промышленныя союзы, такъ что организація ихъ страдаетъ сильнымъ раздробленіемъ.

Второе мѣсто по количеству стачекъ занимаютъ рабочіе металлическихъ производствъ; всего на ихъ долю приходится за то же время 390 стачекъ изъ коихъ на долю рабочихъ, вырабатывающихъ желѣзо, 127 стачекъ, а машиностроителей, включая и механиковъ—96 стачекъ. Слѣдовательно на каждый годъ у первыхъ было $12,_7$, у вторыхъ $9,_6$ стачекъ. Главной причиной стачекъ въ машиностроительной отрасли были внутренніе раздоры. Изъ 339 стачекъ рабочихъ горной промышленности болѣе 314 приходится на долю каменноугольщиковъ. Если стачки въ остальныхъ отрасляхъ горной промышленности Англіи почти прекратились, то это только вслѣдствіе прекраснаго устройства промышленныхъ товариществъ и организаціи третейскаго суда. Частые же стачки среди каменноугольщиковъ Бивенъ приписываетъ подзадоривающей политикѣ вожаковъ этихъ рабочихъ, что составляетъ крайне несправедливое обвиненіе: изъ отчетовъ Клейнвехтера о стачкахъ рабочихъ въ каменноугольныхъ копяхъ за года 1872—1874 слѣдуетъ, что наибольшее количество недоразумѣній окончились полюбовной сдѣлкой. Въ большинствѣ случаетъ, ведшихъ за собою прекращеніе работы, рабочіе требовали разрѣшенія недовольствъ посредствомъ третейскихъ судей, что было отвергаемо заводчиками и только меньшее число стачекъ кончились при посредствѣ третейскихъ судовъ. Стачка 60 —70,000 рабочихъ въ 1873 году въ Уэльсѣ была вызвана только тѣмъ, что заводчики уклонялись отъ рѣшенія споровъ посредствомъ третейскихъ судовъ. По отчетамъ Шульце-Гевернитцъ, въ каменноугольныхъ копяхъ Нортемберланда за года 1870 — 1889 было 13 всеобщихъ измѣненій рабочей платы посредствомъ договоровъ и только два раза въ 1876 и 1886—87 году должны были прибѣгнуть къ остановкамъ работы.

Въ каменноугольномъ округѣ Дёргэмъ, не смотря на сильное колебаніе рабочей платы, произошла въ это время только одна стачка.

Большею частью эти стачки касаются отдѣльныхъ заведеній; съ 70-хъ же годовъ, когда образовались объединяющія управленія въ центрахъ каменноугольной промышленности, число стачекъ сильно уменьшилось и только благодаря тому, что нѣкоторые правленія каменноугольныхъ копей не принадлежатъ къ обществамъ работодателей—и общества рабочихъ бываютъ вынуждены къ борьбѣ съ этими управленіями прибѣгать къ стачкамъ.

Предъ нами дальше числовыя данныя о стачкахъ ткачей — 277, рабочихъ занимающихся изготовленіемъ одеждъ — 163 и кораблестроителей и служащихъ на корабляхъ—140 въ продолженіе періода 1870—79 г.; на остальныя 9 отраслей промышленности приходится не болѣе 2 — 6 стачекъ ежегодно. Что касается продолжительности стачекъ и количества

рабочихъ, принимавшихъ въ нихъ участіе, то на основаніи 110 случаевъ въ 70 годахъ, выводятъ среднюю продолжительность стачекъ 4,7 недѣль; среднее же число участниковъ въ нихъ было 5,384 человѣкъ. Наименьшее количество рабочихъ, принимавшихъ участіе въ стачкахъ, было 150 и наибольшее—300,000. Если же не считать стачку, произведенную въ 1879 г. въ Ланкаширѣ рабочими хлопчато-бумажныхъ фабрикъ въ количествѣ 300,000, то среднее число участвующихъ въ стачкахъ составляютъ 2,680 человѣкъ.

Причины, побуждавшія рабочихъ къ стачкамъ, были частію неосновательныя, какъ, напримѣръ, возмущеніе сапожниковъ въ Нортгамптоншайрѣ въ 1854 г. и въ Лидѣ—въ 1876 по случаю введенія швейныхъ машинъ; или, напримѣръ стачка каменно-угольщиковъ въ Кальтонѣ въ 1878 году — по случаю введенія особыхъ лампъ, предохраняющихъ отъ взрывовъ; также стачка канатчиковъ въ Ньюкастлѣ 1873 г. по случаю измѣненія закона, требовавшаго большей крѣпости канатовъ, чѣмъ тѣ, какими они привыкли работать. Но эти стачки представляютъ собой исключеніе изъ общей массы. Наибольшее количество стачекъ произошло по поводу требованія увеличенія платы за работу, потомъ слѣдуетъ требованіе уменьшенія рабочаго времени и, наконецъ, слѣдуетъ сумма всѣхъ остальныхъ требованій, ведущихъ къ улучшенію положенія рабочаго.

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что промышленныя товарищества, достигнувъ того заработка, который удовлетворяетъ ихъ потребности, уже не столько стремятся къ поднятію рабочей платы, сколько къ ея равномѣрному распредѣленію, къ достиженію умѣреннаго числа часовъ работы (обыкновенно 9 и 8 часовъ въ сутки), къ обезпеченію равномѣрности работы, къ защитѣ противъ эксплоатаціи и притѣсненій всѣхъ видовъ. Поэтому мы видимъ, что съ 50 годовъ произошло больше стачекъ, имѣвшихъ цѣлью получить устраненіе сдѣльныхъ работъ, уменьшеніе рабочихъ часовъ, установку платы за годъ, защиту обществомъ противъ устраненія отъ работы и т. п.

Мы видимъ, что плата за работу въ машиностроительной промышленности съ постановленія коммиссіи «Trades-Unions-Commission» въ 1869 г. едва измѣнилась, исключая увеличенія, происшедшія отъ личнаго желанія предпринимателей, рабочихъ на литейныхъ и, у лондонскихъ наборщиковъ.

Чтобы опредѣлить всю сумму издержекъ, происходящихъ вслѣдствіе стачекъ, слѣдуетъ считать не только лишеніе на то время жалованья, но и расходы по поддержкѣ участниковъ промышленными товариществами. Выданный капиталъ товарищескимъ обществомъ долженъ быть въ будущемъ какъ можно скорѣе пополненъ возвышенными налогами, такъ какъ онъ служитъ обществу безъ различія, для всѣхъ его нуждъ. Если же возставшіе рабочіе получаютъ, какъ часто случается, отъ другихъ товарищескихъ обществъ, то и въ этомъ случаѣ въ будущемъ являются новые

налоги на участниковъ стачки. Часто капиталисты принимаютъ сторону возставшихъ и устраиваютъ въ ихъ пользу подписки, концерты и т. п.

Авторъ намъ опредѣляетъ потерю заработка въ тѣхъ 110 вышеприведенныхъ случаяхъ 70-хъ годовъ—въ 90 милліоновъ марокъ, считая на каждаго рабочаго еженедѣльно 20 марокъ. Стачка, происшедшая въ 1873 году при участіи 70,000 рабочихъ каменно-угольщиковъ и обрабатывающихъ руду въ Южномъ Валисѣ въ продолженіе 10 — 12 недѣль, обошлась одна въ 16 милліоновъ марокъ рабочей платы. Принимавшія участіе товарищескія общества, а именно «The Amalgamated Association of Miners» выдало 800,000 марокъ для поддержки возставшихъ. Изъ другихъ источниковъ получили участники этой же стачки 100,000 марокъ. При этомъ предприниматели потеряли на количествѣ не добытаго угля и желѣза до 40 милліоновъ марокъ.

Если принять во вниманіе тѣ лишенія, которыя переносятся рабочимъ со всѣмъ своимъ семействомъ, истрачивая все накопленное, и ту удивительную настойчивость, самоотверженіе и самопожертвованіе, которыя проявляютъ они, то надо прійти къ заключенію, что рабочіе считаютъ остановку работы раціональнымъ средствомъ для улучшенія своего положенія. И это средство будетъ вѣроятно примѣняться до тѣхъ поръ, пока не изобрѣтется другое болѣе дѣйствительное средство для проведенія своихъ интересовъ и пока промышленники не признаютъ представителей рабочихъ и третейскихъ судей, которые рѣшали бы всѣ недоразумѣнія.

Нельзя сказать, чтобы большая часть стачекъ имѣла бы непосредственный успѣхъ. За года 1845 — 60 изъ 70 стачекъ по отчетамъ «Social Science Association», 44 были успѣшны и 30 безуспѣшны; за года 1870—79 изъ 351 стачекъ 71 были выиграны, 189 потеряны, 91—рѣшены посредствомъ компромисса; или по годамъ:

1870—72	года	26	выигранныхъ	12	потер.	21	примиреніе
1875—77	»	39	»	62	»	35	»
1878—79	»	6	»	115	»	35	»

Чтобы вѣрно опредѣлить пользу стачки въ сравненіи съ возможными и дѣйствительными потерями, надо принять во вниманіе, что обыкновенно только малая часть рабочихъ одной отрасли промышленности вступаетъ въ споръ отъ лица всѣхъ рабочихъ, и что непосредственные расходы падаютъ на долю 10 — 20% всѣхъ рабочихъ, а выигрышъ достается всей массѣ; дальше слѣдуетъ замѣтить, что за временной потерей слѣдуетъ часто продолжительный выигрышъ, который не всегда можетъ быть выраженъ въ деньгахъ.

Проигранныя стачки имѣли свою выгоду, а именно онѣ побуждали рабочихъ тѣснѣе и въ большихъ размѣрахъ организовать товарищескія общества, чтобы въ будущемъ имѣть противъ фабрикантовъ болѣе крѣп-

кую и опасную для нихъ оппозицію, а поэтому уже одному фабриканты стараются входить въ интересы рабочихъ.

Всякій, изучающій соціальную исторію Англіи, не можетъ не признать, что теперешнее положеніе Англіи было достигнуто только благодаря стачкамъ, но этимъ ни въ какомъ случаѣ не высказано оправданіе стачекъ настоящаго времени.

Сами же стачки случаются только въ исключительныхъ случаяхъ, если только рабочіе не имѣютъ возможности рѣшать всѣ свои насущные вопросы миролюбивымъ образомъ.

В. Горбуновъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЯТАГО ТОМА ТРЕТЬЯГО ДЕСЯТИЛѢТІЯ.

(ВТОРАГО ЗА 1890 Г.).

По политической экономіи и статистикѣ:

Стр.

Общинное и подворнонаслѣдственное владѣніе пріусадебными землями по закону и въ дѣйствительности. **М. А. Плотникова** . 61
Городское и сельское кустарное производство. **А. Исаева**. 149
Артели Олонецкихъ рыбаковъ. **Г. И. Куликовскаго**. 189
Промысловыя артели Тобольской губерніи. I. Рыболовныя артели (*окончаніе*). **С. Марусина** 333
Крестьянскій Поземельный Банкъ въ 1888 году. **В. Гурвича** . . . 373
Грамотность сельскаго населенія (по даннымъ земской статистики). **Н. Бычкова** 309

По исторіи права и учрежденій:

О цѣляхъ наказанія по узаконеніямъ Петровскаго царствованія. **А. Н. Филиппова** 1
О «земцахъ». **В. Н. Сторожева** 241

По теоріи права:

Юриспруденція и теорія историческаго процесса. **Н. И. Карѣева.** 259

По обычному праву:

Обычное право у Киргизъ. Судоустройство и судопроизводство **А. Леонтьева**. 11

По государственному праву:

Леруа-Болье о государственномъ вмѣшательствѣ. *Leroy-Beaulieu*, L'état moderne et ses fonctions. **В. А. Гольцева**. . . . . .

По полицейскому праву:

Стр.

Юридическая охрана дѣтей, работающихъ въ мастерскихъ, и вопросы ея ближайшаго будущаго. **П. Н. Обнинскаго** 179

По гражданскому праву:

О пріобрѣтеніи права собственности на движимыя имущества посредствомъ передачи. **А. Загоровскаго** 278

Право незаконныхъ дѣтей на содержаніе отъ родителей. Право незаконныхъ дѣтей вообще и происшедшихъ отъ прелюбодѣянія въ особенности, требовать содержанія отъ родителя, состоящаго въ бракѣ. **Н. Зачинскаго**. 385

Противозаконное сожитіе (изъ практики новыхъ судебныхъ учрежденій въ Прибалтійскихъ губерніяхъ) **В. Харламова**. . . . 490

По уголовному праву:

Хроника уголовнаго суда. Истязаніе, какъ преступленіе sui generis. **И. М. Тютрюмова** 360

По судоустройству и судопроизводству:

Формальная теорія доказательствъ. **А. Блукста** 42

Вызовъ и допросъ свидѣтелей по уголовнымъ дѣламъ, разсматриваемымъ въ мировыхъ съѣздахъ. Уставъ уголовнаго судопроизводства, ст 159, 165, 194 и 197 (*окончаніе*). **И. Остриковa**. 73

Уголовно-частный порядокъ преслѣдованія по судебнымъ уставамъ. Вторая замѣтка. **И. Г. Щегловитова** 294

Публичность въ новыхъ судебно-административныхъ законахъ. **А. М. Тютрюмова** 246

Проектъ устава о несостоятельности 1888 года. Докладъ, читанный въ засѣданіи Московскаго Юридическаго Общества 12 марта 1890 г. **Н. И. Ржондковскаго** 155

Хроника:

Московское Юридическое Общество въ 1887—1889 г. (изъ протоколовъ засѣданій Общества). Годы двадцать пятый и двадцать шестой 391

Библіографія:

В. Е. Якушкинъ. Очерки по исторіи русской поземельной политики въ XVIII и XIX в. Вып. I, XVIII вѣкъ. Москва, 1890. **В. Н. Ст—ва**. 226

А. А. Кауфманъ. Экономическій бытъ государственныхъ крестьянъ Ишимскаго округа, Тобольской губерніи. Изданіе министерства государственныхъ имуществъ. Вып. 3 и 5. Спб. 1889. **Н. А.** 231

Сборникъ законоположеній и распоряженій правительства о преобразованіи губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ и мировыхъ судебныхъ учрежденій въ мѣстностяхъ, гдѣ вводится положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ, съ присоединеніемъ всѣхъ относящихся къ нимъ статей свода законовъ. Составленъ *Е. П. Щировскимъ* и *І. Н. Епанчинымъ*. Харьковъ 238

Сборникъ оцѣночныхъ свѣдѣній по крестьянскому землевладѣнію въ Землянскомъ, Задонскомъ, Коротоякскомъ и Нижнедѣвицкомъ уѣздахъ Воронежской губ. (изданіе губернскаго земства, 1889). **Н. А.** 484

P. Lafargue. Die Kriminalität in Frankreich von 1840 — 1886. Untersuchungen über ihre Entwicklung und ihre Ursachen. **Г—вой.** 487

Разныя извѣстія и замѣтки:

Интересы землевладѣльческаго и крестьянскаго населенія предъ судомъ Орловскаго земства. **И. П. Бѣлоконскаго** 251

Стачки рабочихъ въ Англіи. **В. Горбунова** 494

ОТЪ СОВѢТА САРАТОВСКАГО ОБЩЕСТВА

ВСПОМОЩЕСТВОВАНІЯ

НУЖДАЮЩИМСЯ ЛИТЕРАТОРАМЪ.

Въ общемъ собраніи членовъ общества, 25 марта сего года, постановлено: въ ознаменованіе 300-лѣтняго юбилея г. Саратова, имѣющаго совершиться въ маѣ 1891 года, составить и издать отъ имени общества и въ пользу его: „Очерки по исторіи развитія Саратовской печати“, пригласивъ къ участію въ этомъ трудѣ, по выработанной программѣ, по возможности, большее число лицъ, могущихъ по своимъ былымъ или настоящимъ отношеніямъ къ мѣстному обществу и мѣстной печати сдѣлать вкладъ въ проектируемые „Очерки“.

Въ исполненіе этого постановленія, совѣтъ имѣетъ честь обратиться ко всѣмъ общественнымъ и литературнымъ дѣятелямъ съ покорнѣйшей просьбой не отказать въ доставленіи ему всякаго рода свѣдѣній, сообщеній и вообще сыраго матеріала, какъ рукописнаго, такъ и печатнаго, а также, если возможно, обработанныхъ статей и замѣтокъ, касающихся возникновенія и развитія Саратовской періодической прессы, изданныхъ въ Саратовскомъ краѣ книгъ, брошюръ, сборниковъ, календарей и пр. и характеристикъ представителей мѣстной печати и общества.

Совѣтъ ручается за цѣлость и сохранность присланнаго ему матеріала, который будетъ возвращенъ его владѣльцамъ по минованіи въ немъ надобности.

Ниже прилагается программа „Очерковъ“, но совѣтъ будетъ глубоко признателенъ за всякаго рода сообщенія, хотя и не входящія въ рамки намѣченной программы. Всѣ сообщенія должны быть дѣлаемы на имя предсѣдателя совѣта общества Н. П. Фролова—Саратовъ, Малая Сергіевская улица, свой домъ.

Программа «Очерковъ по исторіи развитія Саратовской печати».

I. Время зарожденія печати въ Саратовѣ и ея дальнѣйшее развитіе съ общей характеристикой тогдашняго общества.

II. Вліяніе эпохи реформъ на мѣстную печать въ связи съ вліяніемъ на общество.

III. Мѣстныя русскія и нѣмецкія періодическія изданія. („Саратовскія Губернскія Вѣдомости“, „Саратовскія Епархіальныя Вѣдомости“, „Коммерческій Листокъ“, Саратовскій Листокъ“, „Саратовскій Дневникъ“, „Листокъ объявленій“ въ Саратовѣ, „Волга“, „Вольскій Листокъ объявленій“, „Волго-Донской Листокъ“ —въ Царицынѣ, „Братская Помощь“ и др.).

IV. Цензура въ Саратовѣ прежде и теперь.

V. Русскіе и нѣмецкіе календари, адресъ-календари и памятныя книжки. Обзоръ ихъ.

VI Мѣстныя книги и брошюры. Изданія губернскаго статистическаго комитета, земства и городскаго Управленія. Обзоръ ихъ.

VII. Статистическія данныя о распространеніи произведеній мѣстной печати (газетъ и книгъ.)

VIII. Типографіи, книжные магазины и библіотеки въ Саратовѣ и его уѣздахъ.

IX. Характеристика отдѣльныхъ представителей мѣстной печати и общества (Епископъ Іаковъ, архимандритъ Никодимъ, А. Ф. Леопольдовъ, Жукова, Домогацкая, Тихменевъ, Никольскій, Леопольдовъ, Палимпсестовъ, Макашинъ, Чернышевскій, Костомаровъ, Мордовцевъ, Блюммеръ и др.).

X. Возникновеніе и дѣятельность мѣстнаго общества вспомоществованія нуждающимся литераторамъ (Литературнаго фонда).

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ **1890** ГОДУ

ЖУРНАЛА ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ іюля и августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, до 20 листовъ каждая.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки. . .	8 р.
съ доставкой въ С.-Петербургѣ. . . .	8 р. 50 к.
съ пересылкой въ другіе города. . .	9 р.
за-границей.	12 р.

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, **рѣшенія кассаціонныхъ департаментовъ сената**, платятъ за журналъ и за рѣшенія:
съ доставкой въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ другіе города. 13 р. 50 к.

Рѣшенія кас. деп. сената выходятъ и разсылаются одинъ разъ въ мѣсяцъ.

Лица, не состоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассаціонныя рѣшенія по 5 руб. съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ иные города.

Допускается разсрочка подписной платы въ слѣдующіе сроки: въ январѣ 5 р., съ касс. рѣш. 8 р., и въ іюнѣ остальная до подписной цѣны сумма. **Гг. дѣйствительные члены Спб. юридическаго общества** *пользуются правомъ подписки на журналъ за половинную цѣну, т. е. 4 р. 50 к., а съ касс. рѣш. 9 р. 50 к. То же право предоставляется студентамъ университетовъ и кандидатамъ на судебныя должности, удостовѣрившимъ свое званіе.*

Гг. иногородніе благоволятъ обращаться съ своими требованіями исключительно въ редакцію „Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права“, С.-Петербургъ, уголъ Мойки и Фонарнаго, д. 1, кв. 38.

Подписка принимается: въ Москвѣ: у *Анисимова*, на Никольской улицѣ.

Оставшіеся (въ количествѣ четырехъ комплектовъ) экземпляры журнала продаются: За 1879, 1881, 1883, 1884, 1886, 1887 и 1888 г.г. по 9 р., за каждый годъ, съ пересылкою и по 7 р. безъ пересылки. Отдѣльныя книги журнала по 2 р. съ пересылкою.

Редакторъ **В. Володиміровъ.**
(По отдѣлу гражд. права) **А. Х. Гольмстенъ.**

Содержаніе пятой и шестой книги:

I. Узаконенія и распоряженія правительства.—II. Личный составъ. — III. О 27 ст. устава уг. суд. *А. Фонъ-Резона.*—IV. Договоръ коммиссіи и несостоятельность участвующихъ въ немъ лицъ. *В. Садовскаго* —V. Судопроизводство по гражданскимъ дѣламъ, подвѣдомственнымъ уѣзднымъ членамъ окружнаго суда, земскимъ участковымъ начальникамъ и городскимъ судьямъ. *А. Гольмстена.*—VI. За мѣсяцъ (юридическая хроника). – **Замѣтки.** VII. О пререканіяхъ судебныхъ слѣдователей съ прокурорскимъ надзоромъ, по циркулярному указу общаго собранія кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената отъ 30 ноября 1889 года. *А. Соколова.*—VIII. Замѣтка въ дополненіе къ статьѣ г. М. В—ича «Наши тюремные порядки». *А. С—ва.* — IX. Объявленія. — **Приложенія.** X. Обзоръ вопросовъ уголовнаго права и судопроизводства, разрѣшенныхъ присутствіемъ уголовнаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената за 1888 годъ.

I. Узаконенія и распоряженія правительства.— II. Личный составъ. — III. Проектъ конкурскаго Устава 1888 г. *К. Змирлова.*— IV. Вопросы текущей слѣдственной практики. *И. Щегловитова.* — V. Принципы западноевропейскаго договорнаго права въ обычаяхъ нашихъ крестьянъ. *К. Анненкова.*— VI. *За мѣсяцъ* (юридическая хроника). Z. **Замѣтки.**—VII. Бѣглыя замѣтки по поводу послѣднихъ новеллъ. *Г. Джаншіева.*— VIII. Сохраненіе врачемъ профессіональной тайны. *Д-ра Ю. Малиса.* — IX. Диспутъ В. Д. Кузьмина-Короваева въ военно-юридической академіи. В. Я.—X. Дѣло Новицкой съ главнымъ обществомъ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ.—XI. Объявленія.— **Приложенія.**—XII. Проектъ наказа судебнымъ слѣдователямъ, составилъ членъ Виленскаго окружнаго суда *А. А. Соколовъ.*

000184211
ЮФ СПБГУ